

Аномалия Шарли

ША ФОРД

Человечество не всегда было обречено. Было время, когда люди были не так и плохи.

Двести лет назад каждый человек на земле был соединен АВА: продвинутой системой искусственного интеллекта, созданной для нового начала мира. АВА очистила человечество и отстроила его на идеалах прогресса и мира. Прошлое стерто, будущее отфильтровано, и люди сильно развивались. Они процветали в мире, созданном АВА.

А потом ударил вирус.

После веков апокалипсиса человечество вернулось к жестоким корням. Несколько оставшихся поселений воюют друг с другом за те мелочи, что дает Ничто, и они пойдут на все, чтобы выжить. Шарлиз Смит еще этого не знает, но ее город может быть последним цивилизованным местом на земле. Шарли родилась с дефектом, пережила много опасных экспериментов, и она мечтает о дне, когда сможет действовать сама. Но когда трагедия приводит к ее срыву, ее арестовывают и отправляют в грузовике в Ничто, где она, наверное, умрет.

Перевод: Kuromiya Ren

ГЛАВА 1

Май 2412

— Что с ней такое?

Предложение звучало эхом на фоне моих ранних воспоминаний. Этот вопрос с нажимом на последнем слове был идеальной основой моего детства:

«Что с ней такое?».

Я все это помнила. Я пряталась в нашей гостиной, свернувшись калачиком в гостевом кресле, потому что мне неудобно было сидеть на семейном диване. Мне вообще было нехорошо, если честно: слизь текла из носа и все тело болело. В горле горел огонь, а в голове были ножи. Все плыло, крутилось в комнате. Ничто не оставалось неподвижным дольше нескольких секунд.

Мои родители боялись подходить ко мне. Они сжались в дальнем конце комнаты, перешептываясь. Я видела, как палец моего отца сильно давил на зеленую кнопку вызова на семейном интеркоме. Они звонили в больницу — им сказали подождать минутку.

Но моя мама никогда не умела ждать.

— Прощу прощения? Прощу прощения? — она постукивала скульптурным ногтем по динамику связи. Я знала, что она была расстроена, потому что никогда не делала ничего, что могло бы повредить ее ярко-красный лак. — Не могли бы вы сказать нам, что происходит?

— Они нам скоро ответят, милая, — мягко напомнил ей папа.

Он был спокойным, сильным — тот, кто научил меня бросать мяч, заботится обо мне, хотя я не такая крепкая, как другие дети. Он говорил, что сейчас я немного отставала, но однажды я их всех обгоню. Он говорил, что дети, которым приходится работать немного усерднее, всегда выигрывают больше всего. И я ему верила.

Он никогда не давал мне повода ему не верить.

— Я не могу в это поверить, — шипела моя мать себе под нос. — Разве они не знают, кто мы?

Она возмущалась — не ради меня, а просто ради того, чтобы возмутиться. Это был ее

любимый голос. У моей матери было много голосов; она носит много шляп. Ее работа — звучать убедительно, и почти все ей верили.

Я просто хотела ей верить.

— Нет, я не успокоюсь! — завизжала она, когда мой отец снова заговорил тихо. — Моя малышка страдает, и эта ужасная женщина держит нас на паузе! Взгляни на нее, на мою бедную маленькую Шарлиз...

Я слышала беспокойство, но не видела его. Ее лицо было гладким, как стекло — красивое, неотражающее стекло. Блеск свежеевымытого окна.

Я видела прямо сквозь нее.

— Сэр? — из динамика раздался женский голос.

— Вовремя! — сказала моя мать.

Отец опустил руку ей на плечо. Ему было разрешено прикасаться к ней: они женаты и жили в уединении собственного дома. Но трогать на публике было неприлично, да и при мне они редко касались друг друга.

Что-то было не так.

— Да, мэм, мы все еще здесь. Что мы можем сделать? — сказал он.

— Ну, по нашим оценкам, ваша дочь нуждается в немедленной помощи. Я посылаю фургон к вам...

— Двадцать семь, Тришейд Драйв, Рубин, — быстро сказал папа.

На другом конце возникла пауза. И женщина ответила:

— Да, сэр, мы знаем. Фургон будет через пять минут. Пожалуйста, убедитесь, что ваша дорога свободна.

Фургон? Из больницы? Я не знала, что это значило, но начинала волноваться. Комок размером с кулак набухал в моем горле. Когда я попыталась сглотнуть, обожгло так сильно, что из глаз потекло — и как только это началось, я не могла это остановить.

Это было страшно и странно. У меня никогда раньше ничего не выходило из глаз. Они текли целых пять минут, пока больничный фургон добирался до нашего дома. Я задыхалась, дрожала — мое тело, казалось, хотело вытолкнуть как можно больше влаги. Мое горло болезненно расширилось от звука, которого я никогда раньше не издавала. Шум, сопровождающий влажность, шум, сопровождающий каждую новую волну боли.

Мне было всего шесть лет, и я жила очень защищенной жизнью. Я пока не знала, что значило выть. Я не знала, что значило плакать. У меня не было слов, чтобы описать чувство сгорания заживо изнутри.

Но в течение следующих двенадцати лет я научусь.

— Пожалуйста, очистите территорию.

В гостиную ворвалась небольшая армия медработников. На них были толстые резиновые костюмы, закрывающие все тела, с капюшонами и прозрачными лицевыми щитками. На белых костюмах были выбиты красные кресты: маленькие кресты на каждой руке и большой — на груди. Их голоса проникали через круглые скрипучие динамики посередине щитков; их резиновые тела скрипели при ходьбе.

Из-за костюмов и шума я боялась, что это могли быть монстры.

— Сэр? Мэм? Нам нужно, чтобы вы очистили территорию, — снова сказал медработник.

Мои родители задавали вопросы. Я слышала их голоса, но не могла сосредоточиться на словах: один из этих скрипучих резиновых монстров направлялся прямо ко мне.

И я окаменела.

— Мисс Шарлиз?

Его костюм громко скрипел, когда он сел на корточки перед моим стулом. Динамик закрывал нижнюю часть его лица, но сквозь щиток я видела его глаза: ярко-голубые, как у моего папы. Его брови были светлыми, а не темными, но его глаза были достаточно близко, чтобы меня успокоить.

— Как вы себя чувствуете, мисс Шарлиз?

— Плохо, — выдавила я. Так больно было выдавливать единственное слово. Мои глаза снова наполнились слезами.

Если медбрата и беспокоили мои опухшие щеки и насморк, он этого не показывал. У него было гладкое и ничего не выражающее лицо, как у моей матери — и как у остальных жителей Далласа. Их лица редко делали что-либо, кроме как оставались спокойными и красивыми. Иногда их губы могли приподниматься или, в моменты крайнего разочарования, опускаться в уголках.

Я бы, наверное, не заметила, как выглядели их лица, если бы мое было таким же, как у всех. Но это было не так.

Мое лицо иногда искажалось. Оно искривлялось, когда я злилась, была счастлива или расстроена. Я не могла ничего поделать. В первый раз это случилось в первый день в школе. Наш учитель попросил нас нарисовать картинку, а рисование мне больше всего нравилось. Когда экран моего стола погас, и я увидела палитру цветов, из которых мне нужно было выбирать, мои губы изогнулись и широко раскрылись.

Я показала зубы перед всем классом. Я должна была показывать зубы только тогда, когда чистила их — в ванной за закрытой дверью. Это была одна из тех частей меня, которую никто не хотел видеть.

Другие дети шептались об этом до конца дня; мой учитель отправил меня домой с запиской. Моя мать накричала на меня. Губы моего отца опустились.

Я не могла контролировать то, как выглядит мое лицо.

Так что с тех пор я скрывала это.

Мои волосы были длинными и непослушными. Когда я наклонила голову, они скрыли мое лицо, как занавеска. Я видела весь мир так. Но мир меня не видел.

— Можете посмотреть на меня, пожалуйста?

Я сделала, как сказал медбрат. Он залез в один из резиновых карманов и вытащил маленький квадратный предмет на ладони.

— Вы знаете, что это?

— Куб, — прохныкала я.

— Отлично. Можете положить большой палец на маленькую кнопку сверху? Тут... хорошо. Нажмите на нее.

Я держала большой палец на месте несколько секунд, пока куб загорался. Обычно я была бы рада увидеть его: только полиции, больнице и мэрии было разрешено носить с собой кубы. Они знали все обо всех в Далласе и могли заставить маленькие парящие объекты появляться в воздухе.

Ряд огней поднялся от вершины куба и собрался в изображение моего личного файла.

— Подождите секунду, мисс Шарлиз. Я просмотрю это.

Мой файл представлял собой простую синюю папку, обратную сторону которой украшал один из моих школьных рисунков. Каждый год я выбирала новый. Первым был

рисунок солнца. На этот раз это был улыбающийся фиолетовый кот, и то, как его хвостик обвивал пухлые лапки, меня радовало.

Другая сторона папки была заполнена моей личной информацией. Больница должна знать обо мне все, чтобы они могли помочь, когда я ранена; полиция должна знать, чтобы найти меня, когда мне понадобится помощь.

Не знаю, зачем мэрии так много обо мне знать, но на то явно была причина.

Медбрат медленно пролистывал каждую страницу моего дела. Его глаза едва пробежали по словам.

— Дайте мне секунду...

За ним другие медики были заняты. Они успешно загнали моих родителей в коридор и теперь расчищали место в гостиной. Они придвинули семейный диван к стене и выдернули шнур из телевизора.

Я не знала, что делать, поэтому снова опустила голову. Горячая, липкая дрянь текла из моего носа. У меня не было другого выбора, кроме как прижать переднюю часть пижамной рубашки к ноздрям и крепко зажать нос.

— Привет, маленькая леди.

Ко мне подкрался медбрат. Его голос громко раздался в динамике, заставляя меня вздрогнуть. Мне не нравился новый медбрат. Его глаза были бледно-зелеными, как у моей матери.

Я почему-то позвала отца. Сначала спокойно, но когда медбрат не ушел, я позвала громче. Гораздо громче.

— Вы сможете увидеть его через секунду. Прямо сейчас мы должны улучшить ваше состояние, — медбрат держал пузырек, доверху наполненный какой-то прозрачной жидкостью. — Разве вы не хотите выздороветь?

Я хотела выздороветь. Но мои глаза устремились к короткой игле, торчащей из горлышка флакона, и я решила, что она не приблизится ко мне.

— Сюда нужна женщина, чтобы сдержать, пожалуйста, — сказал медбрат с пузырьком.

Я попыталась бежать. Я попыталась вскочить и перелететь через подлокотник кресла — как я делала, когда слышала, как открывается входная дверь в половине пятого. Когда я мчалась через гостиную и прыгала так высоко, как только могла, в ждущие руки отца. Он всегда ловил меня.

Он всегда меня ловил.

Но сегодня мое тело было слишком слабым. Я знала, что делать, но не могла себя заставить. Мне едва удалось встать, прежде чем мои ноги подкосились подо мной, и я сжалась. Мое тело сползло со стула и кучей упало на пол.

Ковер был толстым и ярко-красным — такой ковер был в каждом доме в Рубине. Я проводила вечера, растянувшись здесь, смотря телевизор с родителями. Это было одно из моих самых счастливых мест. Но сегодня ковер пах затхлостью. У меня чесалось лицо; волокна прилипли к моему протекающему носу.

Медсестра наклонилась надо мной. Она перевернула меня на спину и прижала мои руки к бокам.

— Пациент сдержан.

— Услышал.

Медбрат с флаконом подошел. Он снова показал его мне, медленно повернул так, чтобы утренний свет сверкнул на его поверхности. Его палец щелкнул по стеклу три раза.

Цок-цок-цок.

— Это называется перезагрузка, мисс Шарлиз. Вы почувствуете небольшой укол, а затем заснете. К тому времени, когда вы проснетесь, вам станет лучше.

Он поднес флакон к моей шее, и я снова запаниковала.

— Папа! — крик разрывал мое ноющее горло. — Папа!

— Все будет хорошо, милая! — отец выглянул из коридора. Он возвышался над медсестрой, которая пыталась его удержать. Он мог бы добраться до меня, если бы ему было нужно. Я видела, как он двигался — он был быстрее всех в Далласе. — Просто закрой глаза хорошо? Просто закрой их покрепче, и мы увидимся, когда ты проснешься.

Его голос меня успокаивал.

Он всегда меня успокаивал.

Я сделала, как он сказал. Медбрат вонзил иглу мне в шею, и был не просто укус. Я закричала от огня, который вспыхнул в моих венах, от жгучих волн, которые побежали по моей крови.

А затем комната исчезла за тяжелой тьмой.

* * *

— ... любое изменение ...?

— ... быть в порядке?

Голоса моих родителей доносились до моих ушей. Сначала говорила мама, потом папа. Я цеплялась за знакомое и использовала это, чтобы вытащить себя из темноты.

Я лежала на спине посреди узкой кровати. Простыни тяжело давили мне на грудь; воздух на моей коже казался свежим и чистым. Мои глаза едва приоткрылись, как верхний свет ослепил их. Слишком ярко. Он висел слишком близко. Я крепко зажмурилась, морщась от боли в конечностях.

Я не была дома. Я понятия не имела, где я была. Ничто в этом месте не пахло знакомо. Мое сердце начало сильно стучать. В голове было легко, но я боялась просить о помощи. Было так больно говорить в прошлый раз. Так что я замерла на несколько мгновений и прислушалась к взлетам и падениям обрывочного разговора:

— ... долго это займет? — голос моей матери. Нетерпение пронзало его, как артерия, сильно пульсирующая с каждым слогом.

— ... что мы можем сделать? Что-нибудь? — голос моего отца стал выше от беспокойства.

— ...на самом деле не о чем беспокоиться... иногда такое случается.

Третий голос. Голос, который я не узнала, пытался успокоить моих родителей. Это был мужской голос: спокойный тенор с легкой дружелюбной ноткой. Я никогда раньше не слышала голоса, который звучал так. Его акцент интриговал. Это привлекло меня, и я начала улавливать больше того, что они говорили.

— ...да, и я это понимаю. Вы имеете полное право расстраиваться. Я расстроен, а она даже не мой ребенок! — сказал мужчина. — Вот почему меня послали сюда, чтобы лично увидеть вас: сказать, что мы в мэрии хотим принести наши глубочайшие извинения.

Мэрия? Я не знала, что думать. Все, что я знала о мэрии, это то, что они почти никогда не покидали Сапфир, а когда они это делали, они разъезжали в блестящих черных машинах с такими темными окнами, что я ничего не видела сквозь них.

Интересно, этот человек приехал на машине? Интересно, его куб выглядел не так, как в больнице? Интересно, действительно ли он был так хорош, как звучал?

Единственное, чему я не удивилась, хотя это должно было меня удивить, так это то, почему человек из мэрии проделал весь путь до Рубина, чтобы увидеть меня.

Они говорили обо мне, и я думала, что все они были немного обеспокоены. Я напряглась, чтобы прислушаться, когда в коридоре что-то громко стукнуло — что-то тяжелое и на колесиках. Оно заглушило все, кроме самого низкого гула их слов. Когда грохот, наконец, стих настолько, что я снова слышала, разговор закончился.

— Я чувствую ответственность, — наконец, сказал папа.

Мама возмутилась:

— Почему? Мы сделали все, что могли. Мы следовали протоколу до буквы. Не наша вина, что Шарлиз...

— Неидеальна, — мягко закончил мужчина из мэрии, когда она не смогла. — Шарлиз просто немного несовершенна, вот и все. И я прошу прощения за это, мэм. Смиренно и искренне. Но вы должны понимать, что вся эта ситуация... беспрецедентна.

В Далласе был протокол на все: от того, что делать в чрезвычайной ситуации, до носков, которые нужно надеть во вторник. Мы только начинали узнавать о мелочах в школе — например, быть внутри до наступления темноты и ждать автобуса в очереди. Но к тому времени, когда я стану взрослой, я буду знать все. Важно, чтобы я все знала.

Мир за пределами Далласа был опасен. Мой учитель говорил, что мы называли это Ничто, потому что ничего не осталось. Ни еды, ни воды, ни людей. Наш город был последним на земле. И мы должны быть осторожны с припасами, которые у нас есть. Наш протокол говорил нам, как это делать. Так мы оставались в живых.

Так что самое худшее, что могло с нами случиться, — это беспрецедентность.

Если что-то было беспрецедентно, значит, для этого не было протокола. Не было истории, из которой можно было бы черпать информацию, не было четкого пути к действию. Кто-то из мэрии должен был проанализировать ситуацию и написать новый протокол, на это нужно было время. А время в Далласе было так же ценно, как вода.

Я начинала беспокоиться, что у меня могли быть проблемы — что я могла доставить неприятности своим родителям. Я не могла изменить то, что мое тело сделало со мной. Я не могла остановить шум или течение из носа, остановить огонь в моем горле. Это было отвратительно, и я была уверена, что это нарушало гигиенический протокол Далласа.

Но я ничего не могла с собой поделать.

— Вы знаете, что с ней не так? — сказал мой папа.

— Ах, я стесняюсь использовать это слово. Мы в мэрии предпочитаем слово *другой*. Итак, чем отличается Шарлиз? — он сделал паузу на мгновение. — Хм, как бы это сказать...? Вы когда-нибудь роняли тарелку?

Мужчина явно не знал, с кем говорил: мой папа никогда ничего не ронял.

— Нет, но я видел, как это происходит, по телевизору.

— Хорошо, вы знакомы с концепцией. Итак, допустим, что вы с благоверной убираете после ужина, и один из вас уронил тарелку. У нее теперь небольшой скол на ободке, но она все еще отлично работает как тарелка, не так ли?

— Ну, не при гостях, — фыркает мама.

— Конечно, нет. Это было бы невежливо. Но вы можете положить на нее еду, когда вокруг никого нет, и она будет работать.

— Нет, мне придется ее починить. Я не хочу, чтобы у меня дома была треснутая посуда...

— Но вы могли бы, — резко сказал мужчина. — Это я пытаюсь донести: вы могли бы. У нее есть скол на ободке, но вы все равно можете ее использовать.

Взрослым было не свойственно перебивать друг друга, а еще более непривычно было повышать голос. Я не могла понять, удивлены мои родители поведением мужчины или нет. Может, было нормально, что люди из мэрии так говорили.

— Вся эта ситуация с Шарлиз — это как скол на тарелке, — продолжил мужчина. — На самом деле с ней все в порядке. У нее два глаза, четыре конечности — все пальцы рук и ног. У нее средние показатели в школе, и я не вижу причин, чтобы это изменилось. Если бы она родилась с чем-то меньшим, чем то, что вы заказали, больница никогда бы не доставила ее. Шарлиз просто другая.

Когда мой папа заговорил, его голос прозвучал как гравий:

— Похоже, вы говорите, что она сломана.

— Нет. Нет, сэр, она не сломана. Где-то в ней скол, насколько мы можем судить, — сказал мужчина, и его слова звучали так, будто он процедил их сквозь зубы. — В ней что-то не работает. Вот почему я здесь. Я окажу ей необходимую помощь. Я провожу небольшую программу в Граните, месте, где такие дети, как Шарлиз, могут устроиться на работу и получить образование — это прямо как школы здесь, в городе.

— Только это в *Граните*, — усмехнулась мама. — Я не думала, что кто-то на самом деле жил в Граните. Там грязь и дым, а еще эти мерзкие ржавые постройки.

— Разве мы не можем просто оставить ее здесь? — тихо сказал папа. — Я постоянно езжу на игры. Не составит труда зайти и забрать школьную работу Шарлиз.

— А... ну, дело не столько в том, что она пропустит школу. Есть некоторые, ну, назовем их побочными эффектами, когда ребенок рождается несовершенным, — осторожно сказал мужчина. — Сейчас это не проблема. Но как только они достигают определенного возраста, у таких детей, как Шарлиз, начинают проявляться некоторые физические симптомы, из-за которых ей будет трудно жить в Большом Далласе.

— Симптомы? Как что? — фыркнула моя мать.

— Пятна на лице, выделение кожного сала... ненормальный рост волос.

— О, как отвратительно... — ее слова оборвались пронзительным всхлипом. — Я должна была знать! Я должна была понять — она не похожа на нас! Все эти отметины на ее коже, и глаза такого ужасного, скучного цвета!

— Карие? — сказал мужчина.

Моя мать разразилась воплем, который мог разбить стекло:

— Но... мы заказали зеленый!

— Во внешности Шарлиз нет ничего необычного, — пытался ее успокоить человек из мэрии. — Родители могут вносить предложения о том, как они хотят, чтобы их дети выглядели, но иногда это просто не принимается...

— У остальных принялось! — хрипло сказала моя мать. — Ни у кого из моих друзей нет детей, которые выглядят так... невзрачно!

Она заскулила, и затем я услышала безошибочное цоканье ее каблучков, когда она поспешила прочь.

Я понятия не имела, что иметь карие глаза было ненормально. Я понятия не имела, что выглядела некрасиво.

Мой папа ждал, пока моя мать уйдет, прежде чем сказать что-нибудь еще.

— Итак, вы хотите отвезти Шарлиз в Гранит?

— Чтобы помочь ей расти и развиваться по-своему, да.

— Ага, — я услышала звук стула, который отодвинули. — А что у вас за работа, еще раз?

— Я начальник отдела планирования.

— Никогда не слышал об этом.

— Ну, мы предпочитаем держаться особняком, — холодно ответил мужчина. — Много из того, что мы делаем, требует работы в лаборатории, поэтому у нас редко есть возможность объехать Большой Даллас, но я должен сказать, что мне очень нравится эта поездка. Рубин такой миленький городок.

— В прошлом году мы вышли в плей-офф, — сказал папа.

— Конечно. Я видел эту игру — у вас хорошая рука, сэр, — добавил мужчина, посмеиваясь. Затем его голос стал серьезным. — Я знаю, что это необычно — идея отправить единственного ребенка жить в Гранит. Но, если я могу быть откровенен с вами: это лучший шанс, который у нее есть. Альтернатива для кого-то вроде Шарлиз... ну, это неприятно.

Мгновение было тихо — и впервые я беспокоилась, что мой отец действительно может это сделать. Он мог даже отправить меня жить в Гранит.

Я попыталась открыть рот, но... не смогла. Не помнила, как. Мои руки тоже не двигались. Я попыталась сосредоточиться, заставить себя скатиться с постели и выбежать в коридор. Я закрыла глаза и представила это настолько ясно, насколько могла.

Ничего.

Я услышала звук открывающегося куба мужчины и свист, он составлял какой-то документ. Но я ничего не могла сделать, чтобы остановить это.

— Если вы просто распишитесь тут, пожалуйста, мы со всем этим покончим.

Слезы катились по моим щекам, я услышала еще один свист. Папа подписал, и теперь человек из мэрии собирался меня забрать.

— Часы посещения — каждый первый четверг месяца. Вы можете приходить чаще, если хотите, просто позвоните заранее. И тут...

Раздался шорох бумаги, а затем тихое бормотание моего читающего отца.

— Для чего это?

— Это возмещение, — тихо сказал мужчина. — Я знаю, что уже слишком поздно пытаться снова, но мы надеемся, что это поможет вам немного утешиться.

Папа хмыкнул в ответ.

— Можете попрощаться, если хотите. Я верю, что маленькая мисс Шарлиз не спит.

Я не знала, как человек из мэрии узнал, что я не сплю. Но я была так благодарна за то, что мой отец вошел в дверь, что забыла обо всем остальном.

Он улыбнулся мне, наклоняясь над моей кроватью. Его голубые глаза смотрели на меня, затем он погладил меня по волосам.

— Это пойдет тебе на пользу, Шарлиз. У тебя все будет хорошо. Мы с твоей мамой будем приходить в гости при каждом удобном случае. А тем временем мистер Блэкстоун очень хорошо о тебе позаботится. У тебя все будет хорошо.

Его слова успокоили меня. Если папа верил, что я могла что-то сделать, то я знала, что могла это сделать — как в тот раз, когда он научил меня карабкаться по канату. Было страшно подняться на такую высоту в одиночестве. Это заставило мои руки и ноги чувствовать себя шаткими. Единственное, что держало меня в равновесии, это знание того,

что мой отец был прямо внизу, ожидал, чтобы поймать меня, если я упаду.

Мысль о том, чтобы покинуть дом, пугала меня так же, как карабканье по той веревке. Но я полностью доверяла отцу.

Он никогда не давал мне повода не доверять ему.

Еще одна улыбка, быстрое похлопывание по голове, и папа ушел. Он нырнул в дверной проем и пожал руку мужчине, стоящему с другой стороны. Мое сердце билось так быстро, что я не слышала, что они говорят, из-за шума. Прежде чем я успела прийти в себя, ко мне в комнату зашел человек из мэрии.

— Что ж, здравствуйте, маленькая мисс Шарлиз, — сказал он с улыбкой.

Мне не понравилась его улыбка.

Я не знала, почему, но она не успокоила меня.

Его лицо было слишком бледным, а губы — слишком красными. Волна его темных волос напоминала мне рога. В его глазах тоже не было ничего хорошего. Они были золотистыми, того же цвета, что и обручальное кольцо моего отца. Но его глаза не сияли так, как должны сиять золотые вещи. Пока они смотрели на меня, мне стало холодно.

— Меня зовут Говард Блэкстоун, я из мэрии, — он постучал по узору на своем галстуке, и я узнала символ власти в виде красной звезды и пушки. — Я знаю, что я взрослый, а ты ребенок, но ты можешь звать меня Говард, если хочешь. В Граните мы не относимся к протоколу так серьезно. Думаю, тебе там понравится.

Говард отвернулся. Он опустил свою широкополую шляпу на стол, заставленный медицинскими инструментами. Затем он выскользнул из своей черной куртки и повесил ее на крючок, торчащий из стены. И закрыл дверь.

— Шарлиз, Шарлиз — счастливое число семь. И тут я уже почти потерял надежду. Но ты похожа, да?

Он барабанил пальцами по дверному косяку, улыбаясь — из-за чего, я не знала. Говард говорил так, будто я должна была понимать все, что он говорил. Но я чувствовала, будто меня бросили в самое сердце чего-то действительно странного.

Наконец, глаза Говарда вернулись ко мне.

— Я думаю, что ты особенная. Знаешь, почему я так думаю?

Я не знала.

Я не была уверена, что хотела знать.

Но я не могла сказать так.

— У тебя учащается сердцебиение, — сказал Говард, кивая на что-то позади меня. — Ты испугалась? Не стоит. Ты особенная.

Он склонился над моей кроватью — так сильно, что я видела только его глаза. Они были так же страшны вблизи, как и с другой стороны комнаты. После неудобного момента он отстранился и вернулся к столу со всеми инструментами.

— Я думаю, что ты особенная, потому что из тысяч Перезагрузок, которые больница раздавала за эти годы, ты единственная, у кого была аллергическая реакция. Единственная. Из тысяч. И это чуть не убило тебя.

Он стоял ко мне спиной, но я слышала, как он открывал и закрывал ящики стола. Искал что-то. Когда он нашел это, то радостно хмыкнул. Он закатал рукава своей накрахмаленной белой рубашки, напевая под нос, пока расстегивал пуговицы.

— Один из тысячи — и я его пропустил, — Говард звучал почти сердито. — Конечно, я читал больничные отчеты. Но это совсем не то же самое, как увидеть это своими глазами,

понимаешь, о чем я?

Он рылся в ящиках, шуршал. Я была уверена, что мой сердечный ритм уже достиг предела и вылетел за рамки. Я была уверена, что должно произойти что-то плохое. Но мой разум был молод и мал, слишком мал, чтобы строить догадки.

А потом я услышала:

Цок-цок-цок.

Говард снова склонился над моей кроватью. Я увидела флакон в его руке, и холод в его глазах внезапно обрел смысл. Я была права, опасаясь.

— Ты не возражаешь, если мы снова попробуем перезагрузку? — его красные губы раскрылись в улыбке, обнажая два ряда идеально белых зубов. — Мне бы очень хотелось увидеть это своими глазами.

ГЛАВА 2

— ГАХ!

Мое тело содрогнулось, когда я сделала первый глоток воздуха за долгое время. Я так старалась вдохнуть, что моя спина выгнулась над столом. Спина рухнула с такой силой, что стеклянный купол надо мной содрогнулся.

Я была в аварийном доке: это труба размером с тело, оснащенная всеми датчиками, инструментами и уколами, необходимыми для поддержания жизни человека. В Граните не было больницы, потому что здесь не о ком беспокоиться. Поэтому, когда один из нас умирал, лаборанты бросали нас в док и надеялись, что мы выйдем оттуда живыми.

Это было в третий раз на этой неделе.

— С возвращением, Шарлиз, — раздался знакомый голос в колонке.

Я обернулась и увидела, как Говард смотрел на меня через стекло. Прошло двенадцать лет, а он ничуть не изменился.

Но я изменилась.

Я его больше не боялась.

— Убивайте меня, сколько хотите — ответ по-прежнему нет, — сказала я.

Мой голос хрипел в горле, а легкие ощущались как пара губок, пропитанных грязью. Как это случилось, на этот раз? Словно в ответ, мои руки и ноги начали дергаться. Мои пальцы

были широко растопырены, и мои руки двигались маленькими полукругами на запястьях. Они продолжали это движение, пока не пришел ответ.

Это был Бак. Говард бросил меня в Бак, закрыл крышку и оставил меня грести, пока я не утонула. Были определенно способы хуже. Я бы предпочла прожить неделю, не умирая. Но Бак был не так уж и плох.

Говард, должно быть, впал в отчаяние.

— Имя и дата, пожалуйста, — когда я не ответила, он поднял брови. — Ну, я полагаю, если субъект не в сознании, мне придется нанести удар током...

— Шарлиз Смит. Где-то в мае — не знаю, какой именно день, потому что не знаю, как долго я отсутствовала, — и год 2412. Субъект в сознании, — прорычала я.

Говард улыбнулся, сделал пометку в своем кубе. Затем он наклонился и с громким стуком ударил локтем по куполу.

— Почему ты так усложняешь себе задачу, а? Назло? Потому что ты не делаешь мне больно. Ты просто делаешь себе больно.

Это не правда. Говард — глава отдела планирования. Весь этот район и все, кто в нем, находились под его ответственностью. Это была его идея заменить машины дешевой одноразовой рабочей силой. Он был тем, кто пообещал, что рабочие будут цивилизованными и готовыми к ассимиляции, когда достигнут совершеннолетия, потому что Далласу очень не нравилось слово раб.

И если он не представит доказательства своего обещания до сентября, на кону будет его задница.

Пока что я была единственным доказательством, которое у него было.

— Я уже говорила: я не уеду отсюда без Ральфа. Он заслуживает шанса так же, как и я.

Говард усмехнулся.

— Мальчик-синяк? Он бы не пережил путешествие по ворсистому ковру, не говоря уже о переезде в Опал.

В Граните было всего два человека, и Говард, похоже, до сих пор не мог запомнить имя Ральфа. Вместо этого он называл его Синяком, что было отсылкой к родимому пятну на его лице. Большинство людей дергались, когда видели его, но мне это нравилось: я думала, что красный цвет подчеркивал его глаза цвета морской пены.

Однако Ральфу это совсем не нравилось — и он ненавидел, когда Говард называл его Синяком.

Я пыталась объяснить ему, что Говард просто осёл и что он делал почти всё, чтобы задеть нас. Он называл меня Грязнолицей первые три месяца моей жизни в Граните, потому что из-за моей бледной кожи и темных веснушек казалось, что я была забрызгана грязью.

Это все еще было написано в моем личном деле: *Шарлиз Смит. Каштановые волосы. Карие глаза. Пять футов четыре дюйма. Лицо выглядит так, будто она держала его рядом с крутящейся шиной.*

Но я не позволяла этому задеть меня, поэтому Говард, в конце концов, перестал обзывать меня. Потом он нашел около сотни других способов доставать меня до смерти — например, пытаться заставить меня подписать выпускные документы без Ральфа.

— Слушайте, я хочу уйти. Я уйду прямо сейчас, — сказала я настолько ясно, насколько мне позволяло больное горло. — Я возьму офисную работу в Опале, заткнусь и буду делать работу. Но я никуда не пойду, пока Ральф не пойдет со мной.

Говард не ответил. Он все еще посмеивался над шуткой про ворсистый ковер:

— Я о том, что все, что нужно, — один хороший удар током, верно? Я должен купить ему пушистые тапочки и просто посмотреть, как далеко он продвинется по коридору, прежде чем...

— Говард.

— Да, я слышал тебя, — он еще немного посмеялся, затем вытер воображаемую слезу веселья с уголка глаза.

Вряд ли он смог бы заставить себя плакать, даже если бы от этого зависела его жизнь. У Говарда не было настоящих эмоций. Он ничего не чувствовал, потому что он то, что я называла Нормалами: девяносто девять процентов людей в Далласе, с которыми все в порядке.

Нормалы были не такими, как я. У них крепкие кости, идеальные черты лица и непробиваемая иммунная система. И они невероятно сильные: я однажды видела, как двое подняли из грязи полноразмерный мусоровоз так, будто передвинули диван. Они не потели. Их тела могли регулировать внутреннюю температуру, чтобы держать их в тепле или прохладе.

Видимо, потому, что у Нормалов все было так просто, они никогда не делали ничего, кроме улыбки или хмурого взгляда.

Нет, Говард не мог испытывать эмоции — но почему-то любил делать вид, что мог.

— Мне очень жаль это слышать, Шарлиз. Правда, — сказал он, и его лицо исказилось в подделке сожаления. — Но сейчас у меня есть финансирование только для одного выпускника. Если ты этого не сделаешь, то это будет Синяк.

Я рассмеялась.

— Да, удачи с этим. Ральф и я заключили сделку, ясно? Или мы оба, или никто из нас.

Это было не совсем так, конечно. Ральф понятия не имел, что Говард почти двадцать раз просил меня закончить учебу, потому что, если бы он знал, он бы пилил меня, пока я не ушла бы. Ральф вбил себе в голову, что мы должны закончить учебу. Он считал, что для нас важно было переехать в Большой Даллас и попытаться вести себя как Нормалы.

Меня не волновало окончание учебы или попытки вести себя нормально: я просто хотела жить где-нибудь, где воздух не воняет. Я хотела иметь задний двор, полный роз и ковер из красивой зеленой травы. Я хотела лежать там и смотреть, как плывут облака. Я хотела повернуться лицом к ветру и наполнить легкие прохладным воздухом.

И я хотела делать все это с Ральфом.

Говард улыбнулся мне. Его улыбка была длиной в ярд — улыбка, растянутая достаточно широко, чтобы скрыть за ней все что угодно. Я не всегда могла сказать, что он скрывал, но всегда можно было с уверенностью сказать, что ничего хорошего.

— С важными органами все в порядке, — Говард нажал на экран над доком. — Похоже, ты полностью оправилась от своего маленького приступа.

Я ничего не сказала. Последнее, что я хотела сделать, это рассказать об одном из моих приступов. Одна мысль об этом заставляет мой пульсометр сходить с ума.

Сначала не было видно, что со мной что-то не так. Но я была далека от нормальной. Отдел планирования предпочитал, чтобы я использовала такие слова, как «несовершенная» и «иная», чтобы описать, кто я. Но казалось неискренним говорить, что я не Дефект.

Если девяносто девять процентов населения — это одно, то остальные из нас были неполноценными, верно? Я была именно такой: Дефектом.

Я не была привлекательной, сильной и особенно хорошо сложенной. Я потела круглый

год, и на большинстве моих комбинезонов были пятна, доказывающие это. Как будто этого было недостаточно, аномальный рост волос, о котором Говард предупреждал моих родителей, начался точно по графику.

У Нормалов волосы были ровно в двух местах: на макушке и в идеальных дугах вдоль бровей. У меня были волосы в самых разных местах — каждое было более неловким и смущающим, чем предыдущее. Пятна под мышками стали такими темными и густыми, что в прошлом году Говард забрал мое зимнее пальто. Сказал, что у меня было достаточно шерсти, чтобы согреться.

Осел.

Да, я была уродливой и волосатой — и воняла так сильно, что иногда просыпалась. Но больше всего в Дефектах я ненавидела заболеть.

Я довольно часто болела. Говард называл это моими приступами, и я верила, что он наслаждался тем фактом, что я не могла использовать перезагрузку, чтобы пройти через них. Если Ральф заболел или если одному из Нормалов удавалось пораниться, они получали небольшой укол в шею и просыпались полностью выздоровевшими. Я же бодрствовала каждую отвратительную, мучительную минуту. Иногда это растягивалось на целую неделю.

И пока я лежала в лаборатории, я была легкой добычей для экспериментов Говарда.

Утопление в Баке было одним из самых приятных. Если бы я осталась здесь подольше, он мог стать более изобретательным.

— Мне пора возвращаться к работе, — осторожно сказала я. — Вы должны отпустить меня — таковы правила.

Эти слова звучали неубедительно в моей голове, и тем более неубедительно вслух. В Граните не было правил, потому что правила устанавливал Говард — и он менял их так часто, как ему хотелось. Ему не нужно было это делать.

Я знала это.

И он тоже это знал.

Поэтому я испытала облегчение, когда он решил отпустить меня.

— Да, нет смысла держать тебя здесь взаперти, — он нажал несколько кнопок сбоку дока, и купол с шипением открылся. — Если ты уверена, что не хочешь выпускаться...?

— Уверена, — твердо сказала я. — Я не могу оставить Ральфа здесь одного.

Что-то мелькнуло в мертвых золотых глазах Говарда. Это было похоже на тусклое прохождение солнечного света через толстый осколок льда.

— Тогда все в порядке. Удачи вам, мисс Шарлиз.

* * *

Примерно неделю назад мне исполнилось восемнадцать. Я всегда могла это понять, потому что погода менялась со мной.

Вся прохлада была высосана из воздуха — так внезапно, что я до сих пор ловила себя на том, что ощущала ее. Каждый раз, когда поднимался приличный ветерок, я напрягалась и надевалась на облегчение. Но не выходило. Все, что дуло на меня сейчас, — лишь жар, облако тяжело дышало мне в затылок.

Ждать, пока ветер освежит меня, было все равно, что разгребать песок. Так что я не ждала. Я просто работала.

Когда Говард забрал меня из дома, он сказал, что я пойду в школу. Я представила класс с аккуратным рядом парт и большим количеством времени для рисования. Но версия школы Говарда включала в себя такие вещи, как десять секунд, чтобы решить математическую

задачу, прежде чем пол пропадет подо мной, и меня просили прочитать строчки протокола, пока я болталась в петле.

На самом деле я почувствовала облегчение, когда мне исполнилось десять, и меня отправили на работу. Я упаковывала еду на заводе, сортировала хлам на заводе по переработке и даже некоторое время работала уборщицей в лаборатории. Но каждая моя работа заканчивалась увольнением.

Я просто хотела найти способ быть уволенной из этого.

У меня была самая отвратительная работа в Далласе. Я была там четыре года — это примерно на три года дольше, чем я думала, что смогу продержаться. В первый раз, когда стало по-настоящему жарко, я чуть не умерла. Потребовалось около двадцати мешков жидкости, чтобы вернуть меня к жизни. Говард сказал, что мои внутренности выглядели как куча дьявольского изюма.

Я уже видела фотографии изюма. И если это правда, то чудо, что я жила.

Чем я зарабатывала на жизнь? Ну, я хотела бы сказать, что моя работа была важной. Я бы хотела, чтобы у меня была такая же работа, как у Девятого Агента, чтобы, если я чуть не умерла, это было бы потому, что я спасала цивилизованный мир от сил зла. Но это было не так.

Моя официальная должность — специалист по материально-техническому снабжению и перемещению. Это был просто причудливый способ сказать, что я убирала мусор.

— Прошу прощения? Прошу прощения? — закричала женщина с конца своего тротуара.

Сегодня я была в Сапфире, где все дома были выкрашены в синий цвет, а тротуары были неприлично длинные. Два дома Рубинового уровня могли поместиться только на одном из их гравийных изгибов или на целом ряду домов Опала. Может, если бы люди в мэрии использовали немного меньше земли для своих дорог, моя квартира не была бы такой маленькой.

Я обернулась и постаралась не хмуриться, пока женщина продолжала кричать.

Это была миссис Кливер.

Мне не очень нравилась миссис Кливер.

— Да, мэм? — крикнула я в ответ.

Ее форма выглядела идентично форме Говарда, за исключением того, что она носила юбку вместо брюк, а каблук у ее сапог были немного больше. Она тыкала синим ногтем в какой-то предмет между ног.

— Ты что-то уронила.

Это была пустая жестяная банка «Super». Через несколько шагов лежала бутылочка, потом синий вязаный носок с вытертой пяткой. От моих ног к ее ногам тянулась целая дорожка из мусора. Затем я посмотрела вниз и поняла, что у мешка, который я держала, на дне была дыра размером с котенка.

— Извините, мэм, — сказала я сквозь зубы.

Даллас был разработан, чтобы быть самодостаточным. Мы никогда ничего не выбрасывали. Если что-то ломалось или изнашивалось, его выбрасывали вместе с мусором. Потом мусоровозы везли его на завод по переработке в Граните.

Я не совсем понимала, как это все работало. Но я знала, что когда мусоровозы сбрасывали что-то сломанное на завод, машины выплёвывали с другой стороны что-то новое.

Мы перерабатывали все в Далласе. Даже мешки для мусора. Большинство из них были

переработаны до такой степени, что едва хватало материала, чтобы склеить. Дыры обязательно случались, но они случались бы намного реже, если бы люди аккуратно ставили мешки, а не швыряли их на тротуар.

По тому, как миссис Кливер махала мне, я видела, что она бросала мешки.

— Ты что-то уронила и там, — она наклонила ногу чуть вперед, — и вон там. И более...

— Да, да, я поняла. Подождите секунду.

Я повернулась и бросила то, что могла, в свой грузовик: автоматизированный мусоровоз, которого я называла Биллом.

Билл — самый ржавый грузовик во всем Граните. Он больше кашлял, чем ревел, и его трясло так, словно у него в кабине завелись муравьи. Каждый день я задавалась вопросом, заведется ли он. В Далласе было не так много холмов — слава богу, потому что я думала, что любой наклон выше пятнадцати градусов, вероятно, прикончит его.

У всех мусоровозов было широкое основание и большие челюсти. У большинства из них также была большая механическая рука сбоку, которая собирала мусор с тротуара и бросала его внутрь. Но Говард удалил руку Биллу около четырех лет назад: ему нужна была работа, которая вымотала бы меня, чтобы я не пролила дождь неприятностей и адский огонь на весь чертов город.

Теперь я собирала мешки с мусором вручную, а челюсти Билла решительно двигались. Я бросила пакет ему в пасть и задержала дыхание, пока челюсти сжимались, выпуская поток бежевых соков и запах гнили. Маска, которую я надевала на нижнюю половину лица, была предназначена для фильтрации этих запахов.

И сто лет назад, держу пари, это работало.

— Эй, Билл, подожди секунду. В мешке была дырка.

Я не знала, зачем с ним разговаривала. Может, это было от скуки, а, может, потому, что большую часть времени я была так одинока, что чувствовала потребность вообразить себе друзей. Но мои чувства не имели значения для Билла: в ту секунду, когда его челюсти прокручивали программу, он ехал к следующему дому.

— Да ну тебя! Всего секунду! — я издала громкий, протяжный рык — наполовину от разочарования, наполовину потому, что знала, что это напугает миссис Кливер до чертиков.

— Что это было? — она задыхалась.

— Ничего, — сказала я, наклоняясь, чтобы собрать мусор. — Я просто, ну, я думаю, что проглотила жука или что-то в этом роде.

Она снова задыхалась.

— Как ужасно! Мне позвонить в больницу?

— Нет, это были подёнки — мои любимые. Знаете, как они хорошо хрустят?

Миссис Кливер не знала. Она безучастно смотрела на меня, будто никогда раньше не слышала, чтобы кто-то ел жука, и ответа не было в ее протоколе.

Я выхватила банку из-под ее ног и встретила ее хмурую гримасу улыбкой.

— Хорошего вам дня, мэ.м.

— Да, и тебе...

Ее голос прервался, потому что она не знала моего имени. Никто из них не знал. Коричневый комбинезон с пятнами пота, который я носила, означал, что я работала в Граните, что делало меня практически невидимой для остального Далласа.

Каждую среду и субботу я приходила собирать их мусор. Многие Нормалы отрывались

от своих кубов, чтобы улыбнуться или упрекнуть меня за ругань. Но никто из них не удосужился спросить мое имя.

Однако все они знали, кем был Билл.

Видимо, это отчасти была моя вина.

— Билл! Билл, ублюдок!

Только половина седьмого, а я уже промокла насквозь. У меня в ботинках были камни, а под руками впивалась охапка мусора миссис Кливер. Теперь Билл решил, что мы были слишком далеко позади. Он заставил меня бежать до конца квартала.

— Билл, дай мне пять секунд, чтобы отдышаться! — я схватила следующий мешок за горло и швырнула его примерно на десять ярдов в его пасть. — Пять чертовых секунд!

— Эй, следи за своим языком! Это семейный район!

— Простите, мистер Дэниэлс, — я тяжело дышала. У меня был его мешок в одной руке, а в другой — мешок Джонса. Я гремела им, пробегая мимо него. — Здесь много суперсладостей.

— Это нормативный объем, — сказал мистер Дэниэлс с каменным лицом.

— Не похоже.

— Если у вас есть претензии, пишите в мой офис. Я занят, — возразил он и вернулся к своему кубу.

Я была уверена, что это был регламентированный объем, потому что Нормалы не могли нарушить свой протокол. Мне просто казалось, что правила для Сапфира были немного выше, чем для остального Далласа. У них в мусоре всегда было в два раза больше тюбиков суперсладостей, причем со всеми любимым вкусом: «Красный пыл».

Я не могла вспомнить, когда в последний раз у нас был «Красный пыл» в магазине Гранита. Должно быть, восемь лет назад. Сейчас у нас бывал только «Желтый визг» — *визг, похожий на звуки, которые вы будете издавать, когда этот желтый краситель решит вырваться из вашего организма в три часа ночи.*

Я догнала Билла, когда мы миновали половину следующей улицы. К тому времени я выглядела как ад и пахла смертью. Два мешка взорвались в моих руках. Я чувствовала, как горячий сок стекал в мои ботинки. Придётся дать им проветриться в коридоре сегодня вечером.

А завтра на рассвете я выброшу из них тараканов и повторю все сначала.

ГЛАВА 3

Мне нравилось думать о Далласе как о больших квадратных часах.

Все многочисленные отделы мэрии находились в центре города — они были как руки, потому что Нормалы не знали бы, что делать, если бы мэрия им постоянно не подсказывала.

Края города были разделены на восемь районов: Гранит, Опал, Топаз, Цитрин, Рубин, Золото, Изумруд и Сапфир. Они напоминали числа. Жизнь на два часа, Сапфир, была хороша настолько, насколько это было возможно; жизнь на четыре часа, Гранит, была хуже всего. А между лучшим и худшим был отрезок длиной в милю, который они называли Выходом.

Выход, как следовало из его названия, был единственным путем в Даллас или из него, и это была единственная часть нашей стены, которая стояла обнаженной.

Большинство людей видели в стене кирпич и раствор. Кирпичи были более привычны. Они были безопаснее. Я была убеждена, что если бы люди могли увидеть, как на самом деле выглядели стены, у них возникло бы гораздо больше вопросов. Типа: *если снаружи ничего нет, то зачем нам гигантский, плавающий плоть забор вокруг нашего города?*

Но обычно задавали не такие вопросы. Иногда мне казалось, что они вообще не думали: они просто читали сценарий.

— Есть что сообщить?

Я высунулась из Билла и увидела стража контрольно-пропускного пункта, смотрящего на меня из-за окна с толстым стеклом. У него было то, что я называла лицом типа Гр, где Гр означало грубый. В Далласе не было большого разнообразия. Каждый Нормал относился либо к типу Гр, либо к типу Гл. Я предпочитала грубые черты, потому что в них было хотя бы несколько линий. Все гладкие лица выглядели одинаково: просто идеальные овалы с красивыми глазами.

— Прости, что? — сказала я.

Страж контрольно-пропускного пункта хмуро смотрел на меня, от этого стали глубже точеные морщины возле рта. У него были бледно-лиловые глаза и светлые, развевающиеся

на ветру волосы, которые вызвали мысль, что он, вероятно, подал заявку на участие в лотерее кинозвезд сразу после школы.

А теперь он сердился, потому что его номер не вытянули.

— Я сказал... — его голос доносился из динамика посреди окна, натужно и медленно, — у вас есть что сообщить?

У меня было, о чем сообщить. Я должна была сказать ему, что разбила старый тостер, который нашла в урне Джонсов, и что я засунула его внутренности в свой комбинезон — и я, вероятно, должна была сказать ему, что Ральф планировала использовать эти части, чтобы сделать что-то в высшей степени незаконное позже. Но я этого не сделала.

— Неа. Ничего.

И хотя мои карманы были набиты вещественными доказательствами, на КПП меня не допросили.

— Хорошо, приятного дня, — буркнул он, перебивая меня.

Контрольно-пропускной пункт Сапфир всегда было легко пройти. Все стражи знали меня, и они знали, что лучше не просить у меня отпечаток — потому что, если они спросят, я пройду, вонючая, в их будку. Я двадцать раз тыкала пальцем не в ту сторону, а когда меня пытались поправить, притворялась, что я глухая.

Быть Дефектом означало, что мне все сходило с рук. Говард написал какой-то базовый протокол в какой-то момент, когда я только начала собирать мусор. Такие вещи, *как говорите медленно, не пытайтесь ее кормить, и, ради всего святого, перестаньте давать ей фонарики, чтобы она могла с ними играть — она не ведет ночной образ жизни и воспользуется лампочками, чтобы разжечь мусорный костер.*

Просто основные вещи.

Конечно, был какой-то протокол о том, как со мной обращаться. Но я все еще была ходячей беспрецедентностью, и Нормалы не знали, как с этим справляться. Они видели кареглазую девушку с косой, которая выглядела так, будто она позволила заплести ее какому-то копытному животному, и просто считали меня глупой. Хотя на самом деле я могла говорить так же хорошо, как и все остальные, а иногда и лучше, потому что Говард начал давать мне уроки словарного запаса в раннем возрасте.

И это были такие уроки, когда он бросал на меня скорпиона, если я давала неправильный ответ, так что я быстро училась.

— Езжай быстрее! — крикнула я.

Я сидела на задней ступеньке мусоровоза, одна рука была просунута в стальной поручень в углу. Челюсти Билла были закрыты, и ветер уносил большую часть его запаха. Я шлепнула его по железному боку и наклонилась, чтобы крикнуть:

— Быстрее!

Просить Билла ехать быстрее было так же глупо, как и просить его ехать медленнее. Его датчики зафиксировали сигнал, когда мы пересекли линию контрольно-пропускного пункта, а это значило, что он знал, что мы на пути к выезду, где ограничение скорости составляло колоссальные двадцать пять миль в час. И Билл никогда не поднимал скорость выше двадцати пяти.

— Ты чертовски скучный, ты знаешь это? — буркнула я. Но, по крайней мере, с Биллом, плетущимся рядом, у меня было достаточно времени, чтобы расслабиться и насладиться свежим воздухом.

Дорога через Выход изгибалась широкой U между Сапфиром и Гранитом. По обеим

сторонам были пустынные поля, густо заросшие сорняками и всегда утопающие в облаках жуков. Граница выступала растянутым треугольником с левой стороны от меня, и стена вдоль этой границы была обнажена от края до края.

Отсюда было легко увидеть, что стена на самом деле представляла собой огромный смертоносный забор. Листы чистой энергии, потрескивающие и бледно-голубые, тянулись, чтобы заполнить промежутки между линией хромированных проводящих столбов. Сами столбы имели ширину всего в человеческий рост, но стояли выше трехэтажного дома.

Ральф считал, что энергия, вспыхивающая между столбами, была примерно в сто раз мощнее той, что исходила из обычного пистолета. Он так считал, потому что однажды ночью я ходила сюда пешком и швырнула старый телевизор прямо в середину стены.

Половина телевизора распалась при контакте; другая половина отправилась в полет. В итоге она приземлилась где-то в дальнем углу задних полей — факт, который мы не обнаружили, пока Говард той весной не послал роботов-тракторов косить сорняки.

Он не был счастлив, когда один из них взорвался, потому что в его вращающиеся лопасти попал телевизор. Возможно, это был единственный случай, когда Говард растерялся. Я видела, что он определенно собирался прикончить одного из нас, поэтому я сказала, что это была моя идея, чтобы уберечь Ральфа от неприятностей.

Это был первый раз, когда меня арестовали.

Во второй раз я использовала лампочку фонарика, чтобы разрушить заброшенное здание.

У меня были смешанные воспоминания о полях вокруг Выхода. Но, в основном, хорошие. Это было единственное место в Далласе, где я могла видеть внешний мир. Энергия между столбами была не совсем непрозрачной. В ней было достаточно вещества, чтобы затуманить взгляд, но я все же могла различить две линии: одну четкую и синюю, а другую — с комьями и коричневую.

Вот и все. Эти коричневые комья были единственным реальным доказательством того, что за пределами Далласа был мир. И иногда мне казалось, что это были все доказательства, которые были мне нужны.

Нормалы не видели снов. Наверное, они просто закрывали глаза и теряли сознание до восхода солнца. И, когда я впервые рассказала Говарду о вещах, которые видела во сне, он был очень заинтересован.

Он включил функцию записи своего куба и попросил меня описать все, что я видела. Иногда он останавливал меня на полпути и задавал кучу вопросов. Это был единственный раз, когда я чувствовала, что Говард слушал меня — действительно слушал. Он, наверное, уже записал целую серию моих снов.

Но некоторые вещи я держала в себе.

Иногда мне снились сны, в которых ворота открываются, и мне позволяют выйти за пределы Выхода. В этих снах Ничто не такое, как говорил Говард. Здесь прохладно, зелено и тихо. Я больше не пахла мусором. Мне не нужно было беспокоиться о Ральфе.

Я не была хранителем. Я не хранила вещи. У Ральфа были полки с украденными при переработке вещами, которые он хранил, потому что они ему нравились, или на всякий случай. Если не считать испачканного матраса, визжащего холодильника и подержанного дивана, моя квартира была совершенно пуста. У меня была только одна вещь, о которой я действительно заботилась.

Я держала ее под краем помятого бампера Билла — чуть выше того места, где я

зацеплялась рукой. Я нашла вещь в Цитрине в первую неделю работы: маленькую картинку океана, сложенную и выброшенную вместе с коробкой битого стекла. Когда-то она была частью школьного украшения, которую выбросили, потому что ламинированное покрытие начало отслаиваться с одного угла.

Я не думала, что когда-либо видела что-то столь прекрасное и утешительное. Это была единственная вещь, которую я когда-либо ukrала из мусора для себя. И каждый раз, когда я смотрела на нее, я снова чувствовала это утешение.

Но годы пребывания на мусорке, хоть картинка была аккуратно вставлена, взяли свое. Солнце обесцветило большую часть голубизны волн, а дождь направил полосы к песку.

Тем не менее, это давало мне некоторое спокойствие. Я могла смотреть на эту картинку все скучные моменты дня, оказываясь так где-то еще. Мой разум переносил меня в эти пески, погружал меня глубоко в воду. Я была далеко от шума и запахов...

И полицейский закричал:

— Постой, остановись немедленно!

Билл замедлился и заглушил двигатель. Мы были в штаб-квартире полицейского управления Далласа: она находилась на полпути к Выходу и охраняла единственную открывающуюся часть стены.

Отсюда я видела проводящие столбы, предназначенные для разделения. Я не знала, как они открывались — это область знаний Ральфа. Все, что я знала, это то, что если кто-то захочет покинуть Даллас, он должен пройти мимо полицейского участка.

Штаб-квартира полиции находилась в приземистом бетонном здании. В самом здании не было окон, была только одна железная дверь. В верхней части двери была камера, установленная в углу. Я видела, как ее красный глаз мигал, когда она сосредоточилась на моем лице.

— Идентификация, — рявкнул на меня молодой человек.

Он высунулся из будки контрольно-пропускного пункта, сжимая винтовку в руке. Он был новым. Совершенно новым. По тому, как он сжимал оружие, я видела, что он понятия не имел, что делал. Вероятно, он даже ни разу не стрелял.

— Идентификация, — снова сказал он. У него было гладкое лицо, темные волосы и голубые глаза. Обыкновенный облик Нормала. Он пытался вести себя официально: повернулся так, чтобы ствол винтовки был слегка направлен на Билла.

Это было слишком заманчиво.

— Ах, я не могу — я потеряла оба больших пальца в результате трагической аварии на лодке на прошлой неделе.

Он нахмурился. Затем, долго обдумав мое заявление, он помрачнел сильнее.

— Что вы делали на лодке без надлежащего допуска, гражданка?

В Далласе не было лодок, потому что они нам не были нужны. Наш самый большой водоем — это фонтан посреди комплекса мэра — так он должен был сказать. Или он мог бы указать, что я только что вырвала сюжетную линию из вчерашней серии «Агента». Или он мог бы спросить меня, как, черт возьми, мне удавалось держаться за машину без больших пальцев.

В этом была разница между Нормалом и Дефектом: я могла быть уродливой, но, по крайней мере, я могла думать самостоятельно.

— Мне нужен ответ от вас, гражданка, — продолжил он. — Почему вы были на лодке без разрешения?

Его было трудно воспринимать всерьез. Мало того, что он все еще спрашивал меня о лодке, так еще и носил ярко-желтый жилет с надписью СВЕЖЕЕ МЯСО сзади и спереди.

Этот жилет являлся частью униформы офицеров-первокурсников. Младшие офицеры носили бронежилеты, а старшие — длинные черные плащи с достаточным количеством набивки, чтобы выдержать что угодно, кроме перегруженного солнечного взрыва. Рядом с настоящими офицерами первокурсники выглядели совершенно нелепо — в этом, наверное, и было дело.

Ребята из участка думали, что они были лучше других Нормалов. Они думали, что они были как-то более квалифицированы или опытны, потому что у них был более высокий уровень допуска, и они могли носить оружие. Правда в том, что они получили работу так же, как и все остальные в Далласе: они выиграли в лотерею.

То, что их идентификационный номер был взят из стопки одинаковых заявителей, не делало их особенными. Шериф Кляйн знала это. Поэтому она делала все возможное, чтобы первокурсники стали очень скромными, очень быстро.

«Свежее мясо» будет носить этот желтый жилет весь первый год обучения. Неудивительно, что он отчаянно хотел, чтобы его воспринимали всерьез.

— Отлично. Если вы не собираетесь дать мне прямой ответ, то мне придется вас записать, — он вышел из будки и прошел к сканеру. Затем он постучал по экрану дулом винтовки. — Удостоверение личности. Сейчас же.

Рука Свежего Мясa замерла над рычагом зарядки. Когда он щелкнет, патронник станет синим от энергии. Будет очень ярко и очень громко — и если он не перестанет вот так нажимать на курок, он убьет нас обоих.

— Палец прямой, — сказала я, используя тот же приказ, который Кляйн отдавала первокурсникам уже десятки раз. — Держи палец прямо на спусковом крючке, если собираешься зарядить оружие. В противном случае ты перегрузишь его, а делать это так близко к мусору нежелательно. Медику придется сметать то, что от нас осталось, в мешки из коричневой бумаги.

Он быстро убрал палец, моргая, глядя на меня.

— Откуда вы знаете об оружии, гражданка?

— Я просто знаю. А теперь я отойду отсюда и подойду к той площадке, и лучше не стреляй в меня.

Его лицо снова стало хмурым.

— Тогда вам лучше подчиниться, гражданка. Или у меня не будет вы... фу!

Запах, исходящий от моего комбинезона, ударил его прямо в открытый рот. Он был довольно сильным. Три дня с момента моего последнего принятия душа и два дня с тех пор, как я потрудились переодеться. В этот момент даже мухи начали обходить меня стороной.

— Проблемы, офицер?

Свежее Мясо захлопнул рот. Если бы Нормалы могли корчить рожи, я уверена, он бы кривился.

— Идентификация, — выдавил он.

— Конечно, — я нажала большим пальцем на сканер. Мое лицо всплыло через мгновение, гримаса во всей своей веснушчатой красе. Говард сделал этот снимок на два, а не на три. Я как раз моргала. — Вот. А теперь, если можно, я...

— Нет, вы никуда не пойдете, — он поднес винтовку к моему носу. — Вы под арестом.

— Серьезно? Я просто пошутила насчет лодки, — я показала ему большие пальцы. —

Видишь?

Он моргнул.

— Ну, тем не менее, вы нарушили протокол в вопросах личной гигиены. Вы представляете опасность для общества, и вы находитесь под...

— Тейлор!

Одно слово. Два слога. Безошибочный голос — и не было никаких сомнений в том, что человек, которому он принадлежал, был разъярен.

Шериф Кляйн вышла из штаб-квартиры. У нее была грива темных волос, которые она убирала в пучок. Она никогда не носила шлем, даже в патрулях. Ее лицо было точеным и смуглым, что делало ее глаза выделяющимися, как ножи.

Они напоминали мне змеиные глаза: бледно-зеленые по краям с желтым пятном посередине. Они были красивы со стороны. Но когда они смотрели прямо на меня, это немного нервировало.

Тейлор, похоже, был согласен. Он убрал винтовку от моего лица, и его тело напряглось.

— Да, шериф?

— Ты направлял оружие на мою любимую мусорщицу?

Его лицо ничего не показывало. Но в его голосе чувствовалась обеспокоенность:

— Я... если она ваша любимица, — он кивает мне, — тогда да. Направлял.

Шериф Кляйн замерла на расстоянии вытянутой руки от него. Она была на несколько дюймов ниже, но когда носки ее сапог касались чужих, не имело значения, какого она была роста. Она была главной.

— Знаешь, сколько миль это будет тебе стоять, Тейлор?

— Нет, шериф.

— Я тоже, — она кивнула подбородком на поле позади него, не прерывая зрительного контакта. — Почему бы тебе не начать бежать, чтобы мы узнали?

— Да, шериф.

Тейлор проскользнул мимо меня и помчался по дороге.

Кляйн следовала за ним несколько шагов, крича ему в ухо:

— Винтовка вверх, Тейлор! Держи ее прямо над головой. Нужно понимать вес этой вещи, чувствовать ответственность. Ты уже чувствуешь, Тейлор?

— Да, шериф! — выдавил он.

Мне не было его жалко. Пробег любого количества миль, вероятно, убил бы меня. Мое тело было хрупкой вещью с ограниченным количеством энергии. Но Нормалы не уставали и не болели. То, что сделала Кляйн, по сути, приговорило его к нескольким часам скуки.

Как только Тейлор убежал за пределы слышимости, Кляйн подошла ко мне.

— Добрый день, Шарлиз.

Мой язык высох, как кусок старой кожи.

— Шериф Кляйн, — выдавила я.

Она улыбнулась, и я растаяла. Я не знала, почему Кляйн так действовала на меня. Ее личность была фасадом, просто частью протокола, который она должна была выполнять, когда стала шерифом. Кляйн ничем не отличалась от других бесчувственных Нормалов с отвисшей челюстью.

Сколько бы раз я ни пыталась сказать себе это, я не могла не восхищаться ею. Наверное, это я чувствовала: восхищение. Что еще я могла чувствовать к той, кто однажды сбила с неба ворону с расстояния в сто ярдов? Она сделала это из револьвера — просто вспышка синевы и

дождь из черных перьев.

Это было восхитительно.

— Фу, — глаза шерифа проехали взглядом по моему комбинезону. — Ты пахнешь в два раза хуже, чем выглядишь.

— Гм, спасибо, — сказала я, больше ничего не придумав.

Она скрестила руки.

— Итак, что ты сделала с моим первокурсником, что он наставил на тебя винтовку?

— Я сказала ему, что не могу войти в систему, потому что потеряла большой палец в результате аварии на лодке.

Шериф нахмурилась.

— Где ты получила разрешение управлять лодкой?

«О, Кляйн, ты прекрасная идиотка», — подумала я. Иногда она могла сбить меня с толку, потому что она была добра ко мне, когда многие — нет. Но было трудно забыть, что она Нормал, когда говорила такие глупости.

— Это была просто шутка, шериф.

— Ах, — она снова улыбалась. — Что ж, я не буду тебя задерживать. Вернись к делу — и, Шарлиз? — она повернулась на полпути. — Держись подальше от неприятностей, хорошо? Если мне снова придется тебя арестовывать, я не буду рада.

— Да, мэ, — сказала я.

— Хорошо.

Бедная Кляйн. Она, наверное, думала, что я действительно буду держаться подальше от неприятностей. Но дело в том, что я не была властна над тем, попаду я в беду или нет, потому что беда, казалось, всегда находила меня.

ГЛАВА 4

Гранит не был похож на другие районы. Он не загорался — ни ночью, ни когда-либо. Его нельзя было увидеть на расстоянии. Все, что можно было видеть, это огромное пятно зелено-черной дымки, и просто нужно было поверить, что где-то там есть район.

В его сердце кольцо пустующих фабрик цеплялось за небо. Их трубки и цилиндры разваливались; их стены облезли до ржавых костей. Большинство зданий в Граните были мертвы и заброшены. Те немногие, что еще использовались, находились на последнем издыхании — их кирпичи трескались под тяжестью штабелей, изрыгающих смог в безжалостных рядах.

Это было как жить в лесу, где цветы никогда не цветут, а деревья все в огне.

Я смотрела на старые фабрики каждый раз, когда проезжала по району. Раньше я пыталась представить, как они выглядели, когда строили Даллас, и удивлялась, как можно было допустить, чтобы что-то столь важное было разрушено.

Возможно, Гранит всегда был одним и тем же закопченным месивом. Но мне помогала мысль, что когда-то тут было красиво.

Билл остановился на светофоре в центре района, и я спрыгнула с заднего сиденья.

— До свидания, Билл! До завтра.

Он направился к фабрике по переработке отходов, где сбрасывал весь мусор Сапфира в машины для сортировки. Дороги были слишком узкими, а машины — слишком широкими. Чтобы передвигаться, ему приходилось перемещаться по лабиринту улиц с односторонним движением.

Я не хотела ждать лишние тридцать минут, которые требовались ему, чтобы спуститься и вернуться. Поэтому я решила идти пешком.

Воздух снаружи был влажным и густым. Моя маска визжала от первых вдохов, прежде чем вентиляционные отверстия приспособились с натужным свистом. Большие серые хлопья пепла падали надо мной — там, где клубы дыма собирались в едкой буре. Пепел мягко ложился на мою маску и волосы. Пробираясь сквозь него, я пыталась представить, что шла по снегу.

Я, конечно, никогда не видела снегопадов. В Далласе не бывало снега. Но я видела фотографии и ловила себя на мысли о том, каково было бы схватить горсть снега. Интересно, как пахнул замороженный воздух, какой он был на вкус.

Мне нравилось думать, что прогулка по лесу, пока мягко падал снег, была для души ледяной водой.

В Граните не было домов. Были только поместья Вишневой Гряды: обширный трехэтажный жилой комплекс с примерно сотней обшарпанных комнат. Меня всегда беспокоило название. Комплекс был расположен не у гряды, а среди большой гравийной парковки. А вишневое дерево засохло бы в ту же секунду, как его корни коснулись бы пропитанной химикатами земли. Тем не менее, кто-то решил, что Вишневая Гряда —

идеальное название.

Мне больше нравилось имя Ральфа: Страшная Гряды.

Страшно, потому что каждый раз, когда кондиционер набирал обороты, с потолка стекал ил. Страшно, потому что из-за пятен копоти на потертых кирпичных стенах казалось, что окна рыдали черными слезами. Страшно, потому что мне казалось, что я брала свою жизнь в свои руки каждый раз, когда поднималась или спускалась по ржавой лестнице — а я жила на третьем этаже.

Мои ботинки громко хрустели, пока я шла по гравию. Утром участок заполнялся мусоровозами, подметальщиками и прочими ремонтными ботами. Они сидели и ждали, когда солнце поднимется достаточно высоко, чтобы ударить по их солнечным батареям. Как только панели нагревались, они посылали поток энергии по проводам в батарею. Затем боты просыпались и начинали прокладывать свои маршруты.

Это было только после полудня. Участок сейчас был абсолютно пустым. Слишком тихим. Я плохо себя чувствовала, когда вокруг было слишком тихо — возможно, потому, что у меня не было ни минуты покоя с того дня, как я переехала в Гранит. Если Говард меня не тыкал, то у меня в ухе ревела какая-то машина.

Ночами, когда погода была в самый раз — когда кондиционер не пыхтел и обогреватель не шипел, — я молилась, чтобы крыса провалилась между моими стенами и начала царапать гипсокартон.

Иначе я не могла уснуть.

Вероятно, было бы полезно, если бы поблизости работали боты. Но все фабрики вокруг Страшной гряды были мертвы. В какой-то момент они перестали работать и были закрыты. Даже самовосстанавливающиеся машины рано или поздно сломаются — проблема в том, что никому не поручили их чинить.

В Далласе не было лотереи ремонтников, потому что кому нужны были еда и одежда, когда у нас были кинозвезды, верно? Это логика Нормалов. Ральф говорил, что они умрут с голоду, если не будут осторожны.

— И это тоже так глупо, — я вспомнила, как он разглагольствовал однажды ночью. — Половина этого материала просто нуждается в небольшом количестве масла или паре винтов. Я мог бы привести в порядок весь район, если бы мне дали чертов ящик с инструментами!

Но они не дали, потому что никто не думал, что Ральф мог это сделать. Они бросали на него один взгляд и думали, что будет чудом, если он сможет выскользнуть из постели по утрам, не говоря уже о чем-то более напряженном. Если бы я сказала им, что у него достаточно силы в верхней части тела, чтобы повернуть отвертку, они бы рассмеялись мне в лицо.

— Приветствую, Шарлиз Смит, — сказал Рекс, когда я оставила свой отпечаток.

Рексом я называла парадную дверь Страшной гряды. Он был коробкой динамика, приставленной к раме, и его голос звучал так, будто кто-то сшил его из кучи сломанных аудиоклипов.

— Сейчас девяносто три градуса. Двадцать процентов вероятности осадков этим вечером.

В Граните почти никогда не шел дождь. Видимо, смог действовал как своего рода защитный барьер от всего, что могло охладить нас. Он съедал большую часть облаков, прежде чем они успевали раскрыться, что было даже хорошо, потому что, когда, наконец,

шел дождь, он всегда обжигал мою кожу.

И вряд ли дождь должен был обжигать.

Вестибюль Страшной Гряды был темным и совершенно пустым. Раньше на стойке регистрации работал лаборант. Я помнила, что на нем был такой же резиновый костюм и защитная маска, что и у медсестер в больнице, только вместо красного креста на груди у него была красная звезда и пушка.

Мы с Ральфом переехали в квартиру в день, когда нам исполнилось десять. Мы родились в одной группе, поэтому всегда продвигались вместе. Техник появился примерно в год, когда нам исполнилось тринадцать: у меня только был особенно плохой приступ, и я, наконец, возвращалась домой после недельного пребывания в лаборатории.

— Девочки слева, мальчики справа, — рявкнул на меня техник.

Когда я попыталась возразить, что мы с Ральфом всегда жили в одном крыле, техник покачал головой.

— Уже нет. Вы можете встретиться в общей зоне, но это все — приказ мистера Блэкстоуна.

Три с половиной года в холле всегда был техник. Выходные, праздники, весь день и всю ночь — рабочий стол никогда не оставался пустым более чем на секунду. Даже когда техники менялись, они не покидали территорию. Однажды ночью я попыталась вылезти из окна, и меня поймали, прежде чем я смогла пройти половину всего здания.

Именно тогда Говард перенес мою комнату на третий этаж.

Они держали нас взаперти до тех пор, пока нам не исполнилось семнадцать. И вдруг я пришла домой и увидела, что стойка была пуста. Лаборанты ушли и больше не вернулись. Мы могли видеться, когда захотим. Днем или ночью.

Я до сих пор не могла понять, почему они перестали за нами следить или почему вообще держали нас порознь. Говард никогда не давал мне прямого ответа. Он просто улыбался и говорил, что, в конце концов, я со всем разберусь.

Ну, я так и не поняла этого — и через некоторое время мне просто стало все равно.

Лестница, ведущая в мою комнату, не чистилась с того дня, как ее поставили. Посередине верхнего поручня была чистая полоса, которая вилась до самого верха, там мне приходилось держаться, пока я поднималась. Все тряслось и стонало; раскачивалось от моих шагов, как дерево на ветру.

В моей квартире было только одно окно, и я почти всегда оставляла его открытым — иначе стекло было слишком грязным, чтобы что-то видеть. До заката оставалось несколько часов, но я все еще смотрела в окно, снимая маску. Я принялась искать еду в холодильнике. Сумерки — мое любимое время дня: мне нравилось, когда солнце опускалось ниже стены и зажигало мир, и мне посчастливилось получить комнату с окнами на запад.

Раньше под моим окном была старая фабрика. Это загораживало мне обзор и пропускало весь этот прекрасный свет через сито из изогнутых металлических труб. Так что я купила фонарик и разобралась с ним.

После того, как я отсидела неделю в тюрьме, Говард заставил меня пройти то, что он назвал психиатрической экспертизой, — когда он опускал мои ноги в миску с водой и задавал всевозможные неловкие вопросы. Если я пыталась солгать или отказывалась отвечать, он бил меня током. Иногда он держал кнопку нажатой, пока я не мочилась, просто потому, что считал это забавным.

Когда я все это прошла, он добавил кое-что в мой файл:

Шарлиз Смит. Каштановые волосы. Карие глаза. Пять футов четыре дюйма. Может иметь легкие склонности к пиромании — результаты тестов неубедительны.

Была еще одна причина, по которой закат — мое любимое время: именно в это время Ральф приходил домой. Он занимался переработкой отходов, а это значило, что его день начинался, когда заканчивался мой.

У меня было достаточно времени, чтобы отнести части тостера к нему в комнату — так он сможет использовать их, как только будет готов. Ральф говорил, что он всегда лучше соображал сразу после работы. Я не понимала, как это было возможно, потому что моя работа всегда заставляла мою голову ощущаться как каша. Я сняла грязный комбинезон и переделась в более свежий. Затем я спустилась по лестнице.

Мы так привыкли жить в разных крыльях, что даже после того, как лаборанты перестали следить за нами, мы не поменялись комнатами. Ральф жил в правом крыле, на первом этаже, в первой комнате справа. Если бы ему пришлось подняться на лестничный пролет или пройти в конец коридора, это, вероятно, убило бы его. Поэтому он держался ближе к входной двери.

Его комната имела такую же планировку, как и моя, но выглядела по-другому, потому что в ней было много вещей. Повсюду были коробки, вдоль стен — полки. Все плинтусы были покрыты кружевом механических деталей.

Я пробралась к его журнальному столику и сделала чистый круг среди кучи шурупов — так он точно узнает, что детали тостера новые. Я понятия не имела, зачем ему нужны были именно эти детали. Он просто сказал мне найти тостер, принести ему внутренности и молчать о нем, чтобы не навлечь на нас неприятности.

Я это и сделала.

Я пробралась обратно к двери, когда услышала слабый стук из спальни.

Боже. Крысы вернулись.

На прошлой неделе я обнаружила целое гнездо за холодильником Ральфа. Он развешивал консервные банки по всей комнате, так что неудивительно, что у него были крысы. Но это гнездо было чем-то другим: мне потребовался час, чтобы выследить всех и раздавить их головы, и я не думала, что он когда-нибудь сможет вывести пятна с ковра.

Крысы на кухне — это одно. Но я думала, что он потеряет сознание, если придет домой и обнаружит, что они играли на его одеяле.

Я схватила с пола короткий металлический прут и пошла разбираться с этим самостоятельно.

— Ладно, заразы. Кто будет...?

— Шарли! — Ральф взвизгнул, когда я ворвалась в комнату. Его тонкие руки были скрещены на лице. — Ради Бога — это всего лишь я!

— Ой, — я опустила прут. — Прости, я не думала, что ты будешь дома. Почему ты дома? Говард дал тебе выходной?

Ральф не ответил. У него было большое родимое пятно сбоку на лице. Оно распространялось на его левый глаз и тянулось вниз, ниже его подбородка в виде полумесяца. Метка была обычно бледно-красной — достаточно темной, чтобы выделяться на фоне его кожи.

Но сейчас она была алой.

— Что это за взгляд? — сказала я.

Его метка стала краснее.

— Какой взгляд?

— Выражение твоего лица.

— Ничего такого...

— Вот и нет. Ты выглядишь виновато.

— Я не... эй, это моя комната, — прорычал он, тыча в меня пальцем. — Ты пришла сюда, размахивая прутом! Может, я просто пытался отдышаться.

— Хорошо, хорошо, — сказала я, хотя и не была убеждена.

Ральф что-то бормотал, прежде чем подойти и надеть маску. Его маска выглядела как моя, за исключением того, что она была соединена с кислородным баллоном. Пока он в помещении, его дыхание было нормальным. Когда он выбирался в пепел и смог, ему нужна была небольшая помощь.

Бак стоял на небольшой тележке, которую Ральфу приходилось везде возить с собой. Он подкатил тележку к своей кровати и закрепил маску. Белый воздух заструился через пластиковую трубку, когда он сделал глубокий вдох.

— Черт возьми, Шарли, — фыркнул он, его голос приглушала маска. — У меня сегодня тоже все было хорошо.

Ральф был единственным, настоящим другом. Я точно знала, что он мой друг, потому что он не называл меня Шарлиз, это самое идиотское имя, которое я когда-либо слышала. В первый раз, когда мы встретились, он сморщил нос и пискнул:

— Это глупо. Я буду звать тебя просто Шарли.

С тех пор его голос стал ниже. На его лице торчали волосы, которые, по словам Говарда, со временем вырастут в густую бороду. Ему пришлось нарисовать мне, как выглядит борода, потому что ни у кого из Нормалов ее не было.

Ральф был очень взволнован, когда увидел это, потому что думал, что борода закроет большую часть его родимого пятна. Но мне нравилось его лицо таким, каким оно было.

— Я принесла эти части, — сказала я, как только он отдышался.

Ральф рассеянно кивнул.

— А, хорошо. Я должен быть в состоянии расплавить их и сделать тебе ключ.

— Ключ?

— Ты сказала, что хочешь водить, верно?

Его брови пошевелились поверх маски, и я внезапно поняла.

— Это было восемь месяцев назад — не могу поверить, что ты помнишь.

— Да, ну, у меня в голове нет дырки, — сказал он со смехом. Его глаза были яркими и окрашенными красивыми штрихами цвета морской пены. Они становились мягкими, когда он смотрел на меня, и я знала, что он собирался спросить. — Почему бы тебе не присесть на секунду?

— Нет.

— Давай, на секундочку...

— Нет, я не сяду рядом с тобой.

— С тобой не весело, — фыркнул Ральф.

— Эй, я просто пытаюсь сохранить тебе жизнь, — ответила я.

Это было лишь наполовину шуткой. В последний раз, когда я села рядом с ним, он чуть не умер. Я до сих пор не совсем понимала, что произошло: в тот момент, когда наши плечи соприкоснулись, Ральф сильно покраснел и стал задыхаться. Он оказался на полу, и мне пришлось спасти его чертову жизнь.

С тех пор я не подходила к нему слишком близко.

— Так у тебя выходной или нет?

— Да... что-то в этом роде.

— Тогда пошли посмотреть футбол! Говард запер меня в лаборатории на всю неделю — кажется, я пропустила три игры, — я уже была на полпути к двери, прежде чем поняла, что Ральф меня не преследовал. — Тебе помочь?

— Нет, это не... — он отвел взгляд от моего лица. После еще одного быстрого вдоха он скинул маску. — Я не могу сегодня смотреть с тобой футбол. Мне нужно кое-что сделать.

— Например?

Я оглядела комнату, но не видела ничего отличного от его обычного беспорядка. Потом я заметила, что его шкаф был пуст. Я помнила стук, который услышала, когда была в гостиной — шум, который я приняла за крыс.

— Шарли, подожди...

Но было слишком поздно. Я уже присела на корточки и нашла его: чемодан, который Ральф собрал и попытался спрятать под кроватью. Молния была застегнута только наполовину, из чемодана выпирали комбинезон, комплект нижнего белья и все его пары носков.

Я не понимала.

— Ты едешь в лабораторию? Ты болеешь?

— Нет, нет, ничего подобного, — быстро сказал он.

Я ненавидела, когда Ральф болел. Он говорил, что просто получал сброс и спал; Говард клялся, что не заставляет его проходить эксперименты. Но я не доверяла им настолько, чтобы поверить, что они говорили мне всю правду. Говард мог делать со мной все, что хотел. Но если он когда-нибудь причинит боль Ральфу...

— Я не болен, — снова сказал он. Он поднял руки, словно пытался удержать меня от падения. — Все в порядке. Я просто... мне нужно ненадолго уйти.

— Куда? — сказала я.

Он неловко заерзал. Его метка была такой красной, что вот-вот могла вспыхнуть пламенем.

— Мистер Блэкстоун заходил ко мне сегодня утром — это было всего через пару часов после твоего отъезда. И он сказал, что мне пора заканчивать школу.

Я фыркнула.

— И тебе? Он говорил мне то же самое в течение почти шести месяцев. Но я сказала ему, что это будет несправедливо... — мой голос прервался. Я перевела взгляд с пылающего лица Ральфа на выпирающий из-под кровати чемодан — и мне потребовалась секунда, но я, наконец, соединила две вещи воедино. — Нет.

— Шарли...

— Нет. Нет! — закричала я. Или кто-то кричал. Такое ощущение, что эти слова не слетали с моих уст. Мне даже не казалось, что я стояла в комнате. Меня наполовину вытащили из тела, и я смотрела, как кто-то кричит за меня. — Я... — как ты мог...? Я ждала тебя!

— Ну, я никогда не просил тебя ждать, — резко сказал Ральф. — Если у тебя был шанс, то ты должна была им воспользоваться. Я не знаю, о чем, черт возьми, ты думала...

— Что для меня было несправедливо жить в Опале, пока ты застрял в Граните. Вот о чем я думала, — огрызнулась я, и мой голос надломился в конце.

Ральф покачал головой.

— Прости, Шарли. Мне жаль, что ты так подумала. Это было мило с твоей стороны — не пойми меня неправильно. Но это было глупо. Говард с самого начала сказал, что у него есть место только для одного из нас в Опале. И он сказал, что тот, кто не выйдет, должен будет остаться в Граните... Я имею в виду, ты должна была это знать, верно? Ты знала правила, — его лицо стало жестким. — Так что не обвиняй меня в том, что я хочу немного большего от своей жизни. Прости, но ты должна была уйти, когда у тебя был шанс.

Моя голова подпрыгивала, как шина на ухабистой дороге. Я уже с трудом соображала, но с каждым словом, исходящим из его уст, я врезалась головой в выбоину.

— Как ты мог? — повторила я, потому что между смятением и болью я не могла думать ни о чем другом.

Ральф не ответил. Его губы сжались, и он смотрел на меня так же, как в тот день, когда я поняла, что мои родители никогда не придут на встречу. Мне тоже потребовалось некоторое время, чтобы понять это. Но от этого не стало меньше боли.

Это ощущалось в тысячу раз хуже.

— Я не ушла, потому что ты сказал... ты сказал мне, что надеешься, что я никогда не уйду. Ты сказал, что не справишься без меня.

— И это все еще правда, — быстро сказал Ральф. — Без тебя я бы не справился.

— Но теперь ты собираешься оставить меня здесь одну?..

— О, ты в порядке! — рявкнул он, перебив меня. Его лицо было все еще красным, но теперь по другой причине. — Ты будешь в порядке. Вряд ли у тебя что-то не так. Тебе не составит труда жить в Граните. Но если я не выйду...

— Я не хочу жить в Граните!

Пришли слезы. Я чувствовала, как они стекали по моему лицу с силой. Снаружи они были ледяными, а внутри раскаленными. Я не могла решить, злилась я или обижалась.

— Разве ты не понимаешь? Я не хочу вечно жить в Граните, — выдавила я. — Я хотела уйти много лет назад — это все, чего я когда-либо хотела. Но ты нуждался во мне. Ты попросил меня остаться, и я осталась. И я собиралась продержаться, пока Говард не скажет, что мы оба можем уйти. Я бы никогда... я бы никогда...

Я не могла этого сказать. Я ненавидела плакать. Еще больше я ненавидела плакать перед другими людьми, и больше всего я ненавидела плакать перед Ральфом — потому что мой плач обычно заставлял его плакать. Но не в этот раз.

На этот раз он смотрел на меня так, будто я была самым несчастным человеком на земле. Он жалел меня. Ему было жаль меня, потому что я не мог понять, насколько глупо было не покинуть Гранит, когда у меня был шанс. И теперь, когда у него появился шанс, он им пользовался.

Он не собирался меня ждать.

— Шарли... Шарли, вернись! Просто позволь мне объяснить...

Я захлопнула дверь в ответ. Я выбежала в холл, устремила к своему крылу и взлетела по лестнице. Мое тело взяло верх, потому что мои глаза были ослеплены слезами.

Это было невозможно. Ничто не казалось реальным. Я плакала, пока не заснула, а проснулась, надеясь, что это был всего лишь сон. Но это было не так.

Когда я проснулась, Ральфа уже не было. И я была одна.

ГЛАВА 5

Я была одна.

Впервые за двенадцать лет я провела ночь в тишине. У меня ничего не было. У меня никого не было. У меня не было причин встать. Я лежала неподвижно, когда наступило утро, когда солнце поднялось и превратило свет из серого в золотой, пока я пыталась понять, что я сделала, чтобы заставить Ральфа покинуть меня.

Но я не могла.

Это было непостижимо, мысль о том, что кто-то, о ком я так сильно заботилась, мог так мало заботиться обо мне. Я бы сделала все для Ральфа, бросила бы все ради него. Я принимала побои за него. Я брала на себя вину. И Бог знает, я жила бы сейчас намного лучше, если бы не Ральф.

Я отказала Говарду семнадцать раз. Семнадцать раз. Я стояла в дверях Опала — свободы — семнадцать раз. И семнадцать раз я уходила. Я уходила, потому что Ральф был для меня дороже, чем моя свобода.

И меня поражало, что я стоила для него меньше.

Может, я не хотела это понимать. Может, это было проблемой. Может, это имело смысл. Ральф всегда был умнее меня. Он всегда мог видеть вещи ясно и понимать их намного раньше, чем я. Может, я была глупа, раз уходила так много раз, и это я получила за то, что была глупа.

Я никогда не придумывала причину, чтобы встать с постели. В конце концов, я вставала, потому что всегда так делала. Это все, что я когда-либо собиралась делать. Это все, что мне оставалось сделать. Так что я решила, что я могла дальше делать это.

— Доброе утро, Билл, — сказала я, забираясь на заднее сиденье мусоровоза.

Было еще слишком рано. Солнце находилось в половине ладони над горизонтом, а у Билла была очень большая батарея. Я слышала слабые гудки, исходящие от его солнечной панели, которая изо всех сил пыталась впитать часть света. Звуковой сигнал начинался медленно, но становился быстрее, когда батарея почти полностью заряжалась. У меня было около минуты до того, как его двигатель заведется.

Я пыталась держать себя в руках. У меня сегодня был Изумруд: это был один из самых больших районов, и была вероятность, что я отстану. Я не могла гоняться за Биллом, если у меня в носу были сопли. Поэтому я залезла в Билли и схватила фотографию, надеясь, что океан меня успокоит.

Не смог.

Я сразу заметила, что картинка была намного тяжелее, чем обычно. Сзади к ней было что-то приклеено: толстая металлическая заглушка с торчащим из конца рядом зубцов. Зубцы были расположены неравномерно и выступали на разную длину. Когда я посмотрела на них, я узнала рисунок.

Он такой же, как группа отверстий в приборной панели Билла, прямо под словами «ручное управление». Штыри пройдут в эти отверстия, и когда я поверну ключ, я буду иметь полный контроль над педалями и рулем.

Это был ключ, который Ральф пообещал сделать для меня. Должно быть, он оставил его здесь — и для этого он должен был вытащить свой кислородный баллон на задний двор стоянки. На пятьдесят ярдов по гравию, пеплу и грязи.

Ему было нелегко. Когда я подумала об этом, на глаза навернулись слезы, но мне удалось сморгнуть их. Когда я оторвала ключ от фотографии и увидела записку, приклеенную к ней, я потеряла контроль:

Шарли,

Это не прощание. Я вернусь за тобой, обещаю. Но это должен сделать один из нас. Может, я объясню тебе это когда-нибудь, но сейчас ты просто должна мне доверять. Я делаю это для нас. Для всех нас.

Ральф

Я мгновение была в шоке. Затем я швырнула ключ на землю и порвала его записку на куски.

В этой записке не было ничего, что стоило бы хранить. Он не сказал ничего, что я хотела, чтобы он сказал, ничего, что он должен был сказать. Он даже не сказал, что сожалеет.

— Ублюдок, — прошипела я.

Хотела бы я знать слова похуже, чтобы назвать его. Я бы хотела, чтобы у меня было слово, которое было бы достаточно плохим, чтобы немного напугать меня, потому что, если бы я была напуган, это могло бы немного ослабить давление в моей груди. Но как мне назвать того, кто причинил мне такую боль? Кто вырвал мое сердце и растоптал его? Что можно сказать, когда я чувствовала, что у меня в ребрах застряли маленькие кусочки гравия? Или отпечаток ботинка был на моей душе?

Хотела бы я, чтобы для кого-то такого было какое-то слово — и, может, оно и было, но я его не знала. Поэтому все, что я чувствовала, просто выливалось из меня потоком гневных слез.

К тому времени, когда Билл выехал с парковки, я уже была в сопливом беспорядке.

Изумруд находился рядом с Сапфиром. Было быстрее прорваться через Выход, чем ехать в обход. Я смотрела налитыми кровью глазами, как мимо нас проносились поля. Сегодня не было дуновения ветра. Сорняки были мертвы и неподвижны, готовились к тому, что обещало стать жарким днем.

Не прошло и часа после восхода солнца. Это была единственная часть моего дня, когда я не была в поту, и я даже не могла наслаждаться этим. Я смотрела, не щурясь, в сердце солнца. Я держала свой взгляд на его огненно-оранжевой корке столько, сколько могла выдержать — пока не начала болеть голова, пока на глазах не появились точки.

Это то, что я получила за плач. Если бы я не была такой мокрой все время, тогда, может, Ральф...

Ба-бах!

Билл ударился обо что-то, лежащее посреди дороги. Я не знала, что это было и почему его датчики дорожно-транспортных происшествий не засекали это заранее. Все, что я знала, это то, что это было что-то достаточно большое, чтобы проколоть его заднее колесо.

Весь грузовик содрогнулся, когда с обода отвалилась резина. Билл яростно вилял, мотаясь взад-вперед по желтым полосам, будто змеиный хвост. Я с трудом могла удержаться. Мои ботинки были зацеплены за выступ внизу, и я обеими руками обхватила стальной прут.

Примерно две с половиной секунды я была в порядке. Но затем резина выскочила из обода с такой силой, что мои ботинки вылетели из-под выступа.

Я рухнула всем весом на сгибы рук.

Внутри сгибов была вена. У меня столько раз оттуда брали кровь, что вокруг остались крошечные клякастые шрамы. Вены достаточно сильно пощипывало, когда лаборант протыкал их иглой. Поэтому, когда все сто двадцать пудов моего тела упали на это место, это тут же стало агонией.

Я не знала, как это обработать. Мои руки онемели, вместо того чтобы попытаться объяснить голове, какую ужасную боль они испытывали. Машина все еще виляла, и от качки сгибы рук вонзались в стальной прут. Мои ноги болтались в пустоте. Затем голый обод попал на дорогу.

Он выбросил волну искр на мои голени — искры были настолько насыщенные кислородом со скоростью двадцать пять миль в час, что они прожгли мой комбинезон. Я закричала от боли. Я инстинктивно потянулась к ним. А через миг я уже ехала по асфальту.

Я не помнила, как ударилась о землю. Не помнила, как ударилась об асфальт. Я не помнила, как порвались локти комбинезона, и я не помнила, сколько раз мир перевернулся, прежде чем он, наконец, остановился.

Я не была без сознания — скорее, мое тело ударило таким гейзером адреналина, что он полностью затуманил мою память. Когда я закрыла глаза и попыталась думать об этом, все двигалось слишком быстро, чтобы я могла сосредоточиться.

Что я знала, так это то, как чертовски повезло, что я была жива.

Да, я потеряла половину кожи на ладонях, а голова пульсировала, будто кто-то только что хлопнул по обоим ушам одновременно. Да, я скатилась в канаву, а поездка по асфальту обожгла меня от промежности до подбородка — и да, я рухнула на чёртов огненный муравейник в конце.

Но... я была жива.

— Боже.

Я поднялась на ноги и сильно моргала, когда мир еще раз яростно закружился. Я топала ногами по земле, чтобы стряхнуть с себя муравьев, что заняло секунду, потому что они были так же взбешены всей этой ситуацией, как и я. Когда у меня прояснилась голова, и я избавилась от муравьев, я посмотрела на дорогу.

Билл уже уехал. Его запасное колесо, должно быть, упало примерно через полсекунды после того, как он выкинул меня. Теперь он ехал к Выходу, будто ничего не произошло. Просто прямолинейный мусоровоз на своей полосе.

Хотела бы я знать ужасное слово, чтобы назвать машину, которая только что пыталась меня убить. Машина, которую я считала своим другом, не иначе. Но я не могла думать ни о чем достаточно плохо, чтобы мне стало лучше, поэтому я поберегла дыхание.

Предмет, на который наехал Билл, находился в паре сотен ярдов позади меня. Ему потребуется еще несколько минут, чтобы добраться до полицейского управления, и в этот момент кто-нибудь, вероятно, заметит, что я не на его спине, и шериф Кляйн, вероятно, выйдет за мной. Но до тех пор у меня было несколько с трудом заработанных минут.

И все, что я хотела сделать, это найти то, из-за чего лопнуло колесо, чем бы оно ни было, и дать ему хороший пинок.

Я сначала не поверила. Я была почти уверена, что знала, что это за предмет, но только когда я встала прямо перед ним, мой разум согласился зарегистрировать тот факт, что Билл наехал на кислородный баллон.

Кислородный баллон, закрепленный на тележке.

Кислородный баллон с изношенной вентилируемой маской, все еще прикрепленной к

нему пластиковой трубкой.

— Ральф? — в первый раз, когда я произнесла его имя, я была довольно спокойна. Но к шестому разу я завизжала. — Ральф! Ральф!

Без ответа. Ничего — только нерешительная трель каких-то ближайших цикад.

«Успокойся, Шарли, — подумала я. Я знала, что у меня была истерика. Я чувствовала, что вот-вот превращусь в паническую, рыдающую кашу. — Успокойся. Бак пустой, ясно? Ральф, вероятно, бросил его задолго до того, как по баку попали».

— Ладно.

«И ты видишь кровь?».

— Нет.

«Если бы Билл сбил его, была бы кровь, верно?».

— Верно. Ладно...

Я сделала глубокий вдох — это не совсем ослабило мою панику, но дало мне достаточно воздуха, чтобы сосредоточиться. Ральфа не было рядом с кислородным баллоном. Его не было ни в канаве, ни на дороге, ни впереди. Может, он добрался до штаб-квартиры полиции.

Я собиралась уйти, когда заметила огромную канаву в сорняках. Она находилась на той стороне дороги, которая была ближе всего к стене. Я подбежала к ней и поняла, что яма на самом деле представляла собой тропу, проложенную кем-то, кто пробирался к стене.

Тем, кто теперь сгорбился в траве, трясая плечами и обхватив голову руками.

— Ральф?

Он посмотрел на меня, и белки его глаз были такими же красными, как его метка. У него все лицо было влажным, и вряд ли от пота.

— Уходи, Шарли, — хрипло сказал он. Когда он снова заговорил, его слова звучали прерывистым шипением. — Пожалуйста... просто оставь меня.

Я не собиралась этого делать. Он должен был знать, что я не собиралась оставлять его, потому что он не выглядел удивленным, когда я плюхнулась рядом с ним на колени.

— Ральф... какого черта ты здесь делаешь?

— Ничего.

— Я думала, ты уехал в Опал?

— Должен был. Я собрал чемодан и вышел ждать, пока за мной приедет машина. Это произошло только ближе к закату, а когда это произошло... — Ральф вырвал пучок сорняков и отбросил их в сторону, — когда показалась та машина, мистер Блэкстоун опустил окно, и он... он смеялся надо мной. Потом он просто уехал и бросил меня.

— Ну да, Говард — задница, — яростно сказала я. — Просто забудь о нем.

— Я не могу забыть это, — простонал Ральф. Он потянулся к еще пучку сорняков, и я могла сосчитать каждую выемку на гребне его позвоночника. — Это был первый раз... это был первый раз за всю мою жизнь, когда я подумал, что могу выбраться отсюда. Я никогда еще нигде не был, Шарли.

— Я знаю.

Когда Ральф родился, он *выглядел* дефективно. Из-за крошечного, хрупкого тела и отметины на лице он даже не выходил из парадных дверей Лаборатории. У него никогда не было семьи, он никогда не садился обедать за кухонный стол. Он никогда не знал, каково это — лежать на ковре с чистым листом бумаги и коробкой красок и рисовать, глядя телевизор.

Ральфа взяли из метро и поместили в лабораторию. Впервые он вышел, когда мы переехали в Страшную грядку.

— Некоторое время ты жила в Далласе, но я никогда не знал ничего другого. Никогда ничего другого не делал. Я никогда раньше даже не видел травы, — он крутил сорняки между руками, прерывисто дыша. — А после того, как мистер Блэкстоун уехал, я... я просто хотел это увидеть, понимаешь? Я просто хотел иметь это. Так что я пошел. Теперь я не хочу останавливаться.

Часть меня — маленькая эгоистичная часть — была рада, что Ральф вернулся в Гранит. Есть немного большая часть меня, которая была очень зла, хотела извинений. Она хотела, чтобы он сожалел о том, что бросил меня. Она хотела, чтобы он признал, что был ужасным другом, и поклялся, что никогда больше не бросит меня.

Но последняя часть меня говорила громче всех. Самая большая часть. Остальная часть меня. И когда она услышала всю боль в голосе Ральфа, мое сердце сжалось так, будто я тонула в Баке.

Неважно, насколько я была эгоистична или зла, боль Ральфа убивала меня.

— Я не хочу останавливаться, — снова сказал он с умоляющим взглядом. — Я просто хочу гулять. Я хочу ходить, пока не смогу уже ходить.

— Хорошо, тогда не будем останавливаться, — сказала я. Моя голова все еще пульсировала, а ладони жгло, будто в обеих руках у меня были трехфутовые языки пламени. Но я почти не замечала этого.

Сейчас во мне циркулировал другой вид адреналина. Это скорее была линия, чем гейзер: линия тонкая и хрупкая, как паутина. Я никогда раньше не говорила о том, чего хотела, я очень много думала об этом, но у меня никогда не хватало смелости сказать это вслух. То, чего хотел Ральф, всегда было для меня важнее, и он хотел остаться в Далласе. Он хотел, чтобы мы продвигались вверх и были настолько Нормалами, насколько это было возможно.

У меня не было никакого интереса ни к работе, ни к Далласу, ни к попыткам вести себя Нормально. Я хотела уйти — и знала, что глупо было хотеть покинуть город с неприступной стеной, но именно этого я хотела.

Мои сны о Ничто... они казались такими реальными, приходили ко мне так живо, что казались скорее фактами, чем снами. За пределами Далласа был мир, и его стоило увидеть.

Ральф впервые сказал что-то о своем желании уйти, и это придало мне смелости, чтобы высказаться.

— Мы можем идти сколько угодно долго — вплоть до океана. Мы можем жить на пляже. Сделать дом из песка или что-то в этом роде. Я не знаю, из чего люди на пляже строят свои дома, но мы с этим разберемся, — я скривилась, пока говорила, вынося все эти хрупкие вещи на открытое пространство и к ногам Ральфа. — Мы сможем делать все, что захотим. И не будет иметь значения, что мы неполноценные, потому что рядом не будет никого, кто бы напомнил нам об этом. Мы сможем просто быть... счастливыми.

Свежие слезы покатались по его лицу, и на полсекунды мне показалось, что он согласится пойти со мной. Затем он посмотрел на меня и сказал:

— Это глупо, Шарли. Мы даже не можем пройти через Выход.

— Мы можем. Ты мог бы разгадать...

— Даже если бы я мог, я бы не стал, — он прикусил нижнюю губу и перевел взгляд на стену. — Я больше не хочу этого делать. Я... я закончил, хорошо? Я сдался, — он сделал

серию панических прерывистых вдохов и добавил. — Я... больше... не хочу!

Я знала, что происходило. Когда Ральф начинал вот так дышать, это значило, что он был близок к потере сознания.

— Ладно-ладно. Нам не нужно проходить через Выход. Я поговорю с Говардом, хорошо? Я посмотрю, смогу ли я убедить его дать тебе шанс...

— Нет! Я — все!

Я попыталась схватиться за его костюм сзади, но Ральф оттолкнул мою руку. Он упал на четвереньки и потащил свое тело через сорняки — грудь тяжело вздымалась, а глаза были устремлены к ближайшему слою потрескивающей синей энергии. Без кислорода он далеко не уйдет. Три, может, четыре фута. Затем он упал лицом в грязь.

— Я закончил... Я закончил...

Я осторожно легла рядом с ним. Я хотела коснуться его. Глядя, как его слезы падают на траву, я ощущала желание обнять его за плечи. Чувство было настолько сильным, что почти переполнило меня. Я не выдержала:

— Эй? Что, черт возьми, на тебя нашло?

— Ничего, — прорычал он.

— Ну, должно быть что-то. Ты никогда не плачешь...

— Это ты, ясно? Это ты, — выдавил он. — Ты просто всегда... там. Стоишь в моем дверном проеме. Хочешь поговорить со мной. Сделать все для меня. И каждый раз, когда я смотрю на тебя, я вспоминаю, — его лицо сильно сморщилось. — Я вспоминаю, какой я бесполезный. Насколько на самом деле бессмысленна моя жизнь.

Я не понимала, что он говорил.

— Ты не бесполезен.

— Я такой. Я могу умереть, и всем будет наплевать.

— Это неправда, — твердо сказала я. — Мне было бы не наплевать. Ты нужен мне, Ральф. Если ты умрешь, это убьет меня.

— Нет, ты будешь в порядке.

— А как насчет того, что произошло в прошлом году, а? Когда ты упал и перестал дышать? — одной мысли о том, как выглядел Ральф, когда я увидела его, плюхнувшегося на грязный пол в гостиной, с выпученными глазами и посиневшими губами, хватило, чтобы снова разбить мне сердце. — Ты чуть не умер, а я...

— Да, может, ты должна была позволить мне! Потому что, черт побери, смысла жить нет, — его губы оторвались от зубов в рычании. Влага покрыла зелень его глаз. — Ты должна была просто позволить мне, — выдохнул он. — Почему ты просто не дала мне умереть?

Я не знала, что на это сказать. Я была в шоке.

Самые страшные секунды в моей жизни случились, когда Ральф перестал дышать. Это было посреди ночи. Никто не был рядом, чтобы помочь нам. Он выскользнул из моих рук и начал биться в конвульсиях на полу — и я не знала, что делать.

Я мало что помнила о том, что произошло дальше. Я только помнила, как била его в грудь изо всех сил, вонзая кулак в плоть над его сердцем. Снова и снова, пока он, наконец, не проснулся, резко вдохнув.

Позже Говард увел меня в комнату и потребовал, чтобы я рассказала ему, как я узнала, как это сделать — как, без какой-либо медицинской подготовки, я узнала, как бить Ральфа в грудь? У меня не было для него ответа, по крайней мере, такого ответа, которому бы он

поверил. И я получила билет на Растяжку для наказания.

Но мне было все равно. Мне было все равно, потому что Ральф был жив — и это все, что имело для меня значение.

Теперь я лежала рядом с ним, пока он рыдал в траве, и он злился на меня за то, что я спасла единственное, что мне было небезразлично. Не было никакого смысла в том, как такой замечательный человек, как Ральф, мог хотеть умереть. Что в этом хорошего?

Я думала, что ему сказать, когда над полем разнесся знакомый шум. Это пронзительный вой сирен полиции.

— Шарли? — руки Ральфа тряслись, когда он зажал ими уши. Его глаза были широко раскрыты, а лицо снова побледнело. — Шарли, что это?

— Это ничто. Бьюсь об заклад, шериф отправилась меня искать. Подожди здесь, я расскажу ей, что случилось. У тебя не будет проблем, — уверяла я его. — Кляйн очень милая.

Я не ждала, чтобы увидеть, понял ли Ральф. Я просто встала и пошла.

По полю с другой стороны дороги мчалась вереница четырехколесных велосипедов. Сине-красные огни сердито вспыхивали в промежутке между их рулями, и они визжали меньшими сиренами. Пыль и мертвая трава поднимались позади них туманным облаком.

Ведущий велосипед значительно опережал остальных. Шериф Кляйн вела его через серию поворотов и заносов, ее желто-зеленые глаза сканировали каждый дюйм земли. Когда она увидела, что я махала, она развернулась так быстро, что позади нее взлетела стена песка. Двигатель ревел, когда ее руки впились в руль. Она поравняется со мной всего через несколько...

— Э-эй! Остановись там!

Тейлор, нервный охранник будки, стоял в нескольких шагах слева от меня. Я не знала, как не заметила его раньше. Он выглядел таким же удивленным, как и я.

Шериф Кляйн, должно быть, отправила его на еще одну пробежку: он опустил винтовку над головой и сунул приклад под мышку. Ствол опасно качался, когда он попытался направить его на мою грудь.

— Не двигайся, — сказал он, переводя рычаг в положение «заряд». — Если ты двинешься, мне придется тебя застрелить. Теперь подними руки вверх.

Я совсем не беспокоилась. Даже если он выстрелит, он промахнется. Первокурсникам требовалось около года практики, чтобы добиться точности.

— Нет, я так не думаю. Шериф уже в пути, — я кивнула на мчащиеся велосипеды, — так что можете...

— Агх!

Кто-то протиснулся мимо меня. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать то, что я видела: Ральф сошел с ума. Он бросился на Тейлора в спотыкающемся спринте, его тонкие руки маниакально двигались над головой.

— Ральф, нет!..

— Я сказал, не двигайся!

— Ральф!..

Луч вырвался из передней части винтовки Тейлора. В глазах мелькнул голубой свет — такой яркий и обжигающий, что весь мир засыпало мерцающими белыми пятнами. Я слепо пошатнулась, прикрывая глаза одной рукой, а другую вытягивая вперед.

— Ральф? Ральф!

Мне нужна была секунда, чтобы вернуть зрение. Первое, что я увидела, это Тейлор: он смотрел на сорняки перед собой, рот отвис в величайшем выражении нормального шока.

— Нет, — винтовка выпала из его рук и с глухим стуком рухнула в траву. — Нет ...

Облако дыма поднималось с земли перед ним. Сорняки были примяты чем-то — чем-то размером и формой похожее на очень маленькое тело...

— Ральф!

Его имя звучало как крик. Я смотрела на него сверху вниз. На огромную рану в передней части комбинезона. Тонкий материал выгорел, обугленный по краям. Кольцо плоти было внутри выжженного круга. Оно было красным, сморщенным и все еще шипящим посередине. Запаха было достаточно, чтобы заставить меня подавиться. Но я была уверена, что это было не смертельно.

Тейлор не держал спусковой крючок достаточно долго, чтобы нанести реальный урон.

— Боже... слушай, я знаю, что это больно, но ты должен лежать спокойно, хорошо? Не двигайся. В полиции есть медик, и он... эй, Ральф?

Я осторожно подтолкнула его, но он не двигался.

Он не дышал.

— Это... это его сердце! Ему нужна помощь!

Я не знала, кому я кричала, или чего я ожидала, чтобы они сделали. В моей крови было так много огня, что я едва могла думать. Глаза Ральфа были дикими, выпученными. Он слабо царапал грудь, а его губы синели.

— Подожди, Ральф, я с тобой. Я рядом.

Я изо всех сил ударила ладонью ему в грудь. Его тело дернулось от давления; его глаза слезились от боли. Я опустила кулак. Снова. Но Ральф не заводился. Он все еще не дышал. Его глаза закатились и начали закрываться.

Боже, я теряла его.

Я теряла его.

— Подождите! Подо...!

— Шарлиз! Прекрати!

Голос шерифа Кляйн звенел у меня в ушах. Ее руки сжали мою талию, и она оторвала меня от земли, будто я весила не больше перышка. Мир вращался, она повернулась и потащила меня к велосипеду.

Тело Ральфа было в пяти ярдах. Потом десяти. Его грудь не двигалась, а лицо было белым, как облака.

Он умирал.

Он умирал.

Ральф умирал!

Я кричала это. Кожа на моем горле рвалась от этих криков. Огонь вспыхивал на моих руках, я била ими по рукам Кляйн. Снова и снова, пока ладони не покраснели, а костяшки пальцев не покраснели.

Я кричала. Я плакала. Но шериф Кляйн не отпустила меня. Полицейские ничего не делали: они просто стояли в кольце вокруг него, наблюдая, как его тело корчилось в сорняках. Ему никто не помогал.

И Ральф больше не смог вдохнуть.

ГЛАВА 6

Я пробыла в Лаборатории неделю. Так сказал календарь.

Он висел криво на боку моего холодильника — лист бумаги с моим рабочим графиком, напечатанным в виде тонкой черной сетки. Бумага была низкокачественной, пригодной для вторичной переработки. В белый цвет были вкраплены куски необработанного материала. Они делали сетку ломаной и волнистой, и в результате некоторые слова не очень хорошо напечатались.

Но на прошлой неделе в каждом блоке были поставлены свежие красные крестики, которые заставили придерживаться силы штампа Говарда:

— Ты закончишь свой месяц, затем соберешь свои вещи и, да поможет мне Бог, переедешь в Опал в первый день июня. А если нет, я... заставлю... тебя... заплатить.

Семь дней, семь отметок. Семь хорошо продуманных причин заткнуться и делать то, что говорит Говард. И я полагала, что на этот раз не было причин не делать этого. В Граните меня ничего не держало.

Ральф был мертв.

Я сначала не хотела в это верить. Я сражалась с шерифом Кляйн всю дорогу до лаборатории. Я боролась с наручниками. Я боролась с ремнями. Я боролась, хотя знала, что это бессмысленно, потому что средний Нормал был примерно в восемь раз сильнее меня.

Когда лаборанты заперли меня в комнате, я почти целый час провела привязанной к своей кровати. Я била кулаками по металлическому каркасу и кричала, чтобы кто-нибудь подслушал.

Наконец-то кто-то это сделал.

— Ты хочешь его увидеть, Шарлиз? Хочешь увидеть Ральфа? — крикнул Говард с другой стороны двери. — Потому что я отведу тебя туда прямо сейчас. Я позволю тебе посмотреть ему прямо в его мертвые, высохшие глаза. Но сначала ты должна успокоиться.

Когда я согласилась вести себя прилично, вошел Говард. Он схватил меня за руку и потащил в другое крыло Лаборатории — его я никогда раньше не видела. Я была почти уверена, что мне не место в этом крыле. Я помнила довольно много протоколов техников о том, что субъекты не допускались в Крыло Д.

Я не помнила, что Говард им сказал. На самом деле я мало что помнила, потому что то, что произошло дальше, заняло весь блок моего сознания...

Как выпуклый, ужасный штамп.

— Теперь ты мне веришь, а?

Говард провел меня в изгиб частного зала. Дальняя стена была полностью сделана из стекла, что позволяло хорошо видеть комнату за ней.

Она была белой и стерильной, как и вся лаборатория. Но пол слегка прогибался, а не был ровным. В центре комнаты стояла длинная стальная скамья, привинченная к бетону. Под этой скамьей было устье открытого водостока. Над ним виднелась путаница роботизированных рук с блестящими хромированными инструментами на концах.

А на столе, голый и распластаный, как сбитый на дороге, лежал...

— Ральф? — я задыхалась.

Тело на столе было похоже на тело Ральфа: маленькое и худое, сбоку на лице была красная отметина. Но глаза были не такими. Тело лежало на животе, повернув голову к

стеклянной стене. Я смотрела в эти глаза и пыталась понять, почему они выглядят не так, как должны, почему в них нет света, почему прекрасная зелень морской пены высохла в приглушенно-голубое пятно.

— Он мертв уже какое-то время, — отрезал Говард, когда я спросила. — Вот что происходит с людьми, когда они умирают: вся жизнь покидает их, и остается лишь гниющая мясистая оболочка.

Это чувство закипело во мне тогда — что-то среднее между тошнотой и печалью. Я больше не могла смотреть на тело Ральфа. Он ушел. Мне было ясно, что он ушел. Не оболочка, которую он оставил после себя, была такой мирной и знакомой... Я не могла видеть, как она вот так вот портится.

Голая, холодная и одинокая.

Когда я попыталась отвернуться, Говард схватил меня за волосы.

— О нет, Шарлиз. Ты сказала, что хочешь это увидеть. Так что ты это увидишь, — он ткнул меня лицом в стекло. — Ты *все* это увидишь.

Звук моего удара лбом об окно, должно быть, напугал лаборанта. Когда он поднял глаза и увидел нас, он покачал головой.

Говард прижал меня одной рукой, а другой потянулся к интеркому.

— Все в порядке — особые обстоятельства. Просто продолжайте эту процедуру.

Техник какое-то время смотрел на Говарда, пока тот прорабатывал протокол. Затем, кивнув, направился к пульту управления.

— Смотри на это, Шарлиз. Не закрывай глаза — ты увидишь каждую секунду.

Я не хотела. Когда роботизированные руки проснулись и начали тянуться в сторону Ральфа, мне больше всего хотелось закрыть глаза и отвернуться.

Но я не могла.

Одна рука высвободилась из путаницы. На конце свисало что-то похожее на металлическую паутину. Паутина напряглась и сильно сжала переднюю часть лица Ральфа — так сильно, что проткнула кожу на его щеках. Она оставляла дыры, куда бы ни впивалась. Дыры с черными ртами и разодранными розовыми губами. Рука слегка приподняла его голову над столом, согнув шею неестественно.

Еще одна рука опустилась. Закругленное лезвие яростно вращалось на конце, превращая сотни зазубренных концов в размытое пятно. Рука нырнула за голову Ральфа. Я ничего не слышала через стекло, но поняла, как только лезвие коснулось его черепа.

Куски кожи и брызги черной слизи расплескались по стене. Она залила руку и окрасила ее хром брызгами. Тело Ральфа дрожало от силы резьбы. Его конечности болтались, как рукава пустого костюма.

Как только лезвие закончило, его место заняла третья рука с наконечником в виде лопаты. Она втиснулась в порез и повернулась, раскрыв его череп, как горловину мусорного мешка. Лицо Ральфа растянулось вместе с ним: кожа на глазах и зубах оттянулась в омерзительной ухмылке. Вдоль складки его носа разошлась линия. Рука разорвала его до глаза, и уголок кожи плюхнулся, обнажая под ним лужицу желтого жира.

Именно в этот момент я потеряла контроль над своим желудком.

Говард силой прижал меня к стеклу, пока я выплевывала свернувшуюся еду на окно. Половина брызнула мне в лицо, стекала по моему горлу в переднюю часть моего комбинезона. Я страдала все время, пока лопата копалась внутри черепа Ральфа. Каждый раз, когда я давилась, вырывался крик.

Слезы обожгли мне глаза, я едва могла видеть. Сквозь пелену шока и ужаса я смотрела, как лопата вычерпнула что-то серое из затылка Ральфа и положила это в прозрачный пластиковый пакет. Затем руки поднялись, то, что осталось от его лица, свисало лентами с черепа.

Говард заставил меня досмотреть до конца. Он держал меня там, пока руки швыряли тело Ральфа в печь, а острые синие клыки превратили его в горку пепла. Только когда от Ральфа ничего не осталось и ничего не осталось в моем желудке, он потащил меня в мою комнату, где я просидела в тишине и в промокшей от рвоты одежде до конца недели.

Я больше ничего не могла сделать. Ральфа больше не было — он умер, был разорван и стерт с лица земли. Я видела это своими глазами.

Я закончу остаток этого месяца, работая в Граните, а затем закончу учебу. Я буду первым Дефектом, окончившим образовательную программу Гранита. У меня будет работа в офисе и небольшой домик в Опале. В отделе планирования была моя заявка на участие в брачной лотерее — если я захочу ею воспользоваться.

И, может быть, я должна была.

Было бы неплохо выйти замуж. Было бы неплохо иметь кого-то, с кем можно поговорить, посмотреть футбол, того, кто ждет, когда я вернусь домой в конце дня. Даже если этот человек будет пустым, голубоглазым Нормалом, это было лучше, чем ничего...

Нет.

Нет, я не могла этого сделать. Я не могла так думать.

Я выживала здесь так долго, потому что у меня был план — у меня были мечты на будущее, у меня было то, что я хотела осуществить. Теперь все это ушло. Все решалось за меня. Я больше не мечтала.

Мысль о том, чтобы заменить все мои надежды планом Говарда, была невыносима.

Тем не менее, я встала с кровати и побрела вниз. На улице было ветрено. Над парковкой проносился сердитый южный ветер — я была уверена, что он принесет сильный ливень на остальной Даллас. Все, что получит Гранит, — это тепло и влажность.

Я не знала, в каком районе была сегодня — я даже не могла вспомнить, что было сегодня. Но, может, если я какое-то время поработаю, это меня успокоит. Все снова наладится. И, может, если я буду работать достаточно усердно и долго, я просто забуду...

Мой ботинок неуклюже покачнулся, когда я готовилась забраться на мусоровоз. Я наступила на что-то закопанное в гравии. Когда я подняла его, я увидела ключ ручного управления — ключ, который Ральф сделал для меня. Ключ, который я бросила несколько дней назад, потому что злилась на него.

Я злилась на него.

Сейчас это казалось таким смешным.

Я не могла поверить, что ключ все еще был цел. Ручка была немного погнута, наверное, из-за того, что по ней перекатился мусоровоз. Но шпильки были целы. Он казался тяжелее, чем я помнила. Даже после того, как я запихнула его в карман, я чувствовала вес ключа, натянувшего швы. Это беспокоило и вызывало ощущение зуда, до которого я не могла дотянуться.

— Не плачь сегодня, — сказала я себе. — Ральф не хотел бы, чтобы ты плакала. Он хотел бы, чтобы ты смирилась с этим и двигалась дальше.

Я вытащила фотографию океана. Мне она больше не требовалась. Если я сохраню ее, мне будет только грустно. Так что я взяла картинку большим и указательным пальцами и

постепенно ослабила хватку, пока ветер, наконец, не вырвал ее из моей руки.

Я смотрела, как картинка неслась через участок и попала в тень рушащейся фабричной стены. Такие места еще были в Ничто — я не имела права знать об этом, но чувствовала это так же ясно, как царапину на колене. Было еще несколько хороших мест, несколько мирных мест. Были океаны, листья и песчаные холмы.

И где-то, в месте, где трава зеленая, а солнце золотое, хотел бы оказаться Ральф. Это было место, где он заслужил быть.

Где он был бы, если бы не Тейлор.

Волна гнева ударила меня в грудь. Меня это выматывало — она била так сильно, что я соскользнула с перекладины и упала на землю. Я вонзила ногти в гравий и сжимала камни в ладонях. Вот и весь Гранит: только гравий и грязь, да сторевшая оболочка чего-то, что давно умерло.

Остальной Даллас мог выглядеть лучше сверху, но я знала, что внизу он такой же мертвый. Мертвый, высохший город, наполненный кучей людей с мертвыми глазами. У Нормалов не было чувств, и после того, что я видела, как они поступили с Ральфом, я не думала, что у них была душа. Они просто были... пусты. И я беспокоилась, что если я останусь здесь дольше, я тоже опустею.

Я не могла согласиться с планом.

Я должна была уехать из Далласа.

Солнце восходило. Билл будет заряжен и готов к работе в любой момент. У меня было всего несколько секунд, чтобы принять решение. За миг, пока я поднималась на ноги, я приняла решение.

— Извини, Билл, — сказала я, открывая дверцу кабины. — Мне правда жаль.

Мусоровоз завелся, когда я пристегнулась. Некоторое время я смотрела на органы управления: смотрела, как крутился руль, как сами собой качались педали. И как только я решила, что разобралась, я воткнула ключ блокировки и повернула.

Двигатель Билла заглох со стоном. Все органы управления и рычаги вернулись в исходное положение. Я не ожидала этого. Я думала, что грузовик будет продолжать работать, пока все переключалось на ручной режим.

Я никогда раньше не водила машину. Я знала, что мне нужно было повернуть ключ, чтобы завести его, потянуть рычаг переключения передач вверх, пока он не остановится на D. Но знание всего этого не подготовило меня к тому, как сиденье тряслось подо мной, или двигатель ревел в моем ухе.

Или притяжение его массы, катящейся назад.

— Ах, блин, как мне остановиться?

Склон тащил меня боком к контрольно-пропускному пункту. В зеркале заднего вида я видела приближающуюся красно-белую полосатую руку. Я пыталась повернуть колесо в сторону, но повернула не туда: теперь я идеально выровнялась с кирпичным фасадом будки.

Я дергала рычаги, нажимала кнопки. Я перевернула что-то, и погас весь свет. Но ничто из того, что я делала, не замедлило Билла.

Он ударился об будку достаточно сильно, чтобы разбить окно и обрушить стены. Я услышала шипение и звон металлической крыши, когда она рухнула на машину и соскользнула с нее. Сила остановки швырнула меня к рулю, и моя грудь врезалась в клаксон.

Я съежилась от пронзительного шума, пытаясь выпрямиться. Наверное, все в Граните это слышали. Иначе не могло быть. За пару сотен лет, что Даллас существовал, беспилотный

хлам ни разу не сигнализировал. А это значило, что если Лаборатория услышала это, они отправятся к Страшной гряде.

Я наклонилась, чтобы посмотреть, и увидела две педали, зажатые под приборной панелью. Я подняла правую ногу и резко опустила.

Мусоровоз накренился вперед так яростно, что я ударила головой о руль. Я подняла взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть робота-уборщика, удаляющегося с моего пути. Я сильно потянула руль влево, чтобы не раздавить его ноги, и в итоге понеслась к задней части стоянки.

Билл был тяжелым. Он не был предназначен для того, чтобы прыгать. Поэтому, когда его шины соскользнули и сорвались с двухфутового бордюра, я ожидала, что моя поездка на этом закончится. Я закрыла глаза и держалась за руль. Я вонзила колени под приборную панель и старалась не прикусить язык, кабина подпрыгнула достаточно сильно, чтобы мою макушку ударила о потолок.

Старый мусоровоз ныл так, будто вот-вот мог развалиться на части, но, что примечательно, он этого не сделал. Я дала себе несколько минут, чтобы отдышаться, а затем поехала дальше.

* * *

Я не сразу добралась до Выхода. Вождение отличалось от роли пассажира: мне никогда не приходилось обращать внимание, когда я ехала в Билле. Теперь, когда я контролировала ситуацию, все выглядело иначе.

Я никогда раньше не видела дорогу с такого ракурса. Все, что я знала, это вид сбоку на асфальт и пунктирную желтую линию. Когда все это раскинулось вот так, заполнило лобовое стекло и растянулось до самого Выхода — это пробудило что-то внутри меня. Это заставило мои пальцы покалывать, а сердце — бешено колотиться.

Билл, этот огромный стальной монстр, дрожал в моих руках. Его тело тряслось, он с хрипом разогнался до двадцати пяти миль в час. Я держала его там секунду, моя нога дрожала на педали. Почему-то я чувствовала, что что-то было не так.

За рулем по дуге были расположены датчики, символы и тонкие стрелки. Мои глаза обратились к датчику, где все скорости были перечислены в круге. Билла качало и трясло от усилий, необходимых для того, чтобы тащить его массивное тело по дороге.

Может, из-за дрожи мусоровоза или, может, из-за того, мои глаза высохли от всего того, что я выплакала раньше. Но когда я смотрела, как колебалась стрелка, у меня начало двоиться в глазах. Вторая игла, оранжевый цвет которой стал ржаво-белым, отделилась от первой и поднялась до шестидесяти.

Когда я моргнула, вторая игла исчезла. Но оставила после себя чувство — как побуждение — того, что я должна была делать дальше. Я знала, что это: это произошло со мной в первый раз, когда у Ральфа случился приступ. Я уставилась на его грудь и увидела слабые очертания кулака, сильно ударившего по ней.

Желание подтолкнуло меня, пока я не подняла кулак и не опустила его. И после того, как я однажды ударила его в грудь, я точно знала, что это нужно было сделать, чтобы сохранить ему жизнь. Говард не поверил мне, когда я сказала ему, что тень кулака была причиной, по которой я знала, что нужно ударить Ральфа. Он просто очень разозлился, потому что подумал, что я лгала.

Неважно, что думал Говард: я могла делать то, что хочу.

— Ну вот, — шепнула я, будто это предупреждение каким-то образом подготовило бы

Билла к выходу за пределы его возможностей.

Мой ботинок надавил на педаль. Двигатель скулил, я разогнала его до сорока. Он начал выть, когда стрелка поднялась до пятидесяти. Пятьдесят пять — я боялась, что все развалится на куски. Но что-то замечательное произошло, когда мы добрались до шестидесяти.

Двигатель проснулся с ревом. Я чувствовала это у себя в груди, когда Билл переключился на более высокую передачу. Все перестало трястись. Он поднялся и пожирал дорогу перед собой, двигаясь так, как никогда раньше.

Двигаясь так, как должен был двигаться.

Я знала это. Я чувствовала это глубоко внутри той части себя, которая только что проснулась. То ли это новое чувство, то ли какой-то бред, вызванный горем, я не была уверена. И мне было все равно. Езда на такой скорости мне казалась вполне разумной. Я опустила окна и рассмеялась, когда ветер расплел косу моих волос. Я дернула руль, и мы подъехали к желтой линии.

В середине дороги была более гладкой — казалось, шины скользили по стеклу. Я не хотела останавливаться. Я не хотела прекращать. Даже когда я приблизилась к Выходу, я не убрала ногу с педали. Я смотрела на край будки контрольно-пропускного пункта и представила, каково это — протаранить его.

Полиция явно поняла, что что-то было не так. Их Нормальные уши, вероятно, слышали, как мусоровоз рыл асфальт в доброй миле назад. Они вышли из штаб-квартиры во главе с шерифом Кляйн. Она собрала офицеров плотной линией на дороге и подала им знак вытащить винтовки.

Я должна была бояться. На моем пути стояли более дюжины ветеранов-офицеров с винтовками, направленными мне в лицо. Их стволы не тряслись, а глаза не двигались. Они тоже не отступят. И все, что у меня было, это треснувшее лобовое стекло.

Но я почему-то не боялась. Я не замедлилась и не задрожала.

Вместо этого я... рассмеялась.

Я смеялась. Я смеялась, пока не услышала себя сквозь ветер. Когда у меня кончилось дыхание, я легла на клаксон. Я держала, и он гудел. Потом я снова нажала.

Кляйн узнала, что я была за рулем. Даже издали я видела, как ее лицо исказилось, а ее спина дрогнула. Она рывкнула на половину линии, и они опустили винтовки, чтобы прицелиться в землю. Другая половина целилась в мои колеса.

Что-то щёлкнуло в моей голове, когда офицеры заняли эту позицию. Перед глазами мелькали расплывчатые картинки: я видела, как бело-голубые энергетические лучи яростно ударялись об асфальт, нагревая дорогу до тех пор, пока не вскипела смола. Новые лучи ударили в шины мчащегося грузовика. Когда расплавленная резина попала на горячую смолу, они слились, образуя уплотнение, которое захватило грузовик, как муху в луже клея.

Я знала, что так шериф Кляйн намеревалась остановить меня. Не ясно, откуда я это знала, но у меня не было времени беспокоиться об этом. Едва Кляйн опустила руку, я слетела с дороги в кювет.

Шины ударились о край, и я вскочила со своего места, когда Билл бросился через яму. Позади меня дорогу освещали сине-белые вспышки.

Вожделение по траве оказалось более сложной задачей, чем я ожидала. Мир вращался, задняя часть мусоровоза виляла. В один душераздирающий момент левая шина полностью оторвалась от земли. Вес стальных челюстей угрожал опрокинуть нас на спину. Я резко

дернула руль влево, надеясь, что такой резкий поворот заставит Билла снова встать на четвереньки.

Это работало.

Шины ударились о траву и сильно заскользили, взметнув облако пыли на офицеров. Я поехала вперед вместе с силой скольжения, пока мы не потеряли скорость. Потом я нажала на газ.

Колесам потребовалось около двух секунд, чтобы найти опору и толкнуть нас вперед. Едва хватило времени, чтобы сделать глубокий вдох. Тем не менее, за это время Кляйн успела выхватить револьвер, прицелиться мне в горло и выпустить луч, на ярко-синей передней части которого нацарапано мое имя.

Я не знала, как она нашла время отреагировать. Я не знала, как она вообще смогла разглядеть меня сквозь пыль. Все, что я знала, это то, что когда меня ранят в шею, это будет чертовски больно.

— Ах! Что за...?

Я не успела закончить. Как только я схватилась за горло, машина сбилась с курса. Она сделала почти полный поворот на девяносто градусов в сторону будки контрольно-пропускного пункта, которая, похоже, была сделана из чего-то гораздо более прочного, чем кирпич, потому что Билл спереди захрустел, как пустая банка из-под газировки.

Моя поездка была окончена. В моих волосах было стекло, а из носа текла кровь. Моя грудь так сильно ударилась о руль, что дыхание осталось примерно в двадцати ярдах позади меня. Я толкнула дверь и плюхнулась на траву.

Чтобы снова начать дышать, потребовалось несколько секунд. Я оставалась сгорбленной, как собака, пока не стала уверена, что не задыхалась. Когда я попыталась поднять голову, воротник комбинезона задел свежий ожог на шее.

Кожа там была сырой и липкой. Я слышала шипение. Пахло смертью. Я встала на колени и попыталась оглядеться.

Полиция выстроилась передо мной. Когда облако пыли опустилось, первой я увидела шерифа Кляйн — с расставленными ногами и желто-зелеными глазами, она прорычала мне из-за прицела ее револьвера:

— Шарлиз Смит, — крикнула она, — что, черт возьми, ты делаешь?

Я не видела ее с того дня, как умер Ральф. Последнее, что она сказала мне, помогая лаборантам пристегнуть меня, было: «Так бывает».

— Успокойся, Шарлиз, — ее рука прижалась к моей груди, глубоко вжала меня в складки узкой лабораторной кровати. На ее лице ничего не было. В ее глазах ничего не было. Ни сочувствия, ни раскаяния. — Успокойся, хорошо? Так бывает. Это происходит каждый день. Нет смысла расстраиваться из-за этого.

Она понятия не имела, какую ужасную вещь она только что сделала. Оттащив меня, она приговорила Ральфа к смертной казни. Возможно, Тейлор и нажал на курок, но убила его шериф Кляйн.

Похоже, она этого не знала. И теперь я видела по тому, как она держалась, что она никогда не узнает. Она слишком Нормальная, чтобы понять, каково это — потерять кого-то. Каково это, когда тебе больно.

— Что ты наделала? — снова сказала она.

И я пожала плечами.

— Такие вещи просто случаются, шериф. Нет смысла расстраиваться из-за этого.

Кляйн не поняла шутки.

— Угон грузовика, вождение без разрешения — превышение скорости? — теперь она держала револьвер обеими руками. Будто одна рука хотела меня застрелить, а другая пыталась этому помешать. — То, что ты сделала, — преступление. Ты преступница, Шарлиз, и мне придется тебя арестовать.

Обычно я не переживала из-за тюрьмы. Комнаты ненамного хуже моей квартиры, а еда примерно такая же — только нарезали ужин на мелкие кусочки и называли это кашей. Но Кляйн никогда раньше не говорила, что я преступница.

Это звучало плохо. Похоже, я останусь в тюрьме навсегда или, по крайней мере, дольше, чем на неделю. И когда я выйду — если я выйду — Говард так глубоко заберется в меня, что я не смогу присесть без его разрешения, не говоря уже о свободе делать что-то еще.

Я облажалась.

В этот момент я поняла, что полностью разрушила свою жизнь. Преступников не выпускали, потому что Опал не нанимал преступников. У них не было возможности собирать мусор. Если повезет, преступники могли заняться переработкой отходов. Но более вероятно, что они будут прикованы к своей квартире, крутя большими пальцами, всю оставшуюся жизнь.

Думаю, я предпочла бы... умереть.

— Просто пристрели меня, — прошептала я. — Пожалуйста, просто пристрели меня.

В конце мой голос надломился — не от страха, а от облегчения. Я поняла это теперь. Я знала, что Ральф обвинил Тейлора, потому что он хотел умереть. И что более важно, я понимала, почему он хотел умереть.

Я, наконец, поняла, что чувствовал Ральф, застрявший в жизни, которую он не выбирал. Не мог когда-либо выбраться. Ни имел надежды на улучшение ситуации.

Я скорее умру.

— Стреляй в меня. И на этот раз сделай это начистоту, а не просто задев, — я постучала по передней части своего комбинезона, отмечая место над сердцем. — Целься сюда.

— Я имею право стрелять только в жестокого преступника, — сказала шериф Кляйн протокольным голосом. — Ты не представляешь угрозы ни для кого, кроме себя. А теперь мне нужно, чтобы ты отошла от машины и заложила руки за голову.

Я сильно прижалась к смятому Биллу. Двигатель шипел и плевался, был все еще довольно горячий после гонки до Выхода. Что-то впилось в пальцы, когда я схватилась за капот, но мне было все равно.

— Я не двигаюсь.

— Ты должна... ты арестована, — снова сказала Клейн.

— Нет, — слово прозвучало со смехом. — Нет, я никуда не пойду. Лучше бы ты меня просто убила.

— Отлично. Если ты не отступишь сама, то мне придется тебя заставить.

Кляйн дала знак остальным отойти. Она держала свой револьвер в обеих руках, пока шла ко мне. Я крикнула ей, чтобы она остановилась, но она не замерла. У нее не было причин останавливаться, потому что мне нечем бороться. Она была сильнее меня, быстрее меня. И когда она доберется до меня, все будет кончено.

Кабина Билла начала гореть. Луч, который задел мою шею, попал в спинку сиденья. Теперь повсюду вспыхивало пламя и из нитей валит дым. Возможно, на полу валялся молоток или что-то еще, но я плохо видела, чтобы найти это.

Может, я смогу вытащить что-нибудь из двигателя — сделать пару хороших движений, прежде чем Кляйн схватит меня.

Капот был настолько покороблен, что потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, как его открыть. Я подняла его и закрепила на месте. Глядя на двигатель, я поняла, как глупо было думать, что он мог быть полезен.

Это был солнечный двигатель. Он на девяносто процентов был внутренним, все детали были заключены в толстую стальную коробку. Единственное, что торчало, это батарейный блок, и он...

Что ж, на самом деле это была неплохая идея.

— Вам лучше остановиться, шериф, — сказала я.

Она вздохнула.

— Шарлиз, просто...

— Нет. Вам лучше остановиться, иначе я вскрою батарею.

Кляйн замерла на полушаге.

— Не надо, — прошептала она. И впервые за все годы, что я знала ее, она звучала испуганно.

У нее была веская причина. Солнечные батареи работали по тому, что Ральф называл принципом контролируемого горения: они были полезны, пока находились в корпусе, но смертельны, как только их вытащить. Внутри каждой солнечной батареи находился какой-то кристалл. Я не знала, откуда взялись эти кристаллы или кто решил напихать их во все подряд. Все, что я знала, это то, что они довольно бурно реагировали на солнце.

Даже что-то с небольшим кристаллом низкого качества могло взорваться с достаточным количеством тепла, чтобы вызвать пожар — например, фонарик. Открутите отражающий колпачок, чтобы обнажить лампочку, затем отойдите и бросайте камни в лампочку, пока она не разобьется.

Бум.

Кристалл внутри фонарика был размером примерно с кончик моего мизинца. Этот кристалл грузовика размером с фут мог бы, вероятно, уничтожить всю штаб-квартиру.

Кляйн, должно быть, тоже сообразила, потому что она приказала своим людям развернуться и бежать к Граниту.

— Не останавливайтесь, пока не доберетесь до лаборатории. Скажите Блэкстоуну, что один из его подданных сошел с ума.

— Или ты могла бы просто покончить со всем этим сейчас, — сказала я, ища защелку, которая откроет аккумулятор. — Убей меня, и все будет кончено.

— Я не могу убить тебя! Офицер может применить смертоносную силу только для предотвращения насильственного преступления...

— О, я думаю, это будет довольно жестоко. Им придется собирать нас граблями.

Вот оно. Защелка была хорошо спрятана под край окошка индикации. Каждая батарея имела небольшую стеклянную полоску сбоку, которая показывала, сколько в ней осталось заряда. С ружьями это называлось патронником. Но везде это было окно индикации.

В стекле было какое-то химическое вещество, которое отфильтровывало то, что заставляло кристаллы реагировать на солнце, сказал мне однажды Ральф, но я не могла вспомнить всех подробностей. Батарея Билла была заряжена на три четверти. Хватит на один взрыв.

Я должна была бояться, но я не боялась. Мои пальцы покалывало от маленьких искорок

возбуждения. Я слышала, как кровь гудела в ушах. Это будет самый большой взрыв в истории Далласа. Может, даже в мировой истории.

И я сожалела только о том, что не переживу его.

Я сунула палец под защелку и сделала глубокий вдох. Я была удивлена тем, насколько устойчива была моя рука, насколько легко это будет. Все скоро кончится...

Вспышка света, боль настолько сильная, что у меня перехватило дыхание.

А потом все стало черным.

ГЛАВА 7

Я думала, что умерла.

Воздух был прохладен и сладок. Откуда-то дул легкий ветерок. Я чувствовала, как он обвивает мой затылок, дергает свободные концы моей косы. Я глубоко вдохнула, ветер танцевал на моем лице.

Вот он снова — тот аромат, тот запах. Так далеко и все же так знакомо. Он согревал мою кровь и заставлял пальцы ног сжиматься в траве. Я стояла босиком на коротко подстриженном и зеленом поле, чувствовала ветер на тех частях себя, которые никогда раньше не чувствовали его.

На мне было... платье. Я видела платья на других женщинах, но сама никогда их не надевала. Я никогда не хотела носить его. Но теперь, когда я знала, каково это носить платье, как оно заставляет меня чувствовать себя такой легкой, чистой и красивой, я не думала, что когда-нибудь буду носить что-то еще.

Я никогда не покину это поле. Я лягу на траву, закрою глаза и позволю этому запаху унести меня в мои сны...

Хлоп!

Тяжелая дверь с силой врезалась в металлический каркас, разбивая мою мечту. Я слишком хорошо знала этот звук. Я знала, не открывая глаз, что я снова была в лаборатории. Я знала, что Говард только что пришел.

И я точно знала, что он был недоволен.

— Не могу поверить, что ты еще жива. Как раз тогда, когда я думал, что этот день не мог быть лучше...

Я открыла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как Говард швырнул свою шляпу в угол комнаты. Даже не на стойку — просто на пол.

— Что случилось? — хрипло сказала я.

— Что случилось? — Говард обернулся, и я увидела, что он довольно убедительно изображал злость.

Гнев всегда был самой простой эмоцией для Говарда. Я не знала почему, но его лицо, казалось, было настроено так, что он выглядел сердито. Иногда это было настолько реально, что я почти верила, что он действительно это чувствовал. Но это был не один из тех случаев.

На этот раз, впервые за все годы, что я его знала, Говард вряд ли вел себя так, будто он злился, чтобы донести свою мысль. Я считала, что он действительно злился.

— Ты не помнишь, что ты сделала? — Говард был в ярости. Его лицо окаменело, а золото в глазах расплавилось. Это был самый ужасающий взгляд, который когда-либо давал мне Нормал. — Что произошло, так это то, что ты угнала грузовик, пригнала его к штаб-квартире полиции, а затем попыталась взорвать всю эту чертову штуку.

— Да, я помню эту часть. Но что было потом?

— Ну, тебя застрелили. Шериф Кляйн выпустила пулю тебе прямо между плеч. И, судя

по глубине ожога, она, должно быть, нажимала на курок пару секунд — но недостаточно долго, — фыркая, добавил Говард, — потому что каким-то образом ты выжила.

Теперь, когда это сказал, я ощутила некоторую боль в спине. Жгло сверху и пульсировало снизу. Я потянулась туда и поняла, что мои руки были связаны ремнями. Как и мои лодыжки и талия. Я не была в кровати, а лежала лицом вниз на холодной металлической скамье. Мои ноги свисали с конца, болтаясь на открытом воздухе.

Я ощущала холод на тех частях тела, которые должны быть скрыты.

— Ч-что это за комната?

Говард не ответил. Он все еще разглагольствовал:

— Кляйн выстрелила в тебя, и, конечно же, начался ад, потому что это уже вторая непротокольная стрельба в этом месяце — и полиция просто не может с этим справиться. Они вызвали медика, а он ничего не понимал. Он ввел тебе Перезагрузку и бум! — Говард хлопнул в ладоши. — Твое сердце перестало биться. Полная остановка сердца, прямо на дороге. Ничего никто не мог сделать. Мертва. Это лучшее, что могло со мной случиться, когда ты умерла. Мертвецы не доставляют хлопот. Мертвые не должны обращаться в суд. Нет причин беспокоить мэрию, когда преступник мертв, верно? Так что я решил, что это был мой счастливый день, — Говард провел рукой по густым черным волосам, волны торчали, как рога. Его рот расплылся в улыбке, которая почему-то беспокоила больше, чем глаза. — Мы объявили тебя мертвой, доставили тебя сюда и запустили руки. И я клянусь, что лезвие находилось в двух дюймах от твоего затылка, и ты начала смеяться.

Он выдохнул это слово — возможно, потому, что если бы он этого не сделал, оно прозвучало бы как крик.

— Ты начала смеяться над чем-то, и им пришлось остановить процедуру. Теперь они не знают, что делать, потому что раньше никто не просыпался на скамье, — Говард хлопал себя по бокам. — Ты была мертва, Шарлиз. Твой файл уже удален. Тебя больше нет. Что нам делать с восемнадцатилетним призраком, а? Куда нам идти отсюда?

— Можешь начать с того, что вытащишь меня из этой комнаты, — говорю я.

Теперь я знала, где была: они привязали меня к той же скамье, где было разрезано тело Ральфа. Холодный пот выступил у меня на спине, когда я подумала о том, что эти роботизированные руки могли со мной сделать. Я чувствовала, как они висели у меня над головой, ожидая — и с учетом того, что Говард злился, он мог нажать кнопку.

— А... нет. Ты не можешь уйти, — сказал он с жесткой улыбкой. — Ты не можешь уйти, потому что мы не знаем, какая ты.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, технически, ты жива. Но по закону ты мертва. Так что, пока мэрия не рассмотрит твоё дело и не решит, как действовать дальше, ты застряла здесь. Застряла в этом холодном, темном промежуточном месте. Было бы проще, если бы ты только что умерла, — Говард покачал головой, — но ты как чертов таракан, Шарлиз. В тебя выстрелили, но твоё сердце снова забило. Тебе чуть не раскроили голову, но в последний момент ты начала смеяться и все прервала. Я не знаю, — сказал он со смехом. — Может, если бы я засунул твою голову под колесо грузовика, ты бы, наконец, испустила дух. Но я просто не знаю.

Говард также не знал, сколько времени потребуется мэрии, чтобы разобраться в моем деле, и он рассмеялся, когда я спросила, могла ли я пойти в туалет. Все больше и больше было похоже, что он собирался держать меня привязанной к этой скамье, пока я не умру от голода или обезвоживания. От того, что наступит раньше.

— Ты мог бы просто отпустить меня, — тихо сказала я.

Говард расхаживал большую часть минуты, сцепив руки за спиной. Он замер, когда я заговорила.

— Отпустить тебя? И куда именно? Ты хочешь, чтобы я просто открыл дверь и отправил тебя в Даллас?

— Нет, я имела в виду, что ты можешь отпустить меня. В Ничто, — я сделала глубокий вдох. Я не могла видеть лицо Говарда с этого ракурса, так что мне просто пришлось поверить, что он не собирался дать мне пощечину. — Во всяком случае, именно туда я и направлялась. Я собиралась пройти через Выход и никогда не вернуться. Так что если ты меня вышвырнешь, то никто ничего не должен решать. Я просто уйду...

— Ты не можешь уйти. Как гражданка Далласа, ты можешь посещать ровно два места — ну, три, если считать ад, — со смешком добавил Говард. Затем он подошел ко мне и упал на корточки. Теперь я видела только его слишком бледное лицо. — В этом дело, да? Ты хотела сбежать?

Я пожалала плечами, что трудно было сделать, когда половина моего тела была привязана к скамье. Правда в том, что я понятия не имела, чего хотела, примерно три секунды назад. Мне казалось, что я тонула, и я не знала, в какую сторону плыть. Но теперь все имело смысл.

— Да, я хочу убежать. Если я уже мертва, то что в этом плохого?

— Что плохого? — его взгляд стал ледяным. — Знаешь, каково в Ничто? Есть какие-либо идеи?

— Нет. Но это было бы лучше, чем здесь.

— Разве?

Говард выпрямился. Его руки потянулись к черному кожаному ремню на талии, который он ловко расстегнул. Странно, насколько субъективным могло быть существование: я никогда раньше не замечала, что у него был ремень, поэтому его не существовало. Теперь, когда он вытащил его из петель и туго свернул в руке, этот ремень стал центром моей вселенной.

Я видела, как Говард делал намного хуже, имея гораздо меньше.

— Там все... по-другому. Я знаю, потому что видел это, — он исчез из поля моего зрения, медленно шагая с болтающимся сбоку ремнем. Когда он снова заговорил, его голос звучал где-то у моих ног. — Это... ах, знаешь что? Мне трудно подобрать нужные слова. Почему бы мне просто не показать тебе?

Я услышала шипение ремня, когда Говард взмахнул им в воздухе, уловила резкий шлепок кожи по плоти. Я услышала эти почти за целую секунду до того, как ощутила их. Но когда это произошло, боль не была похожа ни на что, что я когда-либо испытывала.

Все мое тело пылало. Пламя было в каждом мускуле, и игла — в каждом нерве. Все мои внутренности дрожали, как струна, которую натянули и отпустили — будто удар был слишком сильным, чтобы мои ступни могли выдержать, поэтому они послали боль повсюду.

Как только это начало исчезать, Говард снова ударил меня.

И снова.

Удары продолжались.

Мои ноги были связаны в лодыжках и свисали с края скамьи. Я ничего не могла сделать, чтобы защитить их. Я даже не могла сдвинуть их с места. Все, что я могла, это умолять Говарда остановиться — кричать, чтобы он остановился. Но я была полностью в его власти.

— Ты чувствуешь это, Шарлиз? Тебе больно?

Он хлестал меня, не давая ответить.

— Думай об этом как о метафоре, хорошо? Вот что значит жить в Ничто. Вот каково это быть там одной. Все еще думаешь, что это лучше, чем Даллас?

— Нет! — выпалила я.

— Нет! — он издевался надо мной со смехом. Затем его голос стал серьезным. — Мы были так близки, Шарлиз. Ах, мы были так близки! Еще пара недель, и ты была бы свободна. Ты попала бы в Опал и доказала, что Несовершенным есть место в Далласе, что они заслуживают жить так же, как и все остальные.

— Ч-что ты и-имеешь в виду? — я задыхалась. — Что ты имеешь в виду, говоря, что они заслуживают жизни?

Говард на мгновение замолк. Мои пальцы на ногах сжались, защищаясь, когда я услышала, как ремень щелкнул между его руками.

— Мы не должны говорить субъектам. Если бы они знали, что поставлено на карту... э, какого черта? В любом случае, они, вероятно, закроют нас теперь, — Говард нажал большими пальцами на изгибы моих стоп, посылая волну фантомной боли, расплзающуюся по моим костям. — Ты помнишь, что случилось с Ральфом в день его смерти? Помнишь, как боты изрубили его и...?

— Да, я помню!

— Это то, что случилось с такими людьми, как ты, Шарлиз. Их отправляли на переработку — человеческую переработку. Как кучу разбитых гостеров, только немного кровавее, — когда я покачала головой, он наклонился ко мне и шепнул. — Это комната, в которой мы сейчас находимся, тупица. Добро пожаловать на переработку.

— Нет.

— Это правда. Раньше Несовершенные никогда не выходили из лаборатории. Они шли прямо к столу.

— Ты лжешь, — прошипела я.

Я точно знала, что он лгал, потому что что-то настолько отвратительное и ужасное никогда бы не случилось в Далласе. Одно дело разрубить кого-то, кто уже мертв. Но сделать это с...?

Нет, я даже подумать не могла.

— Ты лжешь, — снова сказала я. — Ты просто пытаешься залезть мне под кожу.

— Я бы хотел, — голос у него был грубый, и, возможно, впервые в жизни он был наполнен раскаянием.

— Нет... ты лжешь, — я слышала, как слабела, становясь все менее убежденной, чем дольше Говард молчал. В моих ушах раздался ужасный звон. — Ты просто... нет, ты лжешь...

— Шарлиз, — мое имя слетело с его губ в тяжелом вздохе, — я знаю, что мы с тобой не всегда были лучшими друзьями. Я был суров с тобой, и я не против признать, что ты была занозой, и мне не удавалось тебя убрать. Но если я когда-либо был достаточно жесток, чтобы заставить тебя ненавидеть меня, то это было только потому, что я заботился. Я запустил эту программу, чтобы спасти таких людей, как ты. Все, что мне было нужно, это чтобы один Несовершенный вышел отсюда успешным. И мы были так близко, — шепчет он. — Мы были так... близко.

Я не знала, говорил Говард правду или нет. Я не хотела ему верить, но внутри меня что-то бурлило, говорящее, что все это имело смысл. Идея позволить Дефектам работать в

Граните была глупой. Я всегда думала, что это глупо. Зачем заменять ботов кучей людей, которые недостаточно хороши даже для того, чтобы быть Нормалами?

...один из нас должен сделать это. Может, я объясню тебе это когда-нибудь, но сейчас ты просто должна мне доверять. Я делаю это для нас.

Для всех нас.

О, Боже мой... Ральф знал.

Он не был эгоистом: он понял это. Он знал, что программа «Гранит» терпела неудачу. Он видел, как мы разваливались, ломались, как одна из старых заводских машин. И он огляделся и понял, что Даллас сломанные вещи не чинил. Просто выбрасывал их.

Он знал, что если один из нас не докажет, что может не отставать от Нормалов, у остальных не будет надежды. Он предвидел это. И я тоже должна была это видеть.

Но вместо этого я вела себя как идиотка.

— Хотела бы я, чтобы это был он, — хрипло прошептала я. — Я бы хотела, чтобы Ральф был тем, кто получил высшее образование, и чтобы я была той, кто умер.

— Да, ты что-то знаешь? Я тоже этого желаю.

Ремень снова ударил по моим ногам. Это было внезапно и неожиданно, и это как-то усугубило ситуацию.

— Ральф был умен и честолюбив — ты же знаешь, что значит честолюбие, да? — Говард рычал, размахивая ремнем.

Слезы заливали мои глаза.

— Да, я знаю! Я... я знаю!

— Мне не придется выбивать это из тебя?

— Нет, пожалуйста! Я знаю, что это значит, я знаю...

— Замолчи. Просто заткнись, Шарлиз, — его губы скривились, а на лице отразилась полная и абсолютная ненависть. — Боже, и знаешь, что меня действительно обжигает во всем этом? Я так и не получил от тебя того, что хотел.

— Ч-что ты имеешь в виду?

Говард долго ничего не говорил. Он просто тихо постукивал ремнем по боку.

— У тебя есть кое-что, что я хочу, Шарлиз, — прошептал он. — Что-то есть в твоей голове — что-то, что ты помнишь, что-то, что мне нужно. Но ты просто не скажешь мне.

— Я не знаю, что ты...

— Да, ты знаешь! — взревел он. — Я знаю, ты помнишь! — он вырвал куб из кармана и сунул его мне под нос. — У меня есть все сны, записанные здесь. Ты приближалась. Ты как раз собиралась туда добраться. А теперь из-за твоей чертовой истерики у нас нет времени.

Я не знала, о чем он говорил. Я не знала ответа. Мое сердце крутилось на струне, будто пол вот-вот мог пропасть из-под меня.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — простонала я. — Пожалуйста, я не знаю...

— Я так устал от тебя, — прорычал Говард. — Ты просто... ты кусок мусора, ты знаешь это? Просто бесполезный, вонючий кусок мусора. Ты всегда должна все усложнять, всегда должна вонять. Потому что ты мусор — и подумать только, что я потратил свою жизнь впустую, пытаясь приукрасить кусок мусора, — он ударил ремнем по ближайшему столу, где сохла куча пробирок. Все разбились.

Я никогда раньше не видела его таким, и это чертовски пугало меня. Что-то среднее между криком и рыданием вырывалось из моего рта.

Рука Говарда сжала его, как тиски.

— Еще один звук, — прорычал он, — еще один твой всхлип, и я не остановлюсь, пока не сорву с твоих ног все до последней полоски кожи. Ты поняла?

Я кусала губы и заставила себя кивнуть.

— Хорошо. Посмотри, наконец, ты делаешь то, что тебе говорят. Боюсь, это слишком мало и слишком поздно, — сказал Говард, выпрямляясь. Мгновение он смотрел на меня холодно: в золоте еще были искры, но лицо его было спокойным. — Мэр дал мне один шанс — всего одну партию Несовершенных для работы. Из пятидесяти детей, родившихся в том году, шестеро оказались несовершенными. И из этих шестерых Ральф был единственным, кто пережил младенчество. Я думал, что упустил свой шанс, — я слышала скрип кожи, Говард крутил ремень в кулаках. Он был так зол, что его руки тряслись. — Потом появилась ты... счастливый номер семь. Ты понимаешь, что если бы ты родилась в любой другой год, они бы тебя бросили? Они бы сделали тебе перезагрузку, а потом разложили бы тебя здесь, — он стукнул костяшками пальцев по скамье так резко, что я ощутила дрожь у виска. — Но поскольку ты родилась в *моей* партии, я должен был оставить тебя себе. И я вложил все, что у меня было, чтобы разбудить тебя. Пытаясь уговорить тебя помочь мне... потому что Даллас долго не протянет, если ты мне не поможешь.

— Я не знаю, чего ты хочешь, — хрипло сказала я. — Клянусь, я не знаю, чего ты хочешь.

— Это не имеет значения. Все кончено, Шарлиз. У нас закончилось время. Мне придется дождаться следующей партии, чтобы попробовать еще раз, — Говард присел передо мной и провел большим пальцем по изгибу своей нижней губы. — Ты знаешь, что они собираются проголосовать за то, чтобы убить тебя, верно?

— Нет, — сказала я. Слово было заряжено вызовом и шоком. — Нет, они так не сделают.

— Конечно, сделают. Для тебя больше нет места. Тебе не место в Далласе. Ты уже помечена как мертвая, так что они могут сделать это официально, — Говард провел пальцем мне под подбородок. — Проблема в том, что... это займет слишком много времени. Недели. Месяцы, может? Я не знаю. Но если я собираюсь получить еще шанс в этом, то я должен переработать тебя сейчас.

— Нет.

— Да, я должен...

— Нет!

— Просто закрой глаза и постарайся не ерзать. Это будет очень быстро и почти безболезненно.

Говард вскочил на ноги и прыгнул к пульту управления. Я согнула пальцы и попыталась дотянуться до пряжки на ремешке. Почти. Я ощущала металл кончиками пальцев, но не могла схватить его.

— У меня нет под рукой перезагрузки, поэтому мне придется сделать это, пока ты не спишь. Ты почувствуешь легкий щипок, — со смехом говорил Говард.

Я услышала жужжание руки с лезвием, и я с трудом не дала себе закричать. Я сжалась на скамье, пытаясь создать достаточный импульс, чтобы вырваться на свободу. Но ремни могли быть из металла, они не поддавались.

Я пыталась убрать голову из зоны досягаемости, когда дверь громко запищала. Кто-то оставил отпечаток — и у того, кто это сделал, был доступ.

Говард отпрянул от пульта управления, будто он только что вспыхнул. Он подбежал ко

мне. Я услышала шорох и ощутила, как вес тонкого одеяла упал на мои интимные места.

Затем Говард зажал рукой мое горло.

— Тебе лучше держать свой рот на замке, да? — прошипел он. — Ни слова.

Я пообещала с ворчанием.

Не прошло и двух секунд, как в дверь шагнул мужчина. Понятно, что на нем была какая-то форма, но я ничего не узнала: белая рубашка на пуговицах, черный галстук, черные брюки, блестящие черные туфли и черная кожаная куртка с красной звездой на лацкане. Его фуражка прикрывала глаза. Я едва увидела в них зелень, когда он повернулся, чтобы закрыть дверь.

— Добрый вечер, мистер Блэкстоун.

— Детектив Стэнтон, — кивнул Ховард. Он спрятал ремень за брюки и прислонился к моей скамье. — Что я могу сделать для вас?

Детектив Стэнтон не ответил. Я слышала о детективах раньше. Они были частью полиции, но работали в мэрии в центре Далласа. То, что они на самом деле делали, держалось в секрете, а что они могли от меня хотеть — полная тайна.

Стэнтон ходил по комнате, засунув руки в карманы пиджака. Он остановился перед столом и отодвинул заостренный козырек фуражки. Зеленые глаза задумчиво скользили по брызгам стекла и металла, оставленных гневом Говарда.

— Что здесь случилось?

— Субъект не была счастлива, когда проснулась. Ее нужно было сдерживать, — легкомысленно сказал Ховард.

Я даже не пыталась защищаться.

— Хм, — хмыкнул Стэнтон.

Говард выждал мгновение, нетерпеливо постукивая пальцами по моему боку, напоминая мне, что они были близко.

— Что-то не так, детектив?

— Нет, ничего страшного. Сегодня речь шла о следовании протоколу, и отдел планирования сделал то, что должен был сделать. Но планы меняются, мистер Блэкстоун.

— Да?

— Боюсь, что так, — детектив Стэнтон скрестил руки и прислонился к столу. — После того, как вы выполнили свою работу и сообщили обо всех фактах мэру, шериф Кляйн выполнила свою работу и сообщила обо всех этих фактах мне. Затем я сделал свою работу и внимательно изучил оба набора фактов.

— О? И что вы узнали?

В голосе Говарда был слышен лишь легкий оттенок рычания. Не знаю, услышала бы я это, если бы не вслушивалась. Как он мог перейти от угрозы разрезать мне череп к ведению спокойной беседы, я не понимала.

Но я знала, что это делало его опасным.

— В поведении субъекта были некоторые нарушения, которые не заметили ни вы, ни полицейский участок — за что я не могу вас винить. Выяснение того, было ли что-то неправильным или нет, не является частью вашего обучения. Но это часть моей работы, — Стэнтон смотрел на меня сверху вниз, крепче скрестил руки. — Чем вы занимались в Граните, мисс Смит?

— Ответь ему, — сказал Говард, когда я колебалась.

— Гм, Управление отходами и...

— Сборщик мусора, да? — Стэнтон перебил меня. — Я уверен, что у вас были и другие обязанности в районе, но вам платили за уборку мусора. Я прав?

— Да, сэр.

— Вы когда-нибудь работали по-другому?

— Нет, сэр.

— Вы когда-нибудь обучались обслуживанию автомобилей или механике?

Официально нет: меня никогда не учили механике. Все, что я знала, я выяснила, наблюдая за Ральфом. Но Ральфа больше не было, и я не собиралась говорить ничего такого, что навлекло бы на его призрак неприятности.

— Нет, сэр. Я никогда не изучала механику.

Стэнтон пристально смотрел на меня.

— Тогда как ты узнала, что нужно щелкнуть защелкой аккумулятора, а? Как ты поняла, что это вызовет взрыв?

Потому что я была такой. Я была так устроена. Ральф мог посмотреть на что-то и тут же подумать о том, как он мог бы использовать это, чтобы сделать жизнь лучше.

Я смотрела на что-то, и первым делом приходило на ум, горючее это или нет.

Детектив знал бы об этом, если бы удосужился почитать обо мне. Он бы увидел, что я, вероятно, могла бы вызвать взрыв с помощью трех футов веревки и небольшого количества силы воли — потому что это было написано в моем деле.

Но так как он явно не проводил исследования, я решила еще немного пошалить:

— Не знаю. Я не знаю, откуда взялась идея. Обычно я не хочу ничего взорвать.

— М-м-м, — хмыкнул Стэнтон, едва перекрывая фырканье Говарда.

— Да, это Шарлиз: всегда стоит посреди огня, никогда не зная, как это началось, — рычание в его голосе стало чуть более выраженным. — Было что-то еще, детектив?

— Да, есть еще кое-что, — Стэнтон швырнул охалку стекла на пол, а затем опустил ладони на стол. — Часть моей работы заключается в том, чтобы отслеживать подобные инциденты на предмет любых нарушений. Другая часть состоит в том, чтобы убедиться, что эти нарушения не станут аномальными...

— Подождите, подождите, — Говард сжал двумя пальцами переносицу, — вы хотите сказать, что считаете Шарлиз какой-то...?

— Аномалией? Может быть, — кивнул Стэнтон. — Знать, что делать, не учившись, как это сделать, — один из симптомов.

— Но... но Шарлиз не... — Говард махнул на меня рукой, словно надеясь поймать нужные ему слова из воздуха. — При всем уважении, детектив: я уже работал с аномалиями. Это гипер-неуравновешенные, чрезвычайно опасные субъекты. И Шарлиз не является такой. Она просто несовершенна. Я имею в виду, вы когда-нибудь слышали, чтобы Аномалия была несовершенной?

— Зарегистрированных случаев еще не было, — согласился Стэнтон, кивая. — Но за последние двадцать четыре часа у нас было много новинок, да? И учитывая то, что знала подсудимая, и то, как жестоко она намеревалась использовать это знание, я не могу позволить ей уйти...

— Мы ее не отпустим, — почти в отчаянии перебил Говард. — Мы... разбираемся с этим.

— О, я не сомневаюсь, что у отдела планирования есть четкое решение, — Стэнтон хмурился, глядя на роботизированные руки, — но вы не посмеете сделать это без суда, да?

— Нет, — сквозь зубы сказал Говард. — Это было бы нарушением протокола.

— И что вы собираетесь с ней делать, пока ждете суда, а? Держать ее привязанной к этой скамье? Без дела она не имеет права никуда идти.

У Говарда не было ответа. На этот раз казалось, что его загнали в угол.

Детектив Стэнтон пожал плечами.

— Послушайте, я говорил с мэром, и он согласен: обвиняемая должна быть немедленно отпущена под стражу полицейского участка.

Он протянул Говарду листок бумаги, который тот вырвал и сунул в карман, не читая.

— Ладно.

— Мы продезинфицируем ее и оденем сегодня вечером, а завтра утром первым делом отправим ее на исправления.

— Да, наверное, это к лучшему.

— И я также хотел бы спросить от имени участка, не могли бы вы после этого проконсультроваться с шерифом Кляйн?

— Я... зачем? — сказал Говард.

— Ну, аномалии должны перевозиться внутри укрепленного броненосца. Таков протокол, — Стэнтон кивнул мне. — Но наши не совсем предназначены для... таких, как она. Поэтому нам понадобится ваш совет, как сделать поездку более комфортной.

— Я понимаю. Что ж, буду рад помочь. Э-э... — Говард не слишком нежно похлопал меня по макушке, — не могли бы вы дать нам секунду, чтобы попрощаться?

— Конечно. Дайте мне знать, когда закончите, и мы ее заберем, — Стэнтон приподнял перед нами фуражку, прежде чем выйти за дверь.

Как только он ушел, Говард схватил меня за волосы.

— Видишь? Как чертов таракан, — прошипел он. — Вам повезло, маленькая мисс Шарлиз. Но когда они попытаются исправить тебя, им понадобится около десяти секунд, чтобы понять, что ты лжешь. И тогда я не знаю, что с тобой будет, — его хватка усилилась до такой степени, что я чувствовала, как корни вырываются из кожи, — но у меня будет целая неделя, чтобы что-нибудь придумать.

ГЛАВА 8
НОЯБРЬ 2212

*Мэттью Митчелл
Этика в П-Скрипте
Класс доктора Форреста МакГилла
21 ноября, 2212
Мораль проекционного программирования*

Этот класс — шутка. Надоело сидеть на лекциях о том, как п-скрипт губит Америку. Вы говорите так, как будто есть множество достойных людей, которых я упускаю, полагаясь на проекции — будто вы думаете, что я не могу встать с постели без того, чтобы мой воображаемый дворецкий не сказал мне откинуть простыни.

Знаете, что я не упускаю, доктор МакГилл? Женщин. И я хочу, чтобы это слово было оскорблением: женщины. Настоящие, человеческие женщины, которые говорят настоящую, бесчеловечную ложь, чтобы заставить вас влюбиться в них. Затем, как только они поймут вас на крючок, они вытаскивают нож для свежесывания.

Кто-то, кого вы любите, доктор МакГилл, когда-нибудь вырезал ваше сердце? Поверьте. Вы не знаете боли, пока женщина живьем не снимет с вас кожу. Ничто так не пробуждает в мужчине колодец ненависти к себе и отвращения, как насильное кормление тарелкой кровоточащего сашими из его ноющей груди.

Затем, пока он все еще в шоке, парализованный предательством и неверием, женщина, которую он любит, вырезает в нем свое имя. Вдоль предсердий, желудочков, через каждую артерию и через пульсирующую дугу аорты — вот она, вырезанная буквами, которые становятся шрамами, но не исчезают по-настоящему:

Мэдисон Винсент.

Мэдисон ЧЕРТОВА Винсент.

Вы хотите, чтобы я потворствовал этой дурацкой обличительной речи о том, как достижения в проекционном программировании каким-то образом лишают меня человеческого опыта, тогда как единственный обман, о котором я могу думать, это то, как я поймал Мэдди, катающуюся с Блейном Уэлчманом. Блейн Уэлчман, который только потому, что его родители выложили дополнительные деньги, чтобы он родился с этими гадкими фиолетовыми глазами, каким-то образом имеет право на каждую идиотскую девчонку в кампусе.

Не говоря уже о том, что у нее было кольцо на пальце. Не говоря уже о том, что я провел четыре года, любя ее, заботясь о ней — я переехал в этот кишачий деревенщинами

колледж третьего уровня РАДИ НЕЕ. А теперь она ведет себя так, будто я виноват в том, что предположил, что мы не собираемся спать с другими людьми.

Это были ее точные слова: «Ты не говорил, что хочешь, чтобы это было закрыто. Так откуда мне было знать?».

О, она знала. Она чертовски хорошо знала, что я чувствую. А теперь я позабочусь о том, чтобы она никогда этого не забыла. Я собираюсь очень ясно дать ей понять, что она облажалась. Я сотру Мэдисон Винсент с лица земли. У нее не будет разрешения ходить в продуктовый магазин к тому времени, когда я закончу с ее учетной записью АВА, не говоря уже о полномочиях, чтобы остаться в школе. Словно ее никогда и не было...

— Эй! Ты все еще здесь?

Мэтт уже почти час горбился над своим столом, его пухлое лицо сморщилось от усилий, которые потребовались, чтобы изложить свое эссе словами, понятными доктору МакГиллу.

Его сосед по комнате, Шон, только что вернулся из продуктового магазина. Красно-белые сумки были разбросаны по шестистам квадратным футам, которые они называли своим домом. Пакеты «SuperCrisps», тубики «SuperSweets» и банки с ультраэнергетической пеной «SuperBoost» валялись на кровати Мэтта.

— Убери свое дерьмо с моих одеял, — прорычал Мэтт.

Шон на мгновение замолк, не сняв до конца пальто. Он сбросил его и швырнул поверх клетчатой подушки Мэтта.

— Неа. Ты все равно собираешься уходить, а Тревор еще больше испортит эти одеяла, пока тебя нет, — добавляет он с ухмылкой.

Лицо Мэтта из бледного стало багровым.

— Он не использует мою кровать.

— Конечно, использует. Что ты собираешься с этим делать, а? — Шон усмехнулся. — Ты собираешься сложить матрас и засунуть его в свой чемодан, Мэтти? Давай.

Мэтт ничего не сказал. Он посмотрел на свои руки, пока Шон скакал по комнате.

Огромный электронный экран закрывал северную стену их общежития. Сейчас он находился в режиме общего доступа: анимированная полоса делила экран на две половины, по одной для каждого из их столов. Экран Мэтта сверху донизу был заполнен гневными словами из его эссе, в то время как экран Шона был полон чертежей и обучающих видео — экран такой же беспорядочный, как и его половина комнаты.

— АВА: избавься от этого школьного хлама и переключись на игровой режим. У меня перерыв, — крикнул Шон.

Из динамиков над его экраном раздался женский голос:

— Конечно, Шон. Счастливого Дня благодарения!

Его школьная работа перевернулась, как страница книги, исчезла за анимированной кирпичной стеной. Слова *пожалуйста, подключите ZOOT или ZOOT-mini, чтобы продолжить* крутились на стене жирным шрифтом.

— Эй, ты знаешь Рашида? Тот высокий парень? Думаю, он живет дальше по коридору, — крикнул Шон откуда-то из глубины своего туалета.

Все вешалки были пустыми, косыми, потому что с них в спешке сорвали одежду. Шон уже несколько месяцев ничего не вешал: какое-то время он носил свою одежду, а затем бросал ее на пол в шкафу, где она гнила огромной кучей, пока он снова не был готов ее использовать.

— Да, я знаю Рашида, — мрачно сказал Мэтт. — Он раздражает...

— Он классный, — вмешивается Шон. — Он сделал эту игру для старшего проекта — бегаешь по старым зданиям и бросаешь лазеры в этих монстров, чтобы заработать очки. Но пойми вот что: команда бросить лазер это... — Шон показывает указательным пальцем и поднимает большой палец, — все равно, что стрелять из пистолета. Он называет это шутер.

— Глупо, — сказал Мэтт, качая головой. — Фильтры АВА отключат его.

— Ну да, в конце концов. Но у него так много кода, что ей, вероятно, понадобится неделя, чтобы найти его, — Шон вытащил из кучи черную футболку и с опаской понюхал ее. — Фу. В любом случае, мне нужно, чтобы ты вышел из системы, прежде чем уйти — мы с Тревом собираемся играть весь перерыв, и нам нужен полный экран.

Мэтт фыркнул.

— Почему я должен делать тебе какие-то одолжения?

— Потому что, если ты этого не сделаешь, я пошлю доктору Макгиллу снимок этого эссе. Я уже его получил, — добавил он, когда Мэтт попытался закрыть страницу. Шон высунулся из шкафа и прижал палец к виску, удерживая его до тех пор, пока его экран не издал звуковой сигнал опознания. — Загрузи последнюю фотографию, которую я сделал, в папку «Мэтт страдает» АВА.

— Конечно, Шон. И да, он страдает, — прочирикала АВА.

— Не могу поверить, что ты доплатил за то, чтобы ее личность включилась, — буркнул Мэтт.

— Это стоит денег, — со смехом сказал Шон. Он пристально смотрел на лицо Мэтта в течение секунды, прежде чем снова нажать на висок. Звук, похожий на звук затвора фотоаппарата, прошел сквозь его череп. — Загрузи последнюю картинку в папку «Мэтт жирный», АВА.

— Конечно, Шон. Сколько подбородков у него на этот раз?

Шон рассмеялся.

Мэтт сжал кулак и крепко втиснул его под челюстью.

— Этот имплант нужен для работы в школе. Я буду смеяться, когда тебя исключат за злоупотребление им.

Шон закатил глаза.

— Иди ты. Ты просто злишься, потому что юниоры их не получают. Придется ждать еще целый год, Мэтти.

Два студента были противоположными. Мэтт — программист; Шон — механик. Университет намеренно размещал их вместе — без сомнения, надеясь, что их дополняющие друг друга навыки приведут к созданию изобретения, которое в конечном итоге станет значительным вкладом выпускников.

Но вероятность того, что Мэтт и Шон когда-либо будут работать вместе над чем-то более сложным, чем разделение работы по дому, была близка к нулю. Они были слишком разными, разными во многих отношениях, что было трудно понять, как они не убивали друг друга ежедневно.

Мэтт был невысоким и слегка пухлым, с длинной рыжеватой шевелюрой. Его кожа была гладкой и мягкой, без физических следов долгих часов, которые он проводил за изучением сценариев и написанием кода, за исключением сутулости. Он был тихим.

Шон, с другой стороны, никогда не молчал. Он был крикливым южанином, ростом шесть футов два дюйма. Голова была бритой, и у него было больше шрамов, чем кожи. Не проходило и недели, чтобы в его коллекции не было нового пореза. На этой неделе был

особенно неприятный: чистый порез от локтя до перепонки пальцев.

— Мне повезло, что у этой штуки было тупое лезвие. В противном случае я мог бы потерять руку, — Шон стянул рубашку и повернул руку. Его мускулы сжались при движении. После беглого осмотра он цокнул. — Опять кровотечение. Чертовы боты. Ошибка с одним болтом, и штука летит вперед, а не назад. Я должен убрать это.

Шон ушел в ванную, оставив Мэтта одного.

Он смотрел на свой экран мгновение. Ничего особенного не происходило с его выражением лица. Его руки свисали по бокам, а рот был приоткрыт между сморщенными щеками. Но с его глазами многое происходило — много напряжения, много мерцания.

Они прочитали эссе в три раза быстрее, чем Шон мог надеяться. Затем они остановились с холодным, мертвым сосредоточением на одной строке:

Мэдисон Винсент.

Звуковое оповещение донеслось от обоих экранов, и окно открыло разделительную полосу между ними.

— Внимание, Мэтт и Шон: друг запрашивает вход, — сказала АВА.

— Привет! Привет! Кто-нибудь дома?

Мэтт моргал, но холод не покинул его взгляда.

В новом окне появилось видео, транслируемое с камеры за пределами их здания. Звуковая панель потрескивала, когда Тревор нетерпеливо застучал по объективу. Щеки и кончик носа были красными. На уши была натянута черная вязаная шапка.

Его социальный профиль АВА крутился под видео: *Тревор Мендес. Первокурсник. Механик. Любит собак.*

Тревор и Шон были двоюродными братьями. Но если бы у них не было общей фамилии, никто бы не смог ее догадаться: Тревор был меньше и стройнее Шона, и было трудно поверить, что они — родственники.

Мэтт одинаково не любил их. Он наблюдал секунду, ухмыляясь, пока Тревор подпрыгивал с ноги на ногу.

— Скорее! Я отмораживаю свою задницу здесь!

Наконец, Мэтт махнул рукой, и линза над его столом мигнула, узнав его. Через полсекунды на экране всплыло уведомление:

Дверь открыта Мэтью Митчеллом в 12:43.

Из ванной донесся громкий звон. Имплантат Шона, как и его владелец, был настроен на самый высокий децибел.

— Эй-эй! Это Тревор? — крикнул он.

Мэтт не ответил. Он снова махнул рукой, и эссе исчезло перед тем, как Тревор ворвался в дверь.

— Фух! Я думал, что умру там, — он топал ногами по ковру и прошел к кровати Мэтта, шаркая, где высыпал на одеяла охапку закусок и выпивки.

— Боже, — сказал Мэтт. — Ты же знаешь, что весь этот хлам вызовет у тебя рак, верно?

Тревор отпрыгнул от удивления.

— Ох, ты еще здесь?

— Это то, что я сказал! — крикнул Шон.

— Ага, я думал, ты уже на полпути к Квакертауну, — фыркнул Тревор.

— Бойертаун, — сказал Мэтт со свирепым взглядом.

Тревор махнул рукой.

— Как ни назови — там полно квакеров. Весь штат кишит ими.

— На самом деле это не...

— Когда, черт возьми, уходит твой поезд?

— Два тридцать, — сказал Мэтт. — Было несколько раньше, но у меня есть дело...

— Чувак, мне все равно, — перебил Тревор. — Меня не волнует какой-нибудь мелкий проект, которым ты занимаешься. Только если ты уйдешь отсюда до того, как высосешь из комнаты все прекрасное... о, кстати...

Тревор выудил что-то из кармана и протянул Мэтту. Это был кубик: детская игрушка, примерно в два раза больше среднего игрального кубика. Более новые были заблокированы отпечатком, могли транслировать проекции в реальном времени из АВА и поставлялись с предварительно загруженным штатом симулированных учителей.

Тот, что в руке Тревора, был первого поколения, что означало, что он был запрограммирован для работы в Интернете. Старые кубы можно было модифицировать для работы с АВА, но время загрузки было долгим, а графика — неуклюжая. Большинство из них оказались в мусорных баках несколько десятилетий назад.

— Странный сосед моего брата умер на прошлой неделе...

— Скрыга или парень, который никогда не снимает свой костюм ZOOT? — крикнул Шон.

— Скрыга, — кричит в ответ Тревор.

— О, он был крут.

— Я знаю, да? Я бы хотел, чтобы это был Капитан ZOOT-ер, — вздохнул Тревор. Затем он снова повернулся к Мэтту. — В любом случае, этому парню было около ста лет, и он всю свою жизнь копировал вещи на этот Куб — сначала из Интернета, а затем из АВА. Он назвал это своим архивом.

— Вау, он взял что-то из Интернета? — Шон высунулся из ванной, его рука была наполовину перевязана новой повязкой. — Что-то... до Отбеливателя?

— Ага, — с ухмылкой сказал Тревор.

Никто в этой комнате не был настолько стар, чтобы помнить Отбеливатель. Это произошло более пятидесяти лет назад, всего через десять лет после отключения Интернета и перехода мира на АВА.

Пользователи проснулись однажды утром и обнаружили, что большая часть их личного контента была удалена: жестокие игры, подстрекательские сценарии, пикантные фильмы — все, что было неприемлемым, было поймано моральными фильтрами АВА и удалено с мировых серверов. Вытерто начисто.

Это не было полной неожиданностью. Вскоре после Третьей мировой войны лидеры всех стран собрались, чтобы сформировать новое глобальное правительство. Они решили, что недостаточно уничтожить авто-кузнецов и объявить вне закона металлические боеприпасы: люди еще находили способы убивать друг друга. Чтобы остановить насилие, они должны были устранить саму идею насилия.

И лидеры согласились, люди проголосовали за инициирование Отбеливателя. Они хотели, чтобы следующее поколение выросло без этих разлагающих влияний. Они хотели, чтобы будущее было сосредоточено на прогрессе и мире. Они хотели начать новую жизнь.

И АВА дала им это.

Мир изменился быстро. Молодые люди выросли в сознании, лишенном всего, кроме стремления сделать свою жизнь лучше. Пожилые люди вымерли, пока не остались только

истории о том, как все было раньше — истории, рассказанные поколением, которое все чаще отвергалось как неразвитое или сумасшедшее.

Но время было циклично.

Теперь новое поколение — такие дети, как Тревор, Шон и Мэтт — вернули все на круги своя. Они начали бунтовать. Они начали задавать вопросы. Во всех новостях ходили слухи о том, как поколение ZOOT собирается разрушить мир, над созданием которого трудились их предшественники.

И, как и каждому поколению, обвиняемому в смерти прогресса, им было все равно.

— Что там вообще? — сказал Шон. Он торопливо закрепил повязку, а затем побежал осмотреть куб. — Старушка сказала, что у него есть?

Тревор пожал плечами.

— Она многого не знала. Но она почти уверена, что здесь есть футбольные матчи.

— Большое дело, — фыркнул Мэтт.

— Эй, я говорю не о группе ZOOT-еров, играющих в симуляции. Это футбол дс Отбеливателя, — возмутился Тревор, — когда все было по-настоящему, и ребята действительно били друг друга.

— Да, абуэлито рассказал нам об этом. Они разбегались и — бац! — Шон хлопнул с оглушительной силой. — Некоторые из них даже погибали, получив такие удары.

— Чушь, — сказал Мэтт.

Тревор сел на корточки рядом со стулом Мэтта и помахал кубом перед его пухлым лицом.

— Хочешь узнать, правда это или нет? Я дам двадцать кредитов, чтобы изменить его и загрузить контент.

Мэтт на мгновение задумался.

— Пятьдесят.

— Нет, забудь, — Тревор опустил куб себе в ладонь и запихнул его в глубину кармана. — Я попрошу Рашида сделать это, когда он вернется после перерыва. Кстати, тебе лучше выйти из системы, прежде чем уйти, Мэтти.

— Не называй меня так.

Тревор протянул руку, чтобы взъерошить песочные волосы Мэтта.

— О, почему? Тебе больно от этого? Ой!

Мэтт шлепнул его по руке, и оба мальчика вскочили на ноги.

— Какого хрена? — Тревор сильно толкнул его. Его руки были тонкими, но они были достаточно сильными, чтобы отбросить Мэтта. — В чем, черт возьми, твоя проблема, а? Почему ты решил, что можешь меня ударить?

Шон оказался между ними прежде, чем любой из них успел нанести удар. Он схватил Тревора за джинсовую куртку и отогнал в угол комнаты.

— Просто успокойся, Трев, успокойся, хорошо? Он того не стоит.

— Да, но что с ним не так? — Тревор сплюнул. — Почему он ведет себя как...

— Мэдисон изменила ему, — сказал Шон. Ему удалось сохранять невозмутимое выражение лица, пока он не добавил. — И Мэтт только что узнал.

— Что? Он не знал? Чувак, — Тревор наклонился, чтобы посмеяться над ним, — чувак, все знали! Мэдди каталась на поезде Уэлчмана сколько? Целый семестр?

— Все на борт! — Шон рассмеялся, взмахивая кулаком.

— Впрочем, это не шутки: он, наверное, уже поймел каждую девчонку в школе.

— Ага, и хотя бы половину ребят!

Они продолжали так несколько мгновений, посмеиваясь над тем, что столбики кровати Блейна Уэлчмана, вероятно, уже были изрезаны до зубочисток, в то время как лицо Мэтта опасно покраснело.

— АВА: переключиться в режим приватного просмотра.

— Хорошо, Мэтт, — сказала АВА.

Он выдвинул один из ящичков стола и достал очки в красной оправе. Его экран выглядел статичным: прыгающие черные точки на простом белом фоне. Но когда он надел очки, его экран снова стал четким.

Мэтт ушел. Он исчез, как только сел за стол: остальные пытались приставать к нему, но он будто не слышал ни слова. Мэтт махнул рукой, и над его столом расцвела проекция клавиатуры.

Камера АВА не могла отслеживать его движения, пока он использовал клавиатуру, а клавиши были зашифрованы до такой степени, что его штрихи выглядели ерундой.

Мэтт был средним учеником. Он сдавал большинство тестов и получал оценки, необходимые ему для учебы в школе. Вот и все. Он закончит учебу вовремя и когда-нибудь сможет найти себе достойную работу в компании, занимающейся кодированием, где он потратит свои годы на написание сценария для того, кого выберет его босс.

Да, Мэтт был всего лишь средним учеником.

Но он был исключительным программистом.

Его пальцы двигались по клавиатуре с невероятной скоростью. Окна открывались и закрывались на его экране в головокружительном ритме. Как только появилась карусель из сотни вращающихся окон — ровно столько, чтобы запутать его портал АВА, не перегружая ее, — Мэтт открыл новый экран.

Он был совершенно пустым. Белым. Экран оставался пустым, пока Мэтт не отправил сообщение через клавиатуру:

<команда: WAKE_UP>

Это происходило медленно. Пиксели появились на краю экрана и начали собираться вместе, кружась, как облако пыли, пока не достигли середины. Они скрутились в пряди, а затем пряди стали косой. Когда они закончили, пиксели превратились в нечто похожее на многоголовую змею.

Змея плыла по экрану, извиваясь, как нить мха, стекающая по реке. Мэтт уменьшил масштаб окна настолько, насколько позволяло разрешение. Если бы он увеличил масштаб, то смог бы увидеть, что каждый пиксель на самом деле являлся крошечным трехмерным организмом — организмом, который он построил специально для того, чтобы поглотить файл АВА Мэдисон Винсент.

<команда: INITIATE_FINAL_TEST>

Мэтт откинулся на спинку стула, ожидая, пока змея проверит свои конечности. Одна за другой головы дергались и становились зелеными — сигнал того, что каждый организм в этой нити вел себя так, как задумано.

Мир переключился на АВА, потому что ее язык, р-скрипта должен быть защищенным. Каждая ее линия была трехмерным кодом: четыре стены, потолок и пол. Код был слишком сложен, чтобы манипулировать им вручную. Машины писали АВА. Машины размером со здание с командными центрами, которые можно было разблокировать только в том случае, если большинство мировых лидеров проголосуют за их разблокировку.

Пытаться взломать АВА вручную было невозможно.

Вот почему Мэтт разработал то, что делает это за него.

Он не знал, первым ли написал программу на р-скрипте, подобную этой, и ему было все равно. Как только змея мигнула зеленым, он открыл окно, которое дало ему доступ к личной учетной записи АВА Мэдисон.

Это был ее социальный профиль: просто ее фотография с описанием под ней. Мэтт целеустремленно отвел взгляд от этой картинки и снова переключился на окно со змеей.

Вещи, написанные на р-скрипте, могли казаться плоскими на экране, но на самом деле это были объекты. Они существовали в мире за экраном — и протолкнуть что-то из одного окна в другое было так же просто, как проложить туннель между ними.

Мэтт осторожно сдвинул два окна вместе. Змея умела выламывать окна: одна из ее голов была предназначена для этой цели. Все, что нужно было сделать Мэтту, это отдать приказ.

<команда: НАРУШЕНИЕ>

Другие головы откинулись и прижались к телу змеи, а копающая голова устремилась вперед, как копье. Она протянула социальное окно и протянула свое тело тугой нитью. Оказавшись внутри, головы снова раскрылись веером, образуя что-то вроде осьминога с десятками вращающихся конечностей, каждая из которых была запрограммирована на уничтожение определенной части аккаунта Мэдисон.

Змее потребовалось около двух секунд, чтобы взломать ее настройки безопасности и погрузиться в ее личные данные. Все головы погрузились внутрь ее фотографии, как вода в канализацию, и исчезли.

Мэтт не мог видеть, что происходило внутри ее файла. Следующие несколько минут змея будет одна. Он уменьшил окно, пока не увидел страницу контактов Мэдисон. Вот она улыбалась посреди паутины своих самых близких друзей. Взгляд Мэтта остановился прямо на любовной ветке, где раньше была его фотография.

Теперь профиль Блейна Уэлчмана завис в этом слоте.

Давай. Губы Мэтта снова и снова повторяли это слово. Его пальцы барабанили по столешнице; его глаза были спрятаны за очками. *Давай, давай...*

— Да, — выдохнул он, когда изображение Мэдисон начало мерцать.

Пиксели внизу стирались и расходились. Они улетали, как хлопья пепла, и растворялись в ничто. Слой за слоем, от края ее фиолетового платья до аккуратной прически, Мэдисон исчезала.

Мэтт вытер холодный пот с переносицы, наблюдая, как ее профиль стирался. Как только его не стало, паутина, соединяющая всех ее друзей, сузилась и исчезла. Без Мэдисон, которая могла их связывать, их профили бесцельно висели в окне.

Готово.

Все о Мэдисон Винсент было стерто. У нее не было ни личного идентификационного номера, ни свидетельства о рождении, ни кредитного счета — даже ее школьная работа пропала. Она пропустит свой последний выпускной экзамен, потому что не сможет войти в систему.

Готово.

Мэтт переключился на пустое окно и скомандовал змее:

<команда: RETURN_TO_BASE>

Ничего не произошло. Прошли минуты, а по-прежнему ничего не происходило. Пальцы

Мэтта летали по клавиатуре, он вводил команду за командой, пытаясь получить ответ. Но змея не появилась.

Может, она не могла ответить, потому что была заперта в этом социальном окне. Может, если он переключится и введет команду туда, напрямую, он сможет...

Взгляд Мэтта замер на социальном окне, и его рот открылся.

Что-то происходило с профилем Блейна Уэлчмана: он растрепался по краям, как у Мэдисон. На этот раз все произошло намного быстрее. Вирус превратил его в пыль и не остановился, пока Блейн полностью не исчез.

Этого не должно было случиться. Вирус должен был поразить профиль Мэдисон, а затем вернуться.

Пот струился по лицу Мэтта, когда еще трое друзей Мэдисон начали рассыпаться. Потом шесть. Потом девять. Потом двенадцать.

Как только все ее друзья пропали, змея сожрала социальное окно. Он превратила его в пыль и оставила белую дыру в середине цветных пикселей экрана — всего экрана, а не только окна. Змея прогрызла родовой портал и сверкающую карусель под ним, оставив после себя неровную дыру.

А внутри этой дыры, сияя пульсацией, которую Мэтт не программировал, находилось тело змеи.

Она выросла.

Его кишки раздувались, пока головы пожирали то, что осталось от окон. Когда они не смогли дотянуться дальше, головы разошлись, образуя новые кишки и новые конечности. Они росли и карабкались со скоростью воды, впитывающейся в бумагу. К тому времени, когда Мэтт успел среагировать, змея съела весь его экран.

— АВА: выйди из системы и в-выключись, — пролепетал Мэтт, и его голос дрогнул в конце.

— Хорошо, Мэтт, — сказала АВА.

— Ты, наконец, уезжаешь? — крикнул Шон, не отрываясь от экрана.

— Ага, — буркнул Мэтт.

— Хорошо, пока.

Шон внимательно наблюдал, как Тревор прокладывает путь через разрушающийся собор, держа пальцы наготове по бокам. На Треворе вместо полного костюма ZOOT-mini были одни перчатки, несколько ботинки и что-то похожее на шлем пилота.

Монстр вырывался из края экрана, и Тревор поднял пальцы с отработанной скоростью.

— Ха! Попался!

Монстр взвыл, когда лазер разнес его на куски. Оба мальчика стонали от того, какой потрясающей была графика.

Мэтт не замечал. Он быстро собрал вещи, запихнув странный набор одежды и туалетных принадлежностей в старую кожаную сумку. Сумка была наполовину застегнута, когда он бросился к двери.

— Пока, хорошего...

— Ой! Что за...? — Тревор сорвал шлем, будто внутри него был скорпион. — Что за ...? Чт...? — его лицо стало белым. Он упал на колени и схватился за уши, крича.

Шон упал рядом с ним.

— Трев? Эй, что случилось? — он убрал руки Тренора и охнул, увидев красные струйки, вытекающие из его ушей. — Боже... иди за RA!

— Нет, — простонал Мэтт.

Шон обернулся, его лицо искажала смесь гнева и паники.

— Что значит нет? У Тревора кровь из ушей, дурак!

— Смотри, — Мэтт указал на экран.

Шон повернулся, и его рот открылся.

— Что это за фигня?

Змея каким-то образом попала в игру. Его тело было огромным — в три раза больше монстров. Она ползла по собору, многочисленные конечности трепетали с безумным возбуждением, как хвост собаки. Они разбирали собор по кирпичику. Они пожирали небо. Они поедали монстров заживо, сдирая их пиксельную кожу с кости и растворяя то, что осталось внутри пульсирующей паутины кишок. Звук визжал и трещал, пока, наконец, не оборвался.

Когда змея закончила, осталась паутина пульсирующих черных ветвей на белом экране.

Шон держал Тревора вертикально одной рукой и яростно хлопал его по голове.

— АВА: что случилось с игрой?

— Я не знаю, Шон. Запускаю диагностику сейчас же.

— Она не знает? — глаза Шона расширились от беспокойства. — Она никогда раньше этого не говорила. Она всегда... эй! АВА: запри дверь.

Мэтт хлопнул ладонью по защелке. Но АВА уже запечатала дверь.

— Выпусти меня! Ты не можешь задержать меня здесь!

— Чего ты бежишь, а? Ты сделал это? — Шон сердито посмотрел, когда не получил ответа. — Ты сделал, да? Ты был в бешенстве, потому что мы смеялись над Мэдди, так что ты запрыгнул в свой экран и испортил игру!

— Нет, это не...

— Тревор ранен! — кричал Шон. — Ты проколол ему уши! И я не позволю тебе уйти отсюда, будто ничего не произошло. Так что теперь ты можешь пойти со мной, — его голос перешел в рычание, — или я могу вырубить тебя и оттащить к RA.

У Мэтта не было выбора. Он закинул руку Тревора себе на плечо и пошел с Шоном по коридору, ноги дрожали, пока он шел.

Их RA жила в соседней комнате. Ее звали Кэндис, и она училась в университете на стипендии — футбол, полный курс. Школьная политика для RA состояла в том, чтобы держать двери открытыми, пока они находились в своих комнатах, но было известно, что Кэндис не любила, когда ее беспокоили.

Шон постучал немного робко.

— Эй, Кэндис? Мы можем зайти на секунду? Тревор ранен — это чрезвычайная ситуация.

Ответа не было. Ее дверь была распахнута, и через края сиял слабый голубой свет.

— Ее экран включен, значит, она должна быть... — Тревор остановился. Его голова болталась из стороны в сторону, а глаза расширились от паники. — Я не могу... я ничего не слышу!

— Все нормально. Мы попросим Кэндис вызвать медика, — спокойно говорил Шон. — Ты, наверное, порвал барабанные перепонки...

— Я не слышу! — кричал Тревор. — Я не могу... ой!

Шон хлопнул кузена по подбородку. Голова Тревора откинулась и упала вперед. Через секунду он влажно захрапел Мэтту на ухо.

— Ах, — Шон тряхнул рукой, морщась от боли в костяшках. — Ах, мне не нравится это делать, но это единственный способ заставить его заткнуться, — он постучал в дверь в последний раз, прежде чем протиснуться внутрь. — Привет? Угу, она спит. Давай! Забирай его из коридора.

Шон втянул Мэтта и Тревора внутрь и закрыл за ними дверь. Он подошел к единственному столу в комнате. Пол был завален обувью и одеждой, а также несколькими футболками, которые пахли так, будто их пора было постирать.

Кэндис сгорбилась за столом, тяжело положив голову на сгиб одной руки. Она была лицом к окну и в наушниках. Шон потянулся, чтобы коснуться ее плеча, когда Мэтт издал стон.

— Что? — Шон поднял взгляд, и его челюсть сжалась, когда он увидел пустой белый фон и пульсирующие ветки на экране Кэндис.

«Тебе конец», — прошептал он, сверля его взглядом.

Мэтт не обращал внимания. Он качал головой, шепча:

— Это нехорошо... Боже мой...

«Конец», — повторил Шон. Он похлопал Кэндис по плечу, но она не ответила. Даже после быстрого толчка ее тело только качнулось в сторону.

Шон провел рукой по голове, прежде чем, наконец, остановился перед ней.

— Эй, Кэндис? У нас есть проблема... о, бл..!

Его лицо дёрнулось, когда имплант ударил его, мягко напоминая ему не ругаться. Но Шона, похоже, это не волновало. Он посмотрел на Кэндис, согнулся пополам, и его стошнило в углу комнаты.

Кэндис его не слышала.

И она не могла его видеть.

С ней случилось что-то очень плохое. Что-то резкое и быстрое. Из ушей и из носа текли красные струйки. Кусочки творожистого сероватого вещества выливались из ее пустых глазниц. Кровь собралась черной лужей под ее подбородком — там, где лежали ее темные глаза.

Они все еще были соединены с ее телом...

До сих пор дергались от шока.

ГЛАВА 9

ИЮНЬ 2412

... Ты не протянешь и до полудня.

Это были не самые приятные восемнадцать часов в моей жизни. Я провела ночь в тюремной камере, съела немного кашицы на ужин и спала на койке, у которой посередине было что-то вроде железного прута, который не служил никакой конструктивной цели.

Клянусь, это было просто для того, чтобы не дать мне уснуть.

Полицейский ворвался в мою камеру рано утром, выплевывая кучу протоколов о том, что меня официально признали подозреваемой аномалией. Хотя я все еще не знала, что такое Аномалия, у меня было такое чувство, что Даллас ненавидел их даже больше, чем ненавидел Дефектов.

У меня появилось это чувство, когда они застегнули пару тугих металлических наручников на моих запястьях. Но только когда мне на голову надели черный мешок, я поняла это наверняка.

Как только я оказалась в наручниках и ослеплена, полиция бросила меня в кузов, вероятно, пикапа. По пути к выходу они сделали около десяти разных остановок, пока я подпрыгивала из-за езды и пыталась удержать свой завтрак. Не успели они, наконец, заглушить двигатель, как знакомая пара рук схватила меня.

— Г-Говард?

Я точно знала, что человеком, который тащил меня за локти, был Говард. У него был способ схватить меня, когда он зажимал мягкие части моих рук между своими пальцами. Я ожидала, что в любой момент почувствую его дыхание у себя в ухе, рычащее о том, какое же

я дерьмо.

Когда он ничего не сказал, я начала волноваться.

— Говард? Куда меня везут?

— Тихо, заключенная! — рявкнул офицер. — Поднимите ее по трапу и ждите шерифа, мистер Блэкстоун.

— Будет сделано, — спокойно сказал Говард.

Он потащил меня вверх по склону и в какое-то убежище. Я почувствовала свист, потолок закрыл небо. Наши шаги эхом отдавались от слишком близких стен. Где бы мы ни были, было темно. Я ничего не видела, но мое тело вздрогнуло, как только мы вошли в темноту. Говард потащил меня дальше, видимо, в заднюю часть металлической комнаты.

На мгновение стало тихо. Его руки оставались сжатыми на моих руках; его дыхание опаляло мою макушку. Затем он прошипел такими легкими словами, что едва ли можно было назвать их шепотом:

— Удачи, Шарлиз, но держу пари, что ты не продержишься даже до полудня.

Его руки соскользнули. Через полсекунды кто-то сорвал мешок с моей головы.

— Шарлиз Смит, вы были задержаны полицией Далласа по подозрению в проявлении аномальных склонностей. По закону мы обязаны вас перевезти...

Шериф Кляйн говорила со мной, но я ее не слышала. Время, казалось, замедлилось, пока я смотрела, как Говард уходит. Он вышел из темных пределов того места, где я была, и попал в сияние утреннего света. Я мельком увидела его лицо — вот и все, мельком, — когда он приподнял свою широкополую шляпу перед офицером, охранявшим трап. Потом... он ушел.

Вот и все.

Он ушел.

— Шарлиз?

Я моргнула, и лицо шерифа вернулось в фокус.

— Эм, что?

— Я спросила, понимаешь ли ты свои права, — в ее желто-зеленых глазах не было ничего. Ни гнева, ни разочарования, ни намек на то, что она ненавидела меня за попытку взорвать ее — или что она сожалела, что застрелила меня.

— Эм, да. Я понимаю.

— Хорошо.

На этом все закончилось. Шериф Кляйн была достаточно любезна, чтобы застегнуть иначе мои наручники, мои руки были скованы теперь передо мной, а не за спиной. Но это была вся доброта, которую я получила. Как только она закончила перечислять мои права, она ушла — и пандус за ней закрылся.

Теперь я сидела внутри того, что, скорее всего, являлось броненосцем, качавшимся на пути, наверное, в Ничто. Здесь не было окон и света, если не считать полосы солнечных ламп, которые слабо мерцали надо мной.

Я понятия не имела, куда я ехала, и что со мной будет, когда я туда доберусь. У меня не было ни дома, ни друзей, ничего. Единственное, что у меня было, — это одежда мне: тюремный комбинезон в черно-белую полоску, черные ботинки, белая майка и трусы, в промежность которых будто была вшита полоска наждачной бумаги.

По крайней мере, хуже быть не могло, верно?

Как только эта мысль пришла мне в голову, я поняла, что у меня под коленями

скопилось большое количество пота. Вот где это всегда начиналось — Бог знает почему, но я потела под коленями несколько минут, прежде чем чувствовала себя липкой где-нибудь еще. Следующим местом будет моя грудь. Потом — скальп.

В мгновение ока мой комбинезон полностью промок.

— Эй! Можно мне здесь кондиционер?

Я кричала так громко, как только могла, но никто не ответил. Я не слышала, что происходило за стенками, поэтому вполне логично, что полиция не могла услышать ничего, что я кричала внутри. Где-то должно быть средство связи.

Трубки на потолке отбрасывали тонкую полоску света на середину пола. Недостаточно яркую, чтобы достать до стен, поэтому мне пришлось искать их вслепую, используя кончики пальцев, чтобы нащупать что-нибудь, что могло быть коробкой для динамика.

Это было медленно. Мои запястья были скованы наручниками, пульс к пульсу, а это значило, что я не могла использовать свои ладони или даже плоские части пальцев для поиска. Температура внутри броненосца повышалась вместе с солнцем. Волны жара омывали мои виски, пока я изо всех сил пыталась сосредоточиться. Мои легкие дрожали от усилий, которые требовались, чтобы выделить кислород из воздуха; мои руки начали опухать от наручников.

Довольно скоро я потеряю всякую чувствительность кончиков пальцев. И когда это произойдет, придется искать наощупь локтями.

— Я не могу дышать! — закричала я, хотя знала, что это бессмысленно. — Я не могу дышать, черт возьми... ой!

Мой локоть что-то нашел. Точнее, он вонзил чувствительный кончик в угол средства связи. Я пошарила по нижнему краю, пока не нашла кнопку вызова. Мой палец так распух и онемел, что я случайно нажала достаточно сильно, чтобы сломать сустав.

— Ой! Э-э, эй — мне нужно немного воздуха.

Я не получила ответа. Даже шум не проходил с другого конца.

— Послушайте, я знаю, что я преступница. Но я умру, если ты не включите кондиционер! Я не шучу!

Ничего.

Я наклонилась и поднесла ухо к кнопке. Когда я нажимала вызов, я слышала щелчок, который всегда издают системы связи, когда подключаются к другой линии. Я нажала кнопку три раза, но ни разу не услышала щелчка.

Связи не было.

— Нет... — застонала я. — Нет, нет, давай!

Я ударила наручниками коробку с динамиком, зная, что это не принесет проку, но надеясь, что по крайней мере мне станет лучше. Металл ударил о металл, поэтому я ожидала услышать лязг. Вместо этого наручники попали во что-то странное. Что-то хрустело.

Это был лист бумаги, лучшее, что смогли понять мои опухшие руки. Я вырвала его из коробки и поднесла к свету.

На бумаге были слова, нацарапанные знакомым почерком:

Вышел из строя!

Говард.

Это определенно был почерк Говарда — только он в Далласе писал так, будто пытался разрезать бумагу пополам. Он также нарисовал маленькое веснушчатое хмурое лицо в правом нижнем углу. На случай, если у меня были какие-то сомнения.

Говард хотел моей смерти. Он ясно дал это понять. Он также знал, как работало мое тело — и, что более важно, как оно не работало. Поэтому, когда детектив Стэнтон попросил его помочь перепрограммировать броненосца, Ховард, должно быть, увидел в этом возможность сократить часть бумажной работы. И вот что он придумал.

Мое тело было ненормальным: оно не могло регулировать внутреннюю температуру, чтобы справиться с жарой. Лучшее, что оно могло сделать, это выпустить влагу из каждой поры и надеяться, что она, в конце концов, остынет, что было отвратительной необходимостью. В худшем случае это была просто обычная гадость. Но ситуация, в которой я сейчас находилась, была настолько далека от худшей, что я не была уверена, как ее классифицировать.

Безнадежная?

Фатальная?

Ответ на вопрос: сколько времени жарится Дефект?

Это произойдет со мной. Меня зажарят заживо. Солнце будет только подниматься выше, и тут будет только жарче. В конце концов, жара высосет из меня всю влагу. Тогда мои органы закипят, а плоть высохнет до хрустящей корочки — как это происходит, когда я кладу «SuperMeal» в тостер.

Моим единственным вариантом на данный момент было стучать по стенам и надеяться, что кто-нибудь меня услышит.

— Здесь слишком жарко! Мне нужна вода!

Ничего.

Может, если я продвинусь вперед, водитель меня услышит. Свет так далеко не распространяется. Так что я слепо шатаюсь по качающемуся полу, мои руки двигаются передо мной, как антенна, лишенная крови.

— На помощь! Вы должны...

Яркие огни вырвались из стены. На полсекунды мне показалось, что кто-то услышал мой крик. Может, у водителя в кабине было окно, и он открыл его, чтобы сказать мне заткнуться.

Затем я услышала музыку — ужасную мультяшную мелодию, которую крутили по телевидению по крайней мере семь раз в рекламную паузу:

— *Просто залейте Супер, и у вас будет Супердень!*

Когда мои глаза привыкли, я увидела, что свет исходил от пластиковой передней панели торгового автомата. Посередине была большая желтая вспышка со словом Super! жирными красными буквами. Единственный другой известный мне автомат Супер — тот, что находился в вестибюле Страшной Гряды — и он был пуст с того дня, как Ральф понял, как его открыть.

— Доброе утро, преступник из полицейского управления Далласа, — пропел женский голос из автомата. — Сейчас 10 утра — время утренней порции воды!

Музыка заиграла, синяя бутылка со стуком попала в прорезь.

— Суперского дня!

Свет в магазине снова выключился, оставляя меня в темноте, пока я, наконец, не нашла бутылку.

Мои запястья были скованы наручниками, поэтому пришлось использовать колени как зажим, чтобы удерживать бутылку неподвижно, пока я поворачивала крышку кончиками пальцев. Здесь было так темно, что я не могла сказать, делала ли успехи, и пот заливал мне

глаза каждый раз, когда я наклонила голову, чтобы посмотреть. Это было медленно и неудобно — и даже после того, как я открутила крышку, под ней было три уплотнения из фольги.

Когда я, наконец, спустилась к воде, то небольшое самообладание, которое у меня осталось, исчезло: я выпила половину бутылки, не переводя дух.

Это было самое удивительное, что я когда-либо пробовала. Вода текла по моему языку и успокаивала засохшую поверхность. Я снова чувствовала нёбо — все, а не только части. Вода была ледяная и сладкая...

Очень сладкая. Почти слишком. Я сделала еще глоток и на мгновение задержала напиток во рту. Какой-то странный привкус ударил в кончик языка, что-то пугающе знакомое.

Желтый краситель.

Вряд ли это была вода.

Машина, должно быть, поднималась в гору, потому что пол находился под наклоном, и я довольно легко проехала к свету. Я перевернула бутылку и застонала, прочитав этикетку:

Оставайтесь СУПЕРгидратированными с рационами выживания СуперСок — вкусным фруктовым напитком, наполненным особыми ферментами, которые мягко напоминают, что нужно пить воду! Так что не получите тепловой удар: будьте СУПЕР!

— Говард, — прохрипела я. Пришлось хрипеть, потому что за то время, которое мне понадобилось, чтобы прочитать эту этикетку, ферменты начали мягко напоминать моему рту, что он — выжженная солнцем пустошь с зубами.

Все, чего я хотела, это выпить еще. Это было как зуд в своде стопы, но, если я буду чесать там слишком часто, он меня убьет. Я, вероятно, возьму еще бутылку в обед, а это означало, что мне нужно было сделать так, чтобы этой хватило почти на два полных часа.

Я терпела примерно за минуту, прежде чем снова опрокинуть бутылку. Я собиралась сделать один глоток, чтобы насытить иссохший язык. Но я сделала три глотка

— Успокойся, Шарли, — хрипло прошептала я. — Успокойся и подумай. Думай, черт возьми!

Но я не могла думать. Жара поднялась выше невыносимой и быстро приближалась к адской. Она была повсюду, давила на меня со всех сторон. Я чувствовала, как мой череп трещал от этой силы. Странно, потому что я никогда не думала о тепле как о чем-то тяжелом.

Теперь жара сокрушала мне голову так сильно, что я не могла вспомнить свой рабочий день, не говоря уже о том, чтобы понять, как дожить до полудня.

Через пять минут полбутылки жидкости стала четвертью. Я так сильно вспотела, что повязка соскочила с моей спины и сползла на трусы. Ожог между моими плечами кричал, когда по его краям бежали полосы соли; сырой, сочащийся центр пульсировал под тяжестью моего промокшего комбинезона.

Я должна была снять его. Это был единственный способ сохранить прохладу: мне нужно было снять внешний слой одежды и позволить коже дышать.

Но с моими руками, скованными наручниками, я даже не могла расстегнуть пуговицы, не говоря уже о том, чтобы спустить ткань по пояс в передней части костюма. Я начала паниковать. Внезапно показалось, что наручники весили тридцать фунтов. Они тянули меня за руки, и локти прижимались к груди.

Я не могла дышать.

Я не могу дышать.

Что-то ворвалось в мою голову — воспоминания о тьме настолько глубокой, что я до сих пор чувствовала ее удушающую хватку. Стены сдавливали мои ребра; я была зажата между потолком и полом. Кровь. Боль. Крики умирающего животного.

Я была тем животным.

Я умирала...

— Нет! — я хлопнула наручниками по полу, и сила этого звука прогнала воспоминания. Я не была в ловушке внутри Коробки: я была в броненосце. И я выйду.

За каждой моей мыслью мчалась вода, текла рекой, непрерывно петляющей вокруг красных, мелькающих слов: *выпей что-нибудь!* Но если я не буду контролировать себя, я погибну задолго до полудня. Так что, если я не могла убедить себя остановиться, то самое простое и основное решение — избавиться от этого искушения.

Мои руки тряслись, когда я пыталась заставить их отпустить бутылку. Когда они, наконец, это сделали, я оттолкнула ее от себя. Машина взобралась на другой холм, и бутылка покатила сквозь свет, пока не врезалась в заднюю дверцу. Теперь, когда до жидкости добраться стало труднее, река замедлилась. Слова не мелькали так ярко.

Я могла думать.

— Ладно, нам нужно снять этот костюм, — прохрипела я себе под нос. — Как только мы его снимем, может, мы сможем немного лучше сосредоточиться.

Я не могла дотянуться до пуговиц, но точно могла дотянуться до швов. Одежда в Далласе перерабатывалась достаточно часто, поэтому обычно довольно легко было распороть швы вручную. Я бы предпочла не разрывать свой костюм, потому что это означало, что мне придется провести остаток пути в одном нижнем белье. Тем не менее, это было лучше, чем вскипеть заживо в собственном поту.

Я повернулась и дернула плечо, но оно крепко держалось.

Конечно, в Далласе не бывало заключенных, так что этот костюм, наверное, был новым. Швы не поддавались. Придется найти, чем их разрезать.

К счастью для меня, пластик на передней панели автомата Супер был выгнут настолько, что мог треснуть. Я врезалась пяткой в его середину — один резкий удар, который я использовала, когда Билл был полон, но мне нужно было проехать еще три квартала. Он оставил в логотипе дыру размером с фут и отломил несколько пластиковых осколков.

Один из них выглядел идеально: достаточно длинный, чтобы расширить досягаемость, и достаточно острый, чтобы разорвать швы. Я протянула руку, чтобы взять его, и ощутила жгучий солнечный свет на тыльной стороне своих ладоней. За пластиковой крышкой находилась паутина пронизанных кристаллами нитей, каждая из которых пульсировала горячей чистой солнечной энергией.

Я не была против такой жары. Глядя на сине-белые вены, светящиеся внутри их нитей, я могла думать только о том, что произойдет, если я порву одну из этих нитей. Если я выпущу эту энергию...

Нет.

Сосредоточься, Шарли.

Я вытащила нужный мне осколок из разбитой поверхности автомата. Его кончик был достаточно острым, чтобы прорвать нить практически без усилий — мне повезло, потому что я не могла бы приложить еще больше усилий.

Плечи были самыми труднодоступными швами. Как только я их порвала, дальше все

было просто: я оторвала штанины, аккуратно разрезала пуговицы, а затем зубами стянула рукава до манжет. Я спустила штанины до носков и заерзала, выгибаясь, как жук на спине, чтобы выбраться из оболочки.

Это выглядело глупо. Будто кто-то прицепил грузовик к задней части моего костюма и поехал. Но мне было все равно: я получила тридцатисекундный порыв прохлады, который дал мне достаточно сил, чтобы сообразить, что где-то здесь должен быть кондиционер.

Торговые автоматы были недешевы в обслуживании — я знала, потому что Говард чуть не сорвался, когда Ральф сломал автомат в Страшной гряде. Любой, кто хоть что-то знал о машинах, знал, что они плохо работали при экстремальных температурах, жарких или холодных. И то, что сейчас происходило внутри машины, было экстремально.

Полиция ни в коем случае не бросила бы автомат там, где не было прохлады.

Несмотря на то, что мои распухшие пальцы с каждой минутой теряли чувствительность, мне не понадобилось много времени, чтобы найти элементы управления кондиционером. Они были встроены в стену за маленькой тонкой металлической дверью с плоской ручкой с правой стороны. Я повернула руки, пока не смогла просунуть пальцы под ручку. Потом потянула.

Ничего.

Ручка щелкала, и я слышала, как защелка выдвинулась из гнезда, но дверь не открылась. Даже когда я отклонилась и навалилась всем своим весом, ничего не произошло. Будто рама была слишком тугой или петли заржавели...

Или кто-то заварил отверстие.

Именно это и произошло. Я провела пальцами по правой стороне двери и ощутила свежие следы сварки, идущие сверху вниз. С другой стороны я нашла три торчащие петли. Вот и все — я никак не могла его открыть.

Говард, должно быть, сказал полиции, что мне нельзя доверять управление. Вероятно, он рассказал, как я использовала бы их, чтобы разорвать всех на куски, хотя компонент, который мне нужно было бы перегрузить, находился вверху шахты и за доской, для открытия которой требовался специальный инструмент.

Мне конец.

Голова гудела, а в горле так пересохло, что я кашляла минимум три раза между каждым вдохом. Я врезалась в заднюю часть машины и провела руками по темному полу, пока не нашла бутылку сока. Прежде чем я успела до нее добраться, машина начала трястись. Она раскачивалась, будто ползла по ряду канав, и бутылка отлетела.

Я долго гонялась за ней по каждому сантиметру пола. В конце концов, я бросилась на нее, просто чтобы она остановилась. Синяк, который я уже чувствовала на своем бедре, стоил затраченных усилий. Я сунула бутылку между коленями и старательно открутила крышку.

Когда я, наконец, поднесла ее к губам, я поняла, что что-то было не так. Внутри бутылки ничего не болталось. Содержимое ощущалось как твердая масса. Я так хотела пить, что решила игнорировать предупредительные сигналы, которые моя голова доносила до языка. Я наклонила бутылку назад и, хотя чувствовала, как через горлышко сочилась теплая струйка, я не остановилась.

Только после того, как эти кусочки просочились сквозь сморщенную кожу моего языка, я все выплюнула.

СуперСок, должно быть, свернулся на жару. Теперь он стал прогорклым. На вкус он был

похож на запах гниющей мыши — и этот вкус вьелся в трещинки моего рта, как клей. Я не могла от этого избавиться. Даже после того, как я выплюнула все на пол, этот вкус остался.

Во мне не хватало жидкости, чтобы меня стошнило, поэтому я упала на четвереньки и дрожала до тех пор, пока не кончились силы. Пока мышцы не заболели. Я могла либо привыкнуть к тому, что у меня во рту дерьмовый вкус, либо от усталости не обращать на это внимание.

Мне нужно было прекратить.

Я свернулась на горячем полу и надеялась, что призрак вытечет из меня прежде, чем я проснусь...

— Добрый день, преступник, задержанный полицейским управлением Далласа. Сейчас 12 часов дня. Пора обедать!

Два предмета с силой врезались в щель торгового автомата. Я игнорировала этот звук и пыталась цепляться за полусон, в который я впала — этот сон мог, я была почти уверена, убить меня, если я позволю ему. Но сила падения сотрясла сломанную пластиковую переднюю часть торгового автомата. Это было достаточно громко и достаточно долго, чтобы нарушить мою концентрацию.

Ну, если я собиралась жить, то я могла бы и выпить.

Я усвоила урок: не было смысла пытаться нормировать СуперСок. Мне нужно было получить всю жидкость, которую я могла, сейчас, чтобы я могла потеть позже. Машина также уронила тубик SuperQuik на обед. Закончив глотать сок, я наклонила трубку и выдавила все это в горло.

Это со вкусом курицы бок-бок, обычно я не против, но на вкус этот тубик был больше похож на бок-бок, чем на курицу. Может, так было у меня. Мой язык был настолько травмирован, что я не думала, что он мог отличить плитку от ковра в этот момент. Поэтому я не придавала этому большого значения.

Должно быть, я была голоднее, чем думала. Примерно через тридцать секунд после того, как еда попала в мой желудок, я ощутила поток энергии, пронизывающий все мое тело. Все казалось проще. Ничто не казалось безнадежным. Я вскочила на ноги и начала пробираться по машине в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь мне проникнуть в органы управления кондиционером.

Корпус динамика был приварен по всему периметру, а торговый автомат привинчен к полу. Я могла бы открутить болты, если бы у меня был нужный инструмент. А у меня его не было, а машина была так плотно прижата к стене, что я не могла просунуть за нее руки.

Я обыскала темные углы по обе стороны от автомата, мой ботинок наткнулся на что-то твердое. Это пятигаллонное ведро — такое я использовала для мыльной воды, когда нужно было помыть Билла. Я не знала, зачем внутри броненосца было ведро, но я не жаловалась. Я приподняла крышку и пошарила внутри, надеясь, что там мог быть какой-нибудь металлолом или хотя бы пара винтов, катающихся по дну.

Но нет.

Единственные съемные вещи, которые я нашла в машине, — это были ремни, удерживающие ведро на месте: полуэластичные шнуры с овальными головками. Эти овалы превратились в букву «С», когда я нажала на них по бокам, при этом один край загнулся к центру на крошечном шарнире. Я не была уверена, что мне принесут пользу пара ремней, но это было все, что я успела найти.

Мой язык покрылся коркой, и голова снова гудела. Пот тек непрекращающимся

потоком, и моя рана не могла высохнуть. Ничто из того, что я делала, не облегчало обожженную кожу. Мне казалось, что у меня было два сердца: одно стучало между ребрами, а другое болезненно пульсировало в середине спины.

Тот небольшой заряд энергии, который я получила от еды, ушел. У меня кружилась голова, а желудок предупредил, что он был ужасно пуст — куда сильнее, чем был раньше. Я вытянула ремни на свет и на секунду села, чтобы подумать и отдышаться.

Три минуты спустя мой кишечник пылал.

— Ах! Какого черта ...? — я прижала наручники к животу, морщась от боли. Это было знакомое ощущение, но я не ожидала, что буду ощущать его еще как минимум пять часов. И я не ожидала, что почувствую это так... агрессивно.

Что-то было не так с этим SuperQuik. Я знала, что он был невкусным. Я наклонилась и схватила выброшенный тубик. Мне пришлось раздавить его пяткой, чтобы разгладить этикетку настолько, чтобы можно было прочесть мелкий шрифт:

Оставайтесь СУПЕР-энергичными с рационами выживания SuperQuik — вкусным средством со вкусом еды, наполненным специальными ферментами, разработанными для поддержания сытости в течение нескольких дней! Так что не проголодайся, будь СУПЕР!

Когда я перевернула тубик, чтобы прочитать информацию о пищевой ценности, напечатанную на обороте, я увидела, что в одном тубике было тридцать восемь порций — тридцать восемь порций. Это означало, что я только что проглотила эквивалент почти сорока приемов пищи за один присест.

— О... Боже... Боже, — простонала я.

И вот шла расплата.

Теперь я поняла назначение пустого ведра. Ужасная, отвратительная, унижительная цель. Я жалела, что сняла его с ремней, потому что теперь я должна была ковылять за ним, сжавшись, а оно укатилось к задней части машины.

Как только я, наконец, взяла ведро, у меня не осталось времени, чтобы пристегнуть его обратно. Времени едва хватило, чтобы перевернуть его и снять крышку, прежде чем начался ад.

Меня немного утешало знание того, что полиция не слышала, что происходило внутри броненосца. Если я собиралась умереть вот так, выпустив месячный запас еды с тонкостью грузовика, вылетающего из окна седьмого этажа, то я хотела бы, по крайней мере, умереть с осознанием того, что никто этого не слышал.

Я бы предпочла, чтобы позже они просто нашли мою вывернутую наизнанку оболочку тела и удивились, что, черт возьми, произошло.

На то, чтобы еда прошла свой курс, ушло около получаса. Хорошая часть заключалась в том, что мне больше не нужно было беспокоиться о том, чтобы пристегнуть ведро ремнями: если машина не перевернется на бок, эта штука никуда не денется. Плохо было то, что вся влага, которая была в моем теле, исчезла. Пропала. Вышла.

Было слишком больно сидеть. У меня не осталось ничего, чтобы появились слезы. Поэтому я сжалась на боку и стонала в изгибы своих скованных рук.

Говард все предусмотрел. Мало того, что он запер меня в этой чёртовой печи, он не только отключил все коммуникации и заварил кондиционер, но и дал мне паек, предназначенный для обезвоживания моей системы. Он сделал все, что мог, чтобы убить меня, а я...

Я не знала, могла ли как-то остановить его.

На передней части ведра были рисунки. Я увидела их, когда повернулась, чтобы одна сторона меня могла остыть. На рисунках была изображена веснушчатая фигурка, сидящая на корточках над квадратом. В пустом пространстве над ее головой плавали и другие вещи — грубые интерпретации того, что случилось с ведром около десяти минут назад.

Это было шуткой для Говарда. Мои страдания и возможная смерть были шуткой. Он, наверное, смеялся, когда рисовал фигурку Шарли и маленькие какашки, танцующие вокруг ее головы. Он смеялся, потому что думал, что я была шуткой, и думал, что будет смешно, когда я умру.

Я не думала, что это было смешно. И одно только представление о том, как Ховард смеется надо мной, меня просто убивало.

Я забыла о том, что мне было жарко. Я забыла об усталости. Я забыла о том, что я только что сделала с тем ведром. Мой разум был сосредоточен на одном, и это наполняло меня, как холодный стакан воды: я должна была победить его. Я должна была убедиться, что Говард знал, что он проиграл.

Как мне использовать пару ремней, чтобы открыть металлическую дверь?

Я снова провела пальцами по следам сварки. Открывающаяся сторона была полностью закрыта, но верхняя, нижняя и шарнирная стороны оставались нетронутыми. Ремни были слишком толстыми, чтобы поместиться в зазоры, поэтому о том, чтобы продеть их, не было и речи. Остались только петли.

Они были слишком крепкими, чтобы сломаться. Я ткнула головку ремешка в боковую часть средней петли, надеясь, что она поддастся. Но не вышло.

— Что-то должно быть, — сказала я, обводя петли онемевшими кончиками пальцев. — Ты должна что-то придумать — нельзя позволить Говарду победить.

Хотела бы я, чтобы Ральф был здесь: он сообразил бы за восемь секунд. Он бы разобрал все это на части и заставил делать то, что он...

Боже — вот оно.

Я была дурой.

Посередине петель проходили штифты. Штифты удерживали дверь на раме и позволяли ей открываться. Я знала это, потому что однажды мне пришлось заменить дверь Ральфа, когда я случайно подожгла ее.

Я взяла одну из овальных головок и вдавила ее сбоку, чтобы получилась буква С. Затем я вставила открытую вершину буквы С между штифтом и петлей. Я присела и быстро встала, используя силу, чтобы высвободить штифт. После этого его было легко вытащить.

Я сделала это три раза. Мне понадобилось около минуты, чтобы вытащить все штифты из петель. Отверстие было все еще заварено, но дверь была достаточно тонкой, чтобы она могла поддаться. Я приподняла шарнирную сторону, чтобы продеть за нее ремешок. Затем я откинулась и крепко впилась.

Дверь открылась так легко, что я упала на бок. Но мне было все равно. Я даже не могла обрадоваться, потому что я просто злилась. Я злилась на Говарда за то, что он протащил меня через ад, и злилась на себя за то, что не сообразила это быстрее.

Щелчок переключателя. Я включила кондиционер и тяжело села. Я прислонилась спиной к стене и закрыла глаза, когда прохладный воздух подул из вентиляционных отверстий в потолке — и тут же решила, что больше не буду паниковать. Что бы ни случилось, я буду спокойна.

Я больше не собиралась быть одной из подданных Говарда.

ГЛАВА 10

Я решила не рассказывать шерифу Кляйн об инциденте с броненосцем.

Я сказала ей, что там было чертовски жарко, что я чуть не умерла, и что еда дала мне причину никогда больше не хотеть есть — и все это было правдой. Чего я ей не сказала, так это того, что верила, что Говард все подстроил, чтобы убить меня.

Если я вернусь в Даллас живой, Говард узнает, что я знаю. Так что не было смысла давать ему шанс подготовиться заранее.

Найдя меня, сжавшуюся калачиком на полу в пропотевшем нижнем белье, Кляйн решила предоставить мне полный контроль над кондиционером. К счастью для меня, полиция также дала запасное белье, ботинки, еще один черно-белый комбинезон — запасное ведро, потому что Кляйн отдала приказ вывезти прошлое из лагеря и закопать *где-нибудь, где оно не погубит дикую природу*.

Здесь были какие-то странно звучащие существа. Хотя я не знала, как они выглядели. Я могла только слышать их. Прошло два дня, а я так и не увидела Ничто. Полиция выпускала меня только ночью, примерно через час после захода солнца. Мне разрешали пройти три круга по лагерю, чтобы улучшить кровообращение, прежде чем меня запихнут обратно в «броненосец».

— Пошли, Смит.

Два офицера грубо схватили меня под руки и потянули к трапу. Я не могла опустить

ноги. Они нарочно держали меня низко, так что у меня не было другого выбора, кроме как позволить своим голеним вгрызаться в пол.

Кляйн ждала меня у подножия ramпы. Она единственная во всем лагере была не в шлеме и бронежилете: только форма и плащ. Ее глаза были прикованы к моему лицу, пока полицейские тащили меня вниз. Они казались почти отражающими в бледном свете фонаря.

В фонарях были маленькие компактные батареи — они предназначены для сбора солнечной энергии в течение дня и отдачи ее в течение ночи. Свет фонарей резко контрастировал с окружающей темнотой. Я видела изгиб каждой травинки внутри лагеря и абсолютно ничего за ним.

Кляйн держала фонарь в одной руке. Другая прижималась к револьверу — вероятно, по привычке, чем по какой-либо другой причине. Пистолет не мог заряжаться без солнечного света. Но она всегда могла бы забить меня рукояткой до смерти, если бы ей было нужно.

— Спасибо, офицеры. Дальше я сама.

— Да, шериф.

Они бросили меня на землю и ушли, чтобы присоединиться к остальным.

Лагерь был разделен на пять групп по четыре человека: у каждой группы был свой ящик с едой, бочка с водой и фонарь. Я не видела никаких постельных принадлежностей, но предполагала, что они свернули их где-то в своих грузовиках. Офицеры проводили ночь в назначенных им группах — ужинали и делали то, что полиция делает в свободное время. Наверное, это включало в себя пустые взгляды и протокольные разговоры.

Кляйн наклонилась, чтобы пристегнуть что-то к моему комбинезону.

— Это твое новое удостоверение личности. Он понадобится тебе, как только мы доберемся до Объекта. Ты готова идти?

Теперь, когда мы остались одни, ее голос смягчился. Ее глаза все еще были холодны, а рука все еще крепко сжимала револьвер. Но, по крайней мере, она была достаточно порядочна, чтобы не кричать на меня.

— Да, я готова, — я застонала, поднимаясь на ноги. Офицеры бросили меня на небольшую грудку камней. Они, наверное, все еще злились из-за необходимости опорожнить мое ведро. — Куда?

Кляйн указала, и я пошла.

По всему лагерю стояли короткие полки из камня. Они стояли на разной высоте: одни доходили мне до колен, а другие были ниже пояса. Они тянулись по прямой и поворачивали под углом девяносто градусов.

Я была почти уверена, что полки раньше были стенами. Мне потребовалось некоторое время, чтобы понять это, но как только я представила их немного выше, это обрело смысл. Квадраты, на которых теперь расположились лагеря офицеров, были комнатами. Впереди была брешь, огромная дыра в полках, на которую мне указала Кляйн. Должно быть, это была входная дверь.

А примерно в пяти шагах от устья пропасти была грудка кредитов высотой по пояс. Те, что внизу, были зацементированы внутри грязи. Некоторые разнесло по углам комнаты. Сверху лежал набор свежих кредитов, каждая карта стоила пятьдесят.

В этой куче должны быть тысячи кредитов — достаточно, чтобы купить хороший дом в Опале. Просто оставить их в пустыне казалось пустой тратой времени. Но это делала полиция. И они сделали это в последнем лагере тоже.

— Потому что это протокол, — коротко ответила Кляйн, когда я спросила. — Ты

знаешь, что я не могу обсуждать протокол с гражданами.

— Но я больше не гражданка. Я преступница.

Она поджала губы.

— Да. Мне вообще не следует с тобой разговаривать.

— Тогда почему вы говорите?

Она не ответила, а только вытолкнула меня из щели и велела идти.

Я должна была радоваться на улице, но этого не было. Даже ночью воздух был липким и влажным. Было душно, как в паре из душа. Пот струился в узком V-образном вырезе, созданном моими скованными руками. Боли постоянно пульсировали под моей кожей. Я ничего не делала, кроме как весь день возилась с броненосцем, пытаюсь сделать жизнь немного комфортнее.

Но почему-то мне было больно.

— Завтра мы будем на Объекте, — тихо сказала Клейн.

— Хм, — хмыкнула я.

Мне не хотелось говорить — я никогда не была болтливой, и я знала, что все, что я скажу, будет просто проигнорировано. Прошлой ночью я потратила все свое дыхание, задавая вопросы, и всегда получала один и тот же ответ:

Где находится Объект?

Я не могу обсуждать это с гражданами.

Что такое аномалия?

Я не могу обсуждать это с гражданами.

Как они меня починят?

Я не могу обсуждать это с гражданами.

Задавать вопросы было бессмысленно. С тем же успехом я могла бы записать их все и потереться, потому что это было полезнее.

— Процесс исправления обычно занимает около недели, — продолжила Кляйн, предлагая единственную информацию, которую я получила с тех пор, как мы покинули Даллас. — Я заеду за тобой в следующую пятницу — дорога обратно займет всего несколько часов, так что тебе не придется беспокоиться об этом снова.

Мы уехали не так далеко, потому что броненосец так быстро не едет. Кляйн говорила, что его максимальная скорость составляла около десяти миль в час. Когда я, наконец, увидела эту штуку, я поняла: «броненосцем» было чудовище размером, вероятно, наши с Ральфом комнаты вместе. У него было по восемь металлических колес с каждой стороны. Колеса проходили через гусеницу, и именно гусеница тащила всю установку по пересеченной местности.

Какими бы ни были аномалии, они были достаточно мощными, чтобы полиция боялась их высвобождения.

Мы были на полпути к первому кругу. За лагерем стало темнее, поэтому Кляйн перестала вести себя протокольно и остановилась рядом со мной.

— Шарлиз?

— Хм?

Какое-то время она смотрела на меня сверху вниз. Ее глаза казались пустыми; их желто-зеленые пруды были приглушенными в темноте. Поэтому я удивилась, когда она сказала:

— Я сожалею обо всем этом.

— О чем? — спросила я, когда она не уточнила.

— Что надела на тебя наручники. Притащила сюда... — ее рот слегка изогнулся, — заставляя детектива Стэнтон поверить, что ты Аномалия.

Я перестала идти — не потому, что хотела, а потому, что у меня затекли ноги.

— Что ...? Вы соврали?

— Нет, нет. Ложь противоречит протоколу. Стэнтон придумал эту идею сам. Я просто не поправила его. Слушай, я... — рот Кляйн открылся, будто она собиралась сказать что-то. Затем она моргнула и сказала иначе. — Я знаю тебя, Шарлиз. Я знаю тебя с тех пор, как ты была маленькой девочкой. И я трижды арестовывала тебя за деструктивное поведение, но, поскольку я тебя знаю, я знаю, что ты не пыталась никому навредить.

В прошлый раз я определенно планировала причинить кому-нибудь боль: себе и кому-нибудь еще в пределах досягаемости. Но я решила держать рот на замке и позволила Кляйн говорить.

— Ты... другая, — сказала она, еще раз моргнув.

— Чем же? Потому что я устроила беду?

— Нет, — лицо Кляйн было непроницаемым, но я могла сказать по ее долгой паузе, чтобы подумать, что это было трудно для нее. — Скорее... когда ты умерла, я ощутила глубокое чувство неудачи.

— Неудачи? — я сомневалась, что она знала значение этого слова. Не похоже, чтобы она использовала его правильно.

— Да. Я чувствовала, что потерпела неудачу. И мне не нравилось это чувство. Так что, когда детектив сказал, что твои действия кажутся аномальными, я не стала его поправлять. Я позволила ему поверить в это. Я даже изменила свой отчет, чтобы он звучал так, будто я боюсь твоих способностей.

— Но у меня нет никаких способностей.

— Да, я знаю, — сказала Кляйн, качая головой. На полсекунды мне показалось, что она могла бы улыбнуться. Но она скрыла это под серьезным взглядом. — Я знаю, что ты не опасна, но они не знали. И я... изменила кое-что. Мне не нравилось что-то менять, но мысль о том, чтобы позволить мэрии убрать тебя, мне нравилась еще меньше.

Так что Говард говорил правду: меня собирались убить.

У меня пересохло во рту, когда Кляйн продолжила:

— Ты не аномалия, поэтому Объект не сможет тебя вылечить — и это будет отражено в официальном отчете. Я еще не солгала тебе, Шарлиз, — она нахмурилась еще больше, — но я готова.

Я не знала, что сказать. Насколько мне было известно, Нормалы не могли нарушить свой протокол. Так что когда один из них был готов соврать для меня, это казалось слишком хорошим, чтобы быть правдой.

— Это Говард подтолкнул вас к этому? Это один из его проклятых тестов?

— Тесты? Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала она, когда я не объяснила. — Но я могу пообещать, что никто не давал мне разрешения говорить что-либо из этого. Мы даже не должны разговаривать.

Она повернулась, чтобы хмуро посмотреть на лагерь на мгновение. Затем она дала мне сигнал снова начать движение.

— И что мне делать?

— Ну, во-первых, ты должна быть уверена, что хочешь жить.

— Что? Конечно, я хочу жить!

— Несколько дней назад ты казалась неуверенной.

— Ну да, я только увидела кое-что... очень плохое, — осторожно сказала я, потому что все больше и больше убеждалась, что мне совершенно точно не положено знать, что происходит внутри крыла D. — Это расстроило меня. Вы знаете, что Дефекты...

— Несовершенства, — перебила она.

— Как бы вы меня ни называли, вы знаете, что я не могу контролировать свои эмоции так же хорошо, как Норм... ну, как и вы, ребята.

Клейн кивнула, все еще хмурясь.

— Хорошо, Шарлиз. Если ты уверена...

— Да.

— ...тогда я готова помочь. Когда я приеду за тобой, я удалю отчет и заменю его таким, который будет выглядеть так, будто тебя действительно починили.

— Что мне в этом хорошего? — сказала я.

— Это даст тебе новый старт. Исправление стирает твою запись и позволяет мэрии создать новый файл. После этого ты можешь делать все, что захочешь, но я надеюсь, что ты подумаешь о вступлении в полицию.

Ах, вот оно: план Кляйн состоял в том, чтобы одеть меня в униформу и поставить у Выхода на всю оставшуюся жизнь. Никакого взаимодействия с Большим Далласом. Я ни за что не смогу попасть в беду. Под ее властью.

Это было небольшой ценой, чтобы сбежать от Говарда.

— Хорошо, шериф.

— Ты сделаешь это?

— Да.

Мы пожали руки, что было неловко, потому что мои запястья все еще были скованы, а ее хватка была так сильна, что она чуть не вырвала мои пальцы из суставов. Тем не менее, я чувствовала, что это было лучшее, что могло случиться со мной.

Свободной я точно не буду, но время от времени я буду покидать Даллас. Я смогу путешествовать с полицией и патрулировать Ничто — и это намного больше, чем я могла надеяться.

— Значит ли это, что вы, наконец, научите меня стрелять из пистолета?

Кляйн крепче сжала револьвер.

— Может быть. Мы дойдем до этого.

Она, наверное, гадала, какой урон я могла нанести оружием, которое по сути представляло собой зажигалку дальнего действия. Я о таком думала.

— Думаю, вы должны сначала обучить меня — я действительно хорошо стреляю, — сказала я, когда Кляйн покачала головой.

Ее рот приоткрылся от удивления.

— Откуда ты это знаешь? Кто, черт возьми, дал тебе пистолет?

— Никто.

— Шарлиз...

— Клянусь, никто. Я просто знаю, что я меткая. Однажды я прибила крысу банкой SuperFizz через всю комнату — а она бежала.

— Почему?

— Я не знаю. Я думаю, потому что она не хотела, чтобы ее голова разбили о стену. Это его не спасло...

— Нет, — Кляйн вздохнула. — Я имею в виду, почему, Шарлиз? Зачем ты делаешь такие идиотские вещи? Разве в Граните не продают ловушки для крыс?

— Ага, за три кредита, — фыркнула я. — Банка шипучки — это два по цене одного.

Кляйн что-то прорычала себе под нос.

— Я не буду бить крыс внутри штаб-квартиры. Я буду образцовым офицером, обещаю, — что-то еще пришло ко мне внезапно. Что-то, что заставило меня улыбнуться. — Подождите, пока Говард узнает. Он разозлится — ой!

— Тихо, — прошипела Клейн.

Она схватила меня за руку и потащила вперед. Было против протокола, чтобы она так ко мне прикасалась. Кому-то было разрешено прикасаться ко мне, только если у меня проблемы или если лаборатория проводит какой-то медицинский тест. Но хотя ничего из этого не происходило, Кляйн крепко держала меня — и не отпускала, пока мы не поравнялись с броненосцем.

Его чудовищное тело стояло на страже между нами и лагерем. Если бы не фонарь в руке Кляйн, мы были бы полностью скрыты в его тени. И тут, в темноте и тишине, Кляйн прошептала что-то такое, от чего меня пробрала дрожь до костей:

— Ты должна мне кое-что пообещать, Шарлиз. Обещай мне, что, что бы ни случилось, ты никогда не расскажешь Блэкстоуну о нашем плане.

— Говарду? — сказала я. Он был единственным Блэкстоуном, которого я знала, так что она говорила о Говарде. Но страх в ее голосе смутил меня. — Он может говорить грубые вещи, но он довольно безобиден.

— Это не так, — Кляйн не смотрела на меня. Вместо этого она многозначительно смотрела на скол на краске броненосца. — Я рада, что ты считаешь его безобидным, потому что это значит, что он не добрался до тебя. Но поверь мне, он... с ним что-то не так. Он не такой, как другие.

Кольцо страха окружило центр ее глаз — будто они видели слишком много, чтобы ее Нормальный разум мог это обработать. Раньше я так думала о Говарде. Я помнила, как после первых нескольких раз, когда он поместил меня в Толкатель или Растягиватель, я сидела на краю своей кровати и часами смотрела на стены.

Пыталась вспомнить каждую деталь того ада, через который я только что прошла.

И в то же время, пыталась забыть.

Мое сердце колотилось в груди. Впервые в моей жизни здесь был кто-то, кто, возможно, видел то же, что и я. В моей жизни был кто-то, кто мог меня понять.

— Шериф Кляйн? Могу я кое-что сказать?

Она наклонила голову, будто это было очевидно.

— Конечно, Шарлиз. Все, что...

Шум прорезал воздух между нами. Он звучал как шершень — один из тех больших черно-желтых существ с жалом размером с голову. Мое тело отпрянуло от шума, нервы дрожали, а на коже выступили мурашки. Меня и раньше кусали: у меня распухла рука в два раза по сравнению с нормальным размером, а гной пропитывал рукав.

Я ни за что не позволю снова себя ужалить.

Клейн тоже вздрогнула. Она отскочила в бок броненосца. Фонарь выпал из ее рук и разбился о землю. Это была странная, непропорциональная реакция на шершня, которую я не ожидала ни от одного Нормала. Меньше всего — от Кляйн.

Фонарь был испорчен. Люминесцентная грязь скользила по осколкам стекла, тускнея

по мере остывания. Тень броненосца была слишком густой, лагерь был слишком далеко. Через несколько секунд мы полностью погрузимся во тьму.

— Шериф? — сказала я, когда Кляйн не пошевелилась.

Я не видела ее лица. Ее подбородок опустился на грудь. Но я видела ее руку, тянущуюся по боку броненосца: коготь из жил и костей, хватающий воздух, не в силах остановиться. За ее пальцами скользила темная тень. Она оставляла за собой полосатый след — исчезающий отпечаток ее панической хватки. След, кажется, почти блестел в угасающем свете...

Еще момент, хриплый вдох времени, и я видела блестящий след и ощущала слишком знакомый запах. Я мельком увидела, как другая рука Кляйн сжала разорванные остатки звезды и пушки над ее сердцем. Я видела тени, которые текли сквозь звезду и на ее пальцы.

Нет, не тени... что-то другое...

— Беги, — сдавленный голос прозвучал шепотом в воздухе между нами — и хотя он исходил из ее губ, он не был похож на Кляйн. — *Беги.*

Свет угас. Ее тело исчезло. Была только темнота и этот ужасный металлический привкус. Затем шершень снова нанес удар.

Я не слышала, как он приблизился. Я ощутила, как он порвал переднюю часть моего комбинезона; сила сбила меня с ног. Раздался гул, оглушительный визг, когда что-то ударило в бок броненосца. Искры вырвались дождем, который обжигал мои руки и кожу головы.

Это не был шершень. Это не было похоже ни на что, что я когда-либо видела. Это могло убить меня.

Не тени текли по пальцам Кляйн и окрасили ее грудь. Я знала, что это было, но не могла подобрать слова. Я ничего не могла придумать. Я даже не была уверена, так как изо всех сил пыталась оставаться в вертикальном положении, могла ли я вспомнить, как дышать.

Мои ноги дрожали, они пытались заставить меня бежать. Я, спотыкаясь, прошла мимо Кляйн, направляясь к заднему краю броненосца. В моем горле застрял крик, который болезненно рвался наружу. Я держала рот закрытым, а зубы — стиснутыми.

Я не знала, что задело Кляйн, но думала, что была в безопасности. Стало темно. Пока я держалась подальше от света, все...

— Шериф? Что там происходит? — офицер оббежал броненосец, размахивая фонарем в его руке. Он поднял его на уровень головы и посмотрел в мою сторону, шурясь. — Все?..

Это произошло слишком быстро.

Я не успела закричать.

В один миг у офицера была Нормальная голова: красивые черты лица, сине-зеленые глаза, короткие светлые волосы. А в следующую секунду вся правая сторона его лица исчезла.

Взорвалась.

Вырвалась наружу и хлестнула на борт броненосца градом мерцающей крови.

То, что осталось от его головы, отлетело назад. Его тело обмякло, как консервная банка во рту у мусоровоза: его руки опустились, а ноги резко согнулись. Я знала, что он был мертв. Я знала это в тот момент, когда его голова взорвалась.

Меня потрясло знание того, что он умер, что человек стал пустым мешком кожи, слишком большим. Вместо крика из меня вырвался мой обед. Я ощущала это. Чувствовала тепло, скользящее по моему подбородку, тупую боль, когда он встретился с тем, что случилось с моей грудью.

В этот же момент фонарь офицера упал на землю. Он тяжело упал на торец и с

грохотом рухнул на бок. Стекло не разбилось; наклон земли быстро заставил его покатиться. Мертвое кольцо белого света приближалось ко мне, как призрак.

Если он коснется меня, я умру.

Над лагерем разразилась буря: тьма вокруг нас ожила яростными белыми вспышками света. Гром трещал и хлопал со всех сторон. Искры летели на броненосца и разбитую землю. Затем я услышала крики.

Крики ужаса, крики боли.

Темные силуэты, падающие на четвереньки.

Красные ленты, вспыхивающие тонким туманом.

Мои ноги стучали подо мной, неся меня к открытой задней части броненосца. Я перелезла через край пандуса на локтях. Из-за кандалов на запястьях я не могла хорошо ухватиться.

Пока я лезла в темноту, в моей голове пронеслась тихая мысль: *я никогда раньше не слышала криков Нормалов. Я не знала, что они могли чувствовать страх или боль. Если что-то может убить Нормалов, то у меня нет шансов. Я умру... конец...*

— Прекрати, Шарли, — слова сорвались с моих губ, — просто прекрати.

Не было времени паниковать. Не было времени бояться или беспокоиться о линии огня на моей груди. Я напоминала себе, что должна была сохранять спокойствие. Я должна была думать — и если я хотела жить, я должна была думать быстро.

У меня не было сил, чтобы поднять рампу. Я дергала за лямки, и они чуть не вырвали мои руки из суставов. О закрытии броненосца не было и речи. О бегстве не было и речи, потому что молния полностью окружила наш лагерь. Мне нужно было найти, где спрятаться — в темном и безопасном месте.

Торговый автомат.

Это единственное место, о котором я могла думать прямо сейчас, так что я сделала выбор.

Первое, что я сделала после того, как добралась до кондиционера, это отключила дверцу торгового автомата. Я хотела иметь возможность получать пайки, когда захочу, поэтому я воспользовалась уловкой Ральфа, чтобы проникнуть внутрь.

В машины на солнечных батареях невозможно пролезть днем, потому что система безопасности полностью электронная. Вы должны либо иметь правильный отпечаток большого пальца, либо знать код отмены. Но ночью машины теряли мощность, и вся электроника отключалась. Поэтому им приходилось замыкаться чем-то более простым.

За пять минут до захода солнца толстый магнитный стержень падал в чрезвычайно намагниченную щель. Затем машина выключалась. Магниты удерживали дверь закрытой до восхода солнца, когда у машины появлялось достаточно мощности, чтобы вытащить засов из прорези.

Это было похоже на засов — засов, который открывался с усилием пятисот пудов, когда магниты слиплись.

Но если кто-то засунет что-нибудь в щель до захода солнца, это не позволит стержню войти полностью. Это предотвратит соприкосновение магнитов. Это сбило бы машину с толку, заставив ее думать, что она не вытащила засов из гнезда, и не позволило бы солнечной безопасности снова включиться. И тогда дверь распахивалась, как и все остальное на петлях.

Ральф понял это. Он взял карандаш и им засунул кусок пластика в прорезь. Я

использовала половину пуговицы от моего разорванного комбинезона. Мне было нечем вставить его, поэтому она довольно свободно сидела в слоте. Но я подумала, что так сойдет.

Снаружи стих гром; крики тоже стихли. Это тишина заставляла мурашки выступить на моей коже. У меня было чувство, что то, что только что сбило полицию, вот-вот переместится в лагерь. Я не знала, откуда взялось это чувство, но оно было как удар по ушам.

Я пролезла к задней части «броненосца» и тянулась руками, пока не врезалась в переднюю часть торгового автомата. Там ушли секунды, чтобы найти дверь. Но казалось, ушла вечность.

Я нащупала щель между краем и дверью и последовала за ней до своей пуговицы. Мои руки тряслись, как двигатель мусоровоза, — так сильно, что я чувствовала, как они съезжали по боку автомата. Мои пальцы соскользнули, когда я попыталась открыть дверь. Засов ударился о клин из моей пуговицы и вытолкнул ее из паза.

Я услышала звон, она упала в темноту; вес двери тянул ее к раме. На одну душераздирающую секунду мне показалось, что она захлопнется. Но я успела ее поймать.

Ледяной воздух вылетел с шипением. Он охладил и без того замерзшую кожу. Автомат выполнял мощное охлаждение перед тем, как отключиться на ночь. Я сломала печать, и к утру еда будет испорчена. Но у меня не было выбора.

Первым делом я вырвала солнечные провода из задней части защитной панели. Если я этого не сделала бы, то он включился бы с восходом солнца, и я не смогла бы выбраться. Я умру и сморщусь — и кому не посчастливится открыть его потом, тот увидит мой скелет, ухмыляющийся им.

Между полками для сока и полками быстрых блюд было пространство — достаточно широкое, чтобы я могла влезть боком. Так тесно. Боже, он там было очень узко. Мои легкие тряслись, когда я заставила их сделать глубокий вдох. Они будто знали, какие пытки их ждали, и уже кричали об этом. Но больше я ничего не могла сделать, больше было некуда спрятаться.

Поэтому я закрыла глаза и втиснулась в щель.

Полки не сдвигались. Они обвили меня сокрушительным давлением и крепко держали. Я замерла с головой, повернутой влево, и руками, зажатыми спереди. Кандалы болезненно впились в мои бедра. Никакие ухищрения не улучшали ситуацию.

Это не сработает. Я не могла этого сделать. Слишком близко, слишком тесно.

Я не могла дышать.

Паника пронзила меня от ступней до макушки. Что бы там ни было, я решила, что просто рискну. Но я не решилась достаточно быстро.

Когда я попыталась выскочить из щели, дверь распахнулась мне в лицо. Я отлетела и выругалась, и автомат закрылся. Вес двери захлопнул ее.

Раздался зловещий щелчок, когда магнитные замки встали на место, а затем... тишина.

ГЛАВА 11

Дверь была закрыта.

Магнитные замки — запечатаны.

Я была в ловушке.

Внутри торгового автомата было ограниченное количество кислорода. Это первая мысль, которая пришла мне в голову — мысль, которая должна была прийти мне в голову, прежде чем я заперлась тут. Я так запаниковала из-за нехватки места, что даже не стала думать о нехватке воздуха.

У меня мог случиться сердечный приступ, если я не успокоюсь. Но если я продолжу так дышать, я точно задохнусь. Поэтому я постаралась думать о чем-то другом.

Это не сработало. Попытка не думать об удушье в полках, полных того, что, по сути, являлось жидким слабительным, только заставило меня думать об этом сильнее. Попытка замедлить дыхание заставила меня задыхаться. Страх исходил от моего тела горячими волнами. Мышцы моих икр начали подергиваться, когда я обнаружила, что не могла двигаться. Но хуже всего был пот.

Она скапливалась под моими руками и в сгибах коленей. Я создавала соленые капли. Я чувствовала, как они проходили через канал и выходили через поры, чувствовала, как он собирался на моем скальпе, как он качался под собственным весом, а затем стекал по линии моих волос.

Не было ничего лучше мучения от невозможности почесаться. От пота и судорог в мышцах у меня все чесалось. Это было хуже, чем в тот раз, когда Говард дал мне таблетку, от

которой у меня пошла крапивница: я, может, и была вся в волдырях, но, по крайней мере, могла почесаться.

Я обрадовалась, услышав голоса. Это дало мне возможность сосредоточиться на чем-то другом.

Многие из них были низкими, мужскими. Несколько голосов выше были почти подавлены. Они двигались облаком, дрейфуя сначала к задней части лагеря, а затем к передней. Было почти невозможно отличить один от другого. Но это не имело значения, ведь я не могла понять, о чем они говорили.

Толстый корпус торгового автомата заглушал их голоса. Даже после того, как они подошли ближе, я не могла разобрать слова — только рычащий поток, который изредка прерывался смехом.

За жарой и смрадом моего страха кружилась буря вопросов:

Есть ли другие люди в Ничто?

Они люди или что-то другое?

Почему они, кем бы они ни были, убивали Нормалов?

И что они собираются делать, когда найдут меня?

Когда, а не если. Они найдут меня. Они используют то, что попало в голову этого офицера, чтобы широко распахнуть дверь. А потом меня убьют. Процесс будет таким же холодным и безличным, как один из экспериментов Говарда.

«Ты готова, Шарлиз? Раз, два, три...».

БАМ.

Шум испугал меня. Мое тело откинулось, и я застонала, когда край металлической полки врезался мне в руку. Теперь на мои ботинки капала еще одна липкая жидкость.

— Так он не откроется, — сказал второй мужчина. — Эти замки останутся закрытыми, пока не взойдет солнце.

Акцент у него был странный — точнее, акцента у него не было, и это было странно. Ни у кого не было такого плохого голоса, как у Говарда, но почти у всех, кого я знала, было немного гнусавости в голосе. Единственный раз, когда я слышала, как люди ясно говорили, был по телевизору.

И я была почти уверена, что это не было телевидение.

— Мы уйдем к восходу солнца, — сказал второй мужчина. — Я хочу посмотреть, что здесь сейчас.

Он ударил торговый автомат еще несколько раз. Каждый удар ощущался так, будто кто-то протыкал мне ухо иглой. Моя голова инстинктивно дергалась вниз, пытаюсь пригнуться от шума, пытаюсь прижать ухо к плечу. Пытаюсь найти какое-то облегчение.

Но его не было. Была только колющая боль, треск полок у моих локтей и коленей. Я будто была зажата в днище поршневой втулки: молоток падал и раздавливал меня снова и снова. Пока я не стану злой, дрожащей кашей.

— Эй... эй! Прекрати это! — закричал третий голос. — Ты хочешь, чтобы эти уроды нашли нас?

Лязг прекратился.

— Они все мертвы, — сказал второй мужчина.

— Ты этого не знаешь. Что Маурья всегда тебе говорит?

Раздался тяжелый вздох.

— Если видишь три, их шесть.

— Верно. А так как слишком темно, чтобы проверить, как насчет того, чтобы просто перестать подавать им сигнал?

Значительная пауза.

— Они... думаешь, они едят людей?

— Возможно, — сказал первый мужчина. — Их еда на вкус такая, будто задница является первым ингредиентом.

Все трое залились смехом. Их смех не плоский, как у Нормалов, и не счастливый, как у Ральфа. Это был резкий, почти угрожающий звук. Он следовал той же каденции, что и жестокость.

Это напомнило мне Говарда.

Мужчины продолжали в течение нескольких минут. Они говорили обо всех кристаллах, которые были у уродов, и о том, как эти уроды были такими глупыми, что оставили свои фонари включенными на всю ночь. Голова кружилась — наполовину от нехватки воздуха, наполовину от растерянности.

Неужели эти люди думали, что Нормалы были... неправильны?

— Странно, однако, что они истекают кровью, — сказал первый мужчина, как только смех утих. — Держу пари, если их разрезать, внутри у них будут те же части, что и у нас.

— Снаружи они выглядят одинаково, — сказал третий мужчина. И я практически слышала ухмылку в его голосе, когда он это говорил. — Но да, я понимаю, о чем ты говоришь — зачем беспокоиться, верно?

Первый мужчина хмыкнул.

— Это не имеет никакого значения...

Лязг!

Кто-то снова ударило торговый автомат, и почти сразу я услышала звук потасовки.

— Что я тебе говорил о том, чтобы не бить по этой штуке?

— Я просто хочу знать, что там! А если это что-то хорошее?

— Нет! Там просто больше той дрянной еды...

— О, пусть стреляет, — фыркнул первый мужчина. — Это единственный способ открыть его.

— Да? — сказал второй мужчина.

— Конечно, малыш, — ответил третий мужчина, и в его голосе снова появилась ухмылка. — Просто стой прямо там и целйся в засов.

— Хорошо.

Пауза, щелчок, а потом громкий хлопок.

Что-то ударило по торговому автомату с такой силой, что я ощутила жар на плече. Мое тело дернулось вбок, и полки провели новую линию через мою левую бровь. Я вскрикнула от внезапной боли, но меня никто не слышал.

Снаружи закричал второй мужчина:

— Ах! Я... я истекаю кровью! Это ударило меня!

Двое других мужчин разразились новым потоком гогочущего смеха. Они продолжили в том же духе, пока второй мужчина взывал о помощи.

— Джексон! — рявкнул кто-то.

Смех сразу утих.

— Да, Босс? — сказал третий мужчина, Джексон.

— Что здесь происходит? — этот новый голос принадлежал женщине. Ее слова были

такие же ясные и без акцента, как и у мужчин, но несли в себе властный оттенок. — Наша задача — взять все, что сможем, а затем вернуться на базу.

— Мы пытались ограбить эту машину, Босс.

— Тридцать секунд или меньше, — прорычала она. — Столько времени нужно, чтобы что-то взломать. Если это нельзя взломать до тридцати, то это не стоит нашего времени. Собери своих людей и приготовься убираться...

— М-Маурья! — выдохнул второй мужчина. — Я... меня подстрелили. Мне нужен медик. Уф, кровь не останавливается.

Пауза, затем Маурья сказала:

— Заткни его.

— Чт...? Нет!

Хлоп!

Я услышала что-то, похожее на стук студенистой жижи о землю, и крик прекратился.

— Ну, вот вы знаете... у него действительно было что-то между ушами, — сказал Джексон.

— А разве он не был твоим, ммм, другом? — крикнул первый мужчина.

Я практически слышала, как Джексон пожал плечами, когда он ответил:

— Да, но он мне надоел. Он никогда не затыкался, понимаешь, о чем я?

Раздалось больше смеха, за которым последовали стук и шарканье. Кто бы ни были эти люди, их было много — не менее двадцати, а то и больше. Я ожидала, что они вернутся к торговому автомату. С таким количеством им было бы довольно легко оторвать его от машины. Тогда все, что им нужно было сделать, это вынести его на улицу и дожждаться восхода солнца.

Я бы так и сделала, будь я ими.

Но они были не как я, и они, похоже, не понимали, как вывести автомат из «броненосца». Вместо этого они провели около часа за раскопками вокруг лагеря — точно грабили все оружие и снаряжение полиции. Это были самые полезные вещи. Потом они, вероятно, пойдут за водой. А потом едой...

Мой желудок урчал, напоминая мне, что я потеряла обеденный паек. Меня окружали суперы. Целая полка тубиков со вкусом курицы впивалась мне в спину. Я видела их краем правого глаза. Слева от себя я видела сияющую серебристую дымку бутылок СуперСока.

Отлично.

Теперь у меня пересохло во рту.

Я попыталась двигаться — тихо, потому что они все еще бродили снаружи. Кандалы на моих запястьях торчали ровно настолько, чтобы попасть под край полки. Я втянула живот до упора, прижалась спиной к металлу позади меня так, что останется синяк. Но я все еще не могла пошевелиться настолько, чтобы освободить руки.

Все, что мне удалось сделать, это наклонить голову под таким углом, что кровь из пореза брови попала мне в глаз.

Я была так сосредоточена на попытке выдавить достаточно слез, чтобы смыть кровь, что мне потребовалось несколько минут, чтобы понять, что лагерь затих. То ли мародёры ушли, то решили лечь спать... хотя близилось утро. Наверное, было около трех.

К счастью, многочисленные жалобы моего тела отвлекли меня. Из меня сочилась кровь как минимум в трех местах, болели все суставы. Те немногие мышцы, которые не горели от скручивания, пульсировали так, будто у меня под кожей завелись кузнечики. Пот дразнил

все остальное медленными зудящими линиями.

Мой дискомфорт занимал меня некоторое время. Я попыталась пошевелиться, и мне стало только дискомфортнее. Потом я плакала несколько минут — от боли и сильного расстройства. Но плач не принес мне пользы. Он никогда не помогал. Я не знала, что все могло стать еще хуже.

Прошел еще час... может, два. Тело онемело: ничего не дергалось, не болело. Это была просто масса кожи и костей, плавящихся в какую-то гротескную лужу на дне торговца. Меня держал только тот факт, что некоторые части меня не могли стекать между полками.

Жара была невыносимой. Постоянной, густой. Я чувствовала себя одной из тех ярких красных гранул внутри «SuperSweet»: хрупкая, безвкусная штука в липкой массе. Я лишь смутно осознала, когда эта картинка всплыла в моей голове, что пачки позади меня начали портиться.

Это были очень тонкие воощенные пачки, которые сохраняли свою форму только при определенных температурах. Их нужно было достать из холодильника и съесть одним глотком. «Зажмите и пейте!» — так было написано на тюбике, прямо под буквами, которые говорили, что это за вкус.

Но теперь тепло внутри машины привело к тому, что тюбики обмякли, и эта слабость подвергла «Супер» воздействию тепла. Когда они начали таять, они расширились, тюбики натянулись по швам.

Я вздрогнула, когда первый взорвался. Было похоже на тот раз, когда Ральф подумал, что было бы здорово подсунуть свой пакет с ланчем к моему уху. И я сделала то же, что и тогда: вздрогнула с такой силой, что врезалась головой в стену.

Порез на лбу снова разошелся. Кровь потекла по моей щеке неровной линией. Когда она коснулась моих губ, я на секунду ощутила вкус курицы. Но вкус стал кислым. Он свернулся на задней части моего языка, я подавилась. Я выплюнула все изо рта, отдышалась и снова сплюнула. Я не прекратила, пока мой язык не стал пустыней.

Мои волосы пропитал испорченный «Супер». Я ощущала, как он прилипал к коже головы.

Следующий час я вздрагивала от нерегулярных взрывов позади меня. Тюбики один за другим лопались, изрыгая туман испорченного «Супера» по всей внутренней части машины. Первые десять секунд были самыми ужасными: липкие, влажные и тревожно теплые. Запах рвоты и гниющего мяса витал облаком. Это было как проезжать мимо раздувшейся туши в жаркий летний день, за исключением того, что я не могла проехать мимо нее.

Даже после того, как брызги и куски высохли и превратились в липкую пленку, хватало малейшего движения — слишком глубокого вдоха — чтобы они трескались. В моем желудке ничего не осталось. Вонь была такой едкой, что меня тошнило, но я просто не могла этого сделать. Каждая судорога заканчивалась влажным вялым стоном.

К тому времени, когда у меня начала кружиться голова, я слишком устала, чтобы паниковать. Далее последовали знакомое учащенное сердцебиение и одышка. Вещи начали становиться размытыми; в памяти возникали небольшие, полусекундные пробелы. Когда вокруг моих глаз сгустились черные тучи, я расслабилась.

В этой части эксперимента я теряла сознание. Обычно я боялась: последние тридцать минут я плакала, умоляла Говарда освободить меня, давясь слезами. Я не хотела идти во тьму одна. Я не хотела умирать.

Но не в этот раз. На этот раз я... была спокойна. Даже рада. Потому что через несколько

коротких минут мне больше не будет больно. Я больше не буду истекать кровью, задыхаться или потеть. Я закрою глаза от этого кошмара и ускользну в сон...

* * *

Я снова повелась на это. Боже, я такая глупая.

— Мистер Блэкстоун? — мой голос бесполезно бился о толстые стены Коробки, но я продолжала говорить. — Я закончила лабиринт. Я нашла ключ.

Мои руки были маленькими, неуклюжими. Руки ребенка. Они были скользкими от пота; пытались нащупать зубья гладкого латунного ключа. Я согнула руку буквой Г — кончик ключа коснулся потолка, хотя локоть был на полу.

— Видите? Я... нашла. Вы можете выпустить меня прямо сейчас.

Это не заняло много времени. После года работы над лабиринтами Говарда я довольно хорошо в них разобралась. Все, что мне нужно было сделать, это выбрать самый сложный путь: чем сложнее головоломка, чем страшнее подъем — тем ближе я была к центру.

Когда я увидела этот квадратный вырез в тупиковой стене, я поняла, что ключ должен быть внутри него. Я знала, потому что единственным, что пугало меня больше, чем темнота, — были маленькие пространства.

Чтобы добраться до ключа, нужно было распластаться и ползти на животе. Пол был шероховатым, как расколотый край столба забора. Он царапал подушечки моих рук, а головой я задевала потолок. Чем глубже я погружалась, тем уже становилась дыра. Я оказалась со скрещенными ногами и одной рукой, зажатой подо мной.

Мое тело было зажато между стенами, полностью блокировало свет лабиринта. Было слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Пот стекал по моей шее холодными струйками. Мое сердце стучало так сильно, что я начала чувствовать слабость. Я не дышала всю минуту, которая потребовалась, чтобы набраться сил, чтобы нащупать стену в поисках последней головоломки: щели, которая была шириной с мою ладонь.

На мгновение я подумала, что мне повезло. Внутри был только ключ — больше ничего. Ничто не ползло, не липло или обжигало. Просто гладкий, холодный металл. Прорезь была слишком узкой, чтобы сжать кулак. Пришлось вытаскивать ключ кончиком среднего пальца. И именно в тот момент, когда я сосредоточилась на том, чтобы протолкнуть его через дыру, дверь захлопнулась за мной.

Я услышала безошибочный свист и почувствовала холодный ветерок на ступнях. Все звуки исчезли: гул кондиционера и болезненное гудение солнечных фонарей исчезли.

Я застряла внутри дыры. Пропал свет, пропал шум. Воздух становился спертым. Здесь было так причудливо тихо, что я слышала шум крови в своих ушах. Пот покрыл мое тело ледяной оболочкой. Я чувствовала запах собственного страха.

И это был не приятный запах.

— Мистер. Блэкстоун? — сказала я сдавленным и высоким голосом. — Я... я закончила. Я получила к-ключ. Теперь вы можете открыть дверь.

Он не собирался выпускать меня. В глубине души я знала это. На прошлой неделе он спросил меня, научилась ли я обманывать лабиринты — я солгала ему и сказала, что нет. Было бы только хуже, если он узнал, что я что-то поняла.

Но он должен был знать. Независимо от того, что я ему сказала, он, должно быть, знал, что я говорила неправду. А Говард ненавидел больше, чем идиота, только лжеца.

Сейчас я была и тем, и другим.

Я была лжецом, потому что не признала, что знаю, как пройти лабиринт, и я была

дурой, если думала, что последствий не будет.

Говард злился на меня. Я представляла, как он смотрел откуда-то с экрана, скрестив ноги и сцепив руки за головой, пока у меня медленно заканчивался воздух. Его тело было расслаблено, а губы лежали в спокойной линии. Но его глаза сверлили монитор.

Они смотрели с голодным светом, как я начинала паниковать. Они упивались мольбами, стуком, криками — и никогда не будут удовлетворены. Нет, пока я не унизилась максимально. Нет, пока его глаза не загорятся удовлетворением, увидев, как я окончательно потеряла сознание.

Я знала это. Я знала, что если я запаникую, он будет держать меня в напряжении до самой смерти. Но я могла испортить ему игру, если просто помолчу...

— Пожалуйста! — крик вырвался прежде, чем я успела его остановить. — Я сделала то, что вы сказали, я нашла ключ. Пожалуйста, выпустите меня... пожалуйста, пожалуйста!

Теперь страх взял верх. Я ощущала знакомый лед, он скользил под моей кожей и набухал. Затем он взял на себя управление.

Он ударил моим кулаком по стене. Снова и снова мои кости покрывались синяками, а кожа рвалась о расколотый край. Страх выгнул меня и уперся всем моим весом в колючий потолок. Теплый поток крови сочился из того места, где шипы впились мне в кожу головы.

Я извивалась в тишине и во мраке, Страх управлял моей кожей, пока я не потеряла сознание.

ГЛАВА 12

— Ах!

Мои ребра скрипели, легкие наполнились воздухом. Они ныли и пульсировали в моей груди. Но я не могла насытиться; Я не могла отдышаться. Я снова была в Коробке, где знакомый ужас сковал мои конечности. Я перевернулась на бок, и изменение давления дало мне возможность дышать.

Утреннее солнце светило сквозь открытую заднюю часть «броненосца». Его теплый оранжево-золотой свет огибал переднюю часть торгового автомата, лаская солнечную панель. Слова крутились под кнопками:

Сброс завершен. Пожалуйста, закройте дверь... Сброс завершен. Пожалуйста, закройте дверь...

Видимо, это сработало.

Торговый автомат потреблял энергию через двигатель броненосца. Но поскольку он не работал, автомат перенастроил себя на питание от солнечных батарей. Для этого был нужен полный сброс: проверка кнопок, полок, звуковых оповещений и магнитных замков.

В ту секунду, когда замки щелкнули, вес моего тела, должно быть, толкнул дверь. Вот почему я упала на пол, а не разлагалась между полками. Вот почему я все еще дышала. Вот почему я все еще была жива.

Я была наполовину взволнована. От этого моя грудь немного надувалась каждый раз, когда мне удавалось выжить, когда я не должна была. Это было как отступить и закричать вселенной: «Я еще жива, жалкий ты пес!».

Но другая половина меня устала. Тело было истощено, потому что знало, что, пока я жила, кошмар продолжался.

Прохладный утренний ветерок проходил через мою косу — ну, через части, которые не засохли до корки от «Суперов». Я уловила хриплые трели птиц, сухое шипение мертвой травы, танцующей в поле снаружи, и... что-то еще. Что-то куда менее приятное.

Мухи.

Сотни.

Они копошились внутри «броненосца», бешено кружили от потолка к полу. Дверца могла быть открыта не больше нескольких минут, а они уже набились в автомат — ели

протухший «Супер».

Это были не крошечные комнатные мухи, которые летали вокруг мусорных баков. Это были сытые хищники — охотники, которые процветали в Ничто. Огромные белые крылья, красные выпуклые глаза. У некоторых тела были толщиной с мой большой палец, и они отскакивали от металлических стен, как камни.

Я привыкла к мухам. Я могла справиться со средним вредителем. Но в первый раз, когда один из этих монстров опустился мне на лицо, и я ощутила, как волоски на его лапах щекочут мой подбородок, я не выдержала. Я вскочила и пошатнулась к выходу...

— Боже мой!

Передо мной на полу лежал труп. Вроде, мужчина. Волосы у него были длинные, как у женщины, но на щеках были пятна щетины. Как у Ральфа...

Подождите, этот человек был Дефектом?

Мое сердце тревожно билось между ребрами, но разум был любопытен. В Ничто не должно быть ничего. Не говоря уже о других людях. Не говоря уже о таких, как я.

Но он сидел, прислонившись к дальнему левому углу броненосца: конечности были раскинуты, глаза закатились. Кто-то вывернул его карманы и расстегнул ремень. Подошвы его ног были широкими и светлее, чем остальная часть его тела. Возможно, когда-то он был в ботинках, но их забрали.

Его одежда была грязной. Она была грязной еще до того, как кто-то проткнул ему живот, и у меня сложилось впечатление, что она была грязной годами. Рана на его животе превратилась в какое-то темное вонючее желе. Я ощущала его запах на расстоянии. Это был смрад фекалий, рвоты и гниющей пищи. Мухи были в восторге: они собирались во влажном месте и делали крошечные прогорклые глотки.

Посередине лба мужчины была еще одна рана меньшего размера. Она была круглой, зазубренной и сморщенной. Еще больше темного желе покрывало стену позади него. Но я едва могла разглядеть пятно сквозь мух.

Вид и запах были сильными. Я смогла только закашляться, извергла глоток горячей желчи, которую мой желудок собрал за ночь. Я брела, сплевывая между ног, спешила обойти броненосца.

Снаружи я впервые посмотрела на Ничто.

Я была уверена, что все эти истории были преувеличением. Говард сказал мне, что мир пуст, и я никогда не захочу уходить — ведь всегда что-то должно быть, верно? Всегда находился холм или грузовик, или какое-нибудь ветхое старое строение, опирающееся на фундамент. Всегда было что-то достаточно высокое, чтобы стонать от ветра. На земле не было места, которое было бы по-настоящему пустым.

Кроме этого места, видимо.

Никогда я не видела такого огромного неба или такого высохшего и плоского участка земли, как этот. Монстр, океан грязи и травы. Границы не было. Стены не было. Ничто простиралось на столько миль во всех направлениях, что мои глаза, наконец, просто сдались, все затуманилось.

«Даже не пытайся найти конец. Ты не можешь».

Мужской голос пронзил мои уши, чистый, будто он стоял рядом со мной. Хотя вокруг никого не было. Я чувствовала его так же уверенно, как я чувствовала этот голос...
чувствовала голос.

Что-то шевелилось в глубине моего сознания. Какое-то смутное воспоминание, которое

дергало за хвост идею, которую я просто не хотела понимать. Я знала, что голос был ненастоящим. Но я внимательно слушала еще несколько мгновений, не желая признавать, что эти четко произнесенные слова пришли из моей головы.

Но я ничего не слышала, только горячий ветер дул мне в уши. Я сделала полный круг и осмотрела каждый дюйм окружающих сорняков, но никого не видела — во всяком случае, ни одного живого человека.

Повсюду были тела. Смятые на земле, висящие на обломках стен. У полицейских сняли каски, одежду и оружие. Некоторые были босиком.

У одной из женщин-офицеров не было волос — точнее, у нее не было всей верхушки черепа и всех волос, которые там росли. Ее тело было бесцеремонно отброшено к стене, согнувшись в позе, которая выглядела так, будто она упала лицом вниз и просто не удосужилась встать. Я проявляла больше уважения к тараканам, которых раздавила.

Люди, которые это сделали, не были Дефектами. Вряд ли они были людьми. Говард, безусловно, был худшим человеком, которого я знала, и он срывал с меня кожу раньше, но только угрожал убить меня.

То, что здесь произошло, было не просто убийством. Я думала, что это было убийством: слово, которое я выучила давным-давно, но не имела случая использовать. Но я стояла здесь, застыв при виде дюжины с лишним трупов, и это единственное слово, которое пришло на ум.

Убийство.

— Ау? — прохрипела я.

Я повернулась к руинам лагеря, слишком боялась войти внутрь. Я должна была хотя бы осмотреться. Я должна была посмотреть, не нужна ли кому-нибудь помощь. Я должна была искать припасы. Но туча мух там была густой, и запах... Боже, запах. Даже с такого расстояния у меня кружилась голова. По сравнению с этим, мусор Далласа пах маргаритками.

— Эй, кому-нибудь нужна помощь?

Я не ждала ответа и не получила его. Только рассвело, а жара уже начала подниматься из земли. Мои руки распухли в кандалах. Они онемели.

— Хорошо, мне нужен ключ. Ключ ...

Было как минимум три комплекта ключей, которые расстегнули бы мои наручники. Два были в карманах заместителей... в лагере... с запахами, мухами, и застывшими телами без скальпа...

Нет, я не вернусь в лагерь.

Тогда был только один другой вариант, и не самый приятный.

Одним делом было видеть, как полицейских изуродовали и бросили умирать. Но я не хотела видеть Кляйн такой. Я прижала распухшие руки к груди и сунула кулаки под подбородок, надеясь, что это немного облегчит боль. Вместо этого я чуть не потеряла сознание.

Кляйн была не там, где я ее оставила. Брызги крови были на боку броненосца, а под ними — темное пятно. Но ее тела нигде не было. Может, она была не так ранена, как я думала. Может, крепкий шериф Далласа оправдала свое имя и сбежала.

Или, может, что-то куда больше, чем мухи, утащило ее тело.

Я не могла сейчас думать о Кляйн. Без ее ключа я должна была набраться смелости и пойти в лагерь. Я не верила, что найду смелость, чтобы сделать это сейчас. Поэтому я

опустилась рядом с броненосцем и попыталась перевести дыхание.

У меня был порез на груди. Мне пришлось снять слой засохшего «SuperQuik», чтобы проверить его, но он выглядел довольно мелким. Рана не была смертельной, но все еще болела от прикосновений. Что, черт возьми, ударило меня?

«О, просто выстрели туда».

Прошлой ночью я не слышала этого из-за того, что кто-то бил по торговому автомату, пока мне не показалось, что у меня из ушей пойдет кровь. Я почти ничего не слышала, не говоря уже о том, чтобы понять, что означали слова. Но убийцы определенно сказали стрелять.

«Пусть стреляет».

Затем раздался щелчок и хлопок — не низкое рычание солнечной пушки, но я не могла вспомнить ни одной солнечной пушки, которая могла бы стрелять ночью. Я не могла вспомнить ни одного пистолета, который бы так вышибал кишки человеку. Вокруг ран не было следов ожогов, а молния, вспыхнувшая за пределами лагеря, была слишком короткой и белой, чтобы быть лучом.

Так что убийцы определенно стреляли в Нормалов... Я просто не понимала, чем они стреляли.

Сейчас я запуталась больше, чем когда-либо. Я рассеянно огляделась, надеясь найти какую-нибудь подсказку об этих грязных людях из Ничто. Что-то было в тени броненосца. Я случайно увидела, когда ищу следы. Это был небольшой металлический уголок с полосой черных полос у основания.

Мое удостоверение личности.

Я полезла под броненосец, не глядя, не думая. Что-то странное было обернуто вокруг карты. Что-то жесткое, губчатое... и холодное. Мое сердце билось в горле. Я выдернула руки к свету.

Какая-то часть меня знала, что скрывалось под «броненосцем» — интуиция или чистый животный инстинкт. В любом случае, я знала, что это был человек. И я знала, что он был мертв.

— Шериф Кляйн?

Она не ответила.

Я отпрянула от зоны досягаемости руки, потому что не могла избавиться от образа холодной, мертвой руки, хватающей меня за запястье. Я пошла по следу крови на земле и понимала, что Кляйн, должно быть, заползла под броненосец после того, как я ушла. Было темно, поэтому убийцы ее не увидели.

— Шериф? — снова прошептала я, хотя знала, что это было бессмысленно.

Кляйн не отвечала. Ее глаза были полузакрыты, яркая зелень превратилась в бледное пятно. На ее губах были трещины, а язык распух до краев рта. Ее лицо, когда-то такое четкое и потрясающее, было искажено унижением смерти.

Я была рада тени. Возможно, в ней было еще что-то, чего я не видела. Под броненосцем воздух был прохладнее, значит, мухи ее еще не нашли — потому что ее тело еще не начало вонять.

Одна ее рука крепко сжимала мое удостоверение личности. Почему — я не знала. Я попыталась разжать ее пальцы, но по коже побежали мурашки из-за твердости руки. Другая ее рука была засунута под грудь — не была прижата, а упиралась.

Ее большой палец зацепился за воротник рубашки. Ее пуговицы я ни разу не видела

растянутыми. Будто она умерла, когда вынимала что-то из рубашки...

Или убирала что-то.

Как только я подумала об этом, я заметила ненормальную выпуклость под ее воротником. Что-то было спрятано в ее рубашке. Что-то, что она не хотела, чтобы убийцы нашли. Что-то, что я, вероятно, должна была получить.

Это не помогло бы. То, как связаны мои руки, означало, что у меня не было контроля: вся верхняя половина моего тела должна была пройти под броненосцем. Мне придется лежать, вжавшись животом в покрытую коркой крови траву, и лезть под рубашку Кляйн. Будет тесно и темно. И я буду окружена ужасно холодной губчатой плотью.

— Да, но ты должна это сделать, — напомнила я себе. — Так что можешь просто смириться и покончить с этим.

Это было хуже, чем я думала. Здесь было сыро, и эта сырость задерживала все запахи вокруг меня. Мой смрад смешивался с воздухом смерти. Я подползла на расстояние досягаемости, и мне пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание — не потому, что устала, а потому, что мое тело пыталось отключиться.

Голова кружилась. Сухое, сморщенное лицо Кляйн то появлялось, то таяло. Мое тело предпочло бы быть без сознания, чем трогать труп. И я не могла винить его.

— Хорошо. Ладно, ладно... фу!

На ощупь было как кожа жабы: холодная и рыхлая. Чуть ниже ее ключицы была огромная полоса засохшей крови. Я попыталась обойти рану и случайно задела ногтями.

— Фу! Гадость.

Я провела пальцами по траве, дрожа, пытаюсь очистить их. Я поняла, что предмет под рубашкой Кляйн застрял слишком глубоко, чтобы до него можно было дотянуться скованными руками. Мне нужно было растянуть еще несколько пуговиц.

Это было унижительно. Кляйн заслужила большего. Зрение расплывалось, пока мои опухшие пальцы растёгивали пуговицы, я старалась не смотреть на то, что находилось под ними. Я знала, что Кляйн умерла. Я знала, что никто никогда не узнает, что я растянула ее рубашку. Но мне все равно было противно это делать.

Ключ лежал прямо наверху. Я выдернула его и изо всех сил потерла о траву. Я уже придумала, как открыть кандалы, и я не хотела, чтобы на ключе было что-то мертвое, когда я суну его в рот.

Замок был расположен на узкой полоске между манжетами. Мне потребовалось несколько попыток, чтобы воткнуть ключ в замок, и пока я разбиралась, у меня заболела челюсть, а между зубами застряла грязь. К счастью, все, что нужно было, чтобы повернуть его, это хороший толчок языком.

Наручники раскрылись и упали на землю. Я хотела лежать там целый час, широко раскинув руки до горизонта, наслаждаясь тем, что я снова могла двигаться. Но я не могла. Солнце поднималось выше, воздух становился жарче, а во рту так пересохло, что язык стал шершавым.

Пора было начинать разбираться.

Кляйн также удалось спрятать свой куб под рубашкой. Я схватила его и вынесла на свет, чтобы он зарядился, пока я решила поискать что-нибудь попить. В сундуке в кабине броненосца была вода — настоящая вода в бутылках, а не «СуперСок». Она была так глубоко спрятана под сиденьем, что убийцы, должно быть, ее не заметили.

Я осушила одну бутылку и начала пить вторую, пока копалась в поисках чего-нибудь

еще, что могло быть полезно. Было бы неплохо поехать на броненосце через Ничто. Черт, я бы даже согласилась на велосипед или пикап — что угодно, лишь бы уехать как можно дальше от убийц. Но все было убрано начисто.

Они вытащили аккумуляторы из машин и полностью разрядили пушки. Не знаю, зачем они удосужились опустошить ружья, ведь патронники ничего не могли сделать без рычага и спускового крючка. Мне казалось, что в собранном виде они стоили бы больше, чем в разобранном виде.

Но что я знала?

Что я знала о чем-либо, если подумать? Здесь явно не было никаких правил. Люди могли просто бегать, убивать друг друга и воровать без объяснений. Я ощущала себя птицей, которая проснулась с парой рогов вместо крыльев — просто прыгала с лапы на лапу, чирикавая: «Что, черт возьми, происходит?».

Вместо того чтобы пытаться разобраться в резне, я сосредоточилась на том, чтобы придумать план, как остаться в живых.

Сначала мне нужно было выбраться из Ничто. Мне здесь не место. Говард был прав: это было ужасно. Но о возвращении в Даллас не было и речи. Он был слишком далеко, и не было никакой гарантии, что Нормалы не подавят меня, как только получат шанс. Попытка добраться до Объекта, как бы зловеще ни звучало это имя, было лучшим выбором.

Потом мне нужно было придумать способ нести воду. У сундука не было ручки, и я не собиралась тащить его, как прямоугольного тридцатифунтового младенца, пока я шла пешком, сколько бы миль ни было до Учреждения. Карманы моего комбинезона были смешными. Их едва хватало, чтобы вместить кулак, не говоря уже о бутылке воды. Поэтому мне пришлось импровизировать.

Я сунула штанины комбинезона глубоко в ботинки. Затем затянула шнурки, фиксируя их на месте. В сундуке было шестнадцать бутылок с водой, и мне удалось поместить тринадцать из них в мои импровизированные штанины-карманы.

Да, возможно, мне придется идти так, как меня никто никогда не учил, но, по крайней мере, я не буду испытывать жажду.

Я проковыляла к Кубу и увидела, что он полностью зарядился. К сожалению, он был заблокирован отпечатком — и, что еще более прискорбно, нужный мне отпечаток был на застывшем пальце мертвого шерифа.

Разжать ее пальцы было так же тяжело, как и в первый раз, когда мне пришлось прикоснуться к ней. Куб отреагировал, как только его сканер соединился с ее большим пальцем. Проекция колеса меню появилась из его верхней части, и я сразу поменяла настройки безопасности.

Куб без вопросов принял отпечаток моего большого пальца — вероятно, потому, что мой файл был стерт еще тогда, когда Говард думал, что я умерла. Вряд ли он бы меня пропустил, если бы знал, что у меня за плечами три ареста... и что я была единственной подозреваемой в семи нераскрытых расследованиях поджогов. Иногда все просто работало.

Куб Кляйн теперь принадлежал мне. У меня был полный доступ ко всем ее файлам, личным записям и паролям. Но самое главное, я могла посмотреть на ее карту.

Я думала, что наличие карты, которой можно следовать, будет огромным подспорьем. Но когда я посмотрела на проекцию размером с плакат, развернутую передо мной, я поняла, что понятия не имела, как на самом деле читать карту.

Даллас был квадратом на крайнем левом краю. Объект представлял собой

прямоугольник посередине. Кляйн оставила маленькие синие булавки в каждом из наших лагерей, бесполезно помеченным как остановка А и остановка Б. И все.

Не было никаких указаний на то, как далеко мы ушли или сколько мне осталось пройти. Я даже не знала, в каком направлении нужно было смотреть. Но Объект выглядел не так далеко на карте: от остановки Б до передней части этого прямоугольника всего около длины моего указательного пальца.

Итак, пару миль? Может полдня?

Насколько плохо это могло быть?

Последним делом я с большим количеством ругательств и парой сухих вздохов — расстегнула ремень Кляйн. Ее револьвер был единственным оружием, которое не нашли убийцы. Это была моя единственная защита. И если меня догонят люди, убившие полицейских, это будет единственное, чем я смогу бороться.

ГЛАВА 13

Прошло три дня.

Три дня пути в одиночку. Три дня с тех пор, как грязные люди убили всех в лагере. Прошло три дня с тех пор, как я смотрела в мертвые, высохшие глаза шерифа Кляйн — и я все еще могла их видеть. Они ждали на краю моего разума. Они приходили несколько минут за ночь, когда я, наконец, засыпала...

И они смотрели на меня.

Два сероватых зрачка торчали из пары желтых высохших колец. Повсюду жужжали мухи, их мохнатые лапки шлепали по ложу из губчатой кожи. Были и быстрые вспышки других вещей: жужжание механических инструментов, белые огни, отражающиеся от гладких хромированных инструментов, и лицо Ральфа, растянутое, открытое и искаженное поворотом металлической лопатки.

И серая штука. То, что роботизированные руки вытащили из его затылка. Я не могла думать о том, как это называлось, пока я спала. Оно просто появилось из ниоткуда и заполнило мое поле зрения.

Каждое извивающееся ребро выросло в сто раз, и я увидела нити слизи, которые тянулись между трещинами. Я смотрела, как липкое пятно растеклось по пластиковым застежкам стерилизованного пакета, как оно исчезло в очень большом углублении внутри сплетения роботизированных рук.

Затем я просыпалась.

Сон был адом в Ничто. Мои ночные кошмары были только половиной причины, по которой я боялась закрыть глаза. Воздух становился неподвижным, когда солнце садилось, и большое красивое небо становилось полностью черным — а это значило, что, хотя я ничего не видела, я слышала.

Странные существа бродили по миру ночью. Я слышала, как они шуршали в сорняках, лихорадочно копаясь в пересохшей земле. Они хрюкали друг другу во время работы. Когда они находили что-то стоящее еды, я слышала чавканье и шлепки.

Щебет. Вой. Однажды ночью я проснулась от душераздирающего визга. Визг продолжался несколько минут, перекрывая воздух хором восторженных воплей. Я зажала руками уши и умоляла, чтобы шум прекратился. Когда это, наконец, произошло, на его место пришло нечто худшее:

Чавканье.

Звуки бешеного, кровавого пира.

Я не могла заснуть после этого. Я пошла, как только стало достаточно серо, чтобы видеть, и чуть не споткнулась обо что-то лежащее в траве. Это была голова животного — какой-то большой волосатой свиньи. Глаза были распахнуты и застыли в шоке. Сорняки вокруг головы были в пятнах свежей крови. И это было всего в тридцати ярдах от того места, где я спала.

Это была моя вторая ночь в Ничто — в первую ночь я не могла уснуть, потому что была голодна.

Казалось глупым... быть голодной. Будто я думала, что умереть от голода было самым худшим, что могло со мной случиться. Теперь я была бы в восторге, если бы могла просто умереть целой.

Мои навыки чтения карт были ужасны. Кляйн сказала, что мы были всего в половине дня от Объекта — и, тем не менее, я умудрилась пройти три, не увидев ничего, что хотя бы отдаленно напоминало здание. Я не знала, где была и как долго я смогу продолжать.

Прошло три дня, и я была почти уверена, что умру.

Вчера вечером кончилась вода. Я пыталась нормировать ее, но, клянусь, солнце здесь было жарче, чем когда-либо в Далласе. Оно обжигало, впивалось. Оно грызло меня, сжирало мою кожу, делая ее красной и раздраженной. После первых нескольких миль я сняла верхнюю половину комбинезона и обвязала рукава вокруг талии, открыв нижнюю рубашку. Либо так, либо моя голова взорвалась бы от жара.

Солнце, должно быть, радовалось, касаясь тех частей меня, которые никогда его не видели. Мои плечи были обожжены так сильно, что я ощущала их пульсацию, когда пыталась заснуть; плоскость моей груди была достаточно горячей, чтобы поджечь «SuperMeal». Я боялась, что моя кожа останется красной на всю оставшуюся жизнь.

То, что от нее осталось.

Небо было еще серое, но я уже вспотела. Я даже не смотрела на Куб. Неважно, шла я к Объекту или нет. Я должна была найти немного воды.

Я стала ничем. Просто шелуха девчонки, страдающей от жажды.

Кровь запеклась внутри моего носа, и мои ноги начали дрожать. Каждое порыв ветра сбивал меня с ног. Недавно шел дождь. Я знала это. Я помнила, как несколько дней назад слышала, как толстые жирные капли стучали по броненосцу. Но земля выглядела так, будто дождя не было много лет.

Я часами спотыкалась, ища ручей или пруд, что-нибудь достаточно существенное, чтобы попить. Я бы сунула свой язык в лужу, если бы смогла найти хоть что-нибудь, лишь бы он не треснул.

Скоро полдень, а у меня ничего не осталось. Жар просочился в мои легкие: они твердели и расширялись, делая почти невозможным вдох. Моя голова раскалывалась, и мне казалось, что кровь засохла в моих венах. Затем мой желудок решил присоединиться.

У меня осталось очень мало жидкости. Глупее всего было бы выкашлять еще больше. Но мой желудок решил, что единственный способ выжить — это стошнить в сорняках.

Я не могла это остановить.

В первом позыве ничего не было, как и в двенадцатом. Тем не менее, моя грудь сжималась, а горло продолжало сдавливать с ужасными рвотными звуками. Этот шум обязательно привлек бы внимание — если не того, кто хотел меня убить, то того, кто съест меня заживо.

Мне нужно было сбросить груз. Весь вес, который я могла. Я выбросила несколько припасенных пустых бутылок, думала до этого, что смогу их наполнить. Когда рвота началась снова, я сбросила комбинезон в ближайший куст. Вскоре на мне остались только ботинки и нижнее белье, а куб был засунут в существенную щель в передней части моего нагрудного пояса.

Мне удалось протащить себя еще немного, прежде чем я окончательно упала.

И все. Я лежала в нижнем белье лицом вниз в жалкой тени мескитового дерева. Это была моя низшая точка. У меня не осталось приличия.

Словно подчеркивая этот факт, вокруг моего лица собралась туча комаров. Я уже привыкла к ним. Им нравилось жужжать у моих глаз и губ, нравилось поглощать вкус соли на моей коже. От них не избавиться, как только они прилетали. Мне просто нужно было бежать от них.

Но я не могла даже стоять, не говоря уже о беге. Так что комарам повезло со мной.

Мое тело высохло. Влаги не хватало, чтобы заинтересовать комаров, и, вяло проверив мою вздутую кожу, они улетели дальше. Я закрыла глаза и пыталась отдохнуть. Маленькие комочки грязи и травы прилипали к моему языку каждый раз, когда я вдыхала. Камень впивался в выступающую кость бедра. Что не ныло, ужасно чесалось.

Но это угасало. Все мои чувства угасали.

Чем дольше я лежала, тем больше удалялась. Мне казалось, что ожоги и укусы принадлежали кому-то другому. Это у кого-то тряслись ноги, а не у меня. Чей-то живот урчал — не мой. Меня разрывало на части, и я смотрела, как далеко подо мной страдала незнакомка.

Пока ее тело было неподвижно.

И ее дыхание замедлялось.

Она начинала умирать...

Меня испугал шум. Это произошло, как только я достигла края — края сна или смерти, я не знала. Часть меня думала, что это была всего лишь игра разума, что-то, что я так сильно хотела услышать, что это проявилось в моем слухе. Я не открывала глаза. Я лежала неподвижно и ждала, чтобы услышать это снова.

...плип.

Мои глаза резко открылись. На этот раз ошибки не было.

Я знала этот звук.

Минуту назад я была готов сдатьсь. Теперь я вонзила ногти в грязь и поползла на животе к краю ближайшего холма. Насекомые гудели, а лягушки квакали в такт с моим дыханием. Я подтянулась на колени. Поднялась на ноги. Затем я наткнулась на оазис.

Ну, на то, что считалось оазисом в Ничто.

Это был высохший пруд. Внешний край был сухим так долго, что деревья начали наступать на него. Дальше была корка из травы и камней. Последнее кольцо было примерно пятнадцатью ярдами липкой черной грязи, которая доходила до моих бедер и пахла так же, как в тот раз, когда туалет Ральфа сломался.

Последние пятнадцать ярдов заняли у меня больше всего времени. Здесь комары, кажется, нашли свой дом: они отдыхали на грязи густыми облаками. Я случайно нарушила одно из таких собраний, и комары бросились мне в лицо. Я соскребала их зернистые тела с языка, не сводя глаз с середины пруда — той части, которая спасет мне жизнь.

Наконец, я добралась туда: это бассейн с водой был не больше моей комнаты в Граните. Он был таким же теплым, как воздух, и позеленел от ветра. На его вершине плавала пленка мха.

Мои ноги вырвались из грязи у кромки воды, и пленка слизи проникла в ямы вокруг моих ног. Это хлынуло мне в ботинки, я ощущала, как мокрые нити свисали между пальцами ног, что не облегчало того, что я собиралась сделать. Но это было необходимо сделать. Если я этого не сделаю, я умру. Так что я присела и приблизила лицо к просвету во мху.

О Боже. Запах, исходящий от воды, был невероятен — и не в том плане, как прекрасен был закат. Я имела в виду определение этого слова: что-то настолько экстраординарное, что считалось невозможным.

Другими словами, если мне удастся выпить воду после того, как я ее унюхала, это будет невероятно.

Кто-то наблюдал за мной. Я замерла, мои губы были в нескольких дюймах от вонючей пены сверху, и я случайно поймала взгляд лягушки-быка. Его золотисто-черные глаза смотрели сквозь заросли мха в мои глаза. Его прозрачные веки отчасти опустились к зрачкам; линия его рта была гримасой.

— Замолчи, — слова вышли как шипение, шепот воздуха, пронесшийся над пустыней моего языка. Мне пришлось мгновение пососать зубы, чтобы сплюнуть достаточно, чтобы отчитать его. — Ты живешь здесь. Ты тут плаваешь! Я собираюсь только сделать глоток. Ты грубый, а не я. Не я.

Лягушка замерла при звуке моего голоса и исчезла, издав «плип».

Я гордилась собой полсекунды, прежде чем осознала, что только что накричала на лягушку-быка.

Проклятую лягушку-быка.

У меня мог быть солнечный удар.

Эта мысль напугала меня достаточно, чтобы я выпила. Я присела и набрала полный рот прудовой воды, не успев отговорить себя.

Все, что было отвратительно на моей коже, ощущалось во рту в тысячу раз хуже: тепло, слизь — ужасное серное масло. Куски грязи и мха скользили по моему языку. Желчь набухла в моем горле, мой желудок готовился ее отвергнуть. Но жажда была слишком велика.

Я должна была пить. Так что, какой бы отвратительной ни была вода на вкус, густой, как и лужи желчи, я пила ее. Мое горло открылось, пропуская ее; мой желудок удержал ее. Слизь и песок смылись, мой язык впитывал то, что осталось.

Это... было великолепно.

Я никогда не была в таком отчаянии, чтобы думать, что гнилая прудовая вода была прекрасна, и я надеялась, что никогда больше не буду в таком отчаянии. Надеялась, что никто никогда не узнает о том, как я совала лицо сквозь пленку пены и лягушачьей мочи, чтобы высосать теплую воду из грязной дыры. Это было неловко. Мне было стыдно за себя.

Но, по крайней мере, посреди Ничто не было никого, кто мог бы увидеть мой позор.

Пока я пила, цикады замолкли. Комары перестали жужжать, а лягушки скрылись под своим мхом. Они ощущали что-то, чего я не могла. Только когда я напряглась, чтобы прислушаться, я услышала звук, от которого все остальное замолкло.

Это было что-то рукотворное, механическое — двигатель. И он двигался быстро.

«Убийцы!».

Мое тело сжалось. Мои руки тряслись, тащили меня по грязному кольцу. Я была так напугана, что передвигалась на четвереньках быстрее, чем когда-либо ходила; земля отскакивала от моих конечностей.

К тому времени, когда я достигла конца пруда, я была вся в грязи. Я, наверное, выглядела монстром: вся в тине и ветках, с локтей свисали нити мха. У меня пропал левый ботинок — вероятно, его сняло с ноги. Я ковыляла к укрытию ближайшего куста, сердце колотилось в такт с шагами.

Убийцы приближались. Их пушки наполняли воздух раскатами грома. Я слышала крики,

затем громкий хлопок. Боль пронзила икру, и ноги подкосились. Я упала головой в кусты — и рухнула так сильно, что воздух вылетел из меня.

Мне нужно было полвека, чтобы отдышаться. В какой-то момент, пока я извивалась, как черепаха на спине, я поняла, что стрельба прекратилась. Все остановилось. Ни грома, ни крика, ни искр. Грязного убийцы не было видно. Будто весь шум и ужасы были засосаны в канализацию и исчезли.

Мой разум, должно быть, подшутил надо мной — и я была так напугана, что просто приняла страх как факт. На самом деле произошло то, что я не смотрела, куда шла, и каким-то образом побежала прямо в колючие заросли.

У меня в ноге был довольно большой шип. Он застрял примерно на три дюйма ниже задней части моего колена, вонзился до выступа. Я сжала его испачканными пальцами и со стоном вырвала его.

Всегда было лучше рвать вещи, чем быть нежной. Я знала это по опыту. Говард имел обыкновение подвергать меня тому, что он называл испытанием, каждый двадцатый день месяца. Это не всегда был лабиринт с шипами. Иногда там были ковры гвоздей или стена гвоздей. В любом случае, я научилась довольно хорошо сжимать зубы и выдирать вещи из своей кожи.

Я вытерла дырку от шипа тыльной стороной руки, пока кровь не перестала течь. Механический звук, который я слышала, был настоящим, но это был маленький двигатель. Вряд ли он был достаточно громким даже для пикапа — может, это был мотоцикл. Что бы это ни было, оно скулило и трещало, будто было на последнем издыхании.

Звук прокладывал себе путь сквозь Ничто, приближаясь к пруду. Но я не слишком сильно переживала. Ведь у меня был пистолет...

О, черт.

Я попыталась выхватить револьвер и сжала пустой воздух. Пистолет — весь ремень — пропал. Я сидела за кустом, в нижнем белье, в грязи и без ботинка. В своде моей босой стопы торчали шипы. У меня во рту был такой привкус, будто последние восемь месяцев я не ела ничего, кроме дохлых сверчков.

Что, черт возьми, случилось со мной?

Я порылась в своей ослепленной солнцем памяти, когда в поле зрения появился источник шума.

Это был... мужчина, наверное. Он был сложен как заяц: конечности были худыми. Пара сильно потрескавшихся очков застряла в спутанных серых волосах на его макушке, а на лице у него было так много волос, что я была уверена, что его рот зарос, пока он не наклонился и не выплюнул коричневый комок чего-то в сорняки.

Машина, на которой он ехал, выглядел так, будто он вытащил ее из кучи мусора. Вряд ли во всей установке был хоть один винт, который был затянут должным образом. Она кашляла через каждые несколько футов и выпускала с хрипом облако черного дыма каждый раз, когда он поворачивал.

Огромные кожаные седельные сумки свисали с обеих сторон мотоцикла. Они были набиты так, что почти царапали землю. Двигатель звучал бы лучше, если бы не пытался тащить через Ничто вдвое больше собственного веса.

Когда мужчина, наконец, остановился — простой маневр, который каким-то образом занял у него четыре попытки, — я заметила, что кое-что мое свисало из его сумок. На самом деле две вещи: мой полосатый комбинезон и ремень с оружием.

Он... преследовал меня?

— Унг! — мужчина хмыкнул, перекидывая ногу через сиденье.

Он вскочил на ноги и протянул руки к небу. Его тело трещало, будто кто-то медленно хрустел пакетом «SuperCrisps». Я наполовину ожидала, что он развалится, и его унесет ветром.

Его одежду нужно было переработать тридцать лет назад. Все цвета потускнели: сероватые штаны, беловатая рубашка, зеленоватая шляпа, которая вряд ли выглядела так, будто на ней кто-то сидел, раньше, но теперь была такой.

На его костлявых плечах висела солнечная винтовка, и это был самый грустный вид пистолета из всех, что я видела. Части выглядели как беспорядок, большая часть была больше сваркой, чем металлом. Ржавое до такой степени, что я боялась ударить по рычагу зарядки. Не то что нажать на курок.

Большая часть вещей мужчины была скреплена булавками и самодельными ремнями. Только одна вещь выглядела так, будто он заботился о ней: кожаный жилет, который он носил застегнутым до подбородка. Он был гладким, будто смазанным маслом, и на его передней части было пришито около двадцати маленьких карманов, каждый был выпуклый, как сумки на его велосипеде.

Я так растерялась из-за этого странного скрипучего человека, что забыла бояться. Я смотрела, как мужчина шаркал к краю кольца грязи и замер, перебирая бороду грязными кончиками пальцев полминуты. Он ничего не говорил. Он ничего не делал. Если бы не его постоянное хрюканье и случайное движение суставов, я могла бы подумать, что он умер, стоя.

Примерно через минуту возбуждение прошло. Мои ноги свело судорогой. Маленькие иглы проткнули все мои суставы. Я сжалась так низко и туго, насколько позволяло мое тело, пытаясь оставаться незамеченной. Грязь обжигала мою кожу, пока я ждала. Грязь засыхала, начала чесаться. Когда солнце было прямо над головой, той небольшой тени, что у меня была, больше не было.

Я почти чувствовала, как шипела кожа на спине.

Наконец, человек пошевелился. Он сделал полукруг у пруда, делая паузы через каждые несколько шагов, чтобы подтянуть обвисшие штаны к животу. У него была странная кривоногая походка. Будто он надел туфли не на ту ногу и был слишком глуп, чтобы понять, как это исправить.

Как только он дошел до моего укрытия, он замер. Он стащил с головы зеленоватую шляпу, обнажая ужасающе слипшиеся волосы, и вздохнул.

— Боже.

Он повернулся и посмотрел на мой куст.

Прямо на меня.

Его красноватые глаза, их голубизна была такая же выцветшая, как и его одежда, впились в мои, как колючки.

— Боже, дитя, — он ткнул костлявым большим пальцем за спину, на гнилой пруд. — Пожалуйста, скажи мне, что ты не пила это.

— Эм-м-м ...

Я не могла придумать, что сказать. Теперь, когда он снял шляпу, я видела, что с лицом у него что-то было не то: оно все было... морщинистым. Его кожа была сморщена и смята, как старый лист бумаги. Она свисала по сводам его щек, падала на глаза, свисала под

неряшливым подбородком...

Я не хотела выйти и сказать: «Эй, почему твоё лицо тает?». Потому что он, вероятно, застрелит меня. Поэтому я пыталась думать о чем-то другом.

— Эм...

Мужчина перебил меня цепочкой слов, которых я не понимала. Они звучали нетерпеливо, скатываясь с его языка непрерывной волной. Я чувствовала, что меня ругали, но не знала, почему.

— Эм, что?

— Ах, черт. Послушай, дитя, ты говоришь по-техасски или нет?

Техас? Что это?

— Не знаю. Я говорю?

Его спутанные брови поползли на морщинистый лоб.

— О. Что ж, в этом куда больше смысла. Ты из тех уродов с запада, да?

— Я не...

— Ты выросла в палатке с кровью на стенах и дерьмом на полу?

— Нет.

— Тогда ты урод. Потому что все вокруг так росли.

Он снова надел шляпу на голову и начал лапать жилет. Ему потребовалось время, чтобы открыть карман. Его пальцы были багровые и опухшие. На них были большие коричневые пятна. Может, у него было какое-то заболевание.

Что-то мне подсказывало, что этот человек, кем бы он ни был, не хотел меня убивать. Если бы хотел, он бы уже застрелил меня. Я выползла из-под куста и балансировала на оставшемся ботинке. Нижняя часть другой ноги горела так сильно, что я чувствовала пульс своего сердца в основании.

— Ты болеешь? — осторожно сказала я.

Мужчина фыркнул.

— Черт возьми, я не болен! Я не болел двадцать лет. Ты хочешь знать, почему?

— Конечно...

— Потому что я ем свой перец — вот почему.

Я не знала, что такое перец. Но как бы я ни была голодна, если был хоть малейший шанс, что они сделают меня морщинистой, я не хотела такое есть.

— Ну, если ты не болен, то что с твоей кожей?

— Что? — он поймал рукой ухо. — Не бормочи со мной, урод. Я не слышал что-либо тише крика лет двадцать.

И это не удивляло. Когда он наклонил ко мне ухо, я увидела внутри коричнево-желтую дрянь двадцатилетней давности.

— Я спросила, что случилось с твоей кожей?

— Что значит, что с ней случилось? Что с твоей кожей? — парировал он, махая багровой рукой в сторону пены и волдырей на моей груди. — Ты выглядишь так, будто пыталась обнять улей.

— А ты выглядишь так, будто кто-то вытер тебе лицо, а затем повесил обратно помятое.

— Что?

— Ты весь морщинистый! — закричала я. — Кожа не должна быть такой. Что, черт возьми, с тобой не так?

Мужчина какое-то время смотрел на меня, его перепачканные коричневым цветом губы

раскрылись в беспорядке бороды.

— Что? Ты об этом? — он оттянул кожу со щеки пальцами от кости. — О, это только потому, что я стар.

— Стар?

— Да, вот как люди выглядят, когда начинают стареть. Ты никогда раньше не видела старика?

Нет. Нормалы старели, но не покрывались морщинами. Они выглядели так же идеально в пятьдесят, как и в восемнадцать.

До Кляйн был шериф — я встречала его однажды, когда она была лишь одной из его заместителей. Его звали МакИнгалл или как-то так. В любом случае, я помнила, как однажды утром Говард разбудил меня рано, чтобы я посмотрела, как МакИнгалл уходит на пенсию.

— Ты должна это увидеть, Шарлиз, — сказал Говард, пока мы ехали к штаб-квартире полиции. — Молодым людям важно столкнуться с собственной смертностью, понять, что у вас нет всего времени в мире, и что вам лучше быть осторожным с тем, что у вас есть.

МакИнгалл произнес свою речь, передал свой значок Кляйн, а затем сел на автобус до больницы Сапфира. Вместе с ним в автобус сели еще несколько офицеров — Говард сказал, что они тоже собирались уходить в отставку, потому что родились в одной группе.

— Есть пятьдесят лет, Шарлиз. И все. В ночь перед тем, как тебе исполнится пятьдесят один, ты ложишься в больницу. Потом ты засыпаешь, — голос Говарда стал напряженным, когда он добавил. — И не проснешься.

Кажется, мне было семь, когда Говард рассказал мне все это. Может, восемь. Я была достаточно юна, чтобы думать, что мысли и чувства Нормалов такие же, как и у меня. И мне было грустно из-за того, что шериф МакИнгалл уснул.

Мне понадобилось всего пару лет, чтобы преодолеть это. Теперь, когда я смотрела на этого человека, всем, что я могла сказать, было:

— Ого... тебе еще нет пятидесяти?

— Пятьдесят? — он фыркнул. — Хм, мне не было пятидесяти лет двадцать.

— Подожди, тебе... семьдесят?

— О, кто знает? Я перестал считать после сорока. А теперь иди сюда и возьми это.

Он вытащил крошечный предмет из жилета и сжал его распухшими пальцами. Он был круглым и белым, напоминал мел.

— Это таблетка?

— Нет, это опоссум. Да, это таблетки! Что с тобой не так, урод?

— Ну, я не знала...

— Ну, теперь знаешь. Давай, двигайся.

— У меня только один ботинок, — сказала я.

— Тогда прыгай, — буркнул он в ответ. — Или ползи, или лети — мне все равно, как ты сюда попадешь, просто смирись и иди сюда.

— В другой ноге шипы.

— И?

— И чертовски больно! — закричала я. — Поэтому я не наступаю на нее. Если ты так сильно хочешь меня увидеть, можешь прийти сюда.

Старик усмехнулся — и я насчитала четыре недостающих зуба.

— Вау! Ты не такая и мягкая, да? Вот, что я тебе скажу... — он поднял таблетку над

головой, — можешь начать ходить или умереть. Как насчет этого?

Я посмотрела на ружье.

— Нет, я не собираюсь стрелять в тебя — ты уже себя убила, — он указал рукой на пруд. — Никогда не пей воду, которая не течет.

— Почему?

— Потому что в ней, по меньшей мере, дюжина видов смерти. Поэтому.

Я не понимала, что он имеет в виду.

— Но меня ничего не укусило.

— Нет, это не животное — это болезнь. Вот пьешь воду, а черви в горло заползают. Затем они попадают в желудок, затем в кровь. Некоторые из них будут есть мягкие кусочки прямо между твоими ушами. Я знаю: я видел, как это происходило.

Лишь небольшая часть меня верила ему. Остальная была почти уверена, что он сошел с ума.

— Откуда мне знать, что ты не лжешь?

— Ну, единственный верный способ — подождать, — сказал он, пожимая плечами. — Позволь мне рассказать историю...

У меня иголки торчали в ногах, и я сгорала заживо. У меня не было времени на рассказ. Но старик говорил поверх моих протестов:

— Это было... когда? О, наверное, лет двадцать назад, — сказал он. — Мы с ребятами наткнулись на какого-то Гракла, который решил расстрелять наш караван. Убил любимую собаку моего приятеля. Поэтому мы привязали его к столбу забора. Дали ему ровно столько веревки, чтобы он мог нагнуться и пить воду из собачьей миски. Знаешь, казалось уместным заставить его так пить. Во всяком случае, мы сказали ему, откуда взялась вода. Из какой-то дерьмовой дыры, похожей на эту, — продолжил он, кивая на пруд. — Сначала Гракл не хотел ее трогать. Он знал, что черви убьют его. Так он сидел на солнце два дня подряд. Жарился до тех пор, пока у него на глазах не появились волдыри, а кожа не начала шелушиться. Тогда он решил, что выпьет. Мы принесли ему воду, которую он просил, из той же дыры. Червям понадобился всего день, чтобы одолеть его. Все начало выходить с одного конца, потом из другого. Выжали его насухо. Этот тупой идиот сидел в своей куче, а мухи жужжали и кусали его еще несколько дней, прежде чем он, наконец, сдался и умер.

Старик сделал паузу, давая мне почти минуту, чтобы ощутить ужас этого последнего образа.

— Это заставило нас чувствовать себя немного лучше, но это все еще не вернуло старого Снаффла, — вздохнул он. — Нам очень нравилась эта собака.

Больше он ничего не сказал: просто смотрел на меня. И я решила, что если был хоть малейший шанс, что я закончу, как этот Гракл, стоит пройтись на больной ноге, чтобы вылечиться.

— Вот видишь? Это было не так уж сложно.

Он бросил таблетку мне в раскрытую ладонь. Пульсация в ступне начала подниматься по моей ноге. Я едва видела, едва думала. Но я все еще была в сознании, опасалась принимать таблетки от незнакомца.

— Это вылечит меня?

— Ага. Высосет червей прямо из кишечника. Вот, — он отстегнул бутылочку от пояса и сунул мне в другую руку. — Это настоящая, очищенная вода. Просто сделай глоток и — черт возьми, дитя!

Я выпила всю бутылку, прежде чем он успел закончить ругаться на меня. Таблетка была проглочена с первым глотком. Каждый последующий глоток предназначен исключительно для удовольствия выпить что-то, в чем не плавают пена.

— Извини, — выдохнула я.

— Ммм, ты еще пожалеешь, — сказал старик.

Он ушел прежде, чем я успела спросить почему, и вернулся к мотоциклу. Я несколько мгновений смотрела, как он копался в раздутых кожаных сумках. Его костлявые плечи загрозили мне обзор, но я слышала звон и лязг чего-то, что звучало как барахло целой семьи.

— Как тебя зовут? — спросила я через мгновение.

— Уолтер, — хмыкнул он. Через мгновение он, казалось, понял, что я чего-то ждала. — Что?

— А ты не собираешься спросить, кто я?

— Хм. Посмотрим... — он запихал руку по локоть и вытащил ладонь, сложенную чашечкой, — ты же не была этим веснушчатым ребенком, да? Хотя похожа на нее.

Я замерла при виде моего удостоверения личности, болтающегося между его пальцами.

— Что? Где ты это взял? — выпалила я скорее от неожиданности, чем от чего-то еще. Я знала, где он его нашел.

— Несколько ночей назад была убита целая куча уродов. Один из них держал это — и что означают эти маленькие отметины?

Он указал на слова, напечатанные под моей фотографией: *Шарлиз Смит, узница Далласа и вечная заноза в моей заднице.*

Говард, должно быть, был очень зол, когда делал эту карту. Он даже не пытался придать словам официальное звучание.

— Ничего, — быстро сказала я. — Просто случайные метки.

Уолтер выглядел так, будто не верил мне. Но и не давил.

— Хм, ну, я нашел мертвого уroda, держащего эту штуку, и подумал, что ты, должно быть, важная. Я нашел след: я не знал, куда ты направляешься. Затем, пару часов назад, я нашел это, — он вытащил ремень из сумки ровно настолько, чтобы показать мне рукоятку револьвера, — и я подумал, что солнце, должно быть, добралось до тебя — потому что нужно быть глупым или мертвым, чтобы бросить оружие, верно?

— Да, наверное. Я мало что помню. Спасибо, что поднял это, — я выжидающе протянула руку.

Уолтер рассмеялся мне в лицо.

— Ни за что. Пистолет мой.

— Нет, не так, — прорычала я.

— Уронила — потеряла. Я нашел его, он принадлежит мне. Так устроена жизнь, урод.

Уолтер был старым и медлительным. Ему потребовалось десять секунд, чтобы просто присесть рядом с мотоциклом. Поэтому я решила, что если захочу вернуть свой пистолет, я просто заберу его — в конце концов, это, кажется, было единственным правилом здесь.

Я бросилась к ремню и успела ухватиться. Я пыталась вырвать его у него из рук, когда что-то сильно уперлось мне в живот.

— Ой! Что ...?

— На твоём месте я бы не стал слишком извиваться, — прорычал Уолтер.

Я опустила взгляд и увидела, что он приставил нож к моему животу. Лезвие около

восьми дюймов в длину с изгибом на конце. Этот изгиб Уолтер прижал ко мне, кончик был готов отрезать кусок моей кожи.

— Все, что нужно, — это небольшой взмах, всего один разрез здесь, и все, что у тебя внутри, вырвется наружу.

Во рту пересохло, но я не отпустила.

— Слушай, я просто хочу вернуть свой пистолет.

— И, может, я верну его тебе — я не Гракл. Но ты должна пообещать, что сделаешь кое-что для меня, если я это сделаю, — он вдавил нож чуть сильнее, почти достаточно сильно, чтобы порвать кожу. — Ты обещаешь?

— Конечно, — выдавила я. Я, наверное, должна была спросить, что обещала, вместо того, чтобы слепо соглашаться сделать это. Но угроза того, что мои кишки вывалятся на землю, была достаточно пугающей, чтобы убить мой здравый смысл.

— Тогда все в порядке, — Уолтер убрал нож и снова хмуро посмотрел на удостоверение личности. Он провел большим пальцем по неровной дыре рядом с моей фотографией. — Ты водилась не с теми людьми. Ходили слухи, что с севера спустились какие-то граклы, но я им не поверил. Гракл, это не самая безумная вещь, которую ты когда-либо слышала.

Я не знала, сумасшествие это или нет. Я понимала только половину слов, исходящих из его уст.

— Что такое Гракл?

— Мусорные птицы, — фыркнул Уолтер. — Маленькие грязно-коричневые твари, которые всегда убегают от хороших птиц.

— Ой. Я думала, что это люди, — сказала я, еще более растерянная. Теперь я пыталась представить птицу, стреляющую в полицейских.

— Да, они люди — люди тоже могут быть граклами. Как мне это объяснить? — он притих на мгновение. — Хорошо, смотри: ты знаешь, как большинство птиц работают ради еды? Вьют себе гнезда и все такое?

— Да, — сказала я. Правда в том, что я не так уж много знала о птицах, кроме того факта, что они взрывались облаком перьев, когда сталкивались с энергетическим забором.

— Хорошо, значит, хорошие птицы — птицы, которые работают за то, что имеют, и держатся особняком. Граклы ни на что не годятся. Они просто берут вещи. Они видят гнездо, которое им нужно, и разгоняют всех остальных. Они видят еду, которую хотят, поэтому стреляют в тебя и забирают ее. Понимаешь, что я говорю? Мусорные птицы.

Мне все это казалось настолько безумным, что я с трудом могла в это поверить. Единственным разом, когда что-то подобное происходило, был «Девятый Агент».

— Значит, они как... злодеи?

— Злодеи? Что за злодеи? Так вы их называете в Мире Уродов?

— На самом деле у нас нет никого, кто занимается такими вещами. То есть, у нас есть актеры, которые притворяются, что делают плохие вещи, но это все только для телевидения...

Я замолкла, потому что Уолтер смотрел на меня так, словно у меня из обеих ушей выползли крысы.

— Что? Разве у вас здесь нет телевизора?

— Я не знаю, что это такое, и я не хочу знать, — прорычал Уолтер, когда я начала. — Я слишком стар, чтобы пытаться выучить все ваши причудливые штуки. Но просто скажи мне вот что... — он сжал переносицу большим и указательным пальцами, будто я вызывала у

него головную боль или что-то в этом роде. — У вас нет граклов в Мире Уродов? Никто не ворует вещи и не стреляет в других просто так?

— Во-первых, он называется Даллас, а не Мир Уродов. А во-вторых, нет: у нас нет граклов. Все просто делают то, что должны делать.

Ну, почти все. Я опустила часть о том, что я была преступницей. Если Уолтер не мог это прочитать, то я уж точно не скажу ему.

— Хм. Это нечто, — рассеянно сказал Уолтер, его выцветшие глаза глядели, шурясь, куда-то вдаль. Я не успела спросить, что он имел в виду, он фыркнул и сказал. — И это не Даллас. Я видел Даллас, ясно? Вы примерно в пятистах милях дальше к западу. А то, что у вас есть в Мире Уродов, это всего лишь...

Уолтер наклонился и зачерпнул горсть земли.

— Видишь это?

— Да, я вижу — это почти у меня под носом.

— Это Даллас, — сказал он, потрясая кулаком. — А это... — он взял песчинку с вершины горки, — Мир Уродов. Вот эта маленькая, ничего не знающая крошка. Это вы все. И укс, — он швыряет крошку в кусты, — вот так. Вот что с вами случится, как только эти придурки-граклы поймут, как туда попасть.

Мой желудок сжался.

— Что такое приду... ах!

Боль в животе такая острая, что у меня перехватило дыхание. Холодный пот залил мое лицо. Меня уже съедали черви? Я умру?

Уолтер смеялся над моим беспокойством.

— Нет, это просто подействовала таблетка. Через секунду ты почувствуешь себя намного хуже. Но ты будешь жить, — он наклонился над сумками и вернулся с рулоном тяжелой ткани. — Мы остановимся здесь на ночь. Тогда завтра ты получишь обратно свой пистолет, и я верну твой небольшой долг.

Я не успела спросить, что это, мой желудок вывернуло наизнанку. Я согнулась пополам, когда кислота и мутная вода вырвались с такой силой, что потекли из моих ноздрей.

Уолтер одобритительно кивал.

— Ну вот. Не держи это себе. Ты придешь в себя, когда все выйдет, уродка.

ГЛАВА 14

— Ты еще не закончила? Боже! — кричал Уолтер.

Я была не в настроении.

Не в настроении говорить. Не в настроении дышать. Я была не в настроении слушать крики или кричать в ответ. У меня было утро самого жалкого, огненного уголка ада — и все, чего я хотела, — это умереть спокойно.

— С теми яйцами все было в порядке, — продолжил Уолтер, не обращая внимания на мои страдания. — Я хорошо себя чувствую! Твои уродские внутренности сделаны из бумаги.

Я никогда не ела яйца. Я, честно говоря, до сих пор не знала, что они из себя представляли. Я запуталась, когда Уолтер попытался это объяснить:

— Смотри, все начинается с чего-то другого. Либо ты выходишь мокрым и шевелишься, либо вылупляешься из яйца.

Уолтер положил мне на ладонь маленький овал кремового цвета, и я осторожно подержала его. Оно оказалось тяжелее, чем я ожидала. Скорлупа была гладкой, как камень.

— О. Так это как Труба, - сказала я.

— Что?

— Труба. Откуда берутся дети. Ты знаешь, как это работает, — продолжила я, когда Уолтер покачал головой. — Заполняешь форму, отправляешь ее в лабораторию — и когда следующая партия готова, вам присылают ребенка.

Уолтер покосился на меня, разинув рот.

— Что, черт возьми...? Нет, это так не работает! Какого черта... ты вообще человек?

— Да, конечно, я человек, — сказала я, защищаясь. Я не знала, почему я так расстроилась по этому поводу. Может, потому, что Уолтер заставил меня почувствовать себя идиоткой, когда я сказала то, что было очевидной правдой.

Не важно. Он был идиотом.

— Что вообще...? Нет. Знаешь, что? Я не хочу знать, — сказал он через мгновение, высоко подняв руки. Затем он протянул руку и схватил яйцо с верхушки кучи. — А теперь будь внимательна, потому что твоя очередь готовить при следующем привале.

Я была в ужасе, когда Уолтер разбил одно из яиц. Но потом я увидела желто-оранжевую слизь, которая вышла оттуда, и снова пришла в замешательство.

— Я думала, ты сказал, что там что-то живет?

— Э, еще нет. Их не высидели достаточно долго, чтобы они превратились в тварей.

— Тогда что...?

— Нет. Нет, это не моя работа. Ты заставишь свою маму рассказать тебе об этом, когда увидишь ее в следующий раз.

Я не думала о своей матери почти десять лет. Все, что я помнила о ней, это красные ногти, светлые кудри и ужасный высокий голос.

Уолтеру потребовалось около пяти минут, чтобы разбить и сварить кучу яиц. Он добавил в смесь щепотку других вещей — цветную пыль из карманов жилета, которая, по его словам, сделает все это райским на вкус.

Я не знала, чего ожидать, когда откусила первый кусочек. Но оказывается, что рай был чертовски вкусен.

— Хотя бы дыши! — сказал Уолтер, глядя, как я ем.

— Извини. Я голодна, — сказала я между глотками. — И это потрясающе.

— Что? У твоей странной еды нет никакого вкуса?

Я покачал головой и хмыкнул с набитым ртом:

— Не так.

Это было прошлой ночью. Этим утром я проснулась с ощущением, что эти яйца разозлились на меня за то, что я их съела, и они не могли выбраться достаточно быстро.

Сейчас сидела за кустом, надеясь, что скоро все закончится.

— Кажется, я умираю, — простонала я.

— Нет, ты просто не привыкла есть как техасец. Но ты справишься. У тебя есть зубы, да? Значит, нужно уметь есть, — со смехом сказал Уолтер. Затем он хлопнул в ладоши. — Вот что я тебе скажу: может, я испеку нам кукурузных лепешек? Это успокоит твой желудок.

После того, что случилось с яйцами, мне не хотелось больше пробовать кулинарию Уолтера. Но как только я ощутила запах шипящих над огнем лепешек, я решила, что стоит рискнуть.

Уолтер разговаривал со мной все время, пока работал. Казалось, он думал, что я буду готовить уже завтра. Поэтому я старалась следить за всем, что он делал, и запоминать все, что он говорил. Но нужно было многому научиться.

Уолтер зачерпнул на сковороду белый комок чего-то, что называлось жиром от бекона, и поджарил на нем лепешки, пока они не стали коричневыми с обеих сторон. Я не знала, смогу ли я когда-нибудь приготовить кукурузные лепешки для себя, но я была уверена, что попробую.

Они были вкусными — даже лучше, чем яйца. Сладкие и мягкие, с небольшим количеством соли. Я проглотила свою долю и в то же время старалась обращать внимание на то, как Уолтер говорил об услуге, которую я ему была должна.

— На прошлой неделе у меня были небольшие неприятности, — выдавил он, жуя лепешку. — Ну, обычно я довольно прилично играю в карты — чертовски прилично, должен сказать. Но парень к югу отсюда, его зовут Брендон, неплох. Спустил меня до трусов, если ты понимаешь, о чем я.

Я не знала, что он имел в виду. Я не знала, что все это значило.

И я была слишком занята едой, чтобы волноваться.

— Я, э-э... короче, я прыгнул выше головы. Ставил больше, чем у меня было за столом, понимаешь?

Я до сих пор не знала, и мне было все равно.

— Так что теперь я ему кое-что должен — вот почему я преследовал вас, уродов. Я надеялся, что ты бросишь несколько вещей, которыми я мог бы заплатить ему.

— Подожди, ты преследовал нас до того, как на нас напали? — сказала я, забыв о еде. — Тогда какого черта ты нас не предупредил?

— Что я должен был сказать, а? Начать бегать? От ружья не убежишь, урод, особенно от их. Когда я увидел подкрадывающихся граклов, было уже слишком поздно.

— И куда они пошли? — с нажимом спросила я. — Полиция пойдет на их поиски — они убили нашего шерифа.

— Я не видел, куда они пошли, и не имело бы значения, даже если бы я видел. Самое лучшее, что ты могла бы сделать — и я серьезно, урод, — самое лучшее, что ты могла бы сделать сейчас, это просто опустить голову и уйти.

Я не хотела оставлять это. Чем больше я думала об этом, тем больше сходила с ума.

— Шериф Кляйн была хорошим человеком. Она не заслужила быть убитой...

— Ах, вряд ли кто-то этого заслуживает. Просто случается, что тебя убивают. И если попытаешься отправиться на поиски этих граклов, то с тобой это случится. Ладно, послушай, — Уолтер вытащил из сумки ремень и достал мой револьвер, — это лучевое ружье, верно? Попадешь под такое, и почти всегда самое худшее, что может случиться, — это ожог.

Он сунул руку в мешок и порылся снова. Затем он бросил мне небольшой металлический предмет.

— Это то, чем стреляли эти Граклы. Это называется пуля.

Она была тяжелой. Это первое, что я заметила в пуле. Во-вторых, она была почти такой же длины, как мой палец, и имела форму собачьего зуба.

— Это то, что убило их? — прошептала я, не веря.

— Что?

— Это то, что их убило?

— Ага. Теперь просто подумай об этой штуке, которая разрывает тебя. Вау! — Уолтер рассмеялся. — Это не просто обжигает.

Мне не нужно было представлять это, потому что я видела это воочию. Я до сих пор помнила, как голова офицера взорвалась, когда в него выстрелили. Иногда я видела это снова и снова в моих снах — когда сон так ложился мне в грудь, что я не могла пошевелиться, мои глаза были зажмурены и не могли открыться.

Я видела, как его голова взорвалась, и все содержимое забрызгало стенку броненосца,

как яйцо, разбитое на сковороде.

Пока я держала пулю в руке и думала о том, что случилось с полицией... что случилось с Кляйн... моя кровь кипела.

— Где взять пистолет, который стреляет пулями?

— Нигде, — фыркнул Уолтер. — Единственная причина, по которой они есть у Граклов, в том, что у них есть большая машина, которая их производит. В один конец они сбрасывают металлолом, а из другого вылетают пистолеты и пули.

— Тогда как мне получить одну из этих машин?

— Никак, — коротко ответил Уолтер. — Несколько лет назад в Сан-Антоне было такое, но мы с ребятами пошли и взорвали его.

— Что? Почему вы так поступили? — недоверчиво сказала я. — Вы должны были использовать его!

— Зачем? Если бы мы оставили эту штуку в рабочем состоянии, пришел бы кто-нибудь другой и убил бы нас ради нее. Тогда бы они пошли дальше и убили бы гораздо больше, — лицо Уолтера помрачнело. — Я знаю, что ты чувствуешь, дитя. Знаю. Когда ты молод, кажется, что убийство — это ответ на все вопросы, но правда в том, что убийство — это мелкий ответ. Не главный ответ. И я обнаружил, что если остынешь и немного подумаешь, ты обязательно найдешь что-нибудь получше.

Он опустил в рот еще одну кукурузную лепешку и рывкнул с полным ртом:

— Теперь давай поговорим о том, как мы поступим со старым Бренденом.

* * *

Лепешки помогли успокоить желудок. Через час мы собрались и отправились к лагерю Брендона.

— Я никогда не езжу на байке в присутствии людей, — ворчал Уолтер, когда я спросила, почему мы не могли просто проехать три мили до лагеря. — Если они его увидят, то попытаются украсть.

Я не могла представить, чтобы такое могло произойти. Они могли украсть его только для того, чтобы сбросить со скалы, но вряд ли кто-то настолько отчаялся бы, чтобы использовать его.

Уолтер настаивал, что если я собиралась помочь ему с Бренденом, то я должна была выглядеть прилично. Где-то ночью он постирал мой полосатый комбинезон и повесил его сушиться в кустах — должно быть, я была измучена сильнее, чем думала, потому что понятия не имела, что он сделал это. Сегодня утром он вытряхнул муравьев из рукавов и сказал мне надеть его.

— Эх, это не самый женственный вид в моей жизни. Но и голой быть тоже нельзя... — через мгновение он вытащил из одной из сумок мой ремень и велел надеть его. — Ага. Да, так лучше. Это подчеркнет твою фигуру.

— Мою что?

— Твою форму. Твою... знаешь, твою женскую фигуру.

Он поднял руки и сделал в воздухе странный змеиный жест. Но я все еще не поняла.

— Ну же, уродка. Разве ты не замечала, что женщины и мужчины устроены по-разному? Что мужчины все прямые, а у женщин есть изгибы?

— Я... ну, да. Но я никогда не думала об этом, — сказала я неуверенно.

Уолтер какое-то время смотрел на меня с некоторым замешательством. Затем он потопал прочь, бормоча о том, как он не хотел знать.

Мы нашли лишнюю пару ботинок в одной из сумок. Даже без звезды и клейма на язычках я бы все равно узнала в них ботинки полиции. Они были черными и крепкими, чтобы выдержать долгую носку.

Я сразу же подумала, не принадлежали ли они Кляйн. Когда я почувствовала, насколько хорошо они подошли, я убедилась в этом.

— И что? Они ей больше не понадобятся, — проворчал Уолтер, когда я упомянула об этом.

— Я знаю... просто неудобно носить сапоги мертвеца, — сказала я, сжимая пальцы ног на губчатых подошвах.

Уолтер хлопнул себя по бокам.

— Ну, либо так, либо босиком ходить.

Я поняла, что особого выбора у меня не было. Поэтому я затянула шнурки и последовала за ним из лагеря.

Пять минут спустя мы шли к извилистому изгибу узкого ручья.

— Ты почти дошла сюда вчера. Но повернула не в ту сторону. Деревья — это фокус, ясно? Если хочешь найти воду, ищи деревья, — говорил Уолтер, ведя меня через заросли между стволами. Он замер через несколько шагов и указал на сплетение кустов слева от себя. — Не трогай эти листья. Увидишь такие листья, просто обойди их.

Я осторожно следовала за ним, пока он делал широкую дугу мимо кустов.

— Что произойдет, если я прикоснусь к ним?

— Хм. Его называют ядовитым плющом. Тебе нужна причина лучше?

— Мне просто было любопытно.

После еще одного влажного вздоха он объяснил:

— Ты прикасаешься к этой штуке, *приближаешься* к ней, и ты будешь чесаться в местах, о которых даже не подозревала. Парень, который раньше бегал с нами, думал, что он умнее и утащит лишнюю долю добычи, — продолжал Уолтер. — Поэтому мы поймали его и втерли ему в глаза кучу этих листьев. Они раздулись, как у лягушки. Думаю, он мог ослепнуть.

— Боже, — сказала я, пытаюсь представить, как это выглядело. — Я думала, ты сказал, что насилие — это не ответ?

— Нет, я сказал, что убийство — это не ответ. Но должны быть правила — без правил мир бы сошел с ума. Проблема в том, что люди не понимают правил, пока вы их не объясните, — я слышала смешок в его голосе, когда он добавил. — И это можно объяснить множеством способов.

Впереди журчала вода. Я уже видела фотографии ручьев — я видела фотографии многих вещей. Но фотографии не могли передать то, как что-то звучало или пахло. Я вдыхала резкий, травянистый запах растений, и он успокаивал мой нос, как мазь. Ручей продолжал журчать, пока мы шли. Я не знала, почему, но шум меня успокаивал...

Это спокойствие быстро сменилось чем-то другим — чем-то, что ощущалось как зуд в затылке. Я слышала больше текущей воды. Мои глаза затуманились, какой-то образ пытается проступить.

Река. Река, которая бурно текла и журчала по гладким спинам крапчатых скал. Носки моих ботинок были мокрыми... мокрыми от того, как вода плескалась на неровном берегу.

Мой нос распух от потока приторно-сладких запахов. Цветы... это был аромат цветов, когда они раскрывались и показывали свои краски солнцу. Они расцветали вокруг меня — их красные, белые и оранжевые лепестки танцевали под легким ветерком.

Когда я повернулась лицом к ветру, я уловила смех. Это был счастливый звук. Красивый звук. Мое сердце стучало, а лицо вспыхнуло от этой песни. Я обернулась, отчаянно искала источник смеха...

— Что с тобой не так, уродка?

Уолтер схватил меня за косу и оттащил. Я споткнулась о свои ботинки и упала на задницу.

— Какого черта ты это сделал? — закричала я.

Река пропала. Цветов больше не было. Тот чудесный счастливый смех исчез. Я снова была в зарослях с Уолтером, сидела в куче того, что было лишь грязью.

— Что значит, почему? — он указал вперед, где перед моими ботинками качался большой пучок ядовитого плюща. — Ты была с затуманенными глазами и шла прямо к неприятностям — вот почему!

— Ой. Прости, — буркнула я. Мои ноги немного дрожали, когда я поднялась на ноги. Не успела я успокоиться, как Уолтер схватил меня за воротник.

— Что с тобой случилось, а? — его выцветшие голубые глаза смотрели на меня. — Ты копалась в моем жилете?

— Нет, — сказала я, хотя не была уверена, что это имело отношение к тому, что у меня затуманились глаза, и я блуждала. — Клянусь, я не трогала жилет.

— Хорошо. И лучше не трогай, потому что, если твои пальцы будут здесь, — он сильно хлопнул по жилету, — я их отрежу и замариную.

— Эм... ладно.

После еще одной неудобной минуты пристального взгляда Уолтер, наконец, отпустил меня.

— Давай, не отставай! Мы почти там.

Ручей представлял собой длинный затененный участок чистой проточной воды. Тонкая полоса гальки отмечала береговую линию. Уолтер подвел нас к краю и расхаживал, уперев кулаки в бедра, пока не нашел то место, откуда хочет двигаться.

— Вот — видишь, как вода разливается по тому шельфу? Ты сможешь держать бутылки там и принесешь нам немного свежей воды.

Я никогда раньше не брала воду из ручья. Уолтер показал мне, как — без особого терпения и с руганью. Я сама наполнила десять бутылок. Всего их было тринадцать. Затем Уолтер связал их вместе за крышки и повесил мне на плечи.

— Подожди, а почему я должна нести их все?

— Потому что ты — уродка, — фыркает Уолтер. — У тебя есть эта уродская сила. Это тебе ничего не стоит.

Боже. Уолтер думал, что я — Нормал. Он не понимал, что я была Дефектом. На долгие секунды я думала сказать ему об этом — хотя бы для того, чтобы избавиться себя от необходимости таскать все эти бутылки. Но я решила промолчать.

Уолтер был чем-то похож на Ральфа: он собирал вещи. Он хранил все, что, по его мнению, могло быть использовано. И мне пришлось в голову, что Уолтер, вероятно, держал меня рядом только потому, что думал, что я буду полезна.

Я знала, что происходило с вещами, когда они переставали быть полезными. Я собрала сотни мешков с вещами, которые люди выбросили, и если Уолтер когда-нибудь бросит меня, я не смогу выжить в одиночку.

Поэтому я закрыла рот и решила, что несмотря ни на что, я смогу быть полезной.

* * *

— Вот и пришли, — сообщил Уолтер.

Прогулка была не так уж и плоха: три мили прошли довольно легко, когда было много воды. Я вспотела, а над головой жарко потрескивало солнце. Но впервые за долгое время я не слишком беспокоилась об этом.

— На что это похоже? — тихо сказала я.

— Минуточку, — прошипел Уолтер. — Дай мне сфокусировать эту штуку, а потом я покажу тебе.

Мы притаились в кустах на вершине холма. Лагерь Брендона был предположительно в четверти мили перед нами — я не знала точно, потому что Уолтеру потребовалось сто с половиной лет, чтобы прицелиться.

— Хочешь, я попробую?..

— Нет! Ни за что, — он отдернул от меня винтовку, и его рот сжался в бороде. — Никто не трогает Жозефину.

— Жозефина? Ты...? — я вздохнула, потому что все больше беспокоилась о том, что согласилась помочь сумасшедшему. — Ты дал этому имя?

— Ей, — поправляет он, фыркнув. — И, конечно же, я дал ей имя!

Конечно.

Еще несколько минут, и Уолтер, наконец, был готов передать прицел. Он сорвал его с крепления и вложил в мою руку.

— Ложись ровно там, где лежал я, поняла? Не двигайся слишком много и держи голову в кустах.

Как только я согласилась на все это, он отпустил меня.

Лагерь Брендона издали выглядел не очень: деревянное здание размером с двух броненосцев, а вокруг него были беспорядочно разбросаны палатки. Здание было в трещинах на известковом растворе, а стены полностью выгорели на солнце. Грустная, ржавая металлическая крыша закрывала все это. Она сидела так свободно, что я слышала, как она звенела на ветру.

— Вау... а я думала, что жить в Граните — паршиво.

— Что?

— Ничего, — я вытерла пятно со стекла и настроила прицел, чтобы увеличить палатки. Я столько минут наблюдала за тем, как Уолтер крутил настройки, что у меня появилось довольно хорошее представление о том, как это работало. — Не похоже, чтобы кто-то был дома.

— О, они дома, — фыркнул Уолтер. — Брендон, вероятно, отправил большую часть падов в бегство. Но он все еще там, заперт в доме со своей командой.

— Пады? — неуверенно сказала я.

— Ага, пады. Как от падальщиков.

— Они чем-то похожи на Граклов?

— Нет, — заверил меня Уолтер. Потом, немного подумал. — Ну... предложат обмен на то, чего хотят, сначала. Но если они действительно это хотят, а ты им этого не дашь... — он стряхнул густые желтые крошки со своей бороды, продолжая думать, — да, я полагаю, они могут стать немного похожими на Граклов...

— Отлично, — бормочу я. — Это просто здорово...

— Что?

— Давай покончим с этим, — сказала я, бросая ему прицел. — Я готова.

Мы спустились с холма, и ветер вдруг поменялся. Я ощутила запах чего-то, что пахло носками — или тем, как пахли мои носки после того, как я носила одну пару больше недели. Не естественный запах тут и неприятный.

— Фу, что это?

— Хм?

— Этот запах — что это за чертовщина?

Уолтер откинул свою зеленоватую шляпу и сделал глубокий вдох.

— Какой запах? Я ничего не чувствую.

Прежде чем я успела ответить, ветер снова ударил по нам. Палатки начали хлопать, их темные рты открывались и закрывались на ветру, и я поняла, что запах шел из лагеря.

— О, этот запах, — со смехом сказал Уолтер. — Это мужчины.

— Боже, они мертвы? — завопила я, натягивая воротник на нос.

— Нет, именно так пахнут мужчины. Они в порядке сами по себе. Но когда собираешь их вместе, они начинают пахнуть, — Уолтер стал странно пыхтеть обеими ноздрями. — Ах! Это возвращает меня в прошлое.

— Ты отвратителен.

— Да, возможно. Ты помнишь, что делать? — сказал он, понизив голос.

Я вздохнула.

— Подыгрывать, быть милой и взять свою дурацкую коробку.

— Не дурацкую, — возразил он. — Это отличный продукт.

— Но ты не скажешь мне, что это за продукт.

— Да, потому что я не хочу, чтобы ты убежала с ней! Эй, — Уолтер схватил меня за руку и остановил, — если старина Брендон сделает что-то, что тебе не нравится, ты просто дашь ему пощечину. Используй эту причудливую силу и поверни его лицо боком. Хорошо?

— Хорошо, — сказала я. Правда в том, что я ничего не смогу поделаться. И если он заставит меня отказаться от пистолета — а Уолтер говорил, что мог, — то у меня будут настоящие неприятности.

У падов, должно быть, кто-то присматривал за нами: в ту минуту, когда мы прошли к первому ряду палаток, дверь дома распахнулась.

Навстречу нам выкатился толстяк. Я сказала «выкатился», потому что то, как он переступал с пятки на носок, создавало впечатление, что он скользил по ступенькам.

— Привет, Уолтер, — крикнул он.

У него был низкий, рычащий голос. Я бы его боялась, если бы не его лицо: тонкий слой щетины, большой нос и такая широкая улыбка, что она почти рассекла его щеки. Его глаза окружили морщины, пока он улыбался — и я не знала, почему, но это заставило меня чувствовать, что я могла доверять ему.

Когда мужчина заметил меня, он отклонился на пятки.

— Вау... это уродка?

Уолтер фыркнул.

— Конечно, это не урод — ты когда-нибудь видел уroda с карими глазами и пятнами по всему лицу? Дурак!

Ах. Я полезнее, чем я думала...

А Уолтер хитрее, чем я ожидала.

Мужчина окинул меня взглядом. Я забыла о его улыбке, потому что то, как его темные

глаза царапали мое тело, заставляло меня чувствовать себя неловко.

— Ну, ты не можешь винить меня за то, что я спросил. Она очень красивая.

Красивая? Никогда в моей жизни никто не говорил, что я красивая.

Довольно странная, хитрая, та, что сожжет район дотла, говорили. Но не просто красивая.

— Конечно, она красивая, — продолжил Уолтер. — И мне пришлось пройти через ад, чтобы заполучить ее.

Мужчина прищурился, глядя на меня.

— И она очень чистая.

— Ох. Ты бы видел, какое дерьмо было на ней, когда я вытащил ее из грязи. Я думал, что вонь никогда не исчезнет. Итак, Брендон, — Уолтер скрестил костлявые руки, — мы договорились или нет?

Брендон тоже скрестил руки — толстые, выпуклые руки с маленькими белыми шрамами, прорезающими колтуны вьющихся черных волос.

— Ага, — сказал он, ухмыляясь мне. — Да, мы договорились.

ГЛАВА 15

Мужчины пожали руки. Брендон пожимал так сильно, что чуть не сбил Уолтера с ног, а потом крепкая рука обняла меня за плечи.

— Пойдем, милая, — сказал Брендон, и его дыхание обожгло мне ухо. — Я хочу, чтобы ты познакомилась с парнями.

Почему-то я ощущала себя неловко.

Мое сердце выло между ребрами, крича, что что-то было не так. Может, просто кукурузные лепешки возвращались ко мне. Может, они шумели и заставляли все казаться уродливым. Но я чувствовала, что оказалась в ловушке под рукой этого неповоротливого мужчины, который прижимал мое тело к своему боку с такой силой, что у меня болела грудь, и это было неправильно.

Почему Брендон так трогал меня? И почему не отпускал?

— Уолтер? — закричала я вслепую, потому что не могла повернуться, чтобы увидеть его.

— Все будет хорошо, дитя, — крикнул он мне в ответ. — Только не создавай проблем, и все будет в порядке.

— Ой, ты можешь доставить небольшие неприятности, — сказал Брендон. — Мне нравятся небольшие неприятности.

Он увел меня через дверь домика в бурю свиста:

— Твою мать...

— Вау! Посмотри на это!

— Чёрт, это принес тебе Уолтер? Он тебе столько не должен.

Брендон смеялся — это был громкий смех, который пугал меня больше, чем свист.

— Эх, он такой старый, что, наверное, забыл. Ладно, ребята, это...?

Брендон выжидающе посмотрел на меня. Я была так напугана шумом и так переживала, что мои глаза никогда не привыкнут к более тусклому свету внутри, что не обратила внимания на то, что он сказал.

Здесь не было окон, но было достаточно солнца, пробивающегося сквозь щели раствора, так что хижина, в конце концов, стала видимой. На меня смотрели пятеро мужчин. Они сидели за круглым столом посреди комнаты, в каждой руке у них веером была развёрнута линия маленьких бумажных прямоугольников.

У этих мужчин были морщины на лице, но не так много и не такие глубокие, как у Уолтера. Они были пыльными и грязными, и, по крайней мере, у двоих из них бороды были неуправляемыми. На них были узкие кожаные штаны и свободные кожаные куртки поверх выцветших рубашек.

Один из них сидел в кресле, раскинув ноги, в одних штанах и сапогах. У него была полностью обнаженная грудь, если не считать тонкого покрова волос. Темная щетина росла буквой Т на его груди и тянулась ниже живота.

Волосы были достаточно грубые. Но я не могла не заметить, что он сидел там с открытыми сосками для всех взглядов.

Эту часть никто никогда не должен был видеть. Вряд ли стоило смотреть на свои собственные. Если у Нормала загорится рубашка, он будет больше беспокоиться о том, что выставит себя напоказ, чем сгорит заживо. Но этим людям из Ничто, похоже, было все равно.

Мужчина поймал мой взгляд, полный отвращения и ошеломления, и не сжался, а усмехнулся.

— Как тебя зовут, милая?

— Э-э, Шарли, — буркнула я.

Мужчина без рубашки сморщил нос.

— Нет, это странно. Я буду называть тебя просто сахарок. Так что ты скажешь, а? — он хлопнул меня по колену и пошевелил пушистыми бровями. — Присядь.

Мужчина слева от него сильно ударил его по затылку.

— Она не твоя добыча, так что не трогай ее.

— Ой, да ладно, я пошутил! — сказал со смехом мужчина без рубашки.

Внезапно встал еще один мужчина — в черной шляпе с плоским ободком и без растительности на лице. Он был единственным, кто не свистел, когда я вошла. Единственный, кто не улыбался. Он сидел в конце стола, сверля глазами мой череп, с того момента, как я переступила порог.

— Никто ее не трогает, — резко сказал он. — Не пока она еще вооружена.

Он обошел стол и прошел туда, где я стояла. Его руки сжали пояс с пистолетом, и мое сердце забилось так сильно, что я думала, что потеряю сознание.

Если он отнимет у меня оружие, меня уже ничто не спасет.

От этих мужчин у меня мурашки побежали по коже: они грязные и обидчивые, и они смотрят на мое тело так, будто хотят порубить его и съесть. Их было пятеро, а я всего одна — мне никак не убежать от них. Мой единственный шанс — выстрелить первой.

Это было ужасной идеей. Я поняла еще до того, как начала думать о том, что это ужасная идея. У каждого в комнате на поясе висел либо быстрозарядный пистолет, либо еще более быстрый револьвер. И я была уверена, что все они практиковались в стрельбе куда больше, чем я — а я выстрелила ровно ноль раз.

Тем не менее, у меня не было выбора. Я уже собиралась выхватить револьвер, когда внезапно вмешался Брендон.

— Нет, пусть оставит пистолет.

— Но...

— Я сказал, пусть оставит его! — он оттолкнул человека в черной шляпе и встал между нами. — Мне нравится, когда женщина носит оружие. Это мило. А теперь, — он потянулся вокруг меня, чтобы закрыть дверь, — ты хорошо играешь в карты, милашка?

— Я... я не знаю, что это такое, — говорю я.

Мужчины залились смехом.

Рука Брендона снова упала мне на плечи.

— Посмотрите на эти глазки лани, а? Бьюсь об заклад, ты многого не знаешь, — добавил он с таким взглядом, что у меня все внутри сжалось. — Вот что я тебе скажу: сядь здесь со мной, и мы сыграем пару раздач. Тогда я вышвырну отсюда этих блох... и мы сможем узнать друг друга получше, а?

Больше свиста. Больше блуждающих глаз и тревожных улыбок. Я не знала, что Брендон имел в виду под «узнать лучше», но сомневалась, что мы будем сидеть за столом и болтать.

Брендон обхватил меня своей мясистой рукой и повел к свободному месту — прямо в сердце огромного вонючего облака. Воздух вокруг стола был насыщен запахом потных тел и грязных носков. Вокруг витал еще один запах, которого я не узнавала: сладкий, но он почти обжигал каждый раз, когда я его вдыхала.

Без рубашки подмигнул мне, когда я проходила мимо, и поднес к губам коричневую бутылку. Сладкий, жгучий запах распространялся вместе с движением. Что бы он ни пил, я была уверена, что это была не вода.

— Наше место прямо здесь, — Брендон сел. Потом посмотрел на меня выжидающе. — Ну, давай.

— Мест больше нет, — сказала я.

Мужчины снова залились смехом.

— Брендон, у тебя много работы, — закричал Без Рубашки. Он снова наклонил бутылку. — Я не знаю — мне нравится, когда они немного более осведомлены.

Брендон закрыл лицо руками, покачал головой и хохотал, будто я была самым смешным, что он когда-либо видел. Когда он, наконец, выпрямился, он схватил меня за руку и потянул.

— Оу, иди сюда.

Он был сильнее меня — настолько, что достаточно одного движения, чтобы притянуть меня к нему на колени.

— Ну вот, — прорычал Брендон мне в ухо. — Красиво и удобно, правда?

Нет.

Мало того, что его колени были костлявыми и неровными, так ещё и какой-то странный комок впивался в мою задницу — да и зачем он вообще хотел, чтобы эта часть меня касалась его? Разве он не знал, для чего я ее использовала? Это не имело смысла.

— Кто-нибудь, перетасуйте эти карты и раздайте их, — сказал Брендон.

Один из бородачей начал щелкать бумажными прямоугольниками между руками.

Черная Шляпа пристально смотрел в мою сторону, но я не могла сосредоточиться надолго, чтобы обращать на это внимание: эта странная шишка меня чертовски раздражала.

Но каждый раз, когда я пыталась отодвинуться, Брендон возвращал меня назад.

— Так откуда ты знаешь Счастливого Уолтера, а? — крикнул Черная шляпа.

— Счастливчик Уолтер? — сказала я в замешательстве. — Он никогда мне этого не говорил.

— Ну, это, наверное, потому, что это уже не смешно, — фыркнул Без Рубашки. — Уолтер обычно расхаживал здесь, хвастаясь тем, что он слишком везучий, чтобы его убили. Разные члены его команды пострадали. В них стреляли, их сбивали или разрывали боты. Но не Уолтера.

— Тогда они сделали что-то очень глупое, — перебил Брендон, его дыхание задевало мою макушку. — Уолтер и его команда решили прокрасться в Даллас — черт возьми, Даллас!

Мужчины за столом издали коллективный стон. Все качали головами, будто это была самая глупая вещь, которую Уолтер мог придумать.

— Почему? Что в Далласе? — сказала я.

За столом стало тихо.

Брендон недоверчиво фыркнул.

— Ты жила под камнем?

— Или за стеной, — буркнул Черная Шляпа.

— Она не уродка, — прорычал Брендон.

— Откуда ты знаешь? Потому что Уолтер сказал тебе? Ладно тебе, — Черная шляпа откинулся на спинку стула. — Ты знаешь, что этот старый мерзавец только и думал обо всех способах, которыми он собирался тебя достать после того, как ты его обманул. А теперь он подослал сюда своего домашнего уroda, чтобы вышибить нам головы.

— Она не урод, — снова прорычал Брендон. — Я докажу это.

Прежде чем я успела понять, что происходит, Брендон сжал мою шею рукой. Он сжимал ее, как пустую банку — так сильно, что я думала, что передняя часть моего горла могла касаться задней части.

— С-стоп! — я задыхалась.

— Тебе нравится это, милашка? Нет? Тогда почему бы тебе не сделать с этим что-то?

Я пыталась. Сначала я потянулась за револьвером, но его рука мешала. Я не могла обойти ее. Когда я попыталась просунуть пальцы под его хватку, он надавил сильнее. Черные точки плясали у меня перед глазами, легкие просили воздуха. Как только я начала чувствовать слабость, Брендон отпустил меня.

— Видите? Если бы она была уродом, она бы меня ударила. Прости за это, милашка, — добавил он, терся носом об мою косу. — Я обещаю, что отплачу тебе позже.

Все, что я могла бы сказать, перекрыл очередной приступ смеха. Мужчин, похоже, не волновало, что Брендон чуть не убил меня — Брендону было все равно. Со мной случится что-то плохое, если я не уйду в ближайшее время. Так что нужно было забыть о плане Уолтера:

Я больше не была милой.

Я не собиралась подыгрывать.

— Ладно, ребята, давайте сыграем быстрее, ладно? Я кое-что хочу сделать.

Брендон потянулся вокруг меня, чтобы взять свои карты, посмеиваясь над шуткой,

которую я не понимала. Он держал обе руки на столе. Они были сложены вокруг его карт, защищая.

— Чтобы их никто не видел, — сказал он.

Мне было все равно. Я застряла в V-образном сплетении его рук, но, положив руки на стол, я, наконец-то, могу достать свой револьвер.

— О, эти хорошие, — буркнул Брендон.

Я наклонилась вперед, когда он поднял уголки карт, изображая интерес.

— Для чего эти пометки?

— Эти? — он указал на нечто, похожее на скопление черных слезинок. — Это масть. У каждой карты есть номер и масть. Иногда получаешь хорошие карты, а иногда плохие. Вот почему я всегда держу под рукой пару тузов, — он сдвинул куртку, обнажая пару карт, спрятанных в рукаве. — Старик Уолтер ничего не знал!

— О, вот как ты это сделал, — сказала я.

Я не знала, что он сделал с Уолтером и почему, но Брендон, похоже, был доволен моим ответом. Пока он говорил о том, какой он великий, я склонилась и осторожно вытащила револьвер из кобуры.

Брендон и другие мужчины продолжали говорить о ходах и очередях и обо всем остальном, что, по их мнению, мне нужно было знать о картах. У меня было достаточно сил, чтобы улыбаться и кивать, пока они разговаривали. Но остальная часть меня пыталась понять, как мне выбраться отсюда.

Их было слишком много, и они были слишком хорошо вооружены. Я бы точно проиграла перестрелку — но в то же время я не могла себе представить, что смогу уйти без боя. Что бы я ни сделала, это должно быть смертельно и быстро...

Без рубашки что-то говорил о моей заднице, что я находила сбивающим с толку и отталкивающим. Я нажала на курок, пока остальные смеялись, думая о том, как я хотела послать луч ему между глаз. Револьвер не выстрелит, пока я не нажму на рычаг перезарядки — нажатие на спусковой крючок было для меня просто способом почувствовать себя немного лучше.

Но пока я удерживала курок, я слышала шум.

Это был слабый, пронзительный вой. Больше ощущение, чем звук — как, когда я вошла в квартиру Ральфа и знала, что телевизор был включен, хотя он и был без звука.

Звук, который я слышала, был спусковым крючком, перегружающим луч. Это именно то, что шериф Кляйн всегда говорила полиции не делать, потому что удержание спускового крючка перед нажатием на рычаг приводило к тому, что сразу вырывался огромный выброс энергии. Может, даже взрыв...

И взрыв мог помочь.

— Это река, — говорил Брендон. — А теперь все переворачивайте свои карты — давайте посмотрим.

Его голос исчез, поглощенный звуком крови, текущей по моим венам. Все остальные держали руки на столе, а мои были под столом.

Я передвинула револьвер так, чтобы он повис между ног. Он был сжат обеими руками. Дуло было нацелено на дверь. Убедившись, что все было в порядке, я начала удерживать курок.

— Ага! Вот и все — плати! — закричал Брендон.

Остальные застонали, неохотно ставя свои бутылки на стол.

— Вы ничего не слышите? — сказал Черная Шляпа.

Брендон ударил его по руке.

— Заткнись и заплати мне. Тогда убирайся к черту, — его пальцы перебирали мою косу. — У нас есть чем заняться... не так ли, милашка?

Я рассеянно кивнула, желая, чтобы мужчины встали и подошли к двери. Они встали и, пошатываясь, наконец, сбились в кучу, пока Без рубашки возился с засовом.

Черная Шляпа остался последним. Он подошел к остальным, щурясь в замешательстве.

— Я серьезно: кто-нибудь слышит...?

Последним, что я увидела перед тем, как сила взрыва отбросила меня, было тело Черной Шляпы, распадающееся на миллион крошечных кусочков.

БУМ.

Это произошло менее чем за секунду: я хлопнула ладонью по рычагу, и через комнату пронесся огромный луч энергии. Он расширился и разорвался на части, покидая ствол, как молния, разветвляющаяся в небе.

Мужчины у двери исчезли в бело-голубой вспышке. Я слышала начало их криков — затем мое тело так сильно ударилось о заднюю стену, что у меня онемели уши. На мгновение мир стал темным, и я слышала только пульсацию в моей голове. Затем яркий свет скользнул по моим векам.

Передняя половина дома была охвачена пламенем. Желтые и оранжевые языки жадно лакали деревянные стены. Они слизывали все до сморщенного черного цвета, прежде чем спуститься на пол.

Я знала по опыту, как быстро могло загореться здание. Но я думала, что у меня было достаточно времени, чтобы забрать коробку Уолтера... и, если честно, я пока не хотела уходить.

Кто знал, когда мне снова доведется увидеть такой огонь?

Брендон растянулся на полу передо мной — он лежал на спине, из его головы хлестала кровь. Должно быть, я сильно ударила его, когда отлетела. Затем стол перевернулся и каким-то образом приземлился ему на грудь.

Наверное, это было похоже на то, будто тебя переехал мусоровоз.

— Где ящик Уолтера? — даже крича, я едва слышала себя из-за рева пламени.

— Фу...

Голова Брендона болталась из стороны в сторону. Очертания его тела колебались в пульсирующем жаре. Я сунула револьвер в кобуру и подползла к нему.

— Ящик Уолтера — где он?

Его глаза вылезли из орбит, когда я сжала его за горло.

— Под... кроватью...

За мной была дверь. Было слишком темно, чтобы увидеть это раньше, но огонь освещал все.

Я пригibasась, бросаюсь к двери и плотно закрыла ее за собой. Дым не тонул, а пламя процветало на открытом воздухе — две вещи, которые я усвоила, играя на заброшенных фабриках, теперь поддерживали меня в живых.

В этой комнате было не так много дыма. Я ясно видела кровать, и было легко добраться до нее. Проблема была в том, что под ней лежало штук двадцать коробок, и не было времени их все открывать.

Так что я схватила самую дрянную коробочку, похожую на Уолтера — маленький

деревянный сундучок с крошащимся замком и кривыми петлями — и скользнула в дверь.

Готово. Дом трещал, огонь охватил его, пожирал опорные балки. Он не долго выстоит. Крыша вот-вот рухнет. Все, кто еще был внутри, будут прижаты к земле и сожжены.

Я сунула коробку под мышку и ползла на трех конечностях к краю костра. Я буду пригибаться так низко, как смогу, так долго, как смогу. Но, в конце концов, мне придется встать и бежать.

Брендон застонал, когда я проходила мимо него.

— По... помоги... мне.

Он все еще был в ловушке под столом, пальцы отчаянно царапали его губу — он почти задышался от того, ребра могли быть сломаны. Кровь сочилась из его носа, а глаза расширились от паники. Он снова умолял меня... и на полсекунды мне почти стало его жаль.

Потом я вспомнила, что он пытался меня задушить десять минут назад, и чувство прошло.

— Прости, милашка, — сказала я.

Он кричал, а я ползла к линии огня, но не обращала на него внимания. Пот струился по моему телу, и жар сдавливал легкие. Дым обжигал мне глаза; горячие хлопья пепла падали с потолка, как шершни, покрывая мою кожу волдырями. Узкая нетронутая полоска пола — мой единственный путь к спасению. Дуга огня окружала единственный выход.

Я должна была волноваться, но я не волновалась.

Это была моя любимая часть.

Я побежала к двери, шатаясь под волнами жара, которые били меня из стороны в сторону. Огонь в дверном проеме был так силен, что ушли все силы, чтобы протолкнуться. Одна секунда кипящего в крови жара, одна секунда, когда я ощущала, что мое тело вот-вот рухнет вместе с крышей, — и затем я выскочила на другую сторону.

Я опустила голову и продолжила бежать. Я не останавливалась, пока между мной и всем, что могло рухнуть, не оказался ряд палаток. Когда я, наконец, остановилась, чтобы обернуться, я с трудом могла в это поверить.

Дом, который стоял высоко всего несколько минут назад, почти полностью исчез. Языки пламени в два и три раза превышали дымоход. Оранжевые вспышки вылетали каждый раз, когда взрывалась одна из стеклянных бутылок. Я слышала, как скрипела крыша, слышала хрипы и хлопки, когда балки делали все возможное, чтобы удержать ее.

Четыре обугленных тела валялись на траве за дверным проемом, их кожа пылала красным и потрескивала, как уголь. Вокруг них клубился белый дым. Я знала, что скоро трава загорится. Тогда огонь побежит к палаткам, съест их и съест все, что внутри них.

Весь лагерь Брендона исчезнет к закату.

Вряд ли здесь можно было что-то сделать.

Что-то странное поразило меня, когда я прошла последний ряд палаток и вышла в Ничто. У меня почему-то тряслись ноги. Мои легкие дрожали от неглубоких вдохов. Коробка провисла между моими руками, когда мои мышцы внезапно ослабли — и это странное дрожащее чувство охватило все остальное.

Я добралась до середины холма, прежде чем упасть на колени.

— Что, черт возьми, ты сделала? — крикнул Уолтер.

Я слышала, как его грязные ботинки шлепали по траве, пока он бежал ко мне. Я слышала, как он вопил о том, какую глупость я совершила, как я обрушила адский огонь и

проклятие на наши головы. Но у меня не хватало дыхания, чтобы кричать в ответ.

Слезы лились из моих глаз и размазывали черную сажу по моему лицу. Мои руки тряслись, когда я попыталась их вытереть. Я говорила себе успокоиться и сделать глубокий вдох, но это не помогало.

Что, черт возьми, со мной было не так?

— Вот! Возьми свой дурацкий ящик и заткнись! — я вручила сундук Уолтеру в руки и зашагала прочь от хижины, прочь от холма, прочь от нашего крошечного лагеря у ручья.

Подальше от всего.

— Подожди, куда ты?..

— Мне надоело! — завопила я. Я не знала, почему кричала, почему дрожала или почему мое лицо было залито слезами. — Я закончила, хорошо? Я просто хочу уйти... Я не хочу это делать...

Я снова упала, на этот раз на четвереньки. Я рыдала, как ребенок. Сопли текли из моего носа перевернутым фонтаном. Уолтер, вероятно, думал, что со мной что-то было не так. И мне было все равно.

Я услышала стон скрипящих суставов и знала, что Уолтер присел рядом со мной.

— Что делать, дитя? Чего ты так разволновалась?

— Я просто хочу вернуться... я просто хочу вернуться в Даллас... где хорошие люди... и никто не заставляет меня сидеть на них.

— Что?

— Я была напугана! Я боялась, понимаешь? — выдавила я. — Брендон таскал меня за собой, заставляя делать все, что он хотел. И те другие парни — они меня тоже напугали. Они все смотрели так... будто собирались сделать со мной что-то ужасное. Но я не знала, что... Я была напугана, но я не знала, какого черта я боялась.

Признание этого вслух принесло мгновенное облегчение. Я и не подозревала, что так глубоко хранила эти чувства. Теперь, когда они, наконец, вышли, они не уйдут, пока не вызовут реакцию.

Я повернулась и подтянула колени к груди. Затем я зарыдала в свои руки, а Уолтер неловко хлопал меня по плечу.

— Хорошо, все в порядке. Я понимаю, что ты испугалась — это подлые ребята. Или были, — исправил он себя, бросив взгляд на пылающие руины внизу. — Но, черт возьми, дитя... почему ты просто не ударила его?

— Потому что я не урод! — я рыдала. — Я не сильная, я не нормальная! Я просто... Дефект.

Его рука замерла на моем плече.

— Что?

Я не сразу смогла объяснить: Уолтер плохо слышал, а я сильно гнусавила. Но после еще пяти минут попыток он вроде понял.

— Хм. Что ж, для меня это звучит так, будто ты просто человек, — сказал он. — Нет ничего плохого в тебе, как и в остальных из нас. Эти другие люди — эти Нормалы — они сломанные. Я имею в виду, что за человек оставляет свет включенным на всю ночь, а? Насколько глупым нужно быть?

Он пытался заставить меня чувствовать себя лучше, и я ценила это. Но я все еще была подавлена.

— Прости, дитя, — Уолтер со стоном плюхнулся рядом со мной. Он опустил коробку

между нами и похлопал узловатой рукой по моему плечу. — Я бы никогда не отправил тебя туда, если бы знал, что ты не урод — то есть, ты все еще урод. Но не из тех, кто бьет кулаками. В любом случае... — он тяжело вздохнул, — прости.

— Спасибо, — буркнула я.

Несколько мгновений он смотрел на пламя, а потом хлопнул по коробке.

— Почему бы нам не открыть ее, а? Возьмем кое-что, пока смотрим, как пады получают по заслугам?

— Хорошо, — сказала я.

Уолтер вытащил из кармана ржавый ключ и начал возиться с замком. Я услышала громкий хлопок из дома и подняла взгляд вовремя, чтобы увидеть, как рушится крыша. Она упала на костер внизу, извергая пепел и искры на окружающую траву.

Линия огня уже ползла к палаткам. Но когда воздух вырвался из крыши, он раздул их во что-то существенное.

— О чем ты кричал раньше? — сказала я, наблюдая, как пламя сжигает первую из палаток. — Что-то насчет того, что я втягиваю нас в неприятности?

— Ах, да... ну, — хмыкнул он, сильно поворачивая ключ, — пады не будут счастливы, когда вернутся и найдут своего лидера мертвым, а их дома сожженными дотла. Я бы удивился, если бы за меня не назначили какую-то награду.

— Подожди... как они вообще узнают, что это ты?

— Ну... я мог пригрозить, что сожгу весь лагерь дотла, а потом помочусь на пепел. Но это никогда бы не зашло так далеко, если бы Брендон не лишил меня обманом джемов!

— Чего? — осторожно сказала я.

Уолтер откинул крышку коробки, стало видно с дюжину банок размером с ладонь, уютно устроившихся на ложе из сухой травы.

— Мои джемы! Персик, клубника и много яблок. Вот, — он протянул руку и бросил мне банку, — это ежевика. Меня ужалили одиннадцать раз, пока я пытался собрать эти штуки.

— Ладно... а что такое джем?

— О, тебе понравится — это очень вкусно. Как губы красивой девушки, — он достал откуда-то из своего жилета две кривые ложки и передал одну мне. — Мы посидим здесь, угостимся джемом и посмотрим, как этот лагерь сгорает. А потом мы немного поговорим.

— О чем? — сказала я. Я не знала, были ли у меня силы на разговор. После того, что я только что пережила, я могла бы сидеть в тишине тридцать лет и не устать от этого.

— Ты не можешь вернуться в Мир Уродов. Я знаю, что ты этого хочешь, но это опасно, — твердо сказал Уолтер. — Уроды идут одним и тем же маршрутом каждый раз, когда уходят, и все это знают. Так что тебе лучше поверить, что Граклы будут следить за этой дорогой. Ты могла бы отправиться в путь самостоятельно, если бы захотела. Я бы не стал тебя останавливать. Но, думаю, нам лучше держаться вместе. Нам придется залечь на дно на пару недель, пока это маленькое... — он махнул рукой в сторону пламени, — представление, в которую ты нас втянула, угаснет. Но у меня в Логове достаточно еды, чтобы переждать.

— Логово?

— Да, я так это называю. Немного, но... это дом.

Я не знала, что сказать. Я думала, что, как только он узнает, что я ненормальная, Уолтер не захочет иметь со мной дела. Я думала, что он просто выбросит меня, как мой отец, когда узнал, что я неполноценная. Или как сделал Говард, когда понял, что я не закончу учебу.

Или, как это сделал Ральф, как только у него появился шанс.

Но теперь я сидела рядом с кем-то, кому не могла ничего предложить, и он все еще хотел, чтобы я была рядом. Уолтер мог быть старым и странным, и у него были крошки кукурузной лепешки на всей бороде. Но это не имело значения, потому что он не собирался бросать меня.

И это было... всем.

— Хорошо, — сказала я тихо.

— Что?

— Я сказала, ладно, я буду с тобой.

— Ага? Тогда все в порядке, — он отвернулся на секунду, посмеиваясь сквозь ухмылку. Затем он повернулся ко мне с серьезным выражением лица. — Но если ты собираешься здесь быть, то я должен кое-что знать.

— Что?

— Вещи о мужчинах — например, почему они всегда будут смотреть на тебя, и чего они хотят, когда смотрят. Чему твоя мама должна была научить тебя десять лет назад. Но раз ее нет рядом, — Уолтер тяжело и разочарованно вздохнул, — то, думаю, это должен сделать я.

ГЛАВА 16

НОЯБРЬ 2212

— Что ты сделал? — выдавил Шон.

На его подбородке была рвота. Она была разбрызгана по полу и всему сине-зеленому одеялу Кэндис. Его толстые конечности дрожали, будто они только так могли удержать его в вертикальном положении.

— Чт... что ты сделал? Какого черта ты с ней сделал?

Мэтт покачал головой. Вся краска сошла с его лица, как только он услышал крик Шона. Теперь его кожа была так бледна, что была почти прозрачна.

— Я не хотел...

— Кэндис мертва! Ты, черт возьми, убил ее! — Шон снова повернулся, чтобы посмотреть на ее тело, и его слова перешли в сдавленный вздох. — Ты... ее голова... ее мозги повсюду.

Он согнулся пополам и влажно закашлялся, его тело содрогалось. Он кашлял, пока его лицо не стало багровым, изо рта свисали струйки слюны. Через мгновение он, наконец, отдышался.

— Нам нужно идти, — сказала он, спотыкаясь, пошел к двери.

— Куда? — Мэтт запинаясь.

— К декану. Ты должен рассказать ей, что ты сделал.

— Но я не хотел!

— Мне все равно, — Шон схватил обмякшее тело Тревора и закинул его себе на плечи.

Затем он схватил Мэтта сзади за куртку и толкнул вперед. — Ты кого-то убил. Ты, черт возьми, убил Кэндис, и я позабочусь о том, чтобы ты...

— Нет! Я этого не делал! Все, что я сделал, это сделал... программу, код для стирания вещей. Я не знал, что это превратится в вирус!

— Какой вирус?

— Он должен был стереть учетную запись Мэдисон в АВА — это все, что он должен был сделать! Клянусь! Он не должен был уничтожить все.

Мэтт вскрикнул, когда Шон ударил своим пухлым телом в дверь.

— Вот почему ты это сделал? Вот что это было? — сказал Шон опасно тихим голосом. — Ты убил кого-то из-за *девушки*?

— Я не хотел... — глаза Мэтта покраснели, и в них застыло понимание. Будто вся тяжесть того, что он сделал, наконец, сильно ударила его. — Я просто... я люблю ее...

— Ну, она тебя не любит. Она не хочет тебя. Она выбрала не тебя, — рычал Шон, распахивая дверь. — Вбей это себе в голову, а потом смирись. Блин, Мэтт, ты только что испортил всю свою...

— Эй, Кэндис там?

В коридоре собралась толпа студентов. Многие из них выходили из своих комнат общежития, сжимая в руках различные устройства АВА. Одни выглядели обеспокоенными, другие — раздраженными. Они баюкали свои кубы, очки и шлемы ZOOT, как если бы те были живыми существами, которые внезапно заболели.

Девушка в начале очереди протянула свой куб Мэтту. Из его вершины сияла плоская проекция: белая сфера, полностью покрытая черными пульсирующими лозами.

— Ты программист, верно? Ты знаешь, что это значит?

— Эм, я...

— Он не знает, — рявкнул парень в глубине толпы. — Просто иди и попроси Кэндис позвонить администратору.

Шон крепко сжал своего кузена одной рукой, а другой потянулся, чтобы захлопнуть дверь.

— Вы не можете туда войти.

— Почему нет? — нахмурившись, сказала девушка.

— К-Кэндис больна. Сильно больна, — запнулся Мэтт. Он указал на разноцветные кусочки на черной футболке Шона. — Везде рвота. Тревор тоже это поймал, и посмотрите, что это с ним сделало.

Девушка отпрянула, ее нос сморщился от отвращения.

— Хорошо... тогда кого мы должны...

Кто-то закричал. Из комнаты в конце зала выбежала девушка в желтом платье. Она упала на четвереньки, царапая испещренный белыми крапинами ковер, пытаясь встать. Когда она повернулась, толпа издала коллективный вскрик.

Ее лицо, волосы и вся передняя часть ее желтого платья были залиты кровью. Она покрыла ее тело темными брызгами. Белки ее глаз виднелись в темноте, она закричала:

— Аманда — у нее взорвалась голова! Она взорвалась!

Прежде чем кто-либо успел ответить, погас свет. Солнечные батареи, стоящие вдоль

коридора, умерли с приглушенным гулом. Крики наполнили воздух, мир стал полностью темным. За время, необходимое для включения красного резервного освещения, все здание погрузилось в хаос.

Люди бились за выходы. Черные фигуры мчались по миру, окрашенному в красный цвет. Они толкали друг друга с дороги и махали кулаками, описывая безумные дуги, когда не могли пробиться. Меньшие тела падали на пол, где их быстро топтали.

Мэтт пытался убежать, но Шон прижал его плечи к стене.

— Пойдем, нам нужно в подвал.

— Нет, мы должны выйти! — кричал Мэтт. — Нас раздавят, если мы просто будем стоять рядом...

— Нам нужно выключить энергию. Здание вот-вот закроют, а потом все станет хуже. Ты думаешь, что успеешь добраться до входной двери до того, как АВА захлопнет ее на засов?

Подбородок Мэтта дрожал, он покачал головой.

— Тогда нам нужно двигаться, — сказал Шон. Он повернул тело Тренора так, что его ботинки свесились вперед. — Держись крепче.

Шон был больше, чем большинство учеников. Но теперь, когда он нес Тренора на плече, ноги торчали, как таран, и никто не мог его остановить.

Они либо отскакивали с его пути, либо врезались в стену.

Мэтт спешил за ним, вцепившись пальцами в ткань черной футболки Шона. Он вздрагивал каждый раз, когда мимо них проносилось тело. Пот покрыл его лицо сыпью. Его губы двигались вокруг потока панических слов.

Шон тащил их в конец коридора и использовал свой имплантат, чтобы открыть лестницу обслуживания. Не успели они войти внутрь, как кто-то ворвался за ними.

Это была девушка в желтом платье.

Она все еще кричала. Ее руки были раскинуты перед ней; пальцы выглядели как ухоженные когти. Она сбила Мэтта с ног, и его тело покатило по лестнице. Затем она попыталась пробежать мимо Шона, который обернулся, когда слышит крик Мэтта, и случайно врезался плечом Тренора в середину ее спины.

С тем же успехом он мог ударить ее бейсбольной битой.

Девушка в желтом платье не перестала кричать. Она кричала, а ее тело перекинулось через перила, когда она ударилась о перила третьего этажа, и когда она пролетела еще три этажа после этого. Только когда ее тело упало в подвал, крик, наконец, оборвался.

Шон не смотрел. Он попятился от края, а затем галопом спустился к Мэтту.

— Ты в порядке?

— Думаю, да, — Мэтту повезло: он остановился на лестничной площадке. Его трясло, когда он встал на ноги. Его пухлые руки на секунду скользили по телу, нащупывая раны. — Да, я в порядке.

— Ты уверен?

Мэтт напряженно кивнул.

— Давай просто пойдем. Продолжим движение.

Прежде чем Шон успел ответить, на лестнице пронзительно зазвучал сигнал тревоги.

— Внимание, студенты, — раздался голос АВА по внутренней связи здания. — Квадрат сейчас заблокирован. Повторяю: теперь квадрат заблокирован. Пожалуйста, возвращайтесь в свои комнаты и ждите дальнейших указаний.

— Весь квадрат? — Мэтт перекрикивал сирену.

Челюсть Шона сжалась.

— Это ядерный протокол.

— Что?

— Просто — иди!

Каждый этаж здания таил в себе новый ужас. Студенты стучали по стеклу каждой двери лестничной площадки, кричали, чтобы их пустили. Они все были в крови. Их одежда была порвана. Некоторые держали сломанные конечности или сжимали уши. Мальчик на втором этаже вслепую врезался между стен, его голубые глаза свисали с красных шнурков по обеим сторонам лица.

Когда они, наконец, спустились в темное чрево подвала, то обнаружили, что дверь была заперта.

— Он уже заражен, — сказал Мэтт, указывая на черные лианы, которые пульсировали внутри экрана клавиатуры.

— Да, я это вижу! — прорычал Шон. Он ударил кулаком по экрану и выругался под нос. Через мгновение он вздохнул. — Ладно. Я попытаюсь проникнуть внутрь. Присматривай за Тревом.

Он прислонил тело своего кузена к стене и побежал в чулан с пометкой «Уборщик». Через несколько секунд он вернулся с ломом.

— Лучше начни молиться прямо сейчас, Мэтт, — выдавил он, снимая лицевую панель с клавиатуры. — Тебе лучше начать молиться, чтобы главный контроль не был заражен. Потому что, если он захвачен, нам конец — и я тебя убью.

Под пластиной был клубок проводов. Они были волнистыми и голубыми, наполненными солнечной энергией. Шон вонзил лом рядом с клавиатурой, в щель между рамой и дверью.

— Это заблокирует маглоки, — буркнул он. — Теперь мне просто нужно заставить клавиатуру думать, что у нее нет энергии.

Шон перебирал провода, пока не нашел нужный. Он вытянул его ровно настолько, чтобы образовался изгиб, а затем зажал этот изгиб.

Он будто перекрутил садовый шланг: когда провод перекрыт, энергия не может достичь клавиатуры. Синий свет отступил за пальцы Шона и медленно истощил все остальные провода. Когда крышка закрылась, лом удерживал магнитные замки от соединения.

Шон ждал, пока не услышал стук, и подал сигнал Мэтту схватиться за дверь.

— Как ты догадался это сделать? — сказал Мэтт, открывая ее.

— Я работал в ремонтной бригаде несколько лет, прежде чем заработал достаточно кредитов, чтобы подать заявление в колледж. Не у всех из нас богатые родители, — буркнул Шон.

Все, что мог сказать Мэтт, заглушилось пронзительным криком.

Тревор. Он проснулся и теперь пытался встать на ноги. Его пальцы царапали шлакоблоки; его глаза выпятились от ужаса. Даже после того, как Шон схватил его за плечи, он мог только кричать.

— Все в порядке, Трев! Все в порядке, мы отнесем тебя в...

— Смотрите! — закричал он.

Они обернулись, и оба мальчика охнули, когда увидели пару ухоженных рук, цепляющихся за основание лестничной клетки. Девушка в желтом платье каким-то образом

пережила падение. Она выползла из темноты с белыми и умоляющими глазами под окровавленной маской, закрывающей ее лицо.

— Мои ноги, — всхлипывала она. — Боже, мои ноги!

Они тянулись позади нее, согнутые под восемью разными углами и блестящие от крови. Сквозь сморщенную кожу на бедрах торчали сломанные кости. На полу было так много крови, что она оставляла за собой темное пятно.

— Иди, — сказал Шон.

— Но что насчет...?

— Иди! — он взял Тревора под мышки и бросил в комнату техобслуживания. — Используй решетку, чтобы заблокировать дверь, если мы не сможем пройти через АВА.

Мэтт сделал, как ему сказали. Он опустил лом рядом с рамой и позволил двери двигаться, пока она не хлопнула. Мучительные мольбы девушки все еще отчетливо доносились через щель.

— М-мы должны помочь ей.

— Поможем, — сказал Шон. — Но сначала нужно отключить систему АВА.

Мэтт покачал головой.

— Но... но если вирус уже у дверей...

— Тогда у тебя нет времени на «но»! Просто заткнись и исправь это, — прорычал Шон. Посередине лба вздулась вена. Она пульсировала, злая и синяя, он тянул Тревора к двери. — Если ты не взломаешь управление, я запрю тебя здесь.

— Нет, пожалуйста!

— Клянусь, я запрю.

— Нет...

— Я закрою эту дверь, и никто не сможет услышать твой крик. Если повезет, ты здесь, черт возьми, умрешь с голоду.

Мэтт повернулся, чтобы посмотреть на экран обслуживания. Он заскулил, увидев черные лианы, которые начали выползать из верхнего угла.

— Н-начинается.

Шон схватил дверную ручку и сильно дернул ее.

— Тогда тебе лучше начать взламывать.

Тревор не слышал, что они говорили. Но его глаза расширились, когда Шон подтащил его ближе к лестничной площадке.

— Нет, я не хочу возвращаться! Пожалуйста, не выводи меня оттуда!

— Взломай управление, Мэтт!

— Но...

— Сделай это сейчас.

В голосе Шона было много ярости, а в его лице — еще больше. Сигнализация АВА вопила. Она становилась громче с каждой секундой — будто она чувствовала, что лозы вот-вот разрушат ее служебный портал.

Шон не собирался отступить.

Вирус не остановится.

У Мэтта не было выбора.

Он бросился к экрану обслуживания. Пот стекал по его лицу, а пальцы двигались как в тумане. Окна открывались. Настройки безопасности были нарушены. Код двигался через панель команд так быстро, как Мэтт мог его вбить.

Вирус начинал распространяться. Сначала медленно, но по мере того, как он жевал экран, он быстро набирал скорость. Когда лозы погрузились в окно с пометкой «Внутренний климат», аварийная сигнализация АВА внезапно отключилась.

— Ты это сделал? — крикнул Шон, его голос был слишком громким для тишины.

— Нет, — Мэтт застонал, увидев, куда делись лозы. — Нет, нет...

Прежде чем он успел объяснить, вентиляционные отверстия в потолке с громким лязгом открылись. Что-то с ревом пронеслось по металлическим проходам — что-то с достаточной силой, чтобы сотрясать стены и сбрасывать пыль с полок.

— Что это за фигня? — Тревор схватил Шона за воротник его футболки. — Что творится? Что за...?

Из вентиляционных отверстий вырвался поток тепла. Это было похоже на хлопки костра — тепло настолько концентрированное, что почти становилось жидким. Волны вырывались из вентиляционных отверстий и быстро заполняли комнату.

Шон и Тревор прижались к стене, обеими руками обхватив головы. Но Мэтт не сдавался.

Экран техобслуживания был почти полностью разрушен. Ему осталось поработать над одним маленьким уголком, и его пальцы стучали так быстро, как только могли. Кожа на его лице покраснела; его костяшки начали шелушиться. Он ввел последнюю команду в систему и присел.

Он остался, плотно свернувшись калачиком, пока вирус продолжал свою атаку. По мере того, как проходили секунды и нарастал жар, незакрытые участки его кожи начали покрываться волдырями и гореть. Из вентиляционных отверстий вырывались искры. Где-то в глубинах климатической системы грохотал опасный оранжевый гром. Он набухал, грозя вырваться наружу и поджечь все здание...

— Внимание, студенты: система АВА инициирует последовательность отключения. Сейчас система АВА отключится...

Ее голос замер на середине оповещения. Серия резких щелчков эхом раздалась на лестничной клетке, когда все двери отперлись. Тревоги не было.

АВА не было.

— Дерьмо, — сказал Шон. Его руки дрожали, когда он убрал их с головы. На спине его футболки были дыры, а на коже — злобные красные пятна. Он недоверчиво смотрел на Мэтта. — Ты сделал это.

Он кивнул в ответ. На его глаза навернулись слезы, а на его пухлом лице были неглубокие ожоги. Его так сильно трясло, что Шону пришлось помочь ему встать на ноги.

Дым поднимался над джинсовой курткой Тревоора. Жар от вентиляционных отверстий высушил его уши. Кончиком мизинца он убирал густые черные хлопья крови из их каналов.

— Что это было?

— Как твои уши? — сказал Шон.

Тревор дернул себя за мочки.

— Я вроде как слышу. Все звенит.

Шон кивнул, его челюсти были сжаты.

— Хорошо. Нам все еще нужно отвезти тебя в больницу.

— Да, но, — Тревор осмотрел комнату с открытым ртом, — что происходит? Что случилось, пока меня не было?

Мэтт наклонил голову, его лицо пылало от ран.

— Я...

— Мы не уверены, — влез Шон, пристально глядя на Мэтта. — Что-то случилось с АВА — что-то плохое. Это все, что мы знаем. Пошли, — он пересек комнату и открыл металлический люк, вделанный в стену, — коридор будет полон. Мы будем использовать служебные туннели.

— Подожди, а что насчет той девушки? — Тревор бросился к двери. Через несколько секунд он вернулся, качая головой. — Она... она мертва.

* * *

Их общежитие находилось в комплексе с тремя другими. Они образовали кольцо, которое в университете называли четырехугольником. Со зданием Мэтта и Шона все было в порядке: студенты, которые выбежали из его выходов, были напуганы. Они были немного окровавлены и обожжены — но будут жить.

Чего нельзя сказать об остальной части квадрата.

— Боже, — Тревор выпрыгнул из туннелей и сразу же направился к внутреннему двору посреди зданий. — Боже...

Там, где когда-то стояли другие общежития, бушевали три столба огня — четыре этажа из тлеющих углей и расплавленной стали, окруженные башнями желтого пламени. С их вершин клубился густой черный дым. Он поднимался с таким же бешеным жаром, как и пожары под ним, собираясь в облако, достаточно плотное, чтобы закрыть небо.

Звук, доносящийся из горящих общежитий, наполнял двор непрерывным раскатом грома. Он был настолько громкий, что даже Тревору пришлось заткнуть уши.

— Я думал, ты его закрыл! — кричит он, перекрывая шум.

— Я... да, — Мэтт схватился за лицо и качался на пятках, будто боролся за то, чтобы оставаться в сознании. — Да... но поскольку я отправил команду с нашего портала, наше общежитие было закрыто первым. Смотри...

Он указал на другой конец двора, где одно из горящих общежитий почти не было повреждено. Его входная дверь была приоткрыта. И сразу за входом в эту дверь находилась гора тел — костер из искривленных конечностей и обугленной плоти, вываливающийся из двери, поднимаясь до середины рамы.

— Они пытались. Они пытались выбраться... но...

Шон последним вышел из туннелей. Он споткнулся из темноты и, увидев квадрат, упал на колени. Он ничего не говорил: его глаза были пустыми, когда они смотрели на горящие общежития, а рот был в шоке приоткрыт.

Черный фургон появился на дороге позади них, мигая фарами и воя сиреной, перекрывая рев пламени. Его шины визжали, останавливаясь. Затем задние двери распахнулись, и из них вывалилась дюжина охранников кампуса.

— Очистить двор! Отойдите от зданий!

Охранники были облачены в спецкостюмы: бронированные панцири, специально оборудованные для личной защиты и управления кризисными ситуациями. Они функционировали как экзоскелеты, увеличивая рост охранников и досягаемость их конечностей, а также повышая их силу до нечеловеческого уровня.

Костюмы для бунта также могли выдерживать температуру более тысячи градусов.

— Очистить двор!

Мимо Шона пронесся охранник, его голос усиливался через динамик костюма. Цифры и символы струились по голубому защитному щитку на передней части его шлема. Глаза

охранника скользили по этим данным, он спешил на помощь ближайшей группе студентов.

Следующими прибыли медики. Они приехали со станций по всему кампусу, каждая из которых вела небольшие тележки на солнечных батареях, предназначенные для быстрого преодоления пробок.

Большинство медиков не заметили мальчишек, притаившихся возле служебных тоннелей. Но одна молодая женщина увидела их.

— Здесь все в порядке? — она опустилась рядом с Мэттом и начала осматривать ожоги на его костяшках пальцев. — Я нанесу немного геля. Похоже, у тебя есть и синяки. Каков твой уровень боли?

— Эм...

— У нас все хорошо, — резко сказал Шон. Он схватил аптечку женщины и сунул ей в руки. — Помогите тем детям во дворе — они действительно в этом нуждаются.

Она неуверенно посмотрела на Мэтта.

— Я должна, вероятно...

— Нет, я в порядке, — заверил он ее. — Пожалуйста, пожалуйста, просто помогите другим.

— Хорошо. Но тебе нужно что-то положить на эти руки, — сказала она, убегая прочь. — Почисти их и держи... ах!

Энергетический луч ударил женщину в бок. Он швырнул ее тело в ствол раскидистого дуба. Прежде чем мальчики успели среагировать, прежде чем женщина успела дотянуться до ожога на ребрах — прежде чем кто-либо из них успел даже вздохнуть, она исчезла в яростном граде лучей.

— Обнаружена угроза, — чирикнул роботизированный голос.

Мальчики распластались на траве, а мимо них прошел охранник. Его руки были вытянуты, и оба его наручных пистолета извергали лучи так быстро, как только поворачивались их патронники. Они продолжали вращаться после того, как униформа медика вспыхнула пламенем, даже после того, как большая часть ее кожи исчезла, и еще долго после того, как ее тело перестало дергаться.

Это было ужасно делать. Ужасный способ умереть. Но охранник не мог остановить это: его глаза расширились от шока, вены вздулись клубком на шее, его рот шевелился, исполняя серию безумных команд.

Он пытался остановить костюм. Он кричал, чтобы это прекратилось. Но охрана, кажется, не справилась. На самом деле он был в ловушке.

На экране его шлема мигало красное сообщение: *включен автобунт*.

— Обнаружена угроза, — говорил роботизированный голос. Еще через несколько лучей костюм остановился. — Угроза нейтрализована.

— Обнаружена угроза.

Еще град лучей прорвался через двор, когда второй охранник потерял контроль над своим костюмом. Потом третий. Потом четвертый. Вскоре каждый шлем светился красным с мигающим сообщением о бунте. Ни слова, ни действия охранников не могли остановить бойню: они были заперты в своих костюмах, были вынуждены смотреть, как они убивали студентов и медиков.

Некоторые сгорали заживо; других раздавили насмерть. Один костюм схватил убегающего студента за руку и поднял его тело высоко над головой. Одним быстрым движением он порвал ученика пополам.

— Мы должны выбраться отсюда! — визжал Тревор.

— Нет! Оставайся внизу!

Шон прижал кузена к земле за джинсовую куртку и крепко держал. Костюмы, казалось, привлекало движение: они целились в спины убегающих студентов, стреляли по их ногам меткими лучами, прежде чем наступить им на головы.

Мальчики прижались к траве, пока последний из костюмов не пробежал мимо. Затем Шон тихо сказал:

— Направляйся к телегам.

Мэтт покачал головой.

— Я не думаю, что это хорошая...

— Мы должны выбраться отсюда, — прошипел Тревор. Он кивнул Шону. — На счет три.

— Один...

— Два...

— Вперед!

Они встали на ноги и побежали к дороге. К тому времени, как Мэтт догнал его, Шон и Тревор уже пристегнулись на переднем сиденье.

— АВА, отведи нас в кабинет Дина Скаффера, — сказал Шон, постукивая по своему импланту.

Полоса света мерцала на приборной панели, пока АВА пыталась обработать его команду.

— Извини, Шон, но, похоже, ты не уполномочен управлять этим транспортным средством.

— Это чрезвычайная ситуация, АВА, — натянуто сказал Шон.

Чрезвычайная ситуация — это фраза, которую следовало использовать только в самых отчаянных обстоятельствах. Людей сажали в тюрьму, если они нарушали экстренный протокол АВА, и они не выходили на свободу в течение пятнадцати-двадцати лет.

Несмотря на то, что кровавая бойня в квадрате была связана с чрезвычайной ситуацией, Шон все еще морщился, когда АВА ответила:

— Чтобы инициировать экстренный протокол, мне требуется устное подтверждение. Ты уверен, что это чрезвычайная ситуация, Шон?

— П-подожди! — Мэтт покраснел и задыхался. Он хрипел, забираясь в заднюю часть машины. — Ты не можешь сказать ей, что это чрезвычайная ситуация!

— Ты видел, что костюмы сделали с теми детьми? — выл Тревор.

— Но если ты скажешь, что это срочно, она...

— Ты уверен, что это чрезвычайная ситуация, Шон? — снова сказала АВА.

— Да, — крикнул Шон, ударяя кулаками по рулю. — Да, черт возьми, это чрезвычайная ситуация!

— Хорошо, Шон, теперь у тебя есть разрешение использовать этот автомобиль в экстренных целях. Я отправила предупреждение в местное отделение полиции и передала данные о твоём местоположении.

Лицо Шона стало белым.

— Вот дерьмо.

— Я пытался тебе сказать! — кричал Мэтт.

Шон не ответил. Его лицо дергалось, имплант посылал импульс по его нервам, мягко

напоминая ему не ругаться.

Голова Тревора вертелась между передним и задним сиденьем.

— Что? Что не так?

— Мы не убивали. Вирус распространяется, — выдохнул Мэтт. — Эти костюмы для бунта — они никогда не были связаны с общежитием. Все, что они сделали, это оказались поблизости, и они заразились. И если ты думаешь, что эти костюмы были плохими, просто подожди, пока не появятся полицейские роботы.

— Вирус? — сказал Тревор. — Что...?

— Он попал в АВА, не так ли? — вмешался Шон. У него побелели костяшки пальцев, когда он сжал руль. — В настоящую АВА. Он проник во всю систему АВА.

— Д-думаю, да, — кивнул Мэтт. — Так что все, что связано с ней, будет заражено.

Шон фыркнул. Пот струился по его лбу и стекал по глазам.

— Это все. Весь мир.

Мэтт молчал какое-то время. Он смотрел на Шона, который глядел в зеркало обзора. Тревор кричал на них, у него было полно вопросов. Но ни один не ответил.

Наконец, Мэтт покачал головой.

— М-мы могли бы попытаться вырезать это, Шон. Я не могу придумать иное...

— Нет. У нас нет времени.

Шон протянул руку вперед и толкнул машину. Только он из мальчиков умел управлять транспортным средством. Мэтт не сможет сдать тест еще полгода; Тревор должен был ждать еще три года.

Шон водил машину только с сентября, но он управлял ею так, будто родился с рулем в руках.

— Это как гонщик ZOOT, — сказал он, когда Тревор спросил.

Он с трепетом наблюдал, как Шон вывозил их из кампуса, из окружающего города на широкое шоссе, ведущее на север. Машина скрипела, Шон разогнал ее до такой скорости, на которую она не была рассчитана. Он мчался сквозь поток машин с точностью водителя бота, подталкивая их к многокилометровому участку сельскохозяйственных угодий за городом.

— Придется держаться подальше от городов, людей — всего, что может быть связано с АВА, — сказал Шон. — Прятаться здесь, пока моно. Нужно... аргх!

Его тело внезапно сжалось вокруг руля. Костяшки пальцев побелели; голова тряслась, глаза закатились. Машины гудели, и вокруг них поднимался белый дым от тормозов, машина мчалась сквозь три полосы движения.

Тревор схватил своего кузена за руки и попытался стащить их с руля.

— Шон!

— Нажми на тормоза! — закричал Мэтт.

Тревор слепо ударил ногой. Машина с ревом открылась и понеслась к травянистому оврагу посредине. Группа грузовиков двигалась в другом направлении. Их водители-боты обнаружили машину, когда она скользила по траве. Они затормозили, чтобы избежать столкновения, наполняя воздух вихрем дыма и парами горячей резины.

Но тормозов не хватило. Боты не могли остановиться, и тележка вот-вот будет раздавлена.

Мэтт отстегнулся и перепрыгнул через переднее сиденье. Он вырвал руль у Шона, который был в пене и трясся, будто вот-вот мог захлебнуться, и резко направил их влево.

Машина попала в щель между грузовиками. Голова Мэтта склонилась из-за того, что он

прорезал туннель раскаленного дыма. Он держал руки на руле, толкая машину через еще две полосы движения, и въехал в кювет.

— Нажми на тормоза! — закричал он снова.

— Я пытаюсь! — кричал Тревор. Он боролся с болтающимися ногами Шона, пытаясь дотянуться до крайней левой педали. — Я не могу...

Машина наехала на рыхлый участок земли и резко врезалась в ствол соседнего дерева. Тревор и Шон отлетели в приборную панель; Мэтт вылетел и ударился о землю спиной.

Долгое время никто не шевелился. Мальчики на переднем сиденье изо всех сил старались оставаться в сознании, а Мэтт корчился на земле перед ними, пытаясь дышать.

На шоссе визжали тормоза, движение останавливалось. Боты-грузовики зафиксировали столкновение и отправляли сигнал в местную полицию. Они не поедут, пока не прибудет полиция, а пока они ждали, движение будет остановлено.

Прошло несколько тихих минут. Затем вдалеке завывли сирены.

— Шон...? — Тревор неуверенно протянул руку. — Шон? Ты...?

— Я в порядке, — натянуто сказал Шон. Он откинулся на спинку сиденья, свесив руки по бокам. По его губам стекала струйка слюны, но он не пытался смахнуть ее. — Залезай под машину, Трев.

— А нам не нужно дождаться полиции?

— Я поговорю с полицией. Просто лезь под машину.

Тревор выглядел сбитым с толку, но делал то, что говорил Шон. Мэтту потребовалось несколько секунд, чтобы отдышаться и оторваться от земли. На его руках были порезы и царапины, а сзади на куртке была толстая полоса грязи. Но в остальном он был целым.

Мэтт повернулся и прислонился к машине, тяжело дыша, пока его глаза блуждали по лицу Шона.

— Это был твой...?

— АВА... она просто начала шокировать меня без всякой причины... и не останавливалась, — сказал Шон почти шепотом. Горячие слезы выступили в уголках его глаз, когда он произнес. — Я не могу пошевелиться.

— Боже... — лицо Мэтта побледнело, а Шон дрожал от потока гневных слез. Он нащупал водительскую дверь и открыл ее. — О, боже... ладно, мне нужно отвести тебя куда-нибудь к компьютеру. Если я смогу подключить тебя и сделать сброс, то, может...

— Полиция едет, — перебил Шон. Позади него пара красно-синих огоньков пронеслась сквозь припаркованные машины к грузовикам. Их сирены выли, когда они остановились. — Ты должен спрятаться.

Мэтт покачал головой.

— Возможно, вирус еще не добрался до них. У полиции больше защиты, чем...

— Прячься, — прорычал Шон. Его глаза встретились с глазами Мэтта, и они не двигались с места, когда он прошептал. — Позаботься о Треве, хорошо?

— Шон...

— Он не знает, что ты это сделал. Никто не знает. А если узнают, то убьют тебя, — сквозь зубы сказал Шон. — Ты ничего не скажешь об этом, хорошо? Ты закроешь свой жирный рот и позаботишься о Треворе. Обещаешь?

Мэтт кивнул.

— Хорошо. А теперь лезь под машину.

Полиции понадобилось около минуты, чтобы найти их. Два бота выкатились на поле,

где стояла машина. Их тела превратились в существ, похожих на гигантских металлических пауков, с полными грудями зарядных пушек.

Они уже были испорчены, их командные порталы светились пульсирующими черными лозами.

— Шон Мендес, — хором прошептали боты. — Вы нарушаете последовательность АВА в чрезвычайной ситуации и отмечены как возможная угроза. Пожалуйста, поднимите руки над головой, чтобы начать капитуляцию.

Шон не ответил. Он не мигал. Он смотрел прямо перед собой, туда, где полуденное солнце только выглянуло из-за облаков и окрасило сероватые поля чем-то, похожим на золото. Слезы текли по его лицу и по стиснутым зубам. Но он не издал ни звука.

Боты открыли огонь без предупреждения.

И они не прекращали почти целую минуту.

Мэтт зажал рот Тревора ладонью и держал так сильно, что вдоль линии подбородка остались небольшие синяки от отпечатков пальцев. Ему удалось удержать его, пока боты не проверили машину и не отправились обратно на дорогу.

Когда Тревор увидел тело на переднем сиденье, чье лицо было обожжено так сильно и с таким жаром, что все черты рухнули внутрь черепа, он завизжал.

Люди не могли таять.

Это я постоянно повторяла себе, лежа в колючей траве, солнце било меня в спину, и я пыталась понять, что, черт возьми, мог сделать Уолтер, чтобы превратить этот быстрый бег в многочасовое ожидание.

Люди не могут расплавиться.

Уже почти два дня, судя по тому, где было солнце. Я бы сказала, что здесь было намного больше ста градусов, а вероятность дождя была меньше нуля. Воздух был неподвижен, и сорняки повисли. Если бы не бутылка на бедре, я бы сморщилась рядом с ними.

Я многому научилась за последний месяц или около того, как бы долго это ни было. Уолтер научил меня некоторым полезным вещам, бесполезным вещам и немалому количеству того, что я не хотела знать. Но знать лучше, чем не знать — это мне постоянно говорил Уолтер. И, казалось, я понимала его точку зрения.

Ничто не казалось таким страшным теперь, когда я знала, как с ним жить.

Я тоже становилась жестче. Моя кожа больше не горела. Волдыри на руках и груди лопнули через несколько дней после того, как появились. Затем они подсохли и начали отслаиваться тонкими белыми полосками — зудящая стадия заживления, которая продолжалась почти неделю.

Кожа оставалась всюду. Внутри моего комбинезона, моего постельного белья и везде, где я случайно оказывалась. Уолтер продолжал кричать на меня, чтобы я прекратила линять по его стороне Логова. Я боялась, что никогда не смогу отрастить все это обратно. Но, в конце концов, это того стоило.

Я лежала на солнце сейчас, верхняя половина моего комбинезона была опущена до нижней майки, плечи были полностью открыты — и мне все еще не нужно было беспокоиться о том, что я могла обгореть. Солнце могло щипать меня сколько угодно: я только загорала.

Другим делом была жара.

Август всегда был худшим месяцем в году. Единственный раз, когда я потеряла сознание на работе, был в августе. Билл тронулся без меня, и мне удалось пробежать полквартила, прежде чем мои глаза закатились, и мое тело упало на тротуар. Через несколько минут женщина нашла меня без сознания на ее тротуаре и подумала, что я мертва.

Результатом стала паника в районе: все высыпали из домов и беспомощно столпились вокруг меня, а местная больница пыталась справиться с беспрецедентным обнаружением трупа на улице. В итоге им пришлось изолировать Цитрин, пока Лаборатория не пришла за мной.

В Далласе смерть вне больницы была неслыханной. Но никого не волновало, умрете ли вы, в Ничто, а уж тем более как и где.

За последнюю неделю я видела больше трупов, чем, наверное, здорово для человека моего возраста. Уолтер не чувствовал запаха кошмаров, которые он всегда выпускал посреди ночи, но зато мог учуять запах чьей-то гнили за милю во всех направлениях.

Буквально вчера он шел по запаху до какого-то человека, которого задавило деревом.

— Хм. Тупой идиот, — Уолтер присел рядом с трупом, явно не обращая внимания на рой мух и зловоние, от которого волосы вставали дыбом. — Ты видишь, что он сделал, да?

— Нет, — я ничего не видела: мои глаза так слезились, что я ожидала, что они утонут.

— Ну, угадай. Ты пробыла здесь достаточно долго, чтобы знать, как это работает, —

огрызнулся он, когда я начала протестовать. — Если хочешь жить, ты должна смотреть на такого идиота и понимать, что он сделал не так. Тогда ты должен стать лучше.

По оценке Уолтера, все мертвые были идиотами. И каждый идиот, которого мы находили, был возможностью научить меня чему-то в жизни.

Вот почему никогда не стоит драться с барсуком.

Вот почему нельзя заливать горящий жир водой.

И именно поэтому всегда нужно дважды проверять наличие шершней — потому что они не расскажут сладко сами.

Да, взгляд на кого-то, кто был разорван на части, сожжен заживо или ужален до неузнаваемости, помогал мне запомнить некоторые вещи. Я просто хотела, чтобы это было не так отвратительно.

Потребовалось всего пару взглядов, чтобы понять, почему мужчина убил себя: он рубил дерево с горы. Я никогда раньше не рубила дерево, но не нужно опыта, чтобы понять, почему его задавило. Нельзя было ожидать, что что-то такое большое и тяжелое упадет вверх.

— Но дерево просто ударило его по ногам. Придавило его на земле, — размышлял Уолтер.

Он застонал, перешагивая через живот трупа. Он раздулся до такой степени, что кожа на груди начала трескаться, образуя неглубокий овраг из свернувшейся плоти. Горстка мух забила в этот овраг так плотно, как только могла, в то время как другие нетерпеливо жужжали вокруг, вонзаясь в распухшую выпуклость его живота.

Одно неудачное попадание могло привести к тому, что все взорвалось бы.

Это было все равно, что стоять рядом с проклятой бомбой.

— А, вот что его убило, — Уолтер ткнул багровым пальцем в руку трупа, — этим топором он ранил себе запястье вот здесь. Много крови течет по твоим запястьям. Лох, должно быть, истек кровью...

Уолтер уперся сапогом в вершину дерева, оказывая еще большее давление на труп и заставляя мокрое облако гниющей плоти вырываться в и без того гадкий воздух.

— Но истекать кровью быстрее, чем умереть от голода... ха. Ну, может, он и не был глуп, — признал Уолтер, ворча, — но все же идиотом был.

Я больше всего боялась, что Уолтер когда-нибудь осмотрит мой труп и назовет меня идиоткой. Поэтому, несмотря на то, что мне было жарко, я устала и вспотела до такой степени, что у меня на спине образовались небольшие лужицы, я заставляла себя обращать внимание.

Уолтер мог вернуться в любой момент, и когда он вернется, он будет не один.

Я ждала в заросшем поле, сразу за склоном холма с плоской вершиной. Два ряда ржавых столбов спускались с холма и кончались примерно в пятидесяти ярдах от меня. Я думала, что это была часть забора. Проводка, проложенная между столбами, исчезла — либо оборвана, либо заржавела. Но несложно было представить, как это выглядело раньше.

Последняя идея Уолтера — или, скорее, последняя попытка Уолтера проверить пределы нашей смертности — использовать этот старый забор как ловушку. Он собирался направить стадо коров за холмом и между этими столбами. Как только они будут вынуждены спускаться вниз вместе, я смогу забрать любую корову, которую захочу.

— Но не слишком большую корову, — предупредил меня Уолтер. — Большие становятся жесткими.

Мой план состоял в том, чтобы застрелить первую корову, которую я увижу, а затем

убраться с дороги.

Рядом со мной на земле лежал пистолет. Уолтер называл его коровьей плитой, но я думала, что раньше это был дробовик: солнечное оружие с таким мощным лучом, что камера полностью заряжалась примерно за пятнадцать секунд.

Дробовик был опасен сам по себе. Но Уолтер добавил почти фут к длине дула, используя помятую металлическую трубку и толстую полосу самодельного клея.

Я не знала, что было внутри, и боялась спросить. Все, что я знала, это то, что вонь была до небес. Он позволял клею бродить в горшке в задней части Логова, и когда ветер дул в ту сторону, вонь, исходящая из этого горшка, заставляла меня чувствовать, что я жила внутри облака. Затем, как только ветер переставал дуть, у меня начинала ужасно болеть голова.

Трудно было сказать, выдержит ли шаткое дополнение к стволу Уолтера выстрел из дробовика. Он клялся, что стрелял из него раз двадцать без каких-либо проблем. Но я искренне боялась, что двадцать первого раза может быть достаточно, чтобы сломать его.

Я бы чувствовала себя лучше, если бы могла пойти дальше и нажать на рычаг. Знание того, как плита справляется с полной зарядкой, многое сказало бы мне о том, безопасно ли нажимать на курок.

Но дробовики потребляли массу энергии — гораздо больше, чем револьвер. По стеклянному счетчику над камерой я видела, что в кристалле осталось всего около двадцати процентов энергии. И, по словам Уолтера, шансы на то, что мы найдем другой, достаточно большой, чтобы заменить его, были довольно малы.

Если оставить пистолет на зарядке, кристалл будет расходоваться еще быстрее. Так что мне придется дожидаться сигнала Уолтера, прежде чем зарядить его.

Я только встала, чтобы размять ноги, когда услышала что-то странное. Это звучало очень похоже на гром, если бы гром начал выходить из-под земли. С вершины холма поднималась полоса пыли; огромные зелено-желтые кузнечики вылетали из сорняков, словно бежали от дьявола.

Затем я услышала бешеный визг гудка Уолтера, рассекающий воздух:

Бип! Пип!

Это был не сигнал. Предполагалось, что это будет три быстрых сигнала — не один быстрый сигнал, а затем еще один, который звучал так, будто кто-то столкнул его с крыши. Но Уолтер был настолько стар, что мог просто забыть.

Я сунула ботинок под дробовик и подбросила его в руки — одна из полезных вещей, которым я научилась, — а затем сильно нажала на рычаг.

Коровья плита начала заряжаться, еще сильнее дрожа в моей руке, наполняясь энергией. Я крепко прижала его к плечу и направила ствол на воронку. Я уже видела, как полицейские тренировались со своими дробовиками, и я знала, что такое отбрасывало достаточно сильно, обязательно столкнуло бы меня прямо в траву, если я не буду осторожна.

Так что я устроилась и приготовилась стрелять.

Через три секунды я поняла, что что-то было не так.

Уолтер ехал через холм первым. Он гудел и вопил, как сумасшедший. Байк вилял, когда он махнул мне рукой, и он был опасно близок к тому, чтобы разбиться о столбы.

Я не могла разобрать, что он говорил. Но с этим придется подождать: мне нужно было разобраться с коровой.

Они неслись через холм позади Уолтера, ударяя копытами по земле, тянули свои массивные тела вниз по склону — и они были массивны. Фотографии, которые я видела,

даже близко не отражали того, насколько большой могла стать корова. Если бы я спланировала три велосипеда вместе, я могла бы получить что-то весом и ростом с корову.

Могла бы.

— Ради бога, Уолтер, — ворчала я, пытаюсь найти место, куда можно выстрелить лучом. Он должен был ехать позади стада, а не впереди. И теперь он так сильно вертелся, что я не могла прицелиться. Он мог оказаться прямо перед лучом, что бы я ни...

— Беги! Беги, черт возьми!

Уолтер, наконец, подобрался достаточно близко, чтобы я могла слышать, что он кричал.

К сожалению, было уже слишком поздно.

— Беги! — Уолтер снова кричал. — Б...!

Глубокий, сотрясающий ребра рев перекрыл его голос. Я посмотрела налево от воронки и увидела самое большое существо, которое когда-либо ступало по земле.

И оно злилось.

Я знала, как выглядели быки: они были крупнее коров, а на голове у них были огромные изогнутые рога. Я знала, что быки были быстрыми и громкими, и очень-очень злыми. Но я не знала, что они могли гнуть металлические столбы забора, будто они были сделаны из резины.

Уолтер, должно быть, тоже этого не знал. Он крутил руль так сильно, что байк чуть не опрокинулся. Если бы он не настоял на том, чтобы взять с собой свою чертову бочку с солью, он мог бы двигаться быстрее и поворачивать резче. Но с этой штукой, привязанной к задней части мотоцикла, удивительно, что он выбрался из поворота живым.

Бык прорвался сквозь забор, не сбавляя темпа. Из его рта текла пена, а глаза закатились до белков. Как только он вырвался на открытое поле, его толстые ноги согнулись под ним в рывке, который должен был подпитываться яростью — глубочайшим источником ярости, в которую только могло впасть четвероногое существо.

И Уолтер, черт возьми, ехал не так быстро, чтобы спастись.

У меня не было выбора, кроме как попытаться спасти его шкуру. Я подняла оружие и прицелилась на голову быка, где, я надеялась, оно нанесет достаточно вреда, чтобы остановить его.

Уолтер и бык неслись, будто находились на двух противоположных концах одной змеи. Дуло качалось, я пыталась идти по их пути. Я не знала, выстрелю ли метко и буду ли я вообще целой после того, как нажму на спусковой крючок. Я волновалась, пока мои руки не начали трястись.

Затем что-то произошло.

В тот момент, когда я собиралась стиснуть зубы и сделать дикий выстрел, появилась еще одна пара рук. Они отделились от моих иплыли перед моим взором, как цветная тень. Эти руки были больше. У них были такие же веснушки, но гораздо больше шрамов. Руки уверенно двигались, наводя на быка заштрихованного двойника дробовика.

Я не знала, что еще делать, поэтому перевела прицел в соответствии с тем, куда целились руки. Затем я сделала глубокий вдох... и нажала на курок.

Луч вылетел из дула и устремился к быку. Лучи дробовика должны были выходить веером, но дополнительная длина этого ствола удерживала энергию, свернутую в тугую спираль, до тех пор, пока она не попала в быка, а затем рассеялась веером.

Одна сторона головы быка взорвалось, и огромное черное тело упало на землю, как камень. Это произошло так быстро, что Уолтер сделал несколько шагов, прежде чем понял,

что бык был мертв.

— Чт...? Нет! Не стреляй в него! — он обернулся и указал на стадо, гремящее позади меня. — Бей по одной из них! Ударь по хорошей!

Я пыталась, но дробовик разрядился. Следующий луч пролетел полпути до ближайшей коровы, после чего распался в воздухе.

Когда Уолтер, наконец, перебрался ко мне, он хотел содрать с меня шкуру.

— Я сказал тебе одну вещь. Да, урод? Я сказал, не стреляй по большому. И что ты сделала? — он сорвал с головы зеленоватую шляпу и шлепнул ею по бедру. — Ты взяла и подстрелила самого большого из них!

— Да, потому что он собирался растоптать тебя! — сказала я. — Ты видел, что эта штука сделала с забором? И это дерьмо на колесах, которое ты называешь байком...

— Эй, не говори о моем байке!

— ... не имело и шанса! Я спасла тебе жизнь, — я сунула оружие в середину его костлявой груди, — посмотри, вряд ли я сделаю это еще раз.

— Хм. Мне не нужно, чтобы ты спасала меня, потому что я никогда не умру, — он забрал у меня оружие. — Ты знаешь, почему?

— Потому что ты Счастливчик...

— Потому что я Счастливчик Уолтер! Поэтому.

— Да, и я обязательно позволю следующему быку сожрать тебя и высрать.

— Быки не едят людей! Они... они... — Уолтер нетерпеливо потер бороду, прежде чем пошел прочь. — Они едят траву, понятно? Они просто травоядные.

— Травоядные, — буркнула я.

— Ты шлюха! — крикнул он.

Я не такое сказала, но я решила не мешать ему.

Я смотрела, как Уолтер шагал, чтобы разобраться с быком, над его головой была занесена бензопила на солнечных батареях, и не могла отделаться от ощущения, что со мной что-то было не так.

Неестественно было видеть то, чего на самом деле не было. Говард давным-давно сказал мне, что это неестественно — Нормалы даже не видели сны, не говоря уже о том, чтобы видеть вещи, когда они бодрствовали. И Уолтер говорил, что люди тоже ничего не видели. Если только они не раздавят что-нибудь и не понюхают.

То, что я видела, ненормальное и нечеловеческое. Я знала, что должна была волноваться, что сходила с ума... но — нет. Что бы это ни было, это казалось хорошей вещью.

Я бы никогда не смогла сделать этот выстрел, если бы другие руки не показали мне, что делать. Я бы промазала, и Уолтер, вероятно, был бы мертв. Я не знала, что со мной происходило, и означало ли это, что что-то было не так. Все, что я знала наверняка, это то, что те вещи, которые я видела, пыталось сохранить мне жизнь.

Может, Говард ошибался насчет меня.

Может, я была какой-то Аномалией.

ГЛАВА 18

— Жесткий, как старая подошва, — стонал Уолтер.

Он мог ворчать, сколько хотел, но я никогда не была счастливее.

Мы сидели вокруг моего первого костра — того, который я сделала из простой палки и доски с несколькими отверстиями. Когда я впервые увидела, как Уолтер вот так разжигал огонь, я не могла в это поверить. Будто он создал пламя из ничего. Поэтому я приставала к нему, пока он не научил меня, как это делать.

Я целыми днями тренировалась, пока мы прятались в Логове, растирая палку между ладонями, пока у меня не появились волдыри. Пока у этих волдырей не появились волдыри. И пока они все не лопнули и не затвердели, превратившись в поверхность кожи, которую ничто не беспокоило.

Теперь мы жарили толстые полоски мяса, которые я нарезала и приправила, на костре, который я развела собственными руками. И мне было все равно, что кто-то говорил: я чертовски гордилась собой.

— Совсем не жесткое. У тебя просто не хватает зубов, чтобы жевать это.

Я оторвала от костей толстый кусок обжаренного мяса и медленно разжевала его, наслаждаясь всеми ароматами, заключенными в хрустящем жире. Я чувствовала, как жир стекал по моему подбородку, и знала, что выглядела не лучше животного. Но это не мешало мне есть.

Уолтер покачал головой, наблюдая за мной, и в его глазах мелькнул смех.

— Только костями не давься, дитя — черт возьми! Они мне понадобятся, чтобы сварить нам бульон.

Остаток дня мы провели, разбираясь с быком: Уолтер порезал его бензопилой, а я посыпала куски толстым слоем соли.

— Соль — это все, это самое важное, что может найти человек, после кристаллов, — объяснил Уолтер, когда я спросила. — Ты знаешь, откуда она, да?

Нет. Я знала, что от пота появлялась соль, и знала, что ароматизированная пыль поверх «SuperCrisps» в основном состояла из соли. Но я понятия не имела, откуда бралась соль.

— Океан, — сказал Уолтер, когда я покачала головой. — К югу отсюда много воды, но на вкус она не такая сладкая, как наша, — она вся соленая. Если попытаться ее пить, язык может сжаться так туго, что никогда не раскрутится. Но если зачерпнуть немного этой воды и дать ей высохнуть...

Уолтер рассказал, как делали соль, кто ее делал и как лучше всего украсть ее у караванов, не сдирая с них кожу. Но мне было трудно слушать после того, как я услышала об океане.

— Ты был раньше на юге? — прервала я.

Уолтер фыркнул от вопроса.

— Конечно! Я прошел весь путь вниз и сунул пальцы ног в песок.

— Он такой же красивый, как на картинках?

— Самое красивое место на земле, — сказал он, кивнув. Затем, после размышлений добавил. — Но там бывают ужасные бури. Дождь, который бьет до синяков, и ветер, дующий достаточно сильно, чтобы подхватить тебя и отбросить в сторону.

Меня это не смутило.

— Могли бы мы ...? Как думаешь, мы могли бы пойти на какое-то время?

Он снова фыркнул.

— Конечно, нет! Я нарисую тебе карту, но я не пойду.

— Почему нет?

— Я слишком стар, дитя — черт возьми! Такая поездка прикончила бы меня. Ты можешь уйти после того, как я умру. Тебе придется уйти, — сказал он с ухмылкой. — Каждый должен увидеть океан до смерти.

До захода солнца было около часа, несколько часов с тех пор, как Уолтер рассказал мне об океане, — и хотя у моих ног танцевал огонь, а в желудке — теплая еда, я все еще могла думать только об этом.

Когда я закрыла глаза, скрыв на залитые солнцем поля, я видела только океан.

— Дадим этому высохнуть за ночь, будем спать посменно, чтобы твари не добрались до него, — сказал Уолтер, вырывая меня из моих мыслей. — А утром оттащим его в Логово.

Мы устроились внутри группы дубов на краю поля. После того, как я развела костер, я провела немало времени, укладывая ветки между деревьями, создавая что-то вроде стены, которая, я надеялась, была достаточно толстой, чтобы скрыть наш лагерь от любого, кто захочет его поджечь.

То, что осталось от огромной туши быка, гнило в нескольких сотнях ярдов по ветру. Да и мало что осталось: только взорванная голова, копыта и та кожа, что успела прилипнуть к костям. Уолтер перебрал все остальное.

Шкура была растянута и сохла на чем-то, что он называл своей кожаной подставкой; органы были благополучно замаринованы. Я приготовила нам пир из лучших кусков — их,

которые, по словам Уолтера, было бы стыдно засаливать. А остальное сохло.

Наш лагерь был окружен завесой из соленого мяса. Каждый кусок свисал с деревьев на веревочке. Связывать все это было головной болью, но Уолтер говорил, что через несколько месяцев я буду ему благодарна.

— Зима здесь суровая. Он убивает почти все зеленое и отправляет все мясо на юг. Мы должны убедиться, что у нас будет достаточно, чтобы продержаться, — он махнул на деревья. — Ты удивишься, насколько быстро два человека могут пройти такой путь.

— Ох, думаю, я буду в порядке в течение месяца, — сказала я, откидываясь, чтобы немного ослабить давление на желудок. — Но я собираюсь доесть последние три кусочка. Даже если на это уйдет весь веч...

— На помощь! На помощь!

Рядом с лагерем кричал мужчина. Я резко выпрямилась и встретила глазами с Уолтером.

Его губы сжались в прядях бороды, и он слегка покачал головой.

Мужчина продолжал кричать; его голос ломался от боли, которую я могла только представить.

Я приподняла брови.

Уолтер снова покачал головой.

Но после еще тридцати секунд крика я не могла терпеть.

— Эй, эй! Сядь, урод, — прошипел на меня Уолтер.

Я игнорировала его. Я переползла через край деревьев и выглянула из-за кустов. Когда я увидела человека, ковыляющего к нам, и поняла, почему он кричал, мне пришло в голову только одно:

— О, Боже...

Колючая проволока была по всему Ничто. Люди использовали ее в своих заборах, в оружии, в ловушках — практически везде, где удобно было иметь кучу торчащих острых игл. В одном месте я никогда ее не видела — вокруг тела другого человека.

До этого.

— Боже, — сказала я снова.

— Ага, — хмыкнул Уолтер у меня за спиной. Он стоял у костра, его морщинистая шея была вытянута, чтобы выглянуть из-за кустов. — Да, можно подумать, люди научатся. Но они никогда — эй! На кой ты идешь, урод?

Я не стала отвечать, потому что ответ был достаточно очевиден.

Мне нужно было несколько секунд, чтобы протиснуться сквозь заросли. Я побежала по полю, махала мужчине, чтобы он остановился. Он замер, увидев меня. Его глаза стали большими, и он закричал о помощи.

— Ты должна что-то сделать — пожалуйста! — кричал он. Пот капал со спутанных прядей его волос; его губы были разорваны и шелушились. Белки его глаз сгорели до ярко-розового цвета. — Пожалуйста! Я умру, если ты мне не поможешь!

Я верила в это.

Этот парень, должно быть, кого-то разозлил. Его раздели до трусов и надели что-то вроде кокона из колючей проволоки. К передней части кокона была прикреплена бумажная табличка. Там могло говориться, почему этот почти голый мужчина был обмотан проволокой, но на ней не было написано ни слова. Всего три грубых рисунка, нацарапанных чернилами: собака, череп и что-то похожее на кулак.

Кожаные подушечки не давали кокону сидеть на его плечах, но проволока была обмотана вокруг него так туго, что даже малейший поворот рвал ему кожу. На его руках и верхней части ног были царапины. Его грудь уже была покрыта кровью. В его нижние трусы стекло столько крови, что верхняя половина их была окрашена в красный цвет, а нижняя половина была покрыта месивом отходов почти смертельного масштаба.

Но я думала, если он не мог присесть, чтобы заниматься своими делами, то у него не было выбора.

— Что, черт возьми...

Я быстро прошла вокруг него, пытаюсь сообразить, как снять кокон, не причинив ему слишком много боли. Мало того, что проволока была намотана туго, она еще и была длинной: начиналась у его плеч и тянулась за середину его голеней. Я была почти готова попытаться снять ее с него, но заметила внутренние зазубрины.

Они были согнуты вверх, а не торчали прямо, выступая под углом, который вонзался кончиками в его кожу. Это не было бы проблемой: кокон скользнул бы по его плечам и вниз без суеты. Но если я попытаюсь стащить его...

Что ж, с него живьем будет содрана кожа.

— Подожди секунду, думаю, у моего друга есть что-то, что перережет эти провода. Я сей...

— Нет! Не уходи! ты не можешь уйти! — закричал мне мужчина.

Его глаза были дикими и выпуклыми. Я понимала, что у него, вероятно, был солнечный удар, и он был истощен. Он не мог лечь спать с этой проволокой на себе — если только не хотел получить колючки в кишках.

— Ладно, я никуда не пойду. Но мы должны снять это, прежде чем оно убьет тебя.

— Нет, ты не обязана... просто... — мужчина облизнул губы, и его глаза выпучились еще больше, когда он окинул меня взглядом. — Просто дай мне кусочек этой штуки. Просто перекусить.

Я не сразу этого осознала, но ушла в такой спешке и взяла с собой мясо. Хороший кусок мяса все еще свисал с кости, а в лагере у нас было еще много. Поэтому я думала, что не будет никакого вреда в том, чтобы дать ему поесть.

— Постой, — сказала я.

Он был намного выше меня и не мог сидеть на корточках. Кокон торчал почти на фут от его груди, образуя большой горб, над которым мне пришлось выгибаться, чтобы не уколоться. Мне пришлось встать на кончики пальцев ног, чтобы поднести стейк к его рту.

Я вытянулась, как могла; он так сильно прислонялся к проволоке, что слезы лились из его глаз. Мы почти смогли.

Еще чуть-чуть дальше, и...

— Нет.

Уолтер схватил меня за руку и прижал к своей груди. Он запыхался. Я слышала, как воздух хрипел в его кожистых легких. Я понятия не имела, что он мог двигаться так быстро, или что он был достаточно силен, чтобы утянуть меня за собой.

И вряд ли Уолтер знал об этом.

— Все в порядке! — его голос дрожал, когда он закричал. — Я остановил ее! Она не помогла ему... я остановил ее!

Я проследила за его взглядом на вершину холма, откуда два человека наблюдали за нами в прицелы. На них были широкополые шляпы и зеленые куртки с нашитыми на сердце

заплатами. Даже издалека я видела, что на заплатках была собачья голова с заостренными ушами и высунутым языком.

Люди какое-то время наблюдали за нами, не шевелясь. Затем один из них поднял руку.

— Нет! — закричал человек в коконе. — Нет, нет! Оно было там! Я попробовал!

Другой человек, с ярко-красной банданой вокруг лица, приставил винтовку к руке.

Через секунду луч прожег землю у ног мужчины.

Он взвизгнул, когда угли полетели ему на пальцы ног. Затем он развернулся — так быстро, что я была уверена, что он разрезал себя — и снова побрел по полю.

— На помощь! На помощь!

Уолтер ждал, пока мужчина не уйдет, прежде чем повернулся ко мне.

— Боже, дитя, ты такая тупая. Когда ты научишься держаться подальше, когда я так скажу, а?

— Ты этого не говорил! Ты просто хмыкал, и...

— Ну, я собирался, если бы ты продержалась хотя бы одну минуту.

Уолтер шипел на меня, но его взгляд не отрывался от двух человек на вершине холма.

Они взяли свои рюкзаки с земли и повесили их на плечи. Когда они начали спускаться к нам, он крепко сжал мою руку.

— Хорошо, я тебе сейчас говорю: просто заткнись и дай мне разобраться с этим.

Понятно?

— Ладно, — буркнула я.

— Что?

— Отлично.

— Угу, — хмыкнул он.

Мы смотрели друг на друга, пока кто-то не крикнул:

— Привет, Уолтер.

— Джон Марк, — ответил он, кивая. Уолтер нервничал — он запихивал кулаки в карманы, только когда нервничал. — Вижу, старый Хэм снова наводит порядки.

— Мм-хм.

Джон Марк откинул шляпу. У него были ярко-голубые глаза и недельный покров волос на лице. На нижней губе была шишка — наверное, комок той противной засохшей гадости, которую Уолтер называл табаком.

И действительно, Джон Марк наклонился, чтобы выплюнуть коричневую струю в сорняки, прежде чем сказал:

— Ублюдок убил собаку, поэтому получил прогулку. Ты же знаешь, как Хэм относится к собакам.

— Да, он любит их больше, чем людей.

— Мм-хм.

Их и без того напряженный разговор перешел в еще более жесткую тишину — и Уолтер пользовался этой возможностью, чтобы вытащить меня из-за его спины.

— Я хочу познакомить тебя с моим другом, Джоном Марком. Это... э?

Он до сих пор не знал моего имени. Он спрашивал меня по восемь раз в день и до сих пор не мог запомнить.

— Шарли, — сказала я.

Джон Марк пожал мне руку. Его ладонь могла напоминать верхнюю часть копыта, но хватка была нежной.

— Мэм, — сказал он. Затем он кивнул человеку, стоящему рядом с ним. — Это Анна Шарп. Она новенькая.

Я не понимала, что другой человек был женщиной. Я пробыла в Ничто чуть больше месяца и так привыкла видеть только мужчин, что особо не смотрела. Но Анна точно не была мужчиной.

Она была высокой и стройной — и теперь, когда я знала, на что обращать внимание, я видела, что у нее был определенный изгиб в талии. У нее были светло-карие глаза, а из-под края ее шляпы торчали распущенные рыжие кудри.

Когда она стянула бандану с лица, я увидела, что у нее на подбородке были веснушки. Их было не так много, и они были не такие темные, как у меня, но все же приятно было видеть их на ком-то другом.

— А, так вы тот самый старожил, о котором мне постоянно говорят, — голос Анны был легкий и игривый. Она ухмылялась, пожимая Уолтеру руку. — Единственный человек, которому удалось выбраться из Далласа живым.

— Ах. Да, это я, — хмыкнул он.

— И... каково это?

— Даллас? О, он примерно такой же, как и любой другой город: загаженный, разваливающийся и полный ботов.

— Ух ты, — Анна смотрела на Уолтера так, будто он был самым поразительным существом, которое она когда-либо видела. Затем она протянула мне руку. — Мэм.

Ее рука была намного меньше и мягче, чем у Джона Марка. Она смотрела мне в глаза — и ее взгляд не был неприятен, он просто был очень напряженным. Будто она чего-то хотела от меня.

Только я понятия не имела, что это могло быть.

— Ну, скажи что-нибудь, дитя! — прорычал Уолтер.

— Э... — я запиналась, пытаюсь сообразить. — Привет?

Анна рассмеялась, отпуская меня.

Джон Марк улыбался.

Только Уолтер не веселился.

— Боже, — буркнул он себе под нос. Он смотрел на меня секунду, прежде чем махнуть рукой на Джона Марка. — Хорошо, теперь обрати внимание: эти двое — те, кого зовут рейнджерами. Время от времени ты будешь видеть их патрулирующими — и если они тебя не зовут, лучше оставить их в покое. Видишь эти заплатки на их одежде? Эти маленькие собачьи головы?

Анна потянула за свою, ухмыляясь мне.

— Это значит, что они из Старого Города. Нельзя связываться ни с кем, у кого есть такая заплатка, потому что они работают на Хэма.

— Ветчина? Как свиное мясо? — сказала я в замешательстве.

— Ну, так это звучит, но это не так. Хэм — человек. Он — мэр Старого Города...

— Откуда ты, Шарли? — вмешался Джон Марк. Он смотрел на меня из-под тени своей шляпы, и я не могла не заметить, как он крепко сжимал винтовку, пока делал это. — Ты должна была приехать откуда-то издалека, если не слышала о Хэме.

— Она с запада, — быстро говорит Уолтер.

— Эль Пасо?

— Ага. Но она не урод, понимаете? — Уолтер отступил и сильно толкнул меня.

Я была так занята, стараясь не смотреть на Анну, что не успела вовремя расставить ноги и свалилась в траву.

— Ой! Что за черт?

— Прости, дитя, — хмыкнул Уолтер.

— Хм, — после напряженного момента Джон Марк кивнул. — Да уж, точно не урод. Странно, однако... она все же похожа на них. Продолжай, — добавил он после очередного плевка в сорняки, — я не хочу, чтобы ее наказали.

— Наказали? — неуверенно сказала я. — Почему я должна быть наказана?

— Если заткнешься на минутку, я скажу тебе, — буркнул Уолтер. Он подтянул штаны до самого живота и продолжил, — Хэм — мэр Старого Города. Он может быть злым старым ворчуном, если выйдет из себя, но он достаточно справедлив. Держит своих людей и всех остальных на коротком поводке. Видишь вон того идиота?

Уолтер указал за себя, туда, где человек в коконе из колючей проволоки ковылял к закату, крича о помощи во все горло.

— Знаешь, чем он заслужил это?

— Нет, — сказала я. Я не могла представить, что кто-то мог сделать, чтобы заслужить такое.

Затем вмешалась Анна:

— Он забил свою собаку до смерти, — она прошла мимо меня и направила винтовку мужчине в затылок. — Она тоже была милой маленькой собачкой. Ничего не делала, только виляла хвостом и ждала, пока он вернется домой. Однажды ночью он решил прийти домой пьяным и...

— Он получает свое, — тихо сказал Джон Марк, словно пытаясь ее успокоить. — Просто помни: он получает свое.

— Да, — буркнула Анна через мгновение. Когда она опустила винтовку, я видела, что ее лицо пылало от злости. — Прости за это, Уолтер. Скажи ей.

— Верно, — хмыкнул он. — Ну, то, что Хэм делает с нарушителями закона, может показаться жестоким, но для этого всегда есть веская причина. И что бы они ни сделали, он всегда дает им шанс спастись — все, что им нужно сделать, это найти кого-нибудь, кто достаточно тупой, чтобы помочь.

— Даст им воды, или кров, или что-нибудь поесть. Попробует их освободить, — пожал плечами Джон Марк, — и тому подобное.

— А что будет, если кто-то это сделает? — сказала я, внезапно вспоминая, как была близка к тому, чтобы дать этому человеку свой стейк. — Что было бы со мной, если бы я...?

Джон Марк улыбнулся. Это была жесткая улыбка, и, возможно, именно поэтому она вызывала тревогу.

— Если бы ты ему помогла, то убийца собак вышел бы на свободу... и ты бы заняла его место.

— Вот что происходит, когда кто-то думает, что знает закон лучше, чем Хэм. Если считаешь, что он ошибся, то можешь вмешаться и изменить это, — с ухмылкой сказала Анна. — Но тебе лучше быть уверенным, что это стоит твоей жизни.

— Теперь ты поняла, дитя? — тихо сказал Уолтер, дав мне долгое время оправиться от шока.

Да, я понимала.

Уолтер только что спас мне жизнь.

Если бы он не выбежал, чтобы остановить меня, то рейнджеры раздели бы меня догола и накинули кокон мне на плечи. Там была бы я, истекающая кровью и кричащая на умирающее солнце. Я смотрела на Уолтера и знала, что он мог прочитать слова, написанные на моем лице. Но я все еще должна была сказать:

— Спасибо.

— Эх, — он шлепнул меня рукой, прежде чем снова повернуться к Джону Марку. — Вы пойдете за ним?

Рейнджеры переглянулись. Они общались так же, как иногда общались мы с Уолтером: кивком и парой пожатий плечами.

— О, я думаю, что он почти умер — сегодня прошел почти восемь миль. Он не продвинется дальше, прежде чем ему придется лечь... и мы все знаем, что тогда произойдет. Кроме того, похоже, у вас есть то, что нам нужно, — добавил Джон Марк, кивая на стейк в моей руке.

Я повернулась и бросила эту штуку так далеко, как только могла. Это доставило мне достаточно неприятностей для одной ночи.

— Эй! Что я говорил тебе о сохранении костей? — закричал Уолтер.

Джон Марк вмешался прежде, чем я успела возразить:

— Что скажешь, а? Пустишь нас на ночь? Поделишься едой?

Уолтер обдумывал это, крепко сжав жилистые руки на груди.

— Смотря как. У вас есть что-нибудь, что мне может понадобиться?

Джон Марк снова улыбнулся, постукивая по передней части своей куртки.

— Да, у меня есть кое-что... *и* я знаю кое-что.

— Ну ладно, — сказал Уолтер. — Давайте вас всех накормим.

ГЛАВА 19

Все это было для меня новым.

В Граните ужин был не более чем теплым «SuperMeal» и программами на телевидении. Я наконец-то привыкла ужинать с Уолтером — хотя я не всегда слышала его, когда он говорил, потому что я была сосредоточена на еде. В этом и заключался весь смысл ужина.

Теперь я пыталась понять *это*: как сидеть у костра с группой людей, которые смеются, болтают и ведут себя так, будто в этом весь смысл ужина. Они даже не были заинтересованы в еде. Их еда просто висела у них в руках, пока они не переставали говорить достаточно долго, чтобы откусить кусочек. Я этого не понимала.

Но я не ненавидела это.

— Ты действительно убила эту штуку, Шарли? — крикнул Джон Марк поверх костра. С откинутой на затылок шляпой он уже не выглядел таким серьезным, как раньше. — Ты убила его? Одним выстрелом?

— Она точно стреляла — застрелила его примерно с расстояния в сто ярдов, — хихикал Уолтер. — Пау! Прямо в ухо. Вы бы видели, как быстро эта штука упала!

Уолтер и Джон Марк исчезли в лесу около получаса назад и вернулись в гораздо лучшем настроении. Я думаю, это могло быть как-то связано со свежей пачкой таблеток, которые Уолтер прятал в жилетке. Он принимал что-нибудь почти каждый вечер — от боли, как он говорил. И я никогда не знала, сделает это его счастливым или заставит хандрить.

Сегодня он был счастлив.

— Не могу в это поверить, — сказал Джон Марк, мотая головой из стороны в сторону. — Она сбила его с одного выстрела — святая корова!

— Ха! После этого в нем точно была дыра!

Оба мужчины стали хохотать над шуткой Уолтера, толкая друг друга, как дети. Я была рада, что сижу по другую сторону огня... по этой причине и еще по одной.

— Ты, должно быть, хороший стрелок, — сказала Анна. Она вернулась после того, как порылась в своей сумке, и плюхнулась рядом со мной — так близко, что наши плечи соприкасались. — Вот, возьми.

Она бросила мне на колени небольшой бумажный пакет. Внутри было около дюжины круглых печенюц. Они восхитительно пахли — как теплый мед с небольшим количеством специй. Но после того как Уолтер выставил себя таким дураком, я боялась принимать что-либо, что предлагали рейнджеры.

— Спасибо, не надо. Я не хочу сходить с ума.

Анна рассмеялась.

— Это просто печенье, Шарли. В них нет ничего странного, — она взяла печенье и откусила от него. — Видишь?

— Хорошо, — я взяла одно, а остальные отдала ей. Я держала печенье в руке еще несколько минут, прежде чем наконец набралась смелости попробовать его. И когда я это сделала, я смогла только сказать. — Вау...

— Ага? Тебе нравится? — Анна усмехнулась в ответ на мой кивок. — В Старом Городе есть дама, которая каждую среду печет их. Я ем так много, что, наверное, растолстею, но... ах.

Она откусила еще кусочек, жевала с улыбкой, и мне было трудно отвести взгляд.

Анна задавала мне вопросы с того момента, как мы сели. Эти вопросы люди всегда задавали друг другу на телевидении, задавали люди, когда они хотели познакомиться, — такие вопросы Уолтер никогда не подумал бы задавать мне. И мне было очень весело, просто пытаюсь на них ответить.

Зеленый был ее любимым цветом, потому что он напоминал ей о весне. Раньше я никогда не задумывалась о любимом цвете, поэтому выбрала синий — как океан.

Анна совсем не умела петь, что было обидно, потому что она очень любила музыку. Я не очень понимала, что такое музыка... по крайней мере, я думала, что не слышала той музыки, о которой говорила Анна. Она заставляла это звучать так, будто это было что-то действительно красивое, что она могла закрыть глаза и слушать часами. Но все, о чем я могла думать, это супер-джинглы и звуки, которые звучали за телевизионными титрами — которые, скорее всего, свели бы человека с ума.

И мы никогда не узнаем, могла ли я петь, потому что я была слишком смущена, чтобы попробовать.

Мы были примерно одного возраста: она родилась в октябре, а я появилась примерно в мае следующего года — правда, я упустила часть о том, как я появилась. И о Трубе. Уолтер сказал мне, что я родилась не по-человечески и что мне следовало просто заткнуться, если я не хотела, чтобы люди пялились на меня.

Мы долго говорили о таких вещах, прежде чем наш разговор перешел на нечто более серьезное:

— Тебе когда-нибудь было страшно здесь? — спросила я.

Анна приподняла брови.

— Что ты имеешь в виду?

— Знаешь... — я ерзала, пытаюсь придумать, как это спросить, не используя вульгарных

слов, которым меня научил Уолтер. — Кто-нибудь когда-нибудь пытался... причинить тебе боль?

Через мгновение она кивнула.

— Ах, это. Нет, мне пока везло. Наверное, потому, что я делаю все возможное, чтобы держать их подальше от меня.

— Например?

Анна проработала рейнджером всего пару месяцев, но всю свою жизнь прожила в Ничто. Она знала все о том, что женщина должна была делать, чтобы остаться в живых, и она была рада научить меня.

— Коротко подстричься — это самое простое, — сказала она.

Анна сняла шляпу, показывая мне, как она выбрила волосы сзади и по бокам до щетины. Клубок темно-красных кудрей ниспадал с макушки ее головы до изгиба левой брови.

Она провела рукой по кудрям и сказала:

— Некоторые женщины сбривают свои волосы до нуля. Но я просто не могу заставить себя сделать это — и, кроме того, мне нравится, как это выглядит.

Мне тоже это нравилось. Когда я впервые увидела это, я была немного шокирована: все женщины в Далласе были с распущенными длинными волосами. Я никогда не видела женщину с такой короткой стрижкой, как у Анны. Но мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы мне это стало нравиться.

— Не знаю, смогла бы я носить свою так, — неуверенно сказала я, потянув за конец косы.

— Тогда тебе нужно получить шляпу. Скрути ее и заправь вот так... — Анна протянула руку и перекинула мою косу на макушку, — так они подумают, что у тебя короткие волосы.

— О, — кожу головы так сильно покалывало, что я едва могла сосредоточиться. — Им нравятся длинные, да?

— Боже, они не могут насытиться этим. Чем длиннее, тем лучше — не знаю, почему. Но как только ты узнаешь, что им нравится, их довольно легко сбить с толку, — Анна убрала руку и постучала по бандане. — Тебе тоже следует приобрести такую — чтобы прикрыть лицо. И всегда старайся носить что-то громоздкое, если можешь. Думаю, это ты уже сделала, — она игриво дернула за мой полосатый комбинезон, — это чертовски уродливо.

Огонь догорел до такой степени, что от него исходило больше жара, чем пламени — наверное, поэтому у Анны была расстегнута зеленая куртка. Серая рубашка под ней была далеко не громоздкой.

Мы продолжили болтать о жизни, и я заметила, что она корчила гримасы, когда говорила. Мой взгляд притягивало к ее губам, когда она улыбалась, и к ее бровям, когда она говорила что-то серьезное. Время от времени, прямо перед тем, как рассмеяться, она морщила нос и усмехалась.

Я не могла не задаться вопросом, похожа ли я была на Анну, когда говорила. Интересно, двигалось ли мое лицо, как ее, и не поэтому ли Нормалы съезживались каждый раз, когда видели это. Потому что если это было так, то я не понимала, почему они считали это таким отвратительным.

Я думала, что это было... мило.

— Вы слышали, что случилось с Бренденом? — внезапно сказал Джон Марк.

Голос у него был легкий, будто он говорил о погоде. Но яркие части его глаз блестели, как ножи, скользя взглядом по Уолтеру.

— Нет, что случилось с Бренденом? — Уолтер не смотрел на меня и не вздрагивал. Он был так удивлен, что мне было трудно поверить, что он был невиновен.

— Сам себя убил.

— Нет.

Мурашки поползли под моей кожей, пока я пыталась держать лицо ровным, сидеть спокойно. Настроение вокруг лагеря потемнело, как небо над нами, и я не могла не задаться вопросом, знали ли рейнджеры, что произошло. Может, я просто воображала, но мне казалось, что Анна прижималась ко мне намного сильнее, чем раньше.

Будто она думала, что я могла сорваться и сбежать.

— Да, кто-то поджег весь его лагерь — сжег его и нескольких его людей заживо. Уничтожили их припасы за год. Теперь остальным падам нужны ответы, — Джон Марк сломал палкой пальцами и бросил кусок в пламя. — Некоторые из них думают, что это мог сделать ты, Уолтер.

Он смотрел на Джона Марка так, будто только что почувствовал, как паук заполз ему в штаны.

— Мне? На кой черт мне идти за Бренденом?

— Что-то об игре в карты и коробке варенья.

— Ну да, он неплохо меня обманывал, — фыркнул Уолтер, — но меня обманывали и раньше, и я никого не обидел за это.

— Я так и сказал, — кивнул Джон Марк. — Я знал Уолтера пятнадцать лет и никогда не видел, чтобы он стрелял на поражение. Но они все еще злы, черт возьми. Некоторые из них хотят довести дело до Хэма. Так что я должен спросить прямо: ты убил Брендона?

— Неа. Я не прикасался к нему. Даже близко не подходил, — сказал Уолтер. И это была абсолютная правда.

Он не убивал Брендона.

Я это сделала.

Но никто не думал меня спрашивать — слава богу, — потому что я не знала, умела ли я лгать так же хорошо, как Уолтер.

Еще через мгновение Джон Марк снова выглядел счастливым.

— Да, я так и думал. Впрочем, встретиться с падами все же не помешает. Постарайся сгладить ситуацию. Харви говорил, что в следующий четверг они будут в старом отеле.

— Ну, нам просто нужно зайти и покричать, — сказал Уолтер. Затем он хлопнул себя по жилетке. — Хочешь попробовать синюю?

— Конечно, но я выпью свою порцию виски. Может, на этот раз я не упаду и не разобью себе голову.

Оба мужчины хохотали, будто это была самая смешная вещь, которую они когда-либо слышали. Затем Джон Марк выхватил из рюкзака бутылку и пошел за Уолтером к деревьям. Я не знала, почему они уходили каждый раз, когда что-то брали. Не то чтобы мы не знали, что они делали.

— Да, я не люблю таблетки, — сказала Анна, когда я указала на это. — Они заставляют меня чувствовать себя отвратительно. Я лучше просто покурю.

— Курю?

— Ага, — она улыбнулась от моего замешательства. — Вот, я покажу тебе.

Анна вытащила из переднего кармана куртки маленькую металлическую трубку. Внутри трубки было спрятано несколько тонких квадратов бумаги, наполовину обернутых вокруг

чего-то, похожего на пучок сухих, крошащихся листьев.

— Это не табак, да? — спросила я.

— Ммм, не совсем, — сказала она с ухмылкой.

Она вытащила один из бумажных квадратов и насыпала толстую линию листьев посередине. Затем она плотно свернула его, стараясь не допустить, чтобы крошки выпали из концов. Потом она склеила бумагу.

Я смотрела, как она скользила языком по складке, полностью поглощенная потоком странных, новых мыслей.

Анна не Нормал. Если бы это было так, то она бы знала, что невежливо вот так высовывать язык. Мне бы никогда не пришлось увидеть, как она это делала. Мне никогда не пришлось бы решать, как к этому относиться, или пытаться выразить эти чувства словами. Но вот я балансировала между волнением и обидой... и наслаждаюсь каждой секундой.

То, что делала Анна — то, как она использовала свой язык, как дергались ее пальцы, когда она пыталась удержать бумагу, — это было ненормально. Не точно. Не идеально. Но очень красиво.

Но я все еще могла смотреть на это весь день.

— Вот. Видишь? — она покрутила свернутую бумагу между пальцами. — Красиво и плотно. Теперь нам осталось его зажать.

Она держала бумагу между губами и взяла наполовину обгоревшую палку с края костра. Пламя, вырывающееся из угольков, быстро охватило бумагу; с его конца ленивым потоком вылетал дым.

Анна закрыла глаза и сделала глубокий вдох, сморщив рот вокруг самокрутки. Когда она, наконец, выдохнула, из обеих ее ноздрей вырвался белый дым. Он танцевал на ее губах и вниз по подбородку, наполняя воздух вокруг нас странным ароматным туманом.

— Хорошо, теперь твоя очередь.

Я взяла самокрутку осторожно.

— Что я делаю?

— Вдохни и задержи дыхание как можно дольше. Затем выдохни.

— Как это будет ощущаться?

Анна пожала плечами.

— Это немного отличается у всех, но большинство людей просто чувствуют себя спокойно.

Звучало не так уж плохо. Я делала так, как говорила Анна, и мне удалось задержать дыхание на три секунды, прежде чем я закашлялась.

— Эй, неплохо! — Анна взяла самокрутку у меня из рук и, смеясь, похлопала меня по спине. — Выгони все это сейчас — вот и все.

Мне понадобилось полминуты, чтобы очистить легкие от дыма. Но даже после того, как я закончила кашлять, Анна не убрала руку. Вместо этого она набросила ее мне на плечи.

— Вау, это не здорово, — сказала она, быстро понюхав под мышкой. — Мне нужно помыться.

Я не думала, что она воняла: она пахла влажной землей и немного дымом.

— Можешь оставить, — сказала я, когда она попыталась пошевелить рукой.

Анна приподняла брови.

— Уверена? Я не хочу сбить тебя с ног.

— Да, я уверена, — сказала я со смехом.

Меня это не беспокоило. Я думала, что буду переживать, но нет. Ужасного ощущения, что я попала в ловушку, как когда Брендон держал меня за руку, не было. Может, потому, что Анна не сжимала мою грудь и не смотрела на мое тело так, будто хотела его разрезать.

Может, я была не против того, что она держала меня, потому что на самом деле ничего не изменилось: мы по-прежнему говорили о вещах, как и раньше, по-прежнему задавали вопросы и обменивались ответами.

Может, все было в порядке, потому что я знала, что она не причинит мне вреда.

А, может, это был дым.

— Твою...

— Ах, наконец-то добралось до тебя, да?

Анна рассмеялась, когда я прислонилась к ней сбоку. Обычно я не прижималась на кого-то так, но я чувствовала себя в облаке — облаке, которое я получала от запаха клея Уолтера, за исключением того, что это облако было не только в моей голове.

— Я не чувствую пальцев на ногах, — буркнула я. Потом, после панической мысли. — У меня есть пальцы на ногах...? Или я не забрала их?

— Откуда забрала?

— Из магазина пальцев ног.

Мое тело сотряслось от хихиканья Анны.

Где-то глубоко в единственном безоблачном уголке моего разума часть меня кричала: нет никакого магазина пальцев ног, дура! Но я знала, что если послушаю эту крошечную, невеселую Шарли, то снова начну обо всем беспокоиться. И я не хотела волноваться сейчас.

Я просто хотела посидеть с Анной и поговорить.

— Что, если бы жизнь была такой? — сказала она через мгновение. По тому, как она говорила, я могла сказать, что дым, должно быть, попал в нее: она звучала так же туманно, как и я. — Что, если бы можно было зайти в какой-нибудь магазин и выбрать, как ты хочешь выглядеть?

— Ты можешь: это называется формой предпочтения.

— Что?

— Ладно, ладно — смотри, — буркнула я, пытаюсь сесть прямо. — Смотри.

— Я смотрю, тупица, — сказала Анна с оттенком веселья.

Но почему-то мне этого было мало: я схватила ее под подбородок.

— Смотри, это называется форма предпочтения. Больница дает ее, когда выигрываешь в лотерею для детей. А ты — ты заполняешь эту форму и можешь сделать своего ребенка похожим на кого угодно, — я махнула рукой так, что чуть не упала, — на кого угодно.

— Детская лотерея? — я ощущала, как Анна хихикала под моей ладонью; чувствовала ее горло, пока оно скользило под кончиками моих пальцев. — Откуда ты взяла эту хрень?

— Это не чушь. Это реально.

— О, угу, — ее рука скользнула вниз, обвила мою талию. — И ты можешь сделать их похожими на что угодно?

— Что угодно.

— И можно попросить оранжевые глаза?

— Конечно! Ну, я имею в виду, ты можешь попробовать, но это не всегда срабатывает, — я указала на свое лицо для примера. — Мои родители определенно не заказывали это.

— Ой, я думаю, ты милая.

— Да? Ну, Говард говорит, что я выгляжу так, будто кто-то сделал меня с тремя дополнительными порциями уродства.

Слова Анны были так сдавлены от смеха, что я едва могла их разобрать:

— Кто такой Говард?

— Он из Лаборатории — начальник отдела планирования. И он... плохой.

Что-то изменилось. Облако, которое заставило меня чувствовать себя такой спокойной и светлой, внезапно погасло. Он сжалось вокруг моей головы, сдавило до боли.

— Чем он плох?

Голос Анны доносился за тысячу миль. Кто знал, сколько времени потребовалось, чтобы эти слова достигли меня? Она могла говорить много лет назад.

— Он ищет меня, — услышала я свой голос. — Меня ищут.

Я не знала, кто они. Не знала, почему я это сказала. Мое тело качалось, когда перед моими глазами проносилась головокружительная буря картин, размывая то, что я знала, в мире, который я видела только во снах.

— Они... хотят что-то от меня...

Моя рука коснулась моей головы. Какое-то время я ощущала все: гул мыслей, которые бурлили у меня под черепом; кончики гладких белых костей внутри моих пальцев боролись с плотью; воздух между моим скальпом и этими микроскопическими гребнями...

Эти метки Даллас использовал, чтобы идентифицировать меня... они были связаны с чем-то, что было нужно Далласу...

В моих ушах раздался влажный шлепок. Будто кто-то прижал мою голову к динамикам телевизора, а затем увеличил громкость до упора.

Я с ужасом наблюдала, как серая штука выскакивала из затылка Ральфа. Я видела, как робот-манипулятор скользил внутрь, слышала, как каждый слой его кожи трескался под давлением. Затем появилась рука с массой плоти, слизью и трещинами — почему я никак не могла вспомнить, как она называлась? — и картинка увеличилась.

Со дна сероватой массы свисал хвост. Он цеплялся за позвоночник Ральфа своими корнями. Я слышала, как они один за другим рвались от силы роботизированной руки...

Затем он вырвался на свободу с хлопком.

— Шарли?

Я моргнула, и изображение исчезло.

— Я в порядке... я в порядке.

Анна смеялась, а мое тело резко прижалось к ней. Я ощущала себя так, будто только что очнулась в Растяжке: будто веревка, обернутая вокруг моей шеи, держала меня в подвешенном состоянии — ноги свисали над землей.

Я тянула и тянула, приподнимаясь, чтобы быстро глотать воздуха. Я ощущала, как мои руки медленно теряли силу. Знала, что я больше не смогу подняться. Смирилась с тем, что умру.

Теперь я пыталась вспомнить, как дышать.

— Что случилось?

— Без понятия, — фыркнула Анна. Теперь она обеими руками обнимала меня. Наши головы были прижаты друг к другу. — Ты просто замолчала и уставилась на огонь, как какой-то чужак.

— Кажется, у меня возникла мысль.

— Ах, — Анна взяла меня за руку. Мы молчали какое-то время, слушая, как пламя

угасало. Потом она шепнула. — Эй, иди сюда.

— Зачем?

— Потому что я собираюсь исправить крысиное гнездо, которое ты называешь косой! — она повернула меня за плечи так, что я сидела перед ней. Я услышала резкий вздох, когда она увидела положение вещей. — Боже... ты хоть иногда их расчесываешь?

— Иногда.

— Когда за последние сто лет? Потому что у тебя тут полно всякого странного дерьма, — она схватила мою косу за хвост и потрясла ею. — Трава, листья... это жёлудь?

— Думаю, я бы знала, если бы у меня был желудь в моей... о, — она протянула руку и шлепнула орех в мою раскрытую ладонь. — Наверное, нет.

Анна втянула воздух сквозь зубы.

— Ну, это займет некоторое время. Не двигайся.

Как только я пообещала не двигаться, она приступила к работе.

Пальцы Анны были в моих волосах — и я не знала, почему, но я чувствовала слабость. Будто у меня кровь текла повсюду, кроме тех мест, где это было нужно. Где мне нужно было думать.

Ее руки расплели мою косу и скользили по прядям, по темным волнам в темпе, который давал мне достаточно времени, чтобы насладиться этим. Я чувствовала, будто все мои беспокойства манили к макушке и убирали через кожу головы.

Я не думала о Нормалах, Говарде или Далласе. Или как странно было ощущать чужие руки в моих волосах. Все, о чем я могла думать, это странная легкость в голове, это ощущение полного и абсолютного спокойствия. Я закрыла глаза и...

Вот оно снова, освещает тьму миром ужасных красок.

Анна провела кончиками пальцев по моему черепу, пытаясь убрать паутину травы с моих корней.

Спирали мягкого сероватого мяса пульсируют внутри мембраны...

Она скрутила длину моих волос в пряди.

...они скользят друг по другу, дергаясь в тисках полированного хрома...

Я ощущала легкую тягу, когда она стала их скрещивать одну над другой, спускаясь к основанию моей шеи.

...воспаленные и красные, растянутые до тех пор, пока их не станут толщиной с булавочную головку...

Она крепко сжала один законченный конец, начала другую косу.

...цепляясь корнями за массу влажной, розовой кости...

Косы сплетались вместе, спиралью спускаясь вниз.

...долго не продержится, не продержится...

— Погоди.

Я задыхалась, меня трясло. Моя рука сжала запястье Анны, будто она была единственным, что поддерживало во мне жизнь. Огонь посреди нашего лагеря медленно становился четким. Его языки пламени ярко плясали в моих глазах. Он прогнал все эти ужасные картинки.

— Что такое? — прошептала Анна.

Я не знала, что сказать. Я не могла рассказать ей о своих кошмарах или о вещах, которые я видела, даже когда я бодрствовала. Я не могла сказать ей, что то, что я видела два месяца назад, было выжжено у меня в голове и разрушило все счастье, которое мне удалось

выдавить из своей жизни.

Мне нравилась Анна. Она была первым человеком, который действительно заговорил со мной. И я не хотела, чтобы она останавливалась, потому что считала меня сумасшедшей. Поэтому я не могла сказать ей правду.

Но я должна была кое-что сказать.

— Ты в порядке, Шарли?

Когда я обернулась, то увидела, что лицо Анны изменилось. Ее щеки горели, а губы покраснели. Мягкие уголки ее глаз почти светились, они вглядывались в мое лицо. Ее руки не двинулись дальше по моим волосам, но она и не убрала их.

Она ждала, что я что-то скажу. Она ждала, чтобы узнать, все ли со мной было в порядке. Не против ли я, чтобы она продолжала.

Но я не могла. Я не могла позволить ей прикасаться ко мне, пока у меня в голове были эти картинки. Я не хотела, чтобы кто-нибудь прикасался ко мне — потому что эти воспоминания были отвратительны. И они вызывали у меня отвращение.

Она ничего не делала: я думала, это мог быть дым. Я думала, что то, что находилось в этих листьях, открыло ту часть моей памяти, где были все кошмары, и я думала, что это усугубило их. Что бы ни случилось, это точно не была ее вина.

Но сказала бы я что-нибудь об этом Анне?

Неа.

— Доброй ночи, — вырвалось у меня изо рта прежде, чем я успела подумать об этом, и я не могла взять слова обратно.

— Ладно, — она быстро убрала руки, — это что-то, что я...?

— Нет, я просто устала. До завтра.

Что со мной было не так?

Я с трудом подавляла крик, пока уходила — мои волосы свисали полукосой через плечо.

Что, черт возьми, со мной было не так?

Я хотела закричать на луну. Если бы был способ вычистить эти воспоминания из моей головы, я бы сделала это в мгновение ока. Мне было бы все равно, если бы мне пришлось засовывать палку в ухо и вытаскивать их по одному. Я бы все равно сделала это.

Я бы избавилась от Говарда и Ральфа и забыла бы о том, что я была Дефектом. Я бы забыла о Далласе. Я бы забыла обо всем. И я была бы просто... человеком.

Это было тем, чего я хотела.

Я замерла на краю деревьев, как раз перед тем, как ветви уступили место бледному пространству усыпанного звездами поля. Я обернулась и слушала, как говорили другие: Уолтер клялся, что когда-то повалил на землю пятиногую корову, Джон Марк говорил, что это был бык, Анна смеялась и называла их парочкой перегнувших идиотов.

Я смотрела на этих трех странных существ, сидящих вокруг костра, и пыталась решить, смогу ли я когда-нибудь вписаться. Они принимали меня, потому что мы выглядели одинаково. И потому что я изо всех сил старалась скрыть тот факт, что все мелочи, которые они делали — все человеческие вещи — бросались мне в глаза, как закат на воде. Правда в том, что я чувствовала, что только мой облик являлся человеческим.

Со мной что-то было не так.

* * *

Я плохо спала. Дым сделал мои кошмары слишком реальными: я могла продержаться в этой темноте всего несколько секунд, прежде чем снова вытаскивала себя наружу. К тому

времени, как я смогла открыть глаза, уже рассвело.

— Анна? — я прошла в лагерь, пошатываясь в тисках чудовищной головной боли. — Эй, я...

Анна ушла. Ее место у костра опустело. Рейнджеров нигде не было видно. Остался только Уолтер: он наполовину свисал со своего спального мешка, посередине балансировала пустая бутылка. Она каталась между его грудью и животом, когда он храпел.

Я схватила бутылку и бросила ее в ближайший камень, где она разбилась со звуком выстрела.

— Что, черт возьми? — Уолтер упал, вертя конечностями. — Что...?

— Куда они пошли?

— Кто?

— Рейнджеры! — закричала я. У меня болела голова так же сильно, как и у Уолтера, но по опыту я знала, что единственное, что поднимал его с постели по утрам, — это ужасный шум. — Куда они делись?

— Они ушли — господи! — Уолтер упал, пытаясь показать. — Туда.

Я помчалась сквозь деревья, бежала так быстро, как позволяла моя раскальвающаяся голова. Мир прыгал, и содержимое моего желудка опасно плескалось. Но я продолжала двигаться.

Когда я, наконец, вырвалась на поле, я их увидела. Они не ушли далеко, может, на четверть мили к югу. Я могла добежать.

— Анна! Эй!

Она обернулась и стянула бандану с подбородка.

— Что?

— Мне нужно с тобой поговорить, — крикнула я.

— Так поспеши, — прокричала она в ответ.

Я пыталась. Я чувствовала, что мчалась, как проклятый олень. Но Анна как-то встретила меня посередине — и она просто шла.

— Сделай это быстро. У меня есть дела рейнджера, — сказала она, сверля взглядом. Затем, бросив быстрый взгляд на Джона Марка, она наклонилась и шепнула. — Извините, я должна быть официальной, пока солнце на небе.

— Ой, — я кивнула, отчаянно пытаюсь отдышаться. — Верно. Я просто хотела сказать тебе... хах!

Если бы я могла сделать что-то по-другому, думаю, что я бы не спешила, не пыталась бы бежать через поле. Тогда, возможно, я бы не швырнула вчерашний ужин на землю между нами.

— О, Боже, — пробормотала Анна. — Вот.

Она стянула бандану с шеи и дала мне. Я быстро вытерла рот, пытаюсь хоть как-то спасти свое достоинство.

— Я только хотела...

— Пей, — она поднесла фляжку к моим губам и осторожно приподняла мой подбородок пальцами. Только после того, как я сделала несколько глотков, она отпустила меня. — Ну, что ты собирался сказать?

— Я... о, вот.

Я попыталась передать бандану, но она отошла.

— У меня есть запасная в сумке. В любом случае, та уже начала вонять, еще до того, как

ты вытерла об нее отходы.

Она улыбнулась мне. Я надеялась, что это была хорошая улыбка.

— Хорошо спасибо, — я сделала глубокий вдох. — Я просто хотела сказать тебе, что сожалею о том, как я встала и ушла прошлой ночью. Я не знала, что сказать, и...

— Ну, не извиняйся, — перебила Анна. Она опустила руки мне на плечи и крепко их сжала. — Никогда не извиняйся за то, что заботишься о себе. Думаешь, кто-то еще извиняется за это?

— Ну, нет. Но я... — еще один глубокий вдох, потому что я, честно говоря, не знала, что вылетит из моего рта, — я не думаю, что я такая, как другие.

— Да, все в порядке. Уолтер сказал нам, — легкомысленно сказала Анна.

Мое сердце упало в желудок.

— Что он сказал?

— Что ты была заключенной, и что те люди в Эль-Пасо хотели тебя убить. Все в порядке, Шарли: я знаю, что ты не привыкла к приличным людям, и я понимаю, почему ты ушла. Я просто надеюсь, что не напугала тебя.

— Нет, ты... подожди — откуда Уолтер знал, что я была пленницей? — сказала я, у меня кружилась голова. — Я никогда не говорила ему об этом.

— Он говорит, что ты разговариваешь во сне, — Анна усмехнулась. — Может, я когда-нибудь сама узнаю, а?

— Да, может быть, — сказала я. Правда в том, что я не очень поняла, что она сказала. Я так беспокоилась о том, что мог сказать Уолтер, что не могла ни на чем другом сосредоточиться.

Свист расколол воздух.

— Анна! — Джон Марк нетерпеливо шел вперед. Он махал рукой по кругу. — Идем, свет дня горит!

— Чёртовы таблетки, — буркнула Анна, качая головой. — Они всегда делают его таким нервным на следующий день, — она обняла меня за плечи и обняла. — Ты не можешь быть милой, Шарли. Хороших людей убивают. Мир прожует тебя и выплюнет, если ты позволишь. Так что ты должна быть жесткой, хорошо? Ты должна делать то, что лучше для тебя, и пусть все остальные просто пытаются бороться с тобой за это. Жестко, да?

— Да, — сказала я.

— Хорошо, — она коснулась моего носа кончиком пальца. — Я рада, что нам не пришлось надрать тебе задницу и обмотать тебя колючей проволокой.

— Я тоже, — сказала я.

Она сжала меня в последний раз, прежде чем мы расстались.

— Позови меня, когда в следующий раз будешь в Старом городе, — крикнула Анна через плечо, уходя. — И возьми чертову шляпу, ладно?

— Ага, и прими как-нибудь ванну, — ответила я.

Она развернулась, чтобы улыбнуться мне, и я пыталась запомнить каждую деталь ее улыбки. В следующий раз, когда придут кошмары, я попытаюсь подумать об этом: я буду помнить свет в ее глазах и то, как морщился ее нос, когда она смеялась. Я буду помнить, как солнце проявляло рыжий цвет ее волос.

Я не могла забыть то, что я видела в Далласе, но, может, я смогу похоронить те воспоминания под другими вещами.

Лучшими вещами.

ГЛАВА 20

Мир был не таким, как раньше. Это я чувствовала, такой вкус ощущала во рту, когда мы мчались сквозь Ничто.

Я пока не была готова назвать это Техасом. Чтобы назвать место, в нем должно было находиться что-то. Причина называть это место. Но я не могла придумать причину, по которой кто-то остался бы здесь, если бы у них не было другого выбора, не говоря уже о том, почему они должны были утруждать себя, придумывая название.

Грустно было то, что раньше это действительно было чем-то. Так говорили люди, когда натыкались на старые дороги и развалины. Говорили, что это было частью того, каким мир был раньше. Никто, казалось, не знал намного больше, чем это. Никто не знал, что случилось с миром и почему. Но если я приглядывалась к нему достаточно сильно, то иногда могла представить, как это было раньше.

Осталось несколько кусочков, несколько подсказок о том, как все было: ржавые башни, заросшие дороги — мосты, изношенные до истлевших Т-образных букв. В большинстве зданий, которые мы проходили, не было ни окон, ни дверей. Я могла смотреть спереди и ясно видеть, что было сзади.

Все было мертвым. Теперь от него не осталось ничего, кроме костей. Может, немного сухожилий. Будто кто-то содрал с мира всю кожу — и с этим тоже плохо поработал. Последние следы того, что было раньше, теперь свисали на горизонте. Природа обхватила своими колючими руками то, что осталось — душила, тащила в прах. Через несколько лет все будет так, будто ничего этого никогда не существовало.

Нет, мир уже был не тот, что раньше.

— Эй, урод, у тебя там все в порядке?

Голос Уолтера громко раздался внутри моего шлема. Я подпрыгнула от шума и чуть не упала с байка. Его костлявая талия была единственным, за что мне можно было ухватиться, — и я сжимала его, словно земля была сделана из битого стекла.

— Ой! Что, черт возьми, с тобой не так?

— Извини, ты напугал меня до чертиков.

— Что?

— Я же сказала, ты напугал меня до чертиков!

— Я почти не слышу тебя, дитя. Тебе придется повернуть ручку!

Я пыталась. Это было нелегко, потому что мы ехали со скоростью сорок миль в час по зарослям, а Уолтер не сбавлял скорость перед кочками. Бывали моменты, когда я верила, что мы оторвались от земли.

Моя рука дрожала, когда я коснулась края шлема — шлема, который был слишком велик для меня и пах так, будто последние тридцать лет бродил в бочке с потом. Уолтер построил маленькую систему внутренней связи в наши шлемы: набор динамиков, приклеенных возле рта и левого уха, подключенных проводом к распределительному щиту сбоку мотоцикла.

Это было уродливо, и связь прерывалась почти каждое второе слово. Но байк был таким громким, что я не думала, что мы смогли бы слышать друг друга без него.

Когда мне удалось найти импровизированный регулятор, он не повернулся. Он сильно раскачивался из стороны в сторону и намекал, что вот-вот выскочит из сустава, но это никак не влияло на громкость.

Из чего он вообще был сделан? Кнопки? Это была стопка кнопок, приклеенных к какой-то ручке?

Ради бога, Уолтер.

— Думаю, он уже повернут!

— Что?

— Думаю, он уже повернут!

— Нет, нет, ты должна повернуть его. Вот так.

Я не слышала, что дальше говорил Уолтер. Как только он убрал руку с тормоза, мы свернули в сторону ближайшего мескитового дерева. Не было ни одного квадратного дюйма

этой штуки, которая не была бы полностью покрыта шипами — шипами, достаточно сильными, чтобы пробить стекло, размером примерно с мой зрачок.

Я кричала Уолтеру, чтобы тот положил свои руки обратно на руль.

Он это сделал, и мы ехали на краю колес столько, сколько ему было нужно, чтобы выровнять нас. Я не могла измерить это в секундах, но могла сказать, что у меня было достаточно времени, чтобы прокричать полный абзац ругательств.

— Эй, ну вот! Похоже, ты нашла громкость, — рассмеялся Уолтер.

Мои легкие полностью опустились в таз, и я больше не ощущала своих ног. Я сомневалась, что мой голос когда-нибудь вернется.

— Просто езжай, — выдавила я.

— Что?

Не было смысла. Уолтер мог слышать так же хорошо, как камень мог плавать. Я протянула руку через его плечо и махнула в сторону туманных зданий вдалеке, давая ему то, что я считала сигналом, чтобы он поторопился, черт возьми.

Но вместо этого он замедлился и начал рассказывать историю:

— Да, думаю, что все это здесь когда-то было таким. Сотни и сотни зданий. Вот почему холмы все плоские сверху, — Уолтер убрал руку с тормоза, чтобы показать жест, и байк сел на заднее колесо. — Что ты творишь? Боже, дитя!

— Держи руки на руле, старик, — ответила я.

— Ты выжимаешь из меня все дыхание, и я не могу тебе что-то рассказать. Ты хотела, чтобы я рассказал тебе кое-что, верно? Ну, тогда заткнись и слушай. Нужно быть осторожной, заходя в места с большим количеством зданий, — говорит Уолтер, — потому что там обычно полно ботов.

— Боты?

— Нет, боты. Прочисти уши. У вас есть боты в Мире Уродов?

— У нас их много, они...

— Да, я не догадывался. Боты — это машины, ясно? Некоторые из них совсем простые — как квадрат на колесах. У некоторых есть руки и ноги, и они ходят, как люди. Что, по моему, чертовски жутко, — его вздох громко потрескивал в коммуникаторе. — Большинство из них не беспокоит, но есть такие, которые тебя убьют. В них встроено оружие — настоящее противное оружие. И если ты не будешь осторожна, они... — его слова перешли в ворчание, — а, только не заходи ни в какие здания без моего разрешения, хорошо? Просто слушай меня, и все будет хорошо.

— Это произошло в Далласе? — сказала я достаточно громко, чтобы даже заложенные уши Уолтера услышали. — Вы все зашли в здание, и вас не послушали?

Он услышал меня. Я точно знала, что он меня услышал, потому что на мгновение он замолк. Затем он поменял тему:

— Знаешь лучшее место, где можно добыть качественную экипировку? Больницы. Находишь любое старое захудалое место с красным крестом на нем, и оно всегда будет, стоит посмотреть...

Уолтер не расскажет мне о том, что произошло в Далласе. Каждый раз, когда я спрашивала, он менял тему. Или полностью игнорировал меня. Как минимум один раз он проглотил полпачки таблеток — наверное, потому, что лучше провел бы ночь с головой в ведре, чем отвечал на мои вопросы.

Что бы ни случилось с парнями в Далласе, я все больше убеждалась, что это была вина

Уолтера. Вот почему он напивался каждую ночь и делал такие идиотски опасные вещи. Он скорее напился бы до смерти, чем открылся и рассказал об этом. Но я должна была спросить.

Я не могла не надеяться, что когда-нибудь он мне расскажет.

* * *

— Что именно мы здесь делаем?

— Не разговаривай со мной, урод, — фыркнул Уолтер. — Я пытаюсь сосредоточиться. На чем он концентрировался, я понятия не имела.

Мы оставили байк примерно в полумиле от города. Уолтер втиснул его в заросли высоких колючих сорняков. Затем он заставил меня прикрыть то, что осталось видным, еще более колючими ветвями. Он не дал никаких указаний, кроме того, что я должна вытащить голову из задницы и использовать ее.

Когда я сказала, что человеческая голова не могла поместиться в собственном заду, Уолтер с усмешкой ответил:

— Хочешь поспорить, уродка?

Я не хотела.

Так что я закончила прикрывать байк и следовала за ним пыльные полмили в город.

Город был неподходящим словом. Город был местом, полным людей, шума и света. Я стояла в костях города: свет был выключен, улицы были тихими, и люди, скорее всего, были мертвы. Единственным, что осталось в движении, был большой столб дыма.

Он поднимался откуда-то из центра зданий, и это был один из самых черных дымов, которые я когда-либо видела.

— Резина, — фыркнул Уолтер, когда я спросила. — Наверное, из-за штабеля шин или чего-то еще. Людям очень нравится жечь шины. Я никогда не мог понять, почему. Хм... — он нахмурился, глядя на дым, и сдвинул поля шляпы на глаза.

— Что?

— Ой, наверное, ничего, — хмыкнул он. Затем через мгновение он предложил двигаться дальше.

Мы добрались до пункта назначения примерно через час после полудня. Здания вокруг нас тянулись достаточно высоко, чтобы закрыть палящее солнце, но они были пустыми. Их окна были разбиты, а подоконники выглядели так, будто они плакали каждый день на рассвете. У многих были карнизы, которые рухнули или были изношены неровностями из-за погоды. Теперь все, для чего они годились, — это создать небольшую тень и, по-видимому, дать Уолтеру возможность поглазеть.

Он стоял с растопыренными ногами перед дальней стеной уже почти две минуты.

— Какого черта ты вообще делаешь?

— Не могу сказать, — хмыкнул он.

— Ну, тебе нужна помощь?

— Хм. Не от тебя. Просто нужно время, хорошо? А теперь заткнись и дай мне подумать.

Я знала по опыту, что если буду перебивать его, это только затянет дело. Поэтому я прикусила язык и старалась оставаться занятой.

Мы были внутри какого-то здания, которое раньше было отелем. Уолтер сказал, что раньше люди платили за ночлег в отелях. Но я ему не верила. Я бы побоялась даже моргнуть в таком месте, не говоря уже о том, чтобы свернуться калачиком и уснуть.

Отель был сильно наклонен, будто настолько прогнул, что мог опрокинуться. Полы,

вероятно, когда-то были бетонными, но с тех пор их съели толстые слои грязи и травы. В правом углу комнаты была ржавая металлическая лестница, ведущая на верхние этажи.

Я слышала, как они скрипели. Они стонали, будто на них сидело что-то тяжелое, и время от времени раздавался громкий хлопок — что мешало, потому что сегодня не было ветра. Даже ветерка. Ничего естественного, что могло бы вызвать шум в здании.

Это тревожило. В долгих паузах между скрипом я слышала собственное сердцебиение. Оно глухо стучало в ушах, гудело в горле. Я старалась не дышать слишком много. Даже легкий свист воздуха в легких казался излишне громким...

Тишину нарушил звук жидкости, яростно плещущейся о дальнюю стену. Я слышала торжествующее ворчание Уолтера, и меня охватил ужас от того, что он пытался сделать.

— Боже мой! Ты...?

— Ха! Ага.

— Это занимает так много времени? Это... здорово?

— Эй, такие вещи начинают происходить, когда ты стареешь, урод, — крикнул Уолтер, пока брызги продолжались. — Раньше я мог пойти, когда захочу. А теперь меня будто кто-то завязал узлом...

— Фу! Я не хочу...

— ...заткнул дырку, а потом сказал мне вымолить мочу из моей трубки, понимаешь?

Нет, я не понимала. И я могла бы прожить долгую счастливую жизнь, даже не зная об этом. Я чувствовала, что Уолтер иногда просто говорил о вещах, потому что он знал, что это заставит меня чувствовать себя некомфортно. Зачем еще ему было это делать?

Только после того, как он сделал лужу, достаточно большую, чтобы в ней можно было ловить рыбу, Уолтер застегнулся и вышел из темноты.

— Хорошо. Твоя очередь.

— Что?

Он указал большим пальцем за спину.

— Иди, отлей.

— Нет, — слово вылетело еще до того, как я успела полностью понять, что он говорил — это был рефлекс или что-то в этом роде. — Нет. Я ни за что не сделаю этого.

— Почему нет? — Уолтер вытащил из жилетного кармана комок жевательной резинки и сунул его за губу — еще один признак того, что ему было не по себе. Чем больше комок, тем он спокойнее.

И эта штука едва помещалась у него во рту.

— Что происходит? — сказала я, глядя, как он запихивал комок на место.

— Ничего.

— Это не похоже на ничего.

— У меня просто иногда бывают эти маленькие тики, понимаешь?

— Тики?

— Да, например, когда что-то кажется неправильным. Хотя чаще всего без причины, — он махнул рукой в сторону уголка и хмыкнул. — А теперь давай. Ты должна уйти, пока сюда не добрались пады — ты не можешь скрестить ноги и застонать, пока я буду говорить. Мы должны выглядеть заслуживающими доверия, да?

— Надежными, — исправила я его. — И я пойду, но я не могу сделать это, пока ты стоишь здесь.

— Ты стесняешься что ли?

— Может быть.

После еще одного свирепого взгляда Уолтер, наконец, фыркнул и сказал:

— Хорошо, послушай... Я знаю, что другие уроды сделали с тобой. Я знаю, что они заперли тебя и заставили мочиться в ведро, но ты не можешь...

— Подожди — откуда ты это знаешь? — буркнула я.

— Потому что ты болтаешь об этом всю ночь! — Уолтер фыркнул. — Каждый раз, когда я почти уснул, я слышу «не заставляй меня использовать ведро, Говард. И не сажай меня в коробку, Говард». Боже, то, как ты говоришь об этом, наводит меня на мысль, что дьявол, должно быть, вручную сшил этого Говарда.

Я сама часто думала об этом. И я думала, что Уолтер был прав: я не должна была позволять тому, что произошло в прошлом, пугать меня.

— Хорошо, — буркнула я.

— Что?

— Я сказала, хорошо. Я отолью.

— Ясное дело. Потому что, если ты этого не сделаешь, ты получишь плесень.

Вряд ли это была правда, но я не спорила.

— Я буду здесь и присмотрю за всем, — пообещал Уолтер. — Падов не будет еще час, так что у тебя полно времени.

— Хорошо.

— И, эй, — Уолтер грубо схватил меня за переднюю часть моего комбинезона и поднял на цыпочки, — я оставил старую Жозефину в том углу. Падам не нравится, когда люди выходят, размахивая оружием, и это заставляет цены расти. Но то, что она стоит сзади, не означает, что ты должна ее трогать. Ты оставишь ее в покое, слышишь меня? Нельзя, чтобы твои маленькие уродские пальчики царапали ее отделку.

Ржавчина и погода повлияли на отделку Жозефины около десяти лет назад. Но у Уолтера было семь оттенков сумасшествия в глазах, и я не собиралась его злить.

— Я не буду прикасаться к этому — к ней, — быстро сказала я.

Уолтер толкнул меня вниз.

— Конечно, не будешь, — ворчал он, шаркая к дверному проему. — Ты не хочешь потерять пальцы, поэтому...

Как только он исчез из виду, я бросилась к задней стене. Моя ситуация превратилась из отчаянной в неизбежную, и я могла только расстегнуть пуговицы. Не успела я занять позицию, как услышала рычание пикапа, направляющегося в нашу сторону.

Все, что должно было случиться, тут же скрылось. Я пыталась убедить себя, что у меня было время: этот грузовик, вероятно, был в минутах езды. Я так глубоко спряталась в этом отеле, что если бы кто-нибудь сунул туда голову, он бы меня не увидел.

И это, вероятно, будет моим последним шансом на какое-то время. Я знала, как долго Уолтер говорил, когда были только он и я. Я не могла себе представить, как он будет себя вести, если будет несколько человек, с которыми можно поговорить. Мы могли остаться тут до завтра.

Но как бы я ни пыталась убедить себя, мое тело просто не слушалось. Стресс от грузовика, приближающегося к нам, и страх, что кто-то войдет и увидит меня, мешали чему-либо случиться.

Пикап свернул на нашу улицу. Я слышала, как Уолтер кричал, чтобы он остановился, и поняла, что мое время истекло. Похоже, мне просто придется скрестить ноги.

Я потянулась, чтобы поднять комбинезон, когда кто-то из грузовика закричал в ответ. Это были не пады. Я знала, потому что они не говорили по-техасски.

Я замерла на середине рывка и слушала, вдруг я ошиблась. Но я знала, что нет: эти люди, кто бы они ни были, не говорили на нашем языке — значит, они были какими-то граклами. Уолтер всегда говорил, что каждый раз, когда два человека не могли понять, о чем говорил другой, в кого-то всегда стреляли. Стрелять было легче, чем слушать.

Язык или нет, но Уолтер стрелял сильнее всего, что я знала. Это было худшее, что могло пойти не так, случиться в самое неподходящее время. Меня буквально поймали со штанами вокруг лодыжек.

Была доля секунды, когда я надеялась, что они не нападут на нас. Может, это будет первый случай в истории людей, когда кто-то вел себя прилично. Не успела я вбить эту мысль в голову, как началась драка.

Я насчитала пять. На дороге за пределами отеля разнесся гул не менее пяти мощных винтовок. Они заряжались, наполняя свои камеры потоком концентрированной энергии. Их жужжание нарастало до тех пор, пока у меня в голове не начало звенеть, и казалось, что у меня между зубами застряли шершни.

Потом винтовки вдруг выстрелили.

Все изменилось в мгновение ока. В одну минуту я просто попыталась облегчиться, а в следующую — упала, полуголая, к ближайшему укрытию.

Снаружи был полный хаос. Бело-голубые вспышки освещали улицу; куски кирпича и известки со стен. Блуждающий луч пробил себе путь через пустое окно и прошел сверху.

Я ощущала жар на тыльной стороне голых ног — это было как повернуться к солнцу. Луч ударился о стену и взорвался, оставляя след размером с мою голову.

Это были не старые винтовки, а настоящие. Мы были прижаты, в меньшинстве. У Уолтера были серьезные проблемы — если он еще не погиб. Высунуть голову в дверной проем было бы приглашением снести ее. Мой лучший шанс — добраться до крыши.

Я порвала комбинезон на ногах и туго обвязала рукава вокруг талии. Я поползла, направляясь к углу, где стоял беспорядочный пистолет Уолтера. У меня все еще был револьвер, но я израсходовала большую часть заряда, уничтожив Брендона. Теперь у меня осталось всего пятнадцать процентов энергии в кристалле — и этого было мало для борьбы.

Я карабкалась по комнате, уклоняясь от лучей и морщась от града тлеющего гравия. Пыль покрыла мой язык; в воздухе пахло дымом и горелым пластиком. Я попыталась следить за тем, сколько выстрелов делали Граклы, пытаясь угадать, когда они потеряют заряд. Но я не могла сосредоточиться.

Боялась, впервые за долгое время.

Жозефина была прислонена к стене, ее огромный ствол был направлен на крышу. Она весила больше, чем я думала, даже больше, чем должна была. Часть меня беспокоилась, что с ней было не так, в то время как остальная часть неслась вверх по лестнице.

Я перешагивала по две за раз. Мои ботинки сильно шлепали по ржавым ступеням, и я ощущала, как вся лестница раскачивалась из стороны в сторону. Но на улицах было достаточно шумно, и я не думала, что Граклы меня слышали.

К тому времени, когда я достигла площадки третьего этажа, я уже запыхалась. Пот катился по моему лицу, а легкие будто схватил дьявол. Пытаясь отдышаться, я выглянула в окно.

Граклы стояли на повороте улицы, вне поля моего зрения. Их выстрелы не имели

направления: лучи вырывались из кузова грузовика веером, пробивая зияющие окна и оставляя обугленные следы на кирпиче. Никаких следов Уолтера. Если он был умным, то лежал где-то на брюхе с руками над головой...

Нет.

Я не могла в это поверить, но он шел: бежал по улице, сунув руки в карманы, жевал — не переживая из-за того, что Граклы взрывали все вокруг него к чертям. Куски здания падали, а лучи летели достаточно близко, чтобы опалить верхнюю часть его зеленоватой шляпы. Но Уолтера, похоже, это не волновало. Будто он ослеп, оглох и онемел.

Черт возьми, Уолтер.

Зараза.

Мне хватало дыхания, чтобы подняться на последний лестничный пролет. Между мной и крышей была дверь, но она настолько проржавела, что ее было просто выбить ногой. Я вышла, щурясь, когда солнце ударило меня по глазам. И, может, потому, что я ослепла, я не заметила гнилого пятна перед собой.

Моя левая нога пробила крышу, разрывая штаны комбинезона и царапая меня до бедра. Жозефина тянула меня вниз, и я упала с головой. Мои зубы щелкнули, я тяжело рухнула на подбородок. Была секунда, когда я парила на краю сознания — но я как-то держалась.

Я медленно вытащила ногу из крыши. На внутренней стороне бедра был длинный порез. Он был неглубоким, но жалил, как огонь. Что-то теплое щекотало мне горло, и я поняла, что расколола себе подбородок. Я прижала рукав к потоку крови и пыталась остановить его.

Было больно. Я была поранена и ушиблена, но боль меня пробудила — прояснила голову.

Что-то охладило мою кровь, когда я снова встала на ноги. Внизу все стихло: ни стрельбы, ни вспышек. Всего несколько слабых струек дыма. Я подошла к краю крыши, присела, стараясь, чтобы солнце не светило мне в спину. Свет прикроет меня, если кто-нибудь из Граклов вздумает поднять голову.

Один из них говорил. Я не могла его понять, но он звучал как лидер. Я с облегчением услышала ответ Уолтера:

— Что?

Жозефина не была предназначена для кого-то моего роста. Я продела руку через изъеденный молью ремешок и использовала его, чтобы удерживать локоть. Затем я опустила длинное дуло над уступом и попыталась понять, что делали Граклы.

Они оставили свой грузовик позади себя и замкнули Уолтера в кольцо. Он сплюнул на землю нитки коричневой слюны, как всегда спокойный и беззаботный. Граклы носили шлемы с темными оттенками и черную ткань, закрывающую рот. Я не могла прочитать ни их слов, ни их выражений. Но, несмотря на то, что своими лучами они устроили небольшие пожары по всему городу, они, похоже, не были заинтересованы в том, чтобы причинить вред Уолтеру.

По крайней мере, пока.

Пока они разговаривали, мне нужно было несколько минут, чтобы привыкнуть к Жозефине. У меня не было возможности выстрелить из нее, и моим единственным ориентиром был раз, когда Уолтер пытался подстрелить канюка со столба забора. Он очень сильно промазал — и я надеялась, что это было только потому, что он был пьян, и Жозефина тут была ни при чем.

Мне бы хотелось немного освоиться. Но дела с Граклами почти вышли из-под контроля:

предводитель шагал к Уолтеру, и с каждым шагом его голос становился все громче. Он тыкал пальцем в середину груди Уолтера — вероятно, надеясь напугать его.

Но он получил только это смешок.

Ага. У кого-то дела пойдут очень, очень плохо. И моя работа состояла в том, чтобы этот кто-то не был Уолтером.

Я быстро нашла свою цель: гракл на дальнем конце кольца, который не сдвинулся ни на дюйм. Остальные ходили или раскачивались, а он стоял так, будто у него были шесты вместо ног. Я сделала глубокий вдох и перевела взгляд Жозефины на середину его груди, пытаясь не обращать внимания на то, что длинная полоска самодельного клея Уолтера стекала по трещине в стволе.

«Боже, помоги мне».

Гракл был в доспехах. Выстрел в грудь не убил бы его и, вероятно, даже не причинил бы вреда. Но это дало бы мне хорошее представление о том, как стреляла Жозефина. Затем, как только я это выясню, я смогу перейти к горлу.

Резкий визг отвлек мой взгляд от цели. Уолтер каким-то образом зажал руку лидера. Другие Граклы сразу же бросили на него взгляды, но ни один из них не казался достаточно уверенным, чтобы выстрелить.

Они стояли так несколько секунд. Никто не моргал. Никто не двигался. Затем их лидер выкрикнул что-то, должно быть, довольно непристойное, потому что Уолтеру потребовалось около двух секунд, чтобы выхватить нож из-за пояса и воткнуть его в чувствительный сгиб руки лидера.

Он закричал, и это стало сигналом.

Граклы стали заряжать винтовки.

Единственное преимущество, которое у меня было, — это время: десять секунд, необходимые им для зарядки, по сравнению с Жозефиной. Верно. Одна секунда. Я не могла в это поверить, когда впервые увидела, как Уолтер заряжал ее — и это заставило меня волноваться в сто раз больше. Но односекундная зарядка сейчас была полезна.

Рычаг Жозефины представлял собой изогнутый металлический болт, вставленный сбоку в ее раму. Я направила его вверх и назад, как это делал Уолтер. И я чуть не упала, когда его камера наполнилась глубоким гулом.

«О, Боже... если у Жозефины такая отдача, как она будет стрелять?».

Я не могла беспокоиться об этом. Я не могла позволить себе нервы. Я прицелилась и держалась так крепко, как только могла.

Щелчок — БУМ.

Это как держать пушку. Вся часть загорелась и испустила луч размером с мою руку. Сила была настолько мощной, что она толкнула дуло ввысь. Я не думала, что даже Нормал смог бы удержать Жозефину без синяков в первый раз.

Неделю будет болеть.

Кто-то закричал, и я увидела, что моя цель цеплялась за огромную тлеющую яму в левой руке. Я снова прицелилась, на этот раз приспособившись к отдаче. Грохот заряда дрожал у моего плеча. Я держала нос Жозефины правее его горла и чувствовала, как мое тело расслаблялось.

Каким-то образом я знала, еще до того, как нажму на курок, что попаду.

Щелчок — БУМ.

Гракл упал, слабо нащупывая прижатую дыру в середине шеи. Все остальные

отпрянули и разошлись. Я поймала еще одного Гракла на полпути — выстрел, которым я не очень гордилась, он был на шестьдесят процентов удачным.

После этого им не нужно было много времени, чтобы найти меня. Два оставшихся Гракла нацелились на мою позицию. Они начали трясти винтовками, пытаясь ускорить заряд. Тем временем Уолтер и главарь затеяли кулачную драку: они одни в разорванном круге, катались и обменивались ударами.

Это отвлекло меня. Я не попала по горлу следующего Гракла и вместо этого взорвала его нижнюю челюсть.

Луч испарил ткань, закрывающую его рот, и дал мне полное, ужасное представление о том ущербе, который я только что нанесла. Часть его горла была обнажена. Пар поднимался от темно-красных ожогов вдоль гребней. Он давился языком; я видела, как кровь пузырилась темными сгустками вокруг рваных краев его кожи. Но хуже всего было то, что пуля не перерезала ему вены — а значит, спокойно он не умер.

Я слышала его предсмертные крики.

Каждый последний.

Я была так потрясена, парализована ужасом, что забыла счет. Я не понимала, что последняя винтовка Гракла была заряжена, пока он уже не навел ее мне в лицо. Она была полной. Внутри ствола вспыхнул первый из примерно десяти снарядов бело-голубых лучей.

А я не шевелилась.

Я смотрела, как его палец сжимал спусковой крючок, и все еще не могла пошевелиться.

— Аргх!

По какой-то причине крик Уолтера привел меня в чувство. Я пригнулась как раз в тот момент, когда Гракл выстрелил, и обхватила руками голову, прикрывая лицо, когда уступ взорвался. Он сделал еще два выстрела, прежде чем Уолтер сбил его. Я услышала хруст, тело ударило о землю, а затем звук выстрела из винтовки с очень близкого расстояния.

— Эй! Ты в порядке, урод?

Я подняла голову над дымящимся уступом и увидела Уолтера, окровавленного и в синяках, стоящего над обугленными останками последнего Гракла.

— Ага, — выдавила я.

— Ага, — он посмотрел, щурясь, на Жозефину. — Разве я не говорил тебе не трогать мой пистолет?

— Если бы я этого не сделала, ты был бы мертв, — ответила я. — Лучше просто поблагодари меня и иди дальше.

Уолтер усмехнулся. Он опустил винтовку Гракла на плечо и медленно повернулся, осматривая повреждения. Затем он свистнул.

— Черт. Ты неплохо стреляешь.

— Я же говорила тебе.

— Ну, кажется, я забыл. Ха... как, ты сказала, тебя зовут, еще раз?

— Шарли, — прорычала я сквозь зубы. — В сотый раз, меня зовут Шарли.

— Почему каждый раз, когда я вывожу тебя, ты истекаешь кровью повсюду? — рявкнул Уолтер, глядя на царапину на моем бедре.

— Не то чтобы я собиралась порезаться, — оправдывалась я.

Он фыркнул.

— У тебя есть кожа не просто так, урод. Ты получишь этих мелких червяков, если будешь продолжать вскрывать ее. Теперь давай закончим.

Он выхватил Жозефину из моих рук и опустил ее себе на плечо. Я прошла, чтобы раздеть ближайшее тело, используя метод, которому меня научил Уолтер. Обшарила карманы, сняла жилетку и проверила подошвы ботинок — если их еще можно носить, брошу в седельную сумку.

Я начала развязывать шнурки, когда поняла, что Уолтер не мародерствовал. Он повернул к одному из полых зданий, его глаза шурились над прицелом Жозефины. Рывок его головы превратился в полный вихрь, когда он понял, что я не за ним.

«Какого хрена ты делаешь?» — произнес он ртом.

Я в недоумении подняла сапоги.

«Нет! Иди сюда».

— Что? — прошипела я, подбегая к нему.

Уолтер не ответил. Он прошел через провисший дверной проем и жестом пригласил меня следовать за ним. Я вытащила мачете из-за пояса, готовая размахнуться. Я узнала достаточно, чтобы понять, что, когда Уолтер замолкал, все было серьезно.

Он вывел нас на середину запыленного коридора, потом остановился.

— Ну, наверное, я ошибся. Здесь ничего нет. Мы должны просто развернуться и уйти назад.

Его голос был слишком громкий, будто он хотел, чтобы его слышали. Я решила, что в здании был кто-то еще.

Только я поняла это на три секунды позже.

— Аргх!

Тень выпрыгнула из комнаты позади меня. Я замахнулась мачете над ее головой, закрыв глаза за секунду до того, как лезвие коснулось кожи. Я не должна была закрывать глаза — Уолтер сто раз говорил мне, что так разумные люди умирают, как идиоты. Но я просто не слушала.

Тень пригнулась, пока мои глаза были закрыты, и я вскрикнула, когда что-то острое вонзилось мне в шею. Она бы вошла полностью, если бы Уолтер не разбил нос тени. Один быстрый толчок прикладом Жозефины, и ее тело упало на землю.

— О, Боже, Боже...

Я бросила мачете. Моя рука задрожала, когда я увидела свежую струю, текущую по моей шее, нащупала источник. Это был небольшой порез — не шире или глубже, чем крыса могла бы вынуть из меня. Я с облегчением опустила на колени.

— Ой, ну вот — опять кровь. Блин! — Уолтер сплюнул. Он толкнул тень каблуком ботинка и сел рядом с ней на корточки. Через секунду он издал вопль. — Женщина! О-о-о, мы получили самку!

Он схватил тень вокруг ботинка и вытащил ее наружу, воя, как какое-то животное. Я осторожно следовала. Мои ноги все еще тряслись от того, что на меня прыгнули. Как только мы вышли из здания, я стала видеть лучше.

Мы определенно поймали гракла, и это была женщина. Ее темные волосы были выбриты по бокам, но полоса колючих волн шла ото лба к затылку. На ее шее была отметина — выпуклый шрам, который Уолтер назвал клеймом. Если бы я что-нибудь знала о них, то смогла бы сказать, с какими Граклами она бегала, просто взглянув на эту метку.

— Три звезды... — ворчал Уолтер, проводя по выпуклому клейму на ее шее. — Ну, это не самые плохие граклы, которых мы могли разозлить, но они близки к этому. Хм...

— Что?

Уолтер на секунду замолк. Он теребил свою бороду и смотрел на Граклу, ухмылка расплзлась по его лицу. Затем без предупреждения он захохотал.

— Что? Что, черт возьми, смешного? — повторила я, хотя мне пришлось кричать, чтобы перекричать его кудахтанье.

— Черт бы побрал этих падов — они же все продумали, да?

Я не понимала.

— Пады даже не показались.

— Верно. И им это было не нужно, потому что у них есть маленькая мисс Ножик, — он щелкнул Граклу по голове, — и ее друзья, поглощающие лучи света, которые делают всю работу за них. Боже, это была ловушка, малыш, — выл Уолтер, когда я покачала головой. — Пады специально послали сюда Граклов — вероятно, что-то подожгли, надеясь, что это их выманит.

Я помнила огромный столб дыма, поднимавшийся из центра города, и вдруг поняла, о чем говорил Уолтер. Этот дым определенно заинтересовал меня. Я могла только представить, что для Граклов это выглядело чем-то стоящим внимания.

— О... это похоже на то, как Доктор Зло заложил фальшивую бомбу в сельской местности, чтобы выманить Агента Девять из города.

— Я ни черта об этом не знаю, — буркнул Уолтер. — Но да, я думаю, можно сказать, что Граклы сами себя заманили. И это не просто какая-то старая группа. Трехзвездных около пяти сотен.

— Пятьсот?

— Ага. Граклы похожи на пчел, ясно? Чем дольше позволяешь им оставаться рядом, тем более злобными они становятся. Три звезды существуют уже почти двадцать лет.

Когда я поняла размер муравейника, на который только что наступила, у меня перехватило дыхание.

— Твою...

— Ага. Мы живем так же хорошо, как кот с коротким языком и укусами комаров под хвостом. Но становится хуже, — Уолтер снова коснулся клейма Граклы. — Эта метка здесь означает, что она никому не нужна. Никто не хочет, чтобы три звезды выбили их дверь. Поэтому, прежде чем мы что-то сделаем, мы должны поставить ей другую метку.

Мне эта идея совсем не нравилась. Конечно, Гракла пыталась перерезать мне горло. Но это не было поводом ее сжигать.

— Я не собираюсь никого мучить. Мне все равно, какая она.

— Э, она ничего не почувствует. Посмотрите, как ясны ее звезды, — Уолтер нажал на одну из маленьких складок кончиком пальца. — Обычно они какие-то размазанные — из-за судорог. Очень больно, когда кто-то прикалывает к твоей коже раскаленное железо. Но здесь у них прямые края и острые концы. Я не думаю, что она даже моргнула, не говоря уже о том, чтобы вздрогнуть. Хм.

Уолтер опустил поля своей шляпы — верный признак того, что он глубоко задумался.

— Должно быть, она крутая.

Я в этом совсем не сомневалась. Ее лицо было женственным: тонкие брови, пухлые губы и гладкая кожа. Ее нос, вероятно, раньше был намного прямее, но теперь он был кривой и в крови. Тем не менее, несмотря на то, что она была женщиной, Гракла, кажется, сделала все возможное, чтобы выглядеть подлой.

В мочках ее ушей были металлические кольца, а на правой щеке был тонкий белый шрам. Она даже обвела глаза углем...

Уолтер свистнул, и я подпрыгнула.

— Что?

— Я сказал, держи ее, урод. Ты меня не слышала? — Уолтер подтянул меня к голове Граклы и поставил на колени. Затем он потащил ее тело, пока ее голова не оказалась у меня на коленях. — Нужно держать ее вот так — под углом, или она утонет в собственной крови. Я потерял хороший продукт, позволив им захлебнуться. Держи ее здесь, а я ее свяжу.

— Ладно, — прорычала я. — Только поторопись.

Уолтер ушел, шаркая, чтобы найти какую-нибудь веревку, а я следила за нашей... Наверное, она была нашей пленницей, но я не была уверена. Окрас Граклы напоминал мне шерифа Кляйн, хотя он был более насыщенным. Я знала, что когда она проснется, ее глаза будут черными, а не зелеными. Тем не менее, я нашла некоторое утешение в сравнении.

Ее одежда была грубой и явно негабаритной — мужская одежда. Я видела, где ей пришлось пробить дырки в ремне. Рукава ее рубашки были закатаны несколько раз, и ее запястья изящно выступали из-под них.

От этого Гракла не так сильно воняло, как от человека. Я ожидала, что она будет вонять, и от нее исходил довольно здоровый запах пота и масла. Но ее волосы приятно пахли. У них был такой натуральный аромат, как запах дождевой воды на горячем бетоне. Пальцы ног поджались, как во время грозы.

— Эй, эй!

Уолтер рявкал, пока я не подняла голову. Он кивнул туда, где моя рука была прислонена к лицу Граклы. Я понятия не имела, как она туда попала.

— Она не щенок. Она не милая маленькая штучка, которую ты приносишь внутрь...

— Да, я знаю, — я ткнула пальцем в порез на шее. — Она чуть не убила меня, помнишь?

— Я помню. Просто интересно, помнишь ли ты. А теперь посмотри сюда... — Уолтер нашел довольно приличную веревку среди припасов Граклов. Он завязал петли вокруг каждой из ее лодыжек, оставляя между ними короткий отрезок. — Видишь, что я здесь сделал? Если не хочешь таскать ее повсюду, нужно дать ей достаточно места, чтобы она могла передвигаться сама по себе — мелкими шагами, хорошо? Не бегать. Ты не хочешь, чтобы она бежала.

— Хорошо, поняла.

Я старалась следить за всем, что он делал дальше, но Уолтер был слишком быстр. Как ему могло понадобиться пятнадцать минут, чтобы справиться нужду, если он мог завязать четыре сложных узла за тридцать секунд? Он связал веревку для ее ног с ее запястьями (короткая, поэтому ей пришлось сгорбиться), и ее руки были связаны вместе (туго и поперек, поэтому она не сможет их использовать), прежде чем я смогла понять, как именно он это сделал.

— Давай-ка посадим ее в грузовик. Ты хватаешь ее под руки... погоди секунду, урод.

Смотри сюда.

Уолтер закатил рукав Граклы, обнажая ряд маленьких белых шрамов на ее руке. Они тянулись от ее запястья, расставленные, как столбы забора. Там, наверное, было около двух десятков меток — Бог знал, сколько было у нее в рукаве.

— Ха! Видишь? Я знал, что она крутая, — он вонзил грязный ноготь в щель между двумя шрамами, оставляя после себя небольшой полумесяц. — Думаю, ты пошла бы туда. Просто маленькая странная метка, — он усмехнулся, наблюдая, как на моем лице появилось озарение.

— Это все люди, которых она убила? — прошипела я.

— Она не домашнее животное, — снова сказал Уолтер. — И она не милая. Мы многого от нее добьемся, но заставим на нас работать.

* * *

К тому времени, когда мы закончили грабить и погрузили все в грузовик Граклов, солнце начало садиться. Падальщики никогда не приходили посмотреть, мертвы ли мы — и это хорошо, потому что Уолтер говорил, что я навлекла на нас достаточно неприятностей для одного дня.

На выходе мы остановились и бросили байк в машину. Затем он передал мне ключи.

— Ты помнишь обратную дорогу, урод?

— А, думаю, да.

— Хорошо, — Уолтер вытащил бутылку из нашей кучи добычи и стал радостно пить ее содержимое. — Потому что у меня есть важное дело!

Следующие полчаса он провел в нехарактерной для него тишине. На лицевой стороне флакона был выцветший принт — голова и морда улыбающейся вороны. Уолтер улыбался в ответ, обводя заостренный клюв вороны. Его большой палец рисовал широкие круги по краям. Три раза. Затем он сделал скромный глоток, как для Уолтера.

— Что это за штука? — спросила я через некоторое время.

Он прижал бутылку к груди, защищая.

— Что? Ничего. Это пустяк.

— Не похоже, что ничего. Кажется, это что-то особенное. Не волнуйся, мне ничего не нужно, — сказала я, когда он попытался запихнуть бутылку себе под жилет. — Все равно пахнет мочой.

— Эй, эта штука старше тебя!

— Это не значит, что это хорошо, — парировала я. — Только посмотри на свою жалкую старую задницу.

Уолтер смеялся на секунду. Затем он посмотрел на бутылку.

— Это виски. Из места, которое я когда-то посещал под названием Трущобы. Это был маленький грязный аванпост на одном из моих старых маршрутов. Там я впервые выпил... рюмку этого, — он сделал глоток, более глубокий и вкусный, чем предыдущий. — Да, возможно, это не самый лучший напиток. Но это навевает воспоминания, понимаешь?

— Ностальгия.

— Будь здорова.

— Нет, ностальгия — это слово...

— Сгорело, когда мне было двадцать три, — продолжал Уолтер, не обращая внимания. — Некоторые Граклы нашли его и сожгли просто потому, что могли. Сожгли весь город. Видишь ли, в том-то и дело, что ты никогда не поймешь, потому что еще никому не

удавалось взломать Мир Уродов. Но ничто не длится здесь больше десяти лет. Люди умирают. Города горят. Места, которые были вокруг вас всю жизнь, могут быть сожжены за день. Мы избавляемся от Граклов сами на несколько лет. Затем они возвращаются, и следующие несколько лет становятся адом. Сейчас это ад, — добавил он со вздохом, — и я не знаю, когда станет лучше.

Я видела, что вот-вот потеряю его. Он вот-вот станет Ночным Уолтером: человеком, который невнятно произносил слова, волочил ноги и не имел возможности предупредить меня, если он сделал что-то противное. Разбудить его прямо сейчас могло означать, что придется иметь дело с его разглагольствованиями до рассвета. Поэтому я решила заткнуться и оставить его в покое.

Гракла все еще была без сознания в кузове грузовика. Мы заткнули ей нос кусками рубашки и привязали к байку Уолтера. Я делила свое время между взглядом на дорогу и наблюдением за ней в зеркало заднего вида.

Ее голова болталась, пока я везла нас по пересеченной местности. Иногда мне казалось, что я видела, как дрожали ее веки; я думала, что она могла вот-вот проснуться. Я начала оглядываться каждые три секунды или около того, на всякий случай.

Я никогда раньше не ездила по бездорожью, но все равно... кое-что знала. Я умела ехать по склону холма и канавам под углом. Когда я увидела широкое пятно грязи с похожей на воду рябью по всей поверхности, я знала, что нужно было объехать его.

Свет дня пылал, и объезд занял у нас лишние пару минут. Я ожидала, что Уолтер будет ворчать на меня за это. Но было не так.

— Хм.

— Что?

— Ну, я был уверен, что из-за тебя мы застрянем в песке, — хмыкнул Уолтер, обернувшись, чтобы посмотреть на рябь. — Но ты объехала его... ты точно никогда не бывала тут раньше?

— Почти уверена, — сказала я.

Я не знала, что Уолтер вспомнит утром. Вряд ли стоило говорить ему, что я объехала участок потому, что видела, как грузовик застрял в песке: он разделился в моих глазах и поехал вперед, двигаясь по земле, как тень с цветом. Я видела, как он погрузился в рябь. Я видела, как беспомощно крутились шины, видела, как они выбрасывали в воздух пыль и песок.

И вот как я знала, как нужно было ехать.

— Что ж, похоже, ты знаешь путь...

— Не знаю. Это была просто удачная догадка. Что мы будем делать с Граклой? — сказала я, надеясь сменить тему.

Уолтер просиял, поднимаясь, чтобы посмотреть в зеркало.

— Ну, мы должны дать ей новое клеймо — думаю, у меня есть то, что заставит ее выглядеть так, будто у нее полосы вместо звезд. Никому нет дела до полосатых Граклов. Потребуется несколько месяцев, чтобы оно зажило достаточно хорошо. Тогда мы отвезем ее в город и обменяем!

— Обменяем? На что?

— На что захотим, — Уолтер сделал большой глоток из своей бутылки, и я увидела, как краска залила его морщинистые щеки. — А-ах! До сих пор не верится, что нашли самку — Граклы обычно не выпускают их из лагеря. Должно быть, с ней что-то не так.

Мои руки ждали руль.

— Мне кажется, она в порядке.

— Ха, да, я уверен, она так выглядит.

— Что, черт возьми, это значит?

— Ты отлично знаешь, что это значит, — Уолтер потянул мою бандану. Он ухмыльнулся, когда мое лицо залил смущенный жар. — Только не привязывайся к этой, хорошо? Мы должны доставить ее в город и быстро избавиться от нее.

— Почему?

— *Почему?* Потому что она чего-то стоит! Со всеми драками, стрельбой и поджогами — знаешь, сколько женщин у нас осталось в Техасе?

— Не так много?

— Не так много, — согласился он, сердито отхлебывая виски. — Раньше на каждой остановке были хорошенькие девушки. Теперь повезет, если увидишь одну или две. Вот почему все так плохо, если хочешь знать, что я думаю. Женщины делают мужчин счастливыми, не дают им убить друг друга. Так что, по-твоему, произойдет, если мы будем таскать ее перед караваном с большими пушками?

— Они попытаются забрать ее?

— Они заберут ее. Посмотри, наконец-то, слушаешь, — хмыкнул он. — Вот почему мы должны отвезти ее в город — в какое-нибудь цивилизованное место, где есть правила, и мы сможем получить честную сделку. Иначе мы проделаем всю эту работу впустую.

Он уже зря работал. Примерно через две секунды после того, как он сказал «обмен», я решила сделать все, что в моих силах, чтобы остановить это. Благодаря Уолтеру я теперь точно знала, чего мужчины ждали от женщин, чтобы ощущать счастье. И это была судьба, которую я бы никому не пожелала. Даже Граклу.

Я не знала, что я собиралась с этим делать и когда я это сделаю. Но я была полна решимости защитить ее.

Мы наткнулись на гладкий участок земли, который, похоже, тянулся еще как минимум на милю. Поэтому я воспользовалась случаем, чтобы посмотреть в зеркало.

Она до сих пор не проснулась. Ее голова откинулась и прислонилась к треснутому сиденью байка Уолтера. Свет заходящего солнца сделал нечто удивительное с ее кожей: она стала мягче, спокойнее. Даже засохшая кровь, испачкавшая ее губы и подбородок, не могла сильно испортить ее внешний вид.

Я размышляла о ней. О ее жизни, ее историях. Я хотела задать ей все те же вопросы, что и Анне.

— Что, если я буду присматривать за ней, пока мы не будем готовы ее обменять?

— Ни за что, — зарычал Уолтер.

— Почему нет? Я буду держать ее связанной и все такое...

— Какую часть этого ты не понимаешь, урод? Это? — он ткнул пальцем в свежий порез на моей шее, и это было ужасно больно.

— Что за...? Ой! Прекрати!

Он не остановился. Он стал Ночным Уолтером: существом, которое делало все, что хотело, и никогда не слушало, что я говорила. Он был безжалостен, тыкал меня снова и снова. Каждый раз это было похоже на гадкую осу. Грузовик вилял, я пыталась отбить его руку. Я нажала на тормоза, и мы заскользили по пыльной земле, пока, наконец, не остановились.

Было только один способ привлечь внимание Ночного Уолтера.

Я бросилась через кабину и выхватила бутылку из его рук.

— Эй! Эй, не делай этого! — буркнул он, возясь, пока, наконец, не достал нож. Ржавое лезвие накренилось и качалось перед моим лицом. — Не делай этого, урод. Я разрежу тебя прямо... тьфу!

Я выбила нож из его руки, и он вылетел в открытое окно позади него. Затем я наклонилась и вывесила виски из другого окна.

— Прекрати меня тыкать.

— Я буду делать то, что умею... нет!

Я вылила немного на землю, и Уолтер закричал так, будто врезался задницей в кактус.

— Не трать зря! Не трать больше ни одной капли!

— Ты перестанешь меня тыкать?

— Да, я перестану! Я остановлюсь.

— Тогда ладно, — я собиралась вернуть бутылку внутрь, но она внезапно вырвалась у меня из рук. Я в замешательстве высунулась из окна, и мое лицо покрыла слюна Граклы.

Это было как минимум девяностопроцентный виски. Она плеснула его мне в глаза. Теперь я ослепла, мой нос обжигало, а мои белки словно вспыхнули пламенем.

— Боже мой! Мне нужна вода!

Я ковырялась в кабине добрых тридцать секунд, прежде чем, наконец, нашла одну из фляг. Пока я пыталась сохранить зрение, Уолтер хохотал во всю глотку. Он делал это так усердно, что, вероятно, навредил бы, если бы не остановился. А тем временем Гракла могла сбежать.

— Ой, она никуда не денется, — заявил он после того, как я в двенадцатый раз накричала на него, чтобы он проверил ее. — Я хорошо ее связал.

— Недостаточно хорошо! — сказала я.

Мои глаза все еще горели, и я была уверена, что они будут болеть в течение следующих нескольких дней. Я пролила воду на рубашку и промежность комбинезона. Но, по крайней мере, я снова могла видеть. Я повернулась, чтобы посмотреть в окно, и обнаружила, что Гракла начала трогать ее нос.

Она держала бутылку виски между ног и опустила кончики пальцев по обе стороны от носа. Затем она оскалила зубы и одним быстрым рывком вернула искривленную часть на место.

Я слышала треск через окно кабины.

— Фу!

Уолтер посасывал зубы.

— Да, больше ничего и не скажешь.

Как только ее нос оказался выправлен, Гракла вела себя так, будто ничего не произошло. Она опиралась на веревки, одна нога была скрещена на другой. Ее темные глаза небрежно скользили по земле, она поднесла бутылку к губам. Она сделала три больших глотка, даже не поморщившись.

— Что за черт...? — я не могла закончить мысль. Я не знала, злиться мне или радоваться, ужасаться или впечатляться.

— А что я тебе говорил? Держу пари, теперь ты чувствуешь себя намного лучше, позволив мне заниматься делами, — самодовольно сказал Уолтер.

На полсекунды я была согласна. Но тут Гракла поймала мой взгляд. Черные глаза ее

блестели на солнце, впились в мои. Ее губы разошлись вокруг горлышка бутылки в широкой насмешливой ухмылке.

— Нет, — услышала я свой голос. — Нет... я присмотрю за ней.

Мы с Уолтером спорили о Гракле каждую минуту, которая уходила на то, чтобы вернуться в Логово. Даже после того, как мы припарковались, мы продолжили. Он не думал, что я смогу держать ее под контролем. Я была убеждена, что смогу.

Ни один из нас не сломался.

— Ну-ну, нет. Ни за что.

— Почему нет?

— Потому что ты мягкая, дитя, вот почему! — сказал Уолтер. — И как только она это поймет, она начнет строить тебе глазки. И ты будешь плыть за ней и делать все, что она, черт возьми, скажет.

— Я думаю, что я немного жестче, чем это, — буркнула я.

— Что?

— Я не такая мягкая! Я могу справиться с одним человеком.

— Она не человек! Она гракл — дикое животное! — зарычал Уолтер в ответ. — Я не собираюсь рисковать нашей добычей из-за того, что у тебя вдруг появится немного твердости в крови. Проткнуть кому-то горло — это одно. Но кормить что-то, заботиться о нем, а потом продавать кому-то другому? Это то, что придаст твердости.

— Тогда дай мне шанс получить немного твердости, — резко сказала я.

Мне пришлось прикусить язык, чтобы не сказать то, что я хотела сказать на самом деле: продажа человека для использования другими было бесспорно самое гнусное и отвратительное, что мог сделать человек. Я не стала бы этого говорить, потому что такие слова для Уолтера не имели бы ни малейшего значения.

Он слишком долго жил в Ничто. Это испортило его. Ветер и жара испортили ему голову. Он многое мог сделать, чтобы защитить нас или получить дополнительную еду. По его мнению, продажа Гракла не являлась ошибкой.

Это было просто выживание.

И я ставила все свои шансы на надежду, что он увидит в этом еще один способ выжить.

— Если хочешь, чтобы я набралась терпения, я это сделаю. Но я не смогу этого сделать, если ты не научишь меня, как.

— Хм. Да... да, думаю, тебе стоит научиться. Чем раньше ты станешь более резкой, тем лучше. Я позволю тебе присмотреть за Граклой, но эй, — густые брови Уолтера приподнялись над его глазами, — она будет твоей работой, хорошо? Тебе лучше следить за ней от восхода до заката и каждый чертов час между ними.

— Буду, — твердо сказала я.

Мы пожали руки — моя ладонь была меньше и сжимала мягче, скользила по неуклюжим костяшкам пальцев Уолтера — затем он сказал с ухмылкой:

— Теперь, когда мы со всем этим разобрались, у тебя не возникнет проблем с доставкой груза из багажника, а?

Мой груз не был этому рад.

Я открыла дверь багажника и передала несколько ящиков Уолтеру. Как только я проложила путь, я пробралась к задней части, где Гракла все еще была привязана к байку.

— Эй? Не спишь?

Она посмотрела на меня поверх руля и схватила виски за горлышко. Когда она ее украла, оставалось почти полбутылки. Теперь я увидела, когда она подняла бутылку над

головой, что она была пустой.

— Боже мой... как ты еще не умерла? — буркнула я.

Ее взгляд стал мрачнее.

— Ладно, я развяжу твои веревки...

Она ударила бутылку о борт пикапа одним быстрым, отработанным взмахом. Дно разлетелось. Стекло брызнуло повсюду. Когда она вернула бутылку, та превратилась в дубинку с острыми как бритва зубьями.

— Эй, я не собираюсь причинять тебе боль, — я подняла, защищаясь, руки. — Видишь? Нет оружия. Я просто собираюсь подойти и — ой! Что за черт?

Она порезала меня, когда я потянулась к веревкам. На тыльной стороне моей руки открылся широкий красный рот. Рана была настолько глубокая, что даже не начала кровоточить. Я посмотрела на распахивающуюся кожу, увидела под ней соты сырой плоти, и мои уши стали горячими.

— Ого, держись, — посмеиваясь, крикнул Уолтер. — Ты потеряешь сознание сейчас, упадешь прямо перед ней. Она проткнет тебе шею и высосет всю кровь из твоих вен.

Гракла ухмылялась мне, как бы говоря, что именно это она и делает. Ее улыбка уже была не такая игривая, как раньше. Мне пришлось сидеть у двери багажника пару минут, пока я убеждала себя оставаться в сознании.

Уолтер перестал вычищать грязь из своей бороды, чтобы не спеша подойти и проверить мою руку.

— Да, это потребует наложения швов.

— Думаешь? — я обернулась, чтобы проверить запасы позади меня. Были почти сумерки — больше тени, чем света. Я плохо видела ящики, чтобы сказать, что в них. — Может, если мы найдем шест или что-то в этом роде, мы сможем...

— Нет, нас нет. Она — твоя работа, и ты должна понять, как с ней справиться.

— Но как я должна...

— Разберись! — крикнул Уолтер. Затем он отошел с дистанции удара, оставляя меня одну.

Я не могла достаточно сосредоточиться, чтобы придумать, как двигать Граклу, не лишившись кожи. Моя рука пульсировала слишком сильно.

— Думаю, я смогу вытащить все остальное. Может, если она проторчит здесь всю ночь, утром она будет менее резкой.

— О, я не думаю, что она будет здесь утром, — хмыкнул Уолтер, не отрываясь от своих ногтей.

Я собиралась спросить его, что он имел в виду, когда услышала безошибочное шипение, кто-то пытался распилить что-то податливое.

— Эй!

Гракла игнорировала меня. Она взяла зазубренный конец бутылки и начала возиться с веревкой, обвивающей ее ноги. Если она порвётся, Гракла убежит. Солнце стояло так низко, что я сомневалась, что грузовик заведется, и я была почти уверена, что она сможет победить меня в забеге.

— Лучше придумай что-нибудь, — сказал Уолтер.

Я развязала верхнюю половину комбинезона и натянула его, застегивая до подбородка. Это была не очень хорошая защита от бутылки, но это все, на что у меня было время. Всего в нескольких шагах от грузовика лежала упавшая ветка. Палка была бы лучше: она была бы

тяжелее и сбалансированнее. Мне просто повезло, что мне было чем бороться.

— Прекрати немедленно! Положи это, — крикнула я.

Гракл пилила быстрее.

— Ладно. Если ты не собираешься слушать... — я выбила бутылку из ее рук краем ветки. А потом отбросила ногой вне ее досягаемости.

Она была не в восторге от этого. У меня были царапины и синяки, доказывающие, что она была несчастна. В итоге мне пришлось использовать ветку как рычаг, чтобы отодвинуть ее от байка. В какой-то момент, пока я одной рукой возилась, чтобы развязать ее, Гракла поняла, что узел между ее запястьями был довольно полезным оружием.

— Ой!

Она второй раз вонзила узел в мою голень, и это так было больно, что я почти потеряла хватку. Единственное, что удержало меня в вертикальном положении, — это знание, что я умру, если упаду. Она была достаточно злой, когда я была на ногах; я не могла представить, что она будет делать, если я окажусь на спине.

— Знаешь что? Я почти поладила с тобой — остановись!

Когда она снова замахнулась на меня, я отступила и изо всех сил пнула ее в плечо — так сильно, что ее отбросило в сторону. Меня мутило, я услышала, как она ударилась головой о край грузовика. Я не чувствовала себя хорошо по этому поводу. Хотела бы я проявить чуть больше самоконтроля.

Но пока она терла голову, я получила несколько дополнительных секунд, необходимых для того, чтобы развязать веревку.

— Пошли, урод! Я хочу, чтобы эта добыча была внутри, прежде чем койоты выйдут.

— Заткнись, Уолтер! — сказала я. Я сильно потянула за веревку, и, к моему удивлению, Гракла встала на ноги. Теперь осталось только вывести ее из грузовика. — Это было бы намного быстрее, если бы ты перестала царапать себя и... уф!

Моя голова откинулась, а тело дернулось вперед. Мои голени ударились о край двери багажника, и я упала шеей на землю. Треск, в голове посветлело. Я услышала смех Уолтера и торжествующий вой Граклы — оба звука были приглушены шумом крови в моих ушах.

У меня перед глазами вспыхнули черные точки, когда легкие с трудом набрали воздух. Мгновение я боялась пошевелиться. Боялась, что я сломала себе шею. Как только мне удалось просунуть руки под себя, Гракла бросилась мне в поясницу.

Она была сильной. Не Нормально сильной: у меня был шанс против нее. Но это был не эпизод «Агента», и мы не собирались безобидно валяться, пока один из нас не возьмет верх.

Гракла пыталась убить меня.

Она перекинула петлю своих рук через мою голову. Когда я попыталась пройти сквозь них, мои плечи застряли. Она прижала колени к изгибу моих ног, придавливая меня, и я могла только повернуться в сторону.

И когда я повернулась, она прижала сгиб руки к моему горлу.

Потом она начала давить.

— Уо... Уолтер! — я задыхалась.

Он ничего не замечал, ругал какого-то жука, который попытался высосать кровь из его кожистой шеи. Я пыталась оттащить руку Граклы, но она так крепко меня сжала, что я с трудом могла коснуться кончиками пальцев ее рукава. Мои ноги были прижаты. Мои ноги не могли получить достаточное сцепление, чтобы подтолкнуть мое тело вперед.

Все, что мне было нужно, это небольшой толчок. Немного воздуха. Полсекунды

облегчения.

Но это было все равно, что снова оказаться в Толкаче: в ловушке на спине, с приближающимся бетонным потолком. Говард оставлял мне свободными руки, потому что он знал, что они не принесут мне никакой пользы.

Я не была Нормалом. У меня не хватало сил, чтобы отодвинуть потолок и сбежать. Поэтому я боролась так долго, как могла, сжимая воздух, пока были силы. Потолок становился тяжелее, и мои руки уставали. Но я продолжала давить — пока мои запястья не ломались с тошнотворным треском.

Затем потолок падал, раздавливая меня.

И вот оно... вот темнота и покалывание, и теплый гул в ушах...

— Слезь с него! Слезь!

Кто-то кричит, и вдруг темнота исчезает. Я снова в свете, наблюдаю, как тень мужских ногтей царапает руку, обхватившую его горло. Его ноги брыкаются, такие же бесполезные, как и мои — я вижу их в самом низу картинки.

Он извивается в захвате своего похитителя. Его кулак, побелевший и покрытый шрамами, проходит над его головой. Он опускается, как молот, и с силой врывается в стену плоти позади него. Раздается вскрик, а затем рука ослабляет хватку.

Мое тело двигалось само по себе. Это было легко — такая же ясная и бездумная реакция, как обход песочной ямы. Мой кулак поднялся. Он сделал взмах. Я чувствовала, как напряженный край моей руки сильно ударил по изгибу ребер Граклы.

Это выбило воздух из нее.

Пока она хватала ртом воздух, я следовала за движениями тени: откатилась от нее и вскочила на ноги. Гракла пыталась залезть под грузовик. Она извивалась всеми четырьмя конечностями и почти успела. Но я врезалась пяткой в ее поясницу — каким-то образом зная, что это причинит ей почти парализующую боль.

— Да, с меня этого достаточно, — кричали мы с тенью вместе. — В следующий раз, когда ты нападешь на меня, я убью тебя, О'Брайен!

Видение прошло сквозь меня, как ветер, и внезапно я снова оказалась в реальном мире. Это было как оказаться в ловушке под водой, а затем внезапно вырваться на воздух: мне нужно было время, чтобы приспособиться к тому, чтобы быть на поверхности. Сумеречный свет пронзил мои глаза, как полдень, а ветер казался градусов на пятнадцать прохладнее. Сверчки не стрекотали, а кричали вокруг меня — кричали, будто кто-то вырывал их колючие конечности.

Такого еще никогда не было. Это была чужая сила; это были чужие слова. Я видела вещи, да. Но никогда эти вещи не казались мне настолько реальными, чтобы я стала ими.

В трех шагах от меня Гракла лежала на спине, как собака. Ее глаза были широко раскрыты, а конечности сжались в защитном жесте. Вздохи боли вырывались сквозь обнаженные и сжатые зубы. Они били меня по ушам, как ладони по металлической двери. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы заметить слезы, которые навернулись, когда она смотрела на меня сверху вниз.

И еще несколько секунд, чтобы их почувствовать.

— Вставай.

Она могла не понять моих слов, но она, казалось, знала, что резкий рывок за веревку означал встать на ноги. Я взяла ветку и подтолкнула ее перед собой. Я усвоила урок: я не позволю ей снова отстать от меня.

Мы прошли мимо Уолтера, который держал Жозефину и все еще целился в место нашей драки. Его брови были подняты так высоко, что чуть не залезли в шляпу.

— Вот так драка, уродка. Не знал, что это в тебе есть. Кто такой О'Брайен? — добавил он, когда я не ответила.

— Никто. Это просто выражение, — соврала я.

Правда в том, что я не знала, кем был О'Брайен. Но имя вылетело из моих уст. И это пугало меня.

Чтобы привести Граклу в движение, потребовалась всего пара толчков. Она почти сразу же нашла наш след и пошла к Логову.

Логово Уолтера было просто пещерой в глуши. Мы думали, раньше это было какое-то медицинское здание. Затем что-то произошло, что обрушило верхнюю часть здания, а нижняя провалилась под землю.

Теперь все, что осталось на поверхности, — это прогнившая, покрытая дегтем крыша, которая доставала ниже моих плеч. Было достаточно трудно заметить это место. Но со всеми растущими вокруг него мескитовыми деревьями найти его было практически невозможно.

Я привязала Граклу к дереву снаружи. Она неуверенно смотрела на обрушившуюся букву V на крыше Логова, приседая, чтобы взглянуть в темноту.

— Я хотела бы сказать тебе, что внутри лучше, но это не так. А теперь оставайся здесь, пока я помогу Уолтеру.

Уже стемнело, когда мы закончили нести все в Логово. Внутри крыши был узкий наклонный туннель. Выглядело пугающе, но подняться было сложно только во время дождя. Некоторые ящики были настолько тяжелые, что мы решили просто толкнуть их и позволить им скатиться по склону. Примечательно, что они остались целыми.

— Знаешь, что они не кладут в прочные деревянные ящики? Хлам! — радостно сказал Уолтер.

Его волнение росло с каждой поездкой, пока я не начала думать, что он мог потерять сознание до того, как груз будет переправлен. Но он держался достаточно долго, чтобы грузовик был скрыт. Как только он благополучно спрятал свою долю добычи в своем углу, он пошел, шаркая, прочь, чтобы найти лом.

Остаток вечера от заплесневелых голубых стен эхом отзывался ритм треска дерева и радостного хохота. Он не скажет мне, что нашел, до завтра. Уолтеру нравилось проводить время наедине со своими находками, что было странно. Но в Уолтере малое было не странным.

Причина, по которой он оставлял себе половину находок, была совершенно непонятна мне. У него были резные фигурки из рогов и свечи из жира животных, горящие в чашках разбитых бутылок из-под виски по всему его пространству. Несколько неприлично кривых полок висели на стене за его спиной. Вокруг его спального мешка было нагромождено так много всякого хлама, что он начал тянуться в гостиную — так он называл узкий, выложенный плиткой отрезок пола между моей и его зонами.

Мой уголок только начал походить на дом. У меня был спальный мешок, место, куда можно было повесить револьвер, и коробка, куда я буду складывать вещи — если когда-нибудь найду что-нибудь стоящее. Но большую часть времени я проводила в углу, который Уолтер называл своей кухней.

Моей работой было разводить огонь. Пока мы отсутствовали, пламя почти полностью угасло, осталась только ямка, мерцающая раскаленными углями. Они голодали, в отчаянии.

Чтобы их распалить, нужно было немного трута и несколько сухих веток. Вскоре огонь выросстал высоким и толстым — злобно лизал все, что я туда бросала.

Как только огонь немного наелся, я поставила на решетку старую чугунную сковороду, чтобы она разогрелась. Потом вернулась в свой угол.

— Холодно там, да? — крикнула я Гракле.

Уолтер был достаточно любезен, чтобы одолжить мне цепь, замок и пару наручников из своего тайника. Я прицепила их к единственной вещи в Логове, которая все еще имела какие-то корни: к перилам, ведущим вниз по ступенькам к бассейну.

Я точно не знала, что такое бассейн. Или почему они помещали его внутри здания. Я знала, как он назывался, только из-за белых выцветших слов, напечатанных на стене над водой: «Перед отъездом насладитесь бесплатным купанием в нашем ультрасовременном бассейне для детоксикации».

Я никогда не узнаю, чем раньше было Логово. Уолтер говорил, что он нашел тонну таблеток, порошков и вещей для курения, когда впервые въехал. Он говорил, что Логово — это золотая жила, самая большая его добыча.

Но я думала, что раньше это было место, где люди платили кредиты, чтобы... что-то делать.

Помните: I.V. действует сильнее, чем ингаляция. Обязательно ознакомьтесь со своими картами здоровья АВА для индивидуальной дозировки, одобренной врачом, прежде чем менять способы приема.

Это были слова в моем углу стены, и они звучали так, будто в этом месте Уолтер проводил большую часть своего времени Раньше. Самое смешное, что я не думала, что он это понимал.

Часть крыши была приоткрыта над бассейном — и это было нормально, потому что весь дождь, который мы получали, только добавлял нам воды. Но это также означало, что земля вокруг была всегда немного влажная. А когда ночной воздух становился немного прохладнее, это было не слишком комфортно.

Я могла быть злой, но я не была тираном. То, как замок защелкивался в звеньях цепи, создавало регулируемую петлю. Сейчас я так крепко приковала Граклу к перилам, что она едва могла лечь спать. Длины было достаточно, чтобы добраться до ее горшка, но недостаточно, чтобы добраться до бассейна. И она была в пяти ярдах от ближайшего сухого места.

Однако все могло измениться, если она решит вести себя хорошо.

— Эй, посмотри сюда, — я наклонилась, схватила с пола конец цепи и широко растянула его между руками. — Это, если ты хорошая, — я свела ладони так, что они почти соприкасались, — а это, если ты плохая. Понятно? Хорошая — плохая. Хорошая... пл... о, да ладно!

— Что? Что не так? — Уолтер высунул голову из ящика, где он рылся, и я увидела, что на нем были очки, благодаря которым его глаза казались три раза больше. — Что она сделала?

— Думаю, она обмочилась, — сказала я, глядя на лужу между ног Граклы.

Ее улыбка подтверждала это.

— Ну, ты дала ей горшок? — крикнул Уолтер.

— Да, он прямо здесь. Он касается ее локтя.

— Ты сказала ей, для чего это?

— Она должна знать, для чего это!

— Граклы делают все свои дела в траве. Как коровы. Она, наверное, никогда не видела ведра, разве что для воды, — фыркнул он. — Держу пари, ты сейчас чувствуешь себя довольно глупо.

— Ну, ты выглядишь как идиот, — ответила я. — И ты знаешь, что нельзя носить это на улице, да?

Он оборонительно дернул свои очки.

— Почему это? Я вижу лучше, чем за двадцать лет! Если их поместить в мой прицел, я смогу сосчитать веснушки на клюве вороны за три мили.

— Солнце поджарит тебе глаза, тупица.

— Что?

Я игнорировала Уолтера и склонилась над Граклой.

— Почему ты обмочилась в штаны, а?

Она снова улыбалась.

То, что мы не говорили на одном языке, не означало, что я не знала этой насмешки. Я улыбалась в ответ. Затем я отперла замок и затянула цепочку настолько туго, что она не сможет лечь спать.

— Плохо, — сказала я.

ГЛАВА 23

ДЕКАБРЬ 2212

Добро пожаловать в «Calvert ZOOTer-Cade»!

— Нет читов

— Нет модов

— Играй честно!

Мэтт смотрел на приветственный знак, не мигая. Его глаза были налиты кровью и опухли, в них зияла глубокая щель постоянного шока. Если бы они могли говорить, они, вероятно, кричали бы. Они вырвались бы из глазниц и визжали, свисая со шнуров. Только когда солнце превратило бы их в изюм с голубоватым оттенком, они, наконец, замолчали бы.

Но даже если бы они обратились в прах и унеслись ветром, он никогда не смог бы

забыть то, что видели его глаза.

— Думаешь, что-то осталось? — прошептал Тревор. Его взгляд был иным. Сложнее, как-то. Он порхал по руинам, как ястреб, осматривающий поле. — Здесь должно быть что-то. Я умираю от голода.

Тревор первым вышел из дверного проема. В руке у него был небольшой нож — складной нож, который они нашли под сиденьем брошенной машины. Само лезвие было не длиннее пальца. Его едва ли можно было квалифицировать как инструмент, и нож был бесполезен в бою. Но Тревор держался за него так, словно был готов сразиться с армией, если придется.

— Здесь ничего.

Он разочарованно нахмурился, снова проверяя стойку регистрации. Его джинсовая куртка так загубела от грязи, что даже скрипела, когда он согнул руку. На его джинсах были прорехи, а подошва его левого ботинка раскололась. Передняя часть его красной футболки выглядела как пасть осинового гнезда.

Он почесал завитки волос на щеках, как собака прогоняла блох. Густые хлопья посыпали воздух, когда он провел пальцами по голове.

— Как думаешь, есть что-нибудь с призами?

Мэтт не отвечал. И он не мигал.

Через мгновение Тревор со вздохом пересек комнату.

Он нырнул за прилавок, и звук захлопывающихся ящиков эхом отразился от стен. На столешнице валялись мусор и обертки. За его спиной полки с призами были в основном заполнены: разноцветные безделушки, потускневшие в паутине, и чучела медведей, наблюдающие серыми от пыли глазами.

Единственные пустые слоты были там, где раньше был «SuperSand». Все хирургические пакеты были украдены — вскрыты и высосаны насухо, а пачки — оставлены на столешнице. Раньше они были самым дешевым призом на полке. Пакет из двадцати всего за десять баллов.

Теперь, похоже, они могли быть самыми ценными вещами на многие мили.

— Если бы ты помог, дело пошло бы намного быстрее, — крикнул Тревор.

Мэтт покачал головой.

— Я... я должен следить за дверью.

Его глаза были не на двери. Он смотрел на прилавок с того самого момента, как они вошли.

Здесь что-то произошло. Что-то плохое. На краю столешницы была глубокая насечка в черно-белом клетчатом узоре. Коричневое кольцо стекало оттуда линиями по передней части стойки, где собиралась в огромное темное пятно на ковровом покрытии.

Пятно было мертвое и высохшее, но Мэтт смотрел на него так, будто оно еще было свежим.

Мокрым, красным и пузырящимся...

— Эй! — Тревор ждал, пока Мэтт поднимет взгляд. — Тебе лучше взять себя в руки.

— Я в порядке.

— Ты плохо выглядишь, — пробормотал Тревор.

Мэтт выглядел плохо. Его одежда была чище, а щетина на лице не такая густая, как у Тревора. Но он потерял более двадцати фунтов, и теперь выглядел осунувшимся. В нем была жизнь и энергия трещины в засохшей грязи.

В последний раз покопавшись в полках, Тревор повернулся и хмуро посмотрел на пару двойных дверей. Они были за главным входом, примерно в двадцати футах от конца прилавка с призами. Стекла внутри дверей были сильно тонированы. Сквозь черноту просвечивала зловещая сине-зеленая дымка.

— В главной комнате может быть что-то. Может, пара продавцов...

— Нет, — слово вырвалось как вздох. Мэтт прислонился к входной двери, вцепившись пальцами в раму. Глаза кричали. — Н-нет. Я не могу. Я не могу. Пожалуйста, только не снова.

— Мы должны, — резко сказал Тревор. — Прошел месяц, ясно? Мы ходили кругами целый месяц. Магазины, рестораны, школы — все вычищено. Все смотрели в очевидные места. Так что пришло время заняться творчеством.

Мэтт покачал головой.

— Но последний...

— Да, в последнем что-то было, да? И мы прожили немного дольше, потому что добрались туда первыми. Теперь мы не ели три дня и не можем идти дальше...

— Но...

— Я умираю от голода!

Тревор стукнул обухом ножа по столешнице. Звук сердито пронесся по стенам и заставил их обоих вздрогнуть. Они ждали мгновение, затаив дыхание, прислушиваясь к тонированным дверям. Только когда тишина длилась почти минуту, Тревор снова заговорил:

— Мы должны, — шепнул он. Его взгляд пронзал все глубже, прорезая до чего-то опасного и темного. — Мы умрем, если не найдем что-нибудь поесть. Ты хотел отправиться на север, верно?

Мэтт напряженно кивнул.

— Тут небольшой город. Я... я думал, что здесь может быть больше.

— И это была хорошая идея. Но идеи нас не кормят. Мы должны войти туда... мы должны пройти весь путь внутрь, и мы должны проверить все до задней части, — Тревор двигался к тонированным дверям. Он уперся кулаком в дверь с надписью «Вход». — Не смотри на капсулы, если не можешь их взять. Просто оставайся позади меня и проверь проходы, хорошо?

Мэтту потребовалась секунда, чтобы кивнуть. По его шее стекала влага, а лицо было цвета пыли с игрушек на полке с призами.

— Хорошо, — выдохнул он.

Мэтт отошел от входной двери. Его механическая рука стонала, толкая замок к раме. Солнечный свет, приглушенный и напряженный скоплением густых зимних облаков, истончился, пока не превратился в трещину. Они наблюдали друг за другом, когда солнце исчезло: пара широко распахнутых и испуганных глаз встретилась с резкой решимостью другого.

Затем с громким щелчком свет погас.

— Помни: держись рядом, — шепнул Тревор. Сине-зеленая дымка окрасила черты его лица отвратительным блеском.

Мэтт стал жертвой тени. Он череп был с пустыми глазницами. Его челюсть сжалась в зубастой гримасе, когда он пошел за Тревором через тонированную дверь.

Внутри ZOOTer-Cade почти не было света. Они были спроектированы так, чтобы быть темными: огромные экраны сплошным блоком заполняли заднюю стену, а окна только

бликовали. Площадка под экранами была заполнена столами и стульями, где игроки могли наблюдать за соревнованием, ожидая своей очереди. В любую ночь все места были заняты, а экраны освещались яркой графикой симуляций ZOOT.

Теперь места опустели, и большинство экранов были разбиты. Только четыре из них все еще были включены: белые картинки с миллионами крошечных черных лоз тянулись по ним, динамики решительно пульсировали с шипением статики.

Четверо выживших; четыре глаза следили за каждым ужасом. Четыре призрака были обречены мерцать над тем, что осталось, пока их огни, наконец, не погаснут.

— Боже...

Это было больше дыхание, чем слово. Тревор, который так уверенно прошел через дверь, теперь застыл на краю капсул. Его рот открылся, а голова медленно повернулась между двумя рядами сине-зеленых столбов.

— Не смотри. Мэтт, серьезно — не смотри. Хуже другого раза. Это очень плохо, — Тревор сжал пальцами нож и добавил. — Похоже, это могло произойти во время турнира.

Мэтт слабо застонал в ответ. Его руки, словно когти, сжались по бокам лица, пока он шел за Тревором по среднему проходу.

В каждой капсуле был игрок, вернее, то, что осталось от игроков. Месяц назад это были люди: мужчины и женщины с исключительными способностями, собравшиеся побороться за приз в тысячу кредитов. Они пришли в своих костюмах ZOOT, просканировали их на наличие незаконных модификаций, а затем встали наготове, пока их капсулы наполнялись специальным гелем.

Это были серьезные игроки. Забираться внутрь капсулы и сражаться с другими соперниками в сложной симуляции было тем, что они делали сотни раз раньше — такая же рутина, как чистка зубов. Но для двадцати четырех из них это была последняя игра.

Вирус убил их всех.

Большинство умерло быстро: гель сжался при попадании вируса и раздавил их всех насмерть. Теперь их пустые скафандры висели посреди капсул, а застывшие останки их тел были выдавлены сквозь швы кровавым облаком.

Некоторые из них были целы. Наступило разложение, и их плоть начала слезать с костей, как кожица винограда. То, как их руки все еще хватались за горло, а у некоторых пальцы были сжаты, предполагало, что они, вероятно, задохнулись. Вирус отключил их подачу кислорода, и в капсулах кончился воздух. Затем их легкие наполнились гелем, пока они не лопнули.

Один из игроков среагировал быстрее остальных. Он смог ввести последовательность отключения, необходимую для слива геля. Он опустился достаточно, чтобы тот мог дышать, но не настолько, чтобы открыть двери капсулы. Его ноги застряли в слое сжатого геля, смятого в пену, а остальная часть его тела лежала сверху.

Его правая рука все еще тянулась к ручному спусковому переключателю капсулы. Мокрые кости лежали на луже отслоившейся плоти. Если бы он смог продвинуться на полдюйма дальше, он мог бы сбежать.

— Фу!

Запах поразил их обоих одновременно: Тревор натянул на нос рваную футболку, а Мэтт согнулся пополам, кашляя.

Ближайшая к обзорной площадке капсула была разбита. Кто-то, должно быть, очень заботился о женщине внутри нее — и когда она начала задыхаться, у них хватило сил, чтобы

швырнуть стол в стекло. С нее сняли шлем; они, вероятно, пытались заставить ее снова дышать.

Но кем бы они ни были, они опоздали.

Теперь ее тело лежало лицом вниз в разлитом геле. Воздействие воздуха привело к тому, что гель пластифицировался: ее передняя половина прекрасно сохранилась внутри него, оставив нетронутыми ее потрясенное выражение лица и несколько локонов золотых волос.

Ее задняя половина осталась незащищенной и уязвимой для разложения. Пару недель назад вонь, вероятно, была намного хуже — достаточно прогорклой, чтобы привлечь внимание грызунов. Неизвестно, сколько их собралось вокруг ее трупа и как долго они пировали. Но они прогрызли костюм и выдолбили ее, как каноэ.

Тревор пробрался мимо и сделал несколько шагов вперед, прежде чем понял, что Мэтт не последовал за ним.

— Давай, просто обойди это!

Мэтт покачал головой. Его рука зажала рот так сильно, что кончики пальцев оставили вмятины на щеках.

— Мы близко, — уговаривал Тревор. Он махнул рукой в сторону все еще светящейся вывески с надписью SuperVendors. — Мы возьмем еду и уйдем отсюда. Потом мы поедем, Мэтт, ты не хочешь есть?

Словно в ответ его желудок издал урчание. Мэтт зажал его другой рукой. Его взгляд перескакивал с опустошенной женщины на тонкую полоску нетронутого ковра рядом с ней. Наконец, он медленно продвинулся вперед со стоном.

— Хорошо, хорошо, — шептал Тревор, как только Мэтт прошел мимо женщины. Он снова указал на знак. — Закусочная там. У них должно быть не менее трех автоматов еды и напитков. Просто подумай об этом! Мы уйдем отсюда с едой и чипсами — может, даже найдем немного шипучки. Нам хватит на всю неделю, если мы...

Они прошли под мерцающим светом вывески, и его сияние озарило шок на их лицах.

Все пропало. Все три автомата были взломаны и разграблены. Повсюду были разбросаны обертки, оставленные тем, кому посчастливилось найти их первым. Они объелись в иступлении и не оставили после себя ни крошки.

Пол был полностью усыпан осколками битого стекла. Оно хрустело под ботинками Тревоора, когда он пробирался к машинам. Мэтт остался в холле, руки безвольно свисали по бокам. Его лицо изменилось от шока к отчаянию.

— Ничего, — сказал Тревор. Он заглянул внутрь всех машин. Он проверил позади них и между ними. Но он пришел пустой. — Там нет ничего, — он откинулся на пятках, будто это осознание могло прикончить его. Вместо этого он бросился вперед и ударил кулаком по ближайшей машине. — Там нет ничего! Ничего! Ничего!

Тревор кричал, пока его голос не сорвался, пока слово «ничего» не стало чем-то ужасным и бесчеловечным. Он был подобен дикому зверю, борющемуся с ловушкой: его гнала паника, ярость и вся сила. Он ударил пальцами ног по автомату, а костяшками пальцев по клавиатуре. Его кровь стекала по металлу горячими красными линиями.

Но он не останавливался.

Шум пугал Мэтта. Он отшатнулся, прижав руки к груди. Он был так обеспокоен криком Тревоора, что не увидел человека, подкрадывающегося слева от него.

Этот мужчина был на шесть дюймов выше Мэтта или Тревоора, и он весил больше, чем

они оба вместе взятые. Его шаги нельзя было назвать бесшумными, и когда Мэтт резко развернулся, мужчина ударил его прикладом дробовика по носу.

— Что вы здесь делаете, а? Что вы делаете на моем месте? — проревел мужчина.

Мэтт не ответил. Он отбежал на четвереньках и присел у стены, держась за нос. Когда он убрал руки и увидел кровь на них, он расплакался.

Мужчина плюнул на него и повернулся к Тревору. Он сильно потрянул дробовик, и камера начала наполняться смертоносной волной энергии.

— Сейчас я спрошу еще раз, и потом уже не буду спрашивать: какого черта вы все делаете на моем месте?

Ствол дробовика с солевым приводом у мужчины был направлен ему в грудь, достаточно близко, чтобы слабый голубой свет падал на его футболку. Но Тревор не моргал.

— Мы искали еду. У вас есть?

— Может быть. Но это не ваше дело, — прорычал мужчина. — Вам лучше уйти отсюда прямо сейчас, иначе я вас убью.

— Пожалуйста, нам нужно совсем немного. Ровно столько, чтобы добраться до следующего города.

— Нет. Я упорно трудился ради этой еды, и я не позволю каким-то мальчишкам уйти отсюда с ней, — он поднял ствол, чтобы прицелиться Тревору в лицо. — Считаю до трех. Один...

Тревор не двигался. Он смотрел на Мэтта широко распахнутыми умоляющими глазами. Мэтт стоял за мужчиной. Он мог вывести его из равновесия и дать Тревору время сократить разрыв.

— Два...

У Мэтта слезы текли по щекам, а из носа — кровь. Он со стоном покачал головой. Он не будет этого делать — они должны были просто встать и уйти, пока еще могли.

Но губы Тревора искривились в рычании.

Он не отступит.

— Три!

Из ствола вырвался бело-голубой взрыв. Он попал в переднюю часть автомата веером обжигающего света, а затем испарился — быстро, как вспышка фотокамеры. Тепло сожгло кончики резиновых портов и расплавало клавиатуру до жижи.

Едкий дым щипал воздух. Мужчина сильно моргал, осматривая пол в поисках тела Тревора. Его глаза расширились, а жир под подбородком задрожал, когда он понял, что промазал.

Тревор бросился в сторону в последний момент. На рукаве его джинсовой куртки была полоска дыма, а под ней — полоска обгоревшей плоти. Он прислонился к стене, сжимая рану. На мгновение в его глазах вспыхнула боль, но затем пришло что-то еще.

Что-то опасное... и темное.

— Аргх!

Тревор бросился вперед с поднятым ножом.

Мужчина целился из дробовика.

Мэтт закрыл глаза с визгом.

Все трое исчезли в очередном взрыве энергии. Луч упал на пол и разбрызгал щебень во всех направлениях. Стекланный град пробил тонкое пластиковое покрытие на вывеске торгового зала. Он поразил лампочки внутри и взорвал их, погружая всю комнату во тьму.

За взрывом последовал звук жестокой потасовки. Тела ударялись о стену. Ботинки скрипели по холодному кафельному полу. Слышались хрипы и визги, когда кулаки сильно вонзались в плоть. Затем внезапно все звуки оборвались — все, кроме одного.

Кто-то вот-вот проиграет. Они тяжело дышали, кашляли. Их слова — их просьбы — звучали как сдавленные вздохи. Еще одна пара легких тяжело вздымалась под предсмертными стонами неудачника. Их дыхание становилось громче по мере того, как рвотные позывы исчезали, будто они всасывали весь воздух в себя.

В комнате было тихо. Это почти закончилось.

Затем кто-то закричал:

— Ах! Нет! Пожалуйста... что вы...? Ах!

Началась вторая драка — еще более короткая и жестокая, чем предыдущая. Крики перешли в вопли и, наконец, в отчаянные стоны боли. Вопли закончились мясистым хрустом. Они перешли в шипение. Потом в стон. Вскоре единственным шумом в комнате стал слабый ритмичный звук.

Хлюп... хлюп... хлюп...

Голубой шар света сиял в углу комнаты. Тревор каким-то образом раздобыл дробовик и накачал его. Он держал пистолет в одной руке и тер горло другой. Красный синяк тянулся там. Его ноги дрожали, он медленно продвигался к источнику хлюпанья, используя патронник дробовика для освещения.

Что-то в голубом свечении делало бледные вещи едва заметными, а темные выделялись больше. Плитка и стекло были практически не видны. Но красные пятна поверх них были так же четкими, как черные буквы на пустом экране.

Хлюп... хлюп... хлюп...

Тревор следовал за пятнами по комнате. Чем ближе он подходил к источнику, тем гуще и четче они становились. Блестящие черные лужи, брызги, отпечатки ладоней, которые все еще пытались зацепиться пальцами.

... хлюп... хлюп...

Лужа черной жидкости была в холле. Она тянулась от одной стороны до другой. Край лужи обрывался у грязной обуви Тревоора. Жидкость липко сочилась в трещину его подошвы. Но он будто не замечал.

Его глаза были устремлены на сцену перед ним. Мужчина стоял на коленях рядом с трупом другого. Он держал в руках нож Тревоора и снова и снова вонзал его со смертельной силой в почти обескровленное тело.

— Стоп, — хрипло сказал Тревор. Его руки тряслись, когда он поднял дробовик, чтобы прицелиться в середину спины мужчины. — Брось нож. Брось сейчас же.

Руки мужчины поднялись над головой, нож все еще был в переплетенных пальцах. Сначала казалось, что он не собирался слушать. Он был готов снова опустить нож. И снова. И снова — до тех пор, пока то, что кипело внутри него, не остынет и не прижмется к его ребрам.

— Ты должен остановиться, — умолял Тревор. — Он мертв... ты должен остановиться, Мэтт.

Он позволил ножу выскользнуть из его пальцев. Он отскочил от живота мертвеца и упал на землю. Когда он повернулся, Мэтт выглядел таким же слабым и напуганным, как всегда — просто трудно было разглядеть это сквозь всю кровь.

Она покрыла лицо маской, пленкой. Он будто утонул в болоте, наполненном кровью, и

каким-то образом вернулся к жизни. Бока и макушка его волос были мокрыми от крови; белки его глаз резко выделялись на фоне красного.

Его рот открылся, и он сказал почти шепотом:

— Он собирался убить тебя. Я... я не мог позволить ему убить тебя. Я... обещал Шону...

— Я знаю, — рот Тревор скривился, когда он опустил оружие. Он прошел по луже и обернулся, чтобы посмотреть на лицо мертвеца — или, вернее, посмотреть на то, где раньше было его лицо. Мэтт так много раз проткнул его голову и горло, что все обвалилось. В его груди было больше отверстий, чем внутри муравейника. — Боже...

— Я должен был остановить его... — слова Мэтта перешли в рыдания. Он схватился за лицо окровавленными руками и заплакал.

Тревор осторожно опустил дробовик. Он встал на колени рядом с Мэттом и говорил ему, что все будет хорошо: он сделал то, что должен был сделать, и никто не мог его за это винить.

Мэтт не мог перевести дух, с трудом выдавил только «прости».

Ни один из них не говорил того, о чем думал на самом деле — это было вырезано на их лицах и отчетливо вычерчено слабым голубым светом.

Вот. Начало Конца. Всего месяц назад они были студентами университета. Никто не мог представить, как изменится мир, и никто не был готов к этому. Те немногие, кто выжил в первые двадцать четыре часа, сделали это только благодаря удаче. Теперь они поняли, что удачи не хватало, чтобы жить дальше.

Если они хотели выжить, им придется измениться. Они должны были позволить миру съесть их заживо — перемолоть их и закалить. С этого момента выживут люди, достаточно дикие, чтобы делать то, что нужно. Все, что нужно.

Правил больше не было. Только жизнь и смерть.

— Давай, давай выясним, где прятался этот парень, — выдавил Тревор.

— Держу пари, там есть кабинет, — слабо сказал Мэтт. Его тело тряслось, когда он поднялся на ноги. Он провел пальцем по входу и остановился, когда попал по глазку установленной камеры. — Они должны куда-то транслироваться, а я еще не видел компьютера.

— Да, держу пари, ты прав, — Тревор поднял дробовик с земли и держал его перед собой, позволяя патроннику освещать путь. — Просто скажи мне, куда идти.

Они легко нашли офис. Это была небольшая комната, спрятанная в нише справа от экранных стен. В комнате был спальный мешок, грязный рюкзак с инструментами и большой письменный стол — вероятно, когда-то предназначенный для компьютера, но теперь он служил импровизированной кладовой. Они нашли банки, пакеты и пакеты с едой в каждом ящике. Рабочий стол был уставлен несколькими рядами бутылок с водой с целыми крышками.

Час назад они были бы в восторге от такой находки. Теперь ни один из них не мог выдать больше, чем слабый вздох облегчения.

Тревор провел инвентаризацию, пока Мэтт снимал свою окровавленную одежду. У мертвеца была лишняя пара штанов и пара футболок, брошенных в углу комнаты. Мэтт взял одну из рубашек, чтобы привести себя в порядок: вытер кровь с кожи и с волос, как мог. Другая рубашка была ему велика, и штаны не держались. После быстрых поисков Тревор нашел тонкий шнур питания, который можно было использовать в качестве ремня.

— Завтра мы найдем тебе что-нибудь получше, — пообещал он. Он взял две банки со

стола и поднял их. — Курица или говядина?

— Курица, — сказал Мэтт.

Они ели молча, сгорбившись над едой в разных углах комнаты. Тревор беспокойно спал пару часов. Сумка шуршала при каждом его повороте. Мэтт сидел в своем углу и не двигался. Он не закрывал глаза, только моргал. Всю ночь и до раннего утра он смотрел.

Он сидел и тупо смотрел на дверь кабинета.

ГЛАВА 24

ОКТАБРЬ 2412

Я знала, как ломать людей. Я была сломлена так много раз, что было просто развернуться и сломать кого-то другого. Часть меня жаждала попробовать, часть, которая поднималась и набрасывалась каждый раз, когда что-то шло не по моему пути.

Иногда я думала, что было бы неплохо выпустить это наружу. Это могло бы даже заставить меня чувствовать себя немного лучше — это было бы... катарсисом, я думаю.

Сердиться. Контролировать. Пусть на этот раз кто-то другой потерпит поражение.

Впрочем, это были всего лишь мысли. Это сны, которые иногда приходили мне в голову, когда я чувствовала, что хотела сделать что-то, о чем я пожалела бы. Вина была моим единственным настоящим врагом. Я могла бы сделать гораздо больше, если бы не чувство вины за это позже.

Я думала, что именно поэтому я никогда не смогу управлять Граклой.

— Эй, эй! — завопила я, пока она не обернулась. Затем я полезла в ведро и вытащила стебель с тремя острыми, как бритва, листьями, растущими сверху. — Это выглядит ядовито. Он ядовит?

Она улыбнулась мне, и по блеску в ее глазах я поняла, что листья были ядовиты. На самом деле, я могла подхватить сыпь, просто держа их в руках.

— Невероятно, — я бросила листья в кусты и вытерла руки о штанины комбинезона. — Хватит подбрасывать ядовитое дерьмо в наше ведро. Плохо.

— Хорошо, — чирикнула она в ответ.

Это была наша новая игра: каждый раз, когда я говорила, что что-то плохо, Гракла настаивала, что на самом деле это было хорошо. Первые пару раз сработало. Я была так ошеломлена ее использованием моих слов и очаровательной мелодией ее акцента, что я принимала это за правду.

Так я съела траву, от которой у меня онемело лицо, и грибы, из-за которых я три дня подряд видела все фиолетовым. Я ни за что не проглочу еще одну вещь, о которой Гракла говорила, что это хорошо.

— Не могла бы ты поторопиться? Я хочу вернуться раньше.

Гракла игнорировала меня.

Мы были примерно в трех милях от Логова, глубоко в старой ореховой роще. Уолтер привез меня сюда за месяц до этого. Я никогда не видела таких высоких деревьев, никогда не видела птиц, которые были бы другого оттенка, кроме черного или коричневого. Было чудом стоять под листвой и смотреть, как маленькие красные и синие тельца носятся по кроне.

Я могла бы простоять там несколько часов и быть довольной. Но Уолтер действовал только по делу.

— Видишь эти шгуки там наверху? — он указал на зеленые луковицы, тяжело сидевшие под листьями. — Это орехи пекан. Ты не можешь есть их сейчас, потому что станет плохо. Но через несколько недель они станут коричневыми и отвалятся. Тогда ты выйдешь сюда и наполнишь наши ведра доверху.

— Хорошо... что такое орехи пекан? — спросила я.

И я очень хорошо помнила его насмешливое фырканье.

— Орехи. Плоды равнин. Поджарь их, съешь их сырыми. А когда мы наедемся, остальное замаринуем в виски!

Столько всего изменилось за последние пару месяцев. После улова, который мы украли у Граклов, Уолтер теперь считал себя выше добычи пищи. С тех пор он ни разу не пробежался и даже не вышел на улицу. Он проводил свои дни в ступоре, вызванном таблетками и едой, — терял сознание в своем углу с дорожкой крошек на груди.

Каждый раз, когда я говорила, что нам нужно было выйти, он брал пакет из фольги и тряс им перед моим носом:

— Зачем, а? Зачем мне выходить на улицу и рисковать тем, что меня подстрелят, когда у нас валяется куча этих маленьких оленьих обедов?

Надпись на лицевой стороне гласила ГЕ. Это была аббревиатура от «Готовая еда», которая была четко напечатана на дне ящика. Но Уолтер не умел читать. И я полагала, в какой-то момент он перевернул один из пакетов на бок и принял букву Е за рога. Это было единственным, что я могла понять.

В любом случае, теперь он был убежден, что ГЕ — это какой-то грубый рисунок оленя — и для человека с ограниченным интеллектом Уолтера это означало, что каждый прием пищи должен был каким-то образом содержать мясо оленя. Даже если на упаковке было написано свиная колбаса или говяжьих равиоли. С ним нельзя было договориться.

Да, ГЕ был вкуснее, чем все, что мы могли бы убить или замариновать для себя. Они хранились вечно, хорошо продавались, и просто нужно было немного горячей воды, чтобы приготовить их. Они были адской находкой, я не могла с этим спорить.

Но проблема была в том, что их осталось всего сотня — ну, девяносто пять, после того, как прошлой ночью Уолтер съел что-то такое, что заставило его есть, как дикое животное. Я проснулась от странного шума и обнаружила Уолтера с выпученными глазами, окруженного пустыми пакетами из фольги, хрустящего сублимированной лапшой.

Я не могла придумать ни одного сценария, в котором ГЕ прослужили бы нам больше пары месяцев. Температура уже начала падать: то небольшое, что раньше было зеленым, превратилось в корку коричневого цвета. Меньше птиц было в небе, меньше животных в наших ловушках. Мы должны были взять урок у белок и начать запасать все, что можем.

— Сколько это ведер? Восемь? — я опустила сверху еще несколько орехов пекан. Их скорлупа была гладкой и сухой. Достаточно было неверного толчка, чтобы сбить кучу и отправить их каскадом на землю. — Блин.

— Хорошо, — крикнула Гракла.

Она бродила между деревьями впереди меня, шагая так изящно, как только могла, с короткой веревкой на ногах. Я поменяла повязки на ее запястье. Манжеты вместо узлов. Я знала, каково быть зажатой, и я не могла сделать это с другим человеком — как бы она меня ни раздражала.

— Ты собираешься собирать орехи пекан или мне нужно приковать тебя цепью к грузовику?

Каким-то образом и вопреки всем причинам Гракла до сих пор не заполнила ни одной загрузки. Четыре часа работы, и я думала, что на дне ее ведра могло быть даже целых четыре орешка. Я могла бы засунуть руку в змеиную нору и найти улов получше.

— Нет... эй! Что я говорила о том, чтобы оставаться рядом? — я ухватила за веревку вокруг талии и резко дернула ее, оттягивая Граклу. — Хватит дурачиться.

Связывание нас вместе было единственным способом удержать ее от побега. Теоретически это была хорошая идея: если она побежит, ей придется тащить за собой мой вес. Была вероятность, что она не уйдет далеко. Но Гракла, как всегда, быстро нашла способ заставить меня пожалеть об этом.

Ей нравилось идти вперед, пока веревка между нами не натянется. Затем она ждала, пока я нагнусь, чтобы подобрать орех пекан, и бросалась вперед со всей силой, в результате чего я падала лицом вниз и ехала несколько футов.

Сегодня я съела больше грязи, чем, вероятно, было полезно для здоровья. И мне хватило.

— Хорошо, — я схватила револьвер с пояса и направила его ей в лицо. — Либо ты наполняешь это ведро, либо я тебя врежу. Я серьезно.

Она смотрела на меня. Но она, должно быть, вспомнила, что я сделала с ее приятелями Граклами в отеле, потому что она взяла орех пекан и нерешительно бросила его в ведро.

— Хорошо. Осталось всего около сотни, прежде чем ты его заполнишь.

Я могла быть немного мягкой, но я была очень упрямой. Мы не вернемся к грузовику, пока Гракла не наполнит свое ведро доверху, и я буду беспокоить ее столько, сколько

потребуется.

Ближе к концу полудня она закончила. Мы очистили такой широкий участок, что у нас почти закончились деревья для сбора. Я пыталась решить, стоит ли возвращаться на отдых, когда услышала чей-то крик.

Гракл тоже это слышала, и ей было очень интересно.

— Нет, нет! — зашипела я, отталкивая ее.

Я потянула так сильно, что она упала на бок, но, казалось, почти не заметила. Все ее внимание было сосредоточено на этом крике и на его смысле. Ее голова моталась из стороны в сторону, как у собаки, волнистые волосы разлетались. Она указала в направлении шума и буркнула несколько странных слов. Затем она повернулась ко мне с надеждой.

— Нет. Мы туда не пойдем — потому что я не знаю, сколько их там! — сказала я, когда она сжала кулаки. — И я могу гарантировать тебе, что они не дружелюбны. Мы возвращаемся...

Она перебила меня. В ее словах был некоторый жар, и ее брови были высоко подняты и раздражены, когда она провела линию от того места, где стоял наш грузовик, до голосов внизу.

Я понимала ее. Я припарковала грузовик на краю рощи, на открытом воздухе, как дура. Любой, кто находился у подножия холма, мог бы видеть его довольно четко — и именно оттуда доносились голоса.

— Ладно. Мы обойдем.

Я подняла ее на ноги и повела нас глубже в рощу, прислушиваясь к крикам. Когда я решила, что мы отстали от них, я присела.

— Хорошо, вот что мы... о.

Гракла уже знала, что делать: она повалилась на живот и поползла к краю холма с хорошей скоростью. Я должна была карабкаться, чтобы не отставать.

Рядом была кучка кустов. Весной на них, наверное, были ягоды. Но в это время года все мы видели только сморщенные листья и множество шипов. Я вклинилась в брешь и полезла вперед, пока не увидела другую сторону. Гракла последовала примеру. Мы сжались так близко друг к другу, что я ощущала ее дыхание на своем ухе.

Это отвлекало.

— Ты не можешь перебраться в ту сторону? — прошипела я.

Она придвинулась ближе. Ее темные глаза блуждали по выцветшей земле под нами, пока она не заметила небольшую группу людей. Они были примерно в полумиле отсюда, стояли кольцом возле того, что выглядело как старая будка на контрольно-пропускном пункте.

Приземистое бетонное здание торчало, как надгробная плита, посреди равнины. Я честно не знала, как я пропустила это раньше. Слишком далеко, чтобы что-либо понять о людях, кроме того факта, что они, казалось, были заинтересованы в том, чтобы проникнуть внутрь этого контрольно-пропускного пункта.

Один из них, мужчина, который стоял немного выше остальных, пошел к двери с кувалдой. Он поднял ее высоко и опустил. Его плечи сжались от ударов. Если прислушаться, я могла уловить слабый щелчок, когда молоток ударял по чему-то металлическому.

— Что там? — спросила я.

Гракла втянула воздух между зубами — жест, который, как я поняла, являлся признаком ее раздражения на меня. Она, наверное, хотела, чтобы я умолкла, чтобы она могла услышать,

если они снова начнут говорить.

Я была рада заткнуться. В любом случае, мы не сможем получить часть добычи: они стояли к нам спиной, но несколько мужчин держали руки, будто у них были винтовки. Все, что у меня было, это револьвер класса полиции с пятнадцатипроцентным зарядом в патроннике... который будет бесполезен на таком расстоянии и не нанесет большого урона, даже если мне удастся попасть.

Тем не менее, мне было любопытно. И планировала остаться.

Прошла еще минута, прежде чем произошло что-то интересное. Человек с молотком разочаровался в двери. Он отошел вправо и поднялся для еще одного удара. Его товарищи бросились вперед, крича и размахивая руками, будто у них было что-то липкое на пальцах. Но он их не слушал.

Молоток опустился и врезался в коробку возле косяка двери. Через секунду по равнинам разнесся сигнал тревоги.

Это звучало как метеосигнал Далласа, только в десять раз громче. Раздался вопль, который нарастал, пока не пронзил мои уши, за которым последовал стон такой глубины, что у меня трещали ребра. А я была в полукилометре. Люди рядом с ним, должно быть, умирали.

Все злились на человека с молотком. Они все махали и топали, как в бешенстве, а он стоял там, будто понятия не имел, почему. Один из них, наконец, объяснил ему это: он размахивал своей винтовкой и целился в промежность человека-молота, который затем, казалось, решил, что ему лучше было открыть эту дверь побыстрее. Он схватил молоток и начал бить по раме, как маньяк.

Один парень держал винтовку наведенной на человека с молотком, а все остальные смотрели в небо.

— Что творится? — завопила я.

Гракла не пыталась понять, что я сказала. Она свернулась клубком, как кошка в траве, подогнув под себя руки и ноги. Тьма ее глаз замерла на этом контрольно-пропускном пункте.

Она собиралась сделать что-то глупое. Я была рядом с ней достаточно долго, чтобы знать, когда она замышляла что-то. Я уже собиралась тащить ее к грузовику, когда на нас упала тень.

Тревога была слишком громкой. Я не слышала рокота двигателя над нами, но ощущала его грудью. Машина дрейфовала мимо нашего куста и вышла на открытое пространство. Она перемещалась в пространстве между землей и небом, как водяной жук, наклоняя четыре пропеллера, чтобы мчаться по небу по заблудшей траектории. Тело посреди пропеллеров было похоже на толстого клеща, а его брюшко светилось красным опасным светом.

— Мы должны двигаться! — крикнула я.

Я не знала, почему, но от этой машины у меня пошли мурашки по коже. Я смотрела, как он мчался к контрольно-пропускному пункту с ямой в животе. На краю моего зрения пошевелилась тень; что-то пыталось мелькнуть в моих глазах...

— Аргх!

Гракла бросилась вперед без предупреждения. Она прорвалась сквозь шипы и потащила меня за собой. С моего черепа отрывались клочья волос, а каменистая земля царапала нижнюю часть моего подбородка. Мир вращался. Я подтянулась на колени и старалась не шататься.

Она оттащила меня к краю холма.

Один из мужчин заметил машину и быстрым сигналом собрал остальных. Для меня это ничего не значило, но Гракла вскочила на ноги. Она вскрикнула с каким-то звериным ликованием и подняла кулак. Должно быть, она знала даже с такого расстояния, что эти люди были ее союзниками. И этот сигнал только подтвердил это.

— Пригнись. Нужно пригнуться, — услышала я свой голос.

Мой голос был приглушен в моих ушах, почти заглушенный грохотом этой странной машины. У меня стало двоиться в глазах. Мое зрение прыгало между этим миром и другим — как пульт, застрявший между каналами.

Опасность.

Гракл тянула за веревку между нами, и я сильно дергалась от силы — достаточно сильно, чтобы тень машины исчезла, и я видела только ее. Она стояла, расставив ноги, на краю холма, откинувшись и сжав руками нашу веревку.

Она улыбалась мне, и я ощущала, как ее намерение пронзало мое горло, как нож.

— О, Боже... нет! Пожалуйста, не надо!

Но она все равно это сделала.

Гракла откинулась, и мы покатались по склону. Она догнала меня после второго падения — и при каждом последующем падении она использовала мое тело, чтобы смягчить свое падение.

Бог знал, сколько раз она врезала меня в землю. Мы катились достаточно долго, чтобы камни перестали жалить и все онемело. Я с трудом могла защитить свою голову. Я крепко обхватила руками череп и закрыла глаза от песка.

Должно быть темно, но было не так. Мир Теней был жив и корчился за моими веками, предупреждая в полном цвете о том, что произойдет, если эта машина увидит нас. Только когда угольно-черные пятна начали обжигать уголки моих глаз, я распахнула их.

Мы перестали катиться. Я лежала у подножия холма — достаточно далеко от контрольно-пропускного пункта, чтобы не было выстрелов, но все же слишком близко для комфорта. Причина, по которой мои глаза почернели, была в том, что Гракла обмотала мою шею нашей веревкой.

И она сжимала меня так, будто хотела выжать из меня все соки.

Неизвестно, как долго она этим занималась. У меня уже кружилась голова. Я пыталась просунуть пальцы под веревку, но она слишком туго ее натянула. Я не могла говорить. Я даже не могла предупредить ее о жуке или сказать ей, что сейчас произойдет с ее спутниками. Я чувствовала, как у меня в груди гудел двигатель, слышала визг винтовок и отчаянные крики. Я чувствовала, как откуда-то текла кровь, но это не имело значения.

Если я не сделаю что-то быстро, мы все умрем.

Я ощущала тепло дыхания Граклы и запрокинула голову, целясь в источник. Удар был сильным. От хруста у меня согнулись пальцы на ногах, а ощущение ее крови, струящейся по моей шее, почти свело меня с ума. Но я держалась.

— Пригнись! Пригнись, боже мой... ах!

Она сильно ударила меня по челюсти, и я упала на бок. Мы бросились в бешеную потасовку. Она боролась за свою свободу. Я боролась за нашу жизнь. Никто из нас не проигрывал. Ее кулаки били меня по ребрам, как молоты, и она задевала меня в местах, где никто никогда не должен был щипать, — все, что угодно, лишь бы ослабить мою хватку.

Но отчаяние двигало мной. Оно пробудило те части, которыми я боролась, и усыпило

все остальное. Гракла замахнулась, и я юркнула за нее. Мои руки обвили ее плечи, а ноги обхватили ее талию. Я поймала наш вес, когда мы упали на землю.

Когда она поняла, что не могла вырваться на свободу, она закричала.

Я прикрыла ей рот рукой и умоляла замолчать.

— Останься, ты должна остаться, — шептала я. — Просто останься... останься на месте.

Ее зубы вонзились в мою ладонь. Кровь текла теплой струйкой между моими пальцами, но я позволила себе лишь слабый стон боли.

Если мы хотели выжить, то мы должны были вести себя тихо.

Голубые энергетические лучи освещали небо перед нами. Граклы на контрольно-пропускном пункте отстреливали всю зарядку из своих пушек, пытаясь сбить машину, прежде чем она доберется до них. Несколько попаданий в цель, но лучи отскакивали от пропеллеров — как резиновый мячик, брошенный на бетонный пол. Его оболочка была сделана из чего-то сверхсветоотражающего, как одежда полиции.

Машина мчалась, пока не зависла прямо над Граклами. Они шатались под ветром, который завывал от пропеллеров, продолжая стрелять. Их выстрелы по-прежнему не наносили урона. Живот клеща раздвинулся, и красная волна пробежала по всей группе мужчин. Он оставил маленькие точки красного света посреди их лбов.

Они пытались бежать, но булавочные уколы оставались нацеленными на них. Одному из мужчин даже удалось пройти за блокпост. Но это не помогло ему.

Я ощущала, как Гракла кричала мне в руку, когда водяной жук выпустил снаряды в ее товарищей. Они вывалились из его нутра и взлетели с пронзительным свистом, извергая полосы дыма и пламени. Один за другим они наносили удары:

Виши... ПОП!

Виши... ПОП!

Виши... ПОП!

Их уничтожение заняло меньше десяти секунд. Их головы взорвались дугами из крови и кусков мяса. Их тела тяжело упали на землю, где они несколько мгновений после этого дергались в шоке.

Я пыталась ее заткнуть, но Гракла продолжала кричать. Она сошла с ума — она боролась с моей хваткой, как животное, пыталась вырваться. Я только успела обхватить рукой ее горло, как почувствовала острую боль.

Что-то пронзило меня за глазом. Было больно, как смотреть на солнце после запаха клея Уолтера. Боль была настолько убедительна, что я схватилась за лицо, ожидая почувствовать кровь. Но ничего не было.

Через секунду боль ушла. Порыв ветра швырнул грязь мне в лицо, и я могла только крепко держать Граклу. Она устроила мне ад — весь ад, который в ней был. Я была так сосредоточена на борьбе с ней, что не понимала, что у нас проблемы.

Было уже поздно.

Жук нас обнаружил.

Я не знала, слышал он крики или видел драку. В любом случае, он двигался к нам зигзагами так быстро, как только наклонялись его пропеллеры. Бежать не было смысла: я видела, как быстро упали ракеты. Я видела, как они хлестали по воздуху — я видела ту, что обогнула блокпост и засыпала его крышу кусками человека, который пытался спрятаться за ним.

Если клоп захочет нас убить, он это сделает. И я ничего не могла...

— *Стреляй! Выстрели прямо в глаз!*

Голос ворвался в мою голову так яростно, что меня чуть не стошнило. В глазах мелькали тени: я наблюдала за стволом пистолета, который мчался за жуком, прокладывая его путь по небу. Рука, держащая пистолет, была терпелива. Устойчивая. Независимо от того, где он был, прицел оставался на одной линии с зеркально-черной линзой жука...

Что-то щелкнуло.

Я увидела закономерность.

Гракла царапала меня, когда я перевернула ее на живот. Я прижала ее руки коленями и схватила с пояса револьвер. Жук находился примерно в сотне ярдов. Я повернула рычаг и попыталась прицелиться, пока заряжался патронник.

Пятьдесят ярдов.

Я дышала глубже, чтобы моя рука успокоилась.

Двадцать.

Я нашла черную линзу на передней части жука — она была размером всего с пуговицу рубашки.

Десять.

Пора. У меня был один шанс. Я широко взмахнула револьвером, указала туда, куда, по моему мнению, жук рванет в следующий раз, — и надеялась, что угадала.

Пять.

Жук гудел.

Я нажала на курок.

Вспышка красного, а затем дождь битого стекла. Мой выстрел прошел через переднюю линзу, разорвал внутренности гада и, наконец, вырвался из задней линзы. Земля содрогнулась, водяной жук упал с неба. В лицо отлетели песок и камни, но оно того стоило.

Мы были живы.

— Твою... мать...

Я скатилась с Граклы и упала на землю рядом с ней. Все болело. По всему телу были синяки, плюс царапины. Мне пришлось бросить пистолет, потому что на моей руке были следы от укусов, а сжимать кулак было больно. Не знала, как мне удавалось удерживать его достаточно долго, чтобы прицелиться.

— Пожалуйста, не стреляй в меня, — буркнула я, когда Гракла схватила пистолет.

Она долго прижимала его к моему лицу. Ее брови были сердито сдвинуты, а губы сдвинулись от зубов в рычании. В ее глазах была ярость, смешанная со страхом. Слезы навернулись на их краях и полились в спешке.

Я понимала: в ней было столько эмоций, что она не знала, что делать. Я знала такое раньше. И я бы не стала ее винить, если бы она воспользовалась этим шансом, чтобы нажать на курок.

Но это не случилось.

Она сказала мне кое-что — отборные вещи, судя по тому, как громко произносились слова.

Я извинилась.

Она кричала еще немного. Затем она запихнула револьвер мне за пояс и прижала руку к моей груди. В ее глазах было что-то мягкое, когда она шепнула:

— Хорошо?

— Да, — сказала я со смехом, который заставил меня задуматься, не сломала ли я ребро. — Ой! И да. Все хорошо.

ГЛАВА 25

Тревога утихла после взрыва жука. Они будто были соединены каким-то сигналом — почти как домофон, но для ботов. Я лежала на траве и глубоко дышала в оставшейся тишине. Может, из-за того, что все цикады были мертвы или сорняки были слишком чахлые, чтобы шипеть, но тишина казалась гуще, чем раньше.

Раздался тихий звон, Гракла скользила скованными запястьями по коленям. У нее были такие же царапины и синяки, как у меня. На ее нижней губе образовалась трещина из-за того, что я ударила ее затылком по лицу.

Я лежала неподвижно уже почти десять минут. Она могла бы уйти, и все же она не отошла от меня. Ее темные глаза скользили по обезглавленным телам вокруг контрольно-пропускного пункта — и ее взгляд не был холоден, но и не был злым.

Вероятно, она выглядела так же, как я, когда увидела, что шерифа убили. Эти мужчины могли быть частью ее банды, но они не были для нее важны — и это хорошо, потому что они были мертвы.

— Ты в порядке? — сказала я, указывая на ее губу.

Она коснулась ее рассеянно.

— Хорошо.

Ее глаза были прикованы к КПП, и я знала, о чем она думала: боты не охраняли мусор. Большинство дверей в Ничто уже были взломаны. Если нет, то на то была веская причина — например, их охранял жук с взрывающимся черепом.

Большинство людей ушли бы после такого близкого столкновения с неизбежным. Они бы отправились домой и провели остаток дня, наслаждаясь своей удачей. Но я не была большинством людей.

Я хотела знать, что находилось в этой будке на контрольно-пропускном пункте.

— Пошли, — сказала я, поднимаясь на ноги.

Боже, все болело. Я чувствовала себя одной большой пульсирующей раной. Моя рука распухла до такой степени, что я больше не могла сжать кулак. Пунктирные следы, оставленные зубами Граклы, теперь лежали на холме красной, сморщенной кожи.

— Ты совсем бешеная? Кошмар...

Она поморщилась, когда я показала ей отметины, и застенчиво потянула себя за хвост. Затем она махнула рукой на контрольно-пропускной пункт.

— Да, да, пошли.

Я старалась не смотреть на трупы, когда мы проходили мимо. Мы вернемся за их винтовками, как только обйдем будку, что должно было дать им достаточно времени, чтобы кров перестала течь.

Их головы были снесены, и гребешок вен, вьющихся вдоль шеи Граклов, был обнажен. Их отрубленные концы образовали нечто, похожее на группу испуганных ртов. Из них вытекала темная жидкость и впитывалась в измученную жаждой землю возле входа.

Мои ботинки скрипели, пока мы брели к двери.

— Есть шанс, что ты знаешь, как сюда попасть? — сказала я, хотя знала, что шансов не было вообще.

Гракл едва взглянула на дверь, прежде чем отступила в сторону и выжидающе посмотрела на меня.

Она видела, как я играла с Кубом, который я сняла с тела шерифа Кляйн, и теперь думала, что я какой-то гений. Днем я прятала куб и доставала его только тогда, когда знала, что Уолтер заснул.

Дело было не в том, что я ему не доверяла... просто я не хотела объяснять, что такое Куб, человеку, который втирал половинки перца халапеньо в свои косточки, чтобы избавиться от вони.

На правой стороне дверного проема была клавиатура. Она была выбита из гнезда и болталась на веревке солнечных проводов. Витки синей энергии опасно пульсировали внутри их кожи. Даже если бы Граклом не оторвало головы, они, вероятно, все равно оказались бы мертвыми.

Удивительно, что человек-молот не порвал ни один из этих проводов, когда бил по нему.

Я осторожно подняла клавиатуру в стену. Его верхняя часть была согнута, поэтому она не подходила идеально. Но два нижних угла защелкнулись достаточно плотно, чтобы удерживать остальную часть на месте.

— Что это?

Я коснулась экрана клавиатуры — там, по-моему, было какое-то меню, а вместо него была просто белая картинка с кучей черных извивающихся линий. Думаю, Граклы каким-то

образом разбили дисплей.

Не было сканера отпечатка и кнопок. Я нашла только крошечную стеклянную лампочку в центре панели. Я не часто видела лампочки такого размера. Это чем-то напоминало мне ту, что была встроена в вершину Куба...

Что ж, попробовать стоило.

— Почему бы тебе не отступить на секунду, а? — буркнула я, махнув рукой Гракле, чтобы она перешла на другую сторону двери. Она шла, пока веревка между нами не натянулась, а затем повернулась, чтобы посмотреть на меня.

Ее взгляд впился мне в затылок. Он не был угрожающим, скорее сосредоточенным. У меня было ощущение, что она была чем-то похожа на Ральфа: всегда наблюдала, всегда была готова впитывать новую информацию и осваивать новые навыки — или ждала, чтобы сказать мне, что я все делала неправильно.

Тяжесть ее взгляда была настолько знакома, что я почти ожидала, что она вмешается и скажет: «Нет, нужно держать куб на уровне, Шарли. Нельзя просто воткнуть его туда и надеяться, что что-то произойдет».

Но это было не так. И через секунду я забыла, что она вообще была здесь. Все мое внимание сейчас было сосредоточено на подключении куба к клавиатуре.

Это могло закончиться очень хорошо... или очень, очень плохо.

Режим сопряжения включен. Поиск совместимых устройств.

Что-то похожее на пульсирующий синий луч радара исходил из вершины Куба. Когда прошла минута, а он все еще не находил клавиатуру, я повернула Куб на бок и указываю его ртом на лампочку. Только после того, как поднесла на дюйм, куб, наконец, попал в цель.

Совместимое устройство 000–000 найдено. Вы хотите создать пару?

Это было странно. Конечно, я не все знала о сол-машинах, но я знала, что у всех у них было какое-то имя. Обычно это было сочетание букв и цифр. У Билла был АJB-425, поэтому я просто назвала его Билл. Я никогда не слышала о машине со всеми нулями в качестве имени.

Но... я думала, все бывало в первый раз.

Я выбрала вариант, который считывал парные устройства — и чуть не выпрыгнула из кожи, когда клавиатура атаковала.

Она выплюнула свою луковицу в открытый рот моего Куба, вцепившись, как шип в кожу. Толстый провод удерживал лампочку на клавиатуре. Солнечная энергия двигалась по этому проводу, жадно вращаясь каждый раз, когда внутри Куба щелкал небольшой механизм.

Постепенно синяя солнечная энергия начала становиться зеленой. Зелень перемещалась вверх по проводу от входа в Куб к клавиатуре — постепенно увеличивая скорость. Как только на клавиатуре загорелся зеленый свет, дверь контрольно-пропускного пункта открылась со звоном.

— Доступ разрешен, — чирикнул роботизированный голос.

— Э-э, спасибо, — неуверенно сказала я.

Лампочка выпрыгнула из куба и втянулась в клавиатуру. Я хотела минутку подумать, но Гракла уже протискивалась в дверной проем.

Внутри контрольно-пропускного пункта могло быть больше ботов. У нее не было оружия. И ее руки были скованы. Наверное, было приятно расхаживать так, будто тебя ничто не убьет.

Будка контрольно-пропускного пункта была крошечной: четыре стены из шлакоблока и

гладкая металлическая крыша. Сначала она выглядела пустой. Но тут Гракла нагнулась и открыла какой-то люк в полу.

А внутри этого люка находилась длинная извилистая башня с металлическими лестницами.

— А... не знаю, — сказала я, когда Гракла жестом пригласила меня выйти.

Я обнаружила странные следы на задней стороне входной двери: царапины и вмятины, сосредоточенные в том месте, где засов должен был соприкоснуться с рамой. Вероятно, они были оставлены каким-то тяжелым металлическим предметом. И для того, чтобы оставить вмятины такого размера, кто-то должен был довольно сильно размахивать этим предметом.

Довольно отчаянно.

— Я думаю, что здесь кто-то может быть, — шепнула я, мой скальп покалывало от внезапного прилива крови. — Мы должны уйти.

Гракла не хотела уходить. Она уже прошла четверть пути вниз по первой площадке. Когда она увидела мою нерешительность, она закатила глаза.

— Эй, я просто не хочу никого злить... или быть запертой.

Я все больше и больше убеждалась, что кто-то застрял внутри этого контрольно-пропускного пункта. Кто — я не знала, но в чем очень сильно сомневалась, так это в том, что они еще были живы.

Возле входа было разбросано несколько камней. Мне пришлось тянуться, чтобы достать до них, потому что Гракла держала нашу веревку полностью натянутой, но мне удалось взять достаточно большую горсть, чтобы втиснуть ее в отверстие в раме. Таким образом, если дверь закроется, засов не запрет нас.

— Я не думаю, что ты просто сдашься и уйдешь, да? — крикнула я Гракле.

Она ответила, что звучало как довольно злой набор слов.

— Отлично. Но если кучка ботов разорвет нас на куски, это твоя вина.

Веревка солнечных лучей вела нас вниз по лестнице. Они были скользкими от сырости, а воздух пах задней стенкой холодильника. Я не знала, насколько глубоко вел контрольно-пропускной пункт. Пятьдесят ярдов? Может, восемьдесят? И как правильно измерить глубину чего-либо? Я была уверена, что Говард учил меня.

Но прямо сейчас каждый нерв в моей системе собрался за моими глазами и вокруг моих ушей. Я просто знала, что что-то выскочит и достигнет нас.

Я просто знала это.

— Хорошо, — крикнула Гракла.

Наконец-то, мы достигли дна. Она стояла на влажном бетонном полу, нетерпеливо дергая за нашу веревку — вероятно, угрожая сдернуть меня, если я не пройду эти последние несколько шагов самостоятельно.

— Что это за звуковой сигнал? — ворчала я под нос. Он был слабым и редким, что было очень важно. Если бы писк был ритмичным, я бы забеспокоилась, что он был связан с чем-то взрывоопасным.

Наконец, я заставила ноги работать. Крошечная комната открылась у подножия лестницы. Она была лишь немногим больше, чем вход на блокпост. Она была пустой, за исключением металлической двери в задней части комнаты. Пальцы Граклы уже обхватили широкую U-образную форму ручки.

— Погоди!

Она распахнула дверь прежде, чем я успела возразить, и вошла внутрь. У меня не было

другого выбора, кроме как выхватить свой револьвер — теперь он мерцал на жалких восьми процентах заряда — и надеяться, что там нет ничего, что хочет нас убить.

Удивительно, но ничего не было.

Мы стояли внутри какого-то... Я не знала, что это было, на самом деле. Это чем-то напоминало мне сторожевую комнату Говарда: филиал его кабинета, где он установил кучу экранов для наблюдения за моими экспериментами. Ему нравилось заставлять меня сидеть перед этими экранами и смотреть, как я задыхалась, тонула или кричала, потому что Толкач ломал мне запястья. Я думала, что смотреть, как меня пытаются, было куда хуже, чем настоящие пытки.

И Говард это знал.

В этой комнате был всего один экран: он охватывал всю переднюю стену и был покрыт такими же извивающимися черными линиями, как и экран на клавиатуре. Под экраном находился длинный узкий стол с двумя придвинутыми к нему сиденьями. От этого стола доносился звуковой сигнал. На его верхней части были всевозможные кнопки, но их нажатие никак не помогало экрану. Он просто застыл на той же картинке.

— Хорошо? — сказала Гракл.

Я подняла взгляд и увидела, что она нашла еще одну кнопку. Полагаю, она увидела, как я толкала вещи на столе, и решила помочь. Эта кнопка была встроена в стену рядом с экраном. Она была ярко-красного цвета и спрятана в толстой стеклянной коробке. Желтые буквы выгибались над кнопкой, предупреждая:

ТОЛЬКО ДЛЯ ЭКСТРЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ: АКТИВАЦИЯ РАЗВЕРТЯЖЕЛУЮ ПОДДЕРЖКУ ЭКЗО.

— А... нет. Это плохо, — жестко сказала я. Я не знала, что за «Поддержка экзо», но это определенно звучало как какой-то бот. И это было последним, с чем нам сейчас нужно было иметь дело.

К счастью, Гракла отвлеклась на что-то другое.

За столом была еще одна дверь. Блоки вокруг него потрескались — без сомнения, из-за огромного давления, засыпанного тоннами земли. Если блоки вдруг треснут, и все эти тонны обрушатся на нас...

«Прекрати, Шарли, — яростно подумала я. — Не пугайся. Гракла не боится, так что ты не можешь бояться. Просто терпи».

Гракла сильно дернула дверь, но смещение окружающей стены вдавило ее в раму. Нам обоим пришлось потянуть, чтобы открыть ее... а это значило, что мне пришлось подойти к этим рушащимся блокам и надеяться, что я их не потревожу.

Я не хотела плакать перед Граклой, поэтому я шла странной, негнушейся походкой к двери. Затем я резко сжала ручку, прежде чем она успела заметить, что мои руки трясутся.

— Ладно, — прошипела я сквозь зубы, — тяни!

Нам понадобилась пара попыток, но как только нам удалось тянуть одновременно, дверь открылась.

— Фу! — я закашлялась, когда поток воздуха ударил в мой открытый рот.

В этой комнате стоял запах, от которого волосы встают дыбом. Было влажно и очень сухо одновременно. Даже Гракла отпрянула на секунду, чтобы выбить пыль из легких. Но мы зашли так далеко, так что мы могли бы пойти и посмотреть.

Хотела бы я этого не делать. Когда я увидела, что произошло в этой комнате, я сразу поняла, что это вернется в моих кошмарах.

Две кровати плотно прилегли к левой стене. Они были узкими и маленькими, закрепленными на месте какими-то здоровенными металлическими рычагами. Простыни были окрашены в глубокий, отвратительный коричневый цвет — оттенок, который оставляла только очень старая кровь. А поверх этих простыней, ухмыляясь в потолок, лежала пара скелетов.

Они давно были мертвы. Я нашла небольшое утешение в том, что знала, что даже если бы я нашла это место раньше, я никак не смогла бы им помочь. Скелеты были настолько стары, что их одежда превратилась в лохмотья — пожелтевшие кусочки материи, которые до сих пор цеплялись за их осыпавшиеся ребра.

У одного из них на сердце остался хороший кусок рубашки. Буквы потрескались и потускнели, но я думала, что там говорилось *АБР*.

Гракла мягко тыкала меня в руку. В темноте ее глаз был вопрос.

— Я думаю, они... голодали, — ответила я.

Между кроватями была пара деревянных дверей. Когда я открыла их, я нашла шкаф, который выглядел как место для хранения продуктов. За этими дверями в стену было встроено семь полок. Каждая была заполнена аккуратным рядом черных канистр, и каждая канистра была пуста.

Я встряхнула их все, чтобы убедиться. Но в этом не было никаких сомнений: двое съели все, что у них было, а затем нашли время, чтобы поставить канистры на место. Я открыла одну и вздрогнула, увидев желтую звезду, нарисованную под его крышкой.

Оставайтесь СУПЕР-заряженными с пайками выживания SuperBoost! Этот армейский Boost был разработан для вас: одна мерная ложка, смешанная с чашкой воды в день, содержит все витамины, необходимые для поддержания здорового питания, а также наш запатентованный Взрыв Энергии. Так что берегите себя и оставайтесь СУПЕР!

— Боже... — прошептала я, когда увидела информацию о пищевой ценности, напечатанную под этикеткой. В каждой канистре было двадцать пять порций. Даже если их пайки были заполнены лишь наполовину, когда их запирали, эти люди страдали ужасно долго.

Гракла не понимала. Казалось, она просто была разочарована тем, что все канистры были пусты. Я взяла одну из них и потеряла живот, хмурясь.

Когда она подняла брови, я думала, что она, наконец, поняла. Но затем она вскрикнула, и я поняла, что она была просто в восторге от того, что находилось на другом конце комнаты.

За кроватями была зона отдыха — потертый диван и крохотный кухонный столик. Его оставили в опрятном состоянии, но на него попала пыль и паутина. Мы пошли в конец комнаты, наша веревка оставляла огромное чистое пятно на грязном полу.

В дальнем левом углу была спрятана ниша: комната размером со шкаф, запертая за решетчатой стеной от пола до потолка и с одной маленькой, сильно запертой дверью посередине. Это было похоже на тюремную камеру, и я была уверена, что взломать ее будет так же легко.

Но если мы придумаем, как пройти через эту дверь, мы найдем путь.

Всего было по два. Две аптечки, два солнечных дробовика, два солнечных пистолета и две большие металлические канистры с надписью «снаряды». Ружья висели на стене, а патроны лежали на пыльной полке под ними. Моя рука жалобно пульсировала, когда я увидела аптечки. Будто она знала, что означал этот маленький красный крестик, и умоляла

меня поторопиться.

Только эти вещи были бы находкой века. Большинство оружия в Ничто находилось в худшем состоянии, чем у Уолтера. И половина кристаллов, которые мы собирали, были слишком слабо закреплены, чтобы их можно было безопасно заряжать, или треснутые, и их нельзя было зажигать. Забудьте о чистых медицинских принадлежностях: их просто не существовало.

Так что найти вещи такого качества уже было достаточно для моей радости.

Но потом я увидела костюмы.

Они были сложены на полке рядом с патронами. Они выглядели как мой комбинезон, но были полностью черными, а не полосатыми, и по толщине складок я могла сказать, что эти костюмы были снабжены ультраотражающей броней полицейского класса.

Пара шлемов висела на крючках над костюмами, а две пары тяжелых черных ботинок поместились в пространство под полкой. Шлемы имели красные тонированные лицевые панели с толстыми прорезями для дыхания у рта. Я не могла быть уверена, но, похоже, у ботинок были стальные накладки на носках.

Гракл нетерпеливо хлопнула ладонью по решетке. Все волнение, которое я чувствовала, ярко расцвело на ее лице.

— Ладно, ладно, успокойся на секунду, — сказала я, доставая Куб.

На ручке двери был сканер отпечатков, но нам было не о чем беспокоиться. Я должна суметь подключить Куб к лампочке под замком и...

— Какого черта?

Что-то было не так с кубом. Я включила его как всегда, но меню не всплыло. Вместо этого из его вершины выступила простая белая сфера — сфера, почти полностью покрытая сетью извивающихся черных линий.

Я подвинула сферу кончиком пальца, вращая ее во всех направлениях. Но пройти ее не было никакой возможности. Даже когда я попыталась отдать команду голосом, Куб не признал, что я сказала. Это было как пытаться поговорить с Уолтером после захода солнца.

— Я не могу им воспользоваться, — ворчала я, когда Гракла ткнула меня в руку. — Думаю, дверь все испортила.

Может, испортила намеренно. Может, именно это случилось с людьми, которые умерли от голода в другом конце комнаты: они использовали свой Куб, чтобы войти, но не смогли выбраться.

Я обрадовалась, что у меня хватило разума подпереть дверь.

Когда я попыталась объяснить все это Гракле, она не слушала. Она качала головой, сбитая с толку. Ее взгляд метался между мной и сокровищем за решеткой. Затем она выхватила Куб у меня из рук и с силой прижала его к двери.

— Это не... эй!

Она швырнула Куб в прутья прежде, чем я успела ее остановить. Я бросилась за ним так быстро, как только могла, но ущерб уже был нанесен. Она сломала кнопку питания Куба и разбила лампочку на двери. Любой маленький шанс, который у нас был, теперь был упущен.

— Почему ты так поступила? Да, я тоже хотела новый пистолет, — закричала я, когда она указала на полки. — Но сейчас никто ничего не получит. С таким же успехом мы могли бы собрать все, что можно, и вернуться к грузовику. Идем.

Гракла не двигалась. Я трижды сказала ей шевелиться, но она скрестила руки и смотрела на меня.

Мне надоело. Я устала от нее — надоело пытаться что-то объяснить, надоело получать четыре удара по голове за каждый дюйм уступок. Я была в синяках и крови только по той причине, что она не удосужилась заткнуться и слушать. Теперь, вместо того, чтобы дать мне полминуты, чтобы что-то понять, она разбила мой куб.

Уолтер был прав: Граклы — животные. И пришло время мне начать обращаться с ней так.

— Пошли, — прорычала я.

Когда она не пошевелилась, я сжала веревку и резко дернула ее. Она, спотыкаясь, сделала несколько шагов ко мне, прежде чем отступить и схватиться за ручку двери. Теперь она была закреплена и, как бы я ни тянула, она не отрывалась.

— Пойдем!

Я кричала. Следы от зубов на моей руке снова порвались от силы, с которой я тянула за веревку. Кровь скользила по моим рукам, и боль была почти невыносима. У меня не хватало тяги, чтобы оттащить ее от двери.

Что еще хуже, Гракла обнаружила на ручке подушечку для отпечатка пальца. Она грубо вонзила пальцы, а механический голос изо всех сил старался не отставать:

— Отказано в доступе... Доступ-доступ за... Доступ-доступ запрещен...

— Вот и все!

Слова вырвались из моего рта ревом. Я пересекла пространство между нами и толкнула плечом Граклу в бок. Ее сильно швырнуло на решетку, и я увидела, как ее зубы скривились в гримасе, но она все еще не отпустила дверь.

Сейчас произойдет одно из двух: либо я смогу аккуратно оторвать ее руки, либо мне придется бить их рукояткой револьвера, пока они не сломаются. Ей выбирать.

— Убери свои пальцы оттуда...

— Доступ запрещен...

— ... или помоги мне, Боже...

— Доступ... доступ за...

— Я тебя...!

— Доступ предоставлен.

Никто из нас не ожидал, что дверь распахнется. Мы кубарем влетели в комнату с решеткой, и наши тела сильно ударились о пыльную землю.

Было больно. Это падение выбило крик из-за моих синяков, но я была слишком потрясена, чтобы беспокоиться об этом.

— Как ты это сделала? Ты, — я постучала пальцем по груди Граклы, прежде чем указать на дверь, — как ты это сделала?

Она яростно замотала головой. Из разбитой губы текла свежая кровь, но она, похоже, была так же безразлична к своей ране, как и я к своей.

— Ты, — повторила она, постукивая меня по груди. — Ты.

— Я...?

Я не помнила, как схватилась за дверь. Это было возможно: мы обе цеплялись за ручку. Наверное, мой большой палец мог задеть сканер без моего ведома. Был простой способ проверить.

Я оторвалась от пола и сжала ручку.

Над сканером мигнула зеленая полоса света.

— Доступ разрешен, — чирикнул роботизированный голос.

Это было невозможно. Эти скелеты почти полностью разрушились, и я такой уровень разложения занял бы чертовски много времени — они, вероятно, умерли за десятилетия до того, как я родилась. И с тех пор вход был закрыт.

Так как какой-то подземный контрольно-пропускной пункт мог иметь запись моего отпечатка пальца?

И почему у меня было разрешение открывать двери?

Озноб пробежал по затылку. Я вдруг стала чужой для себя: отделилась от своего тела, вырвалась из своей кожи. Я смотрела на свои руки, на крошечные завитки и бороздки, выгравированные на моих пальцах и ладонях, на отметины, которые должны быть моими, и только моими...

И теперь я не могла не задаться вопросом, не принадлежали ли они кому-то другому.

Щелк.

Этот звук вырвал меня из моих мыслей. Я забыла о Гракле и тайнике с оружием в комнате позади меня. Я выхватила револьвер из-за пояса, повернулась, ожидая стукнуться носом о ствол какого-нибудь полностью заряженного пистолета. Но Гракла даже не попыталась меня вытолкнуть.

Вместо этого она пошла к одной из медицинских аптечек.

— Ты, — сказала она, махая мне рукой, чтобы я шла за ней.

Она вышла из комнаты с решеткой и вернулась в гостиную, тяжело плюхнулась на потертый диван. Затем она ударила кулаком по подушке рядом с собой, поднимая облако густой бежевой пыли.

— Не знаю, — буркнула я, наблюдая, как она ставит металлический чемоданчик на колени и открывает его. — Ты уверена, что знаешь, как пользоваться одной из этих штук?

— Ты! — настаивала она с хмурым взглядом.

— Ладно, ладно. Хорошо.

Наверное, в этом наборе могло быть что-то, что притупит боль. Какие-нибудь обезболивающие салфетки. Или какая-нибудь таблетка. Но я не ожидала, что Гракла вытащит иглу.

Зубами она порвала бумажную обертку, вытащила ее, обнажая какой-то пластиковый разъем на конце. Дальше она достала пузырек с торчащим из него поршнем, который она подсоединила к игле. Затем, с иглой и флаконом в одной руке, она достала чистящую салфетку из набора и провела ею по следам укусов на моей ладони.

Гракла делала все это в наручниках, и делала это так быстро, что я едва успевала возразить, прежде чем чистая салфетка выжгла огонь из моей кожи.

— Ой! Что в этой...? Нет, я не могу такое принять, — сказала я, когда она наклонилась ко мне с пузырьком. — Я — аллергик.

Это было похоже на уменьшенную версию «Перезагрузки». В Ничто не было аварийных доков. И больниц. Так что, если она воткнет мне Перезагрузку, я, вероятно, не проснусь.

Гракла уже схватила меня за запястье. Я поняла это, когда попыталась спрыгнуть с дивана, и мой локоть с силой дернулся.

— Нет! Нет!

Я пыталась бороться с ней. Мне почти удалось вывернуться из ее хватки, но затем она так сильно прижала большой палец к опухшему краю моей ладони, что я почти потеряла сознание от боли. И пока я корчилась в агонии, она вонзила иглу в мою рану.

Я застонала, наблюдая, как жидкость вытекает из флакона и вливается в мою кровь.

Теперь огонь мог вспыхнуть в любую секунду. Он парализует меня, я потеряю сознание. Я, наверное, умру...

Нет. Боль не пришла. Вместо того чтобы чувствовать, будто кто-то держит спичку у моей шеи, я ощутила только тепло. Это было глубокое, успокаивающее тепло — как когда я выходила из Логова холодным утром и чувствовала солнечный свет на своем лице, только теперь солнце светило повсюду.

Я откинулась на диван и опустила голову на подушки. Гракла просунула руку мне в карман, но это не казалось навязчивым. Больше похоже на то, что она прикасалась ко мне через тринадцать слоев удобной одежды: это едва ли воспринималось как нечто большее, чем подталкивание.

— Что... это за штука...?

— Хорошо, — рассеянно пробормотала Гракл. Она нашла ключ в моем кармане и использовала его, чтобы расстегнуть наручники.

Я должна была волноваться. Она могла выхватить у меня револьвер и в любую секунду пустить луч мне в глаз. Но тепло, которое началось с моей руки, уже окутало мой разум. Все, что я слышала сейчас, это тихий, влажный шепот:

Шиии... шиии...

— У тебя неплохо получается, — пробормотала я, глядя, как Гракла вела иглой по пунктирным отметинам на моей ладони.

Ее швы были тугими и аккуратными — это было куда лучше, чем то, что Уолтер сделал на моей руке. Он что-то хлопнул прямо перед тем, как начал чинить руку. Теперь у меня был красный сморщенный шрам, который выглядел неровным и изогнутым посередине.

Гракла не ответила. Она закончила накладывать швы и промокнула рану. Затем она обернула мою руку чем-то вроде полуперчатки из марли.

— Вау... будто у меня новая рука.

Я не знала, что я говорила, и мне было все равно. Я просто хотела закрыть глаза и погрузиться в этот диван до восхода солнца.

Гракла позволила мне прислониться к ее плечу, пока она прикладывала что-то к разбитой губе. Я ткнула ее в ногу, бормоча:

— Ты, ты... отлично шьешь, ты это знаешь?

Она взяла меня за запястье и указала пальцем на ее лицо.

— Аша, — сказала она.

— Аша? Это твое имя?

Гракла, Аша, не ответила. Она повернула мое запястье и прижала мой палец к моему подбородку. Ее брови поднялись в ожидании.

— Шарли, — сказала я.

— Шар... лей?

— Ага. Почти так, — буркнула я со смехом.

Аша не собиралась меня убивать. По тому, как она фыркала от моего смеха, я могла сказать, что мы пересекли стену — ну, может, мы не совсем закончили с этим, но мы, по крайней мере, пожали друг другу руки. Этого было достаточно для меня.

Сон пришел в тот момент, когда я позволила себе расслабиться. Воздух был тяжелым и теплым, и весь мир пах специями. Мы пережили достаточно ада для одного дня.

Я уже почти заснула, когда странный голос эхом разнесся по лестнице:

— Ау? Здесь есть кто-нибудь?

ГЛАВА 26

Голос определенно принадлежал мужчине. Он был резким и низким. Может, это действовало лекарство. Может, это заставляло меня что-то слышать, а может, я уже заснула.

Я цеплялась за эту иллюзию так долго, как могла. Даже после того, как я ощутила, как Аша резко села рядом со мной, я цеплялась за надежду, что этот голос был всего лишь частью сна...

— Эй? Ау-у? Мы не собираемся убивать, честно.

Конец этой фразы был заглушен хохотом. По тому, как отскакивал их смех, я догадывалась, что мужчины уже спускались по лестнице. Я не могла предположить, сколько их там было, но звучало достаточно, чтобы это было проблемой. Если бы Уолтер услышал, что к нам направляется такая большая толпа, он бы сказал мне собирать вещи и обойти их.

Но, поскольку мы застряли в тупике почти в сотне ярдов под землей, убежать от этих людей не получится.

Я должна была догадаться, что сигнализация контрольно-пропускного пункта привлечет людей. Она гремела достаточно громко, чтобы ее могли слышать на три квадратных мили. Нам не следовало спускаться сюда. Мы должны были украсть те винтовки и убежать.

Теперь мы попали в беду.

И нам придется выбираться из этого.

Я все еще пыталась стряхнуть онемение с конечностей, зато Аша выхватила нож из моего ботинка, перерезала себе веревку и побежала к двери. Она присела рядом с ней и прислонилась спиной к раме, ожидая, пока мужчины войдут в комнату с экраном.

— Что это, черт возьми, такое?

— Я не знаю. Может, какое-нибудь зеркало?

— Тогда это самая уродливая вещь, которая когда-либо смотрела на меня. Похоже на пучок корней или что-то в этом роде...

Я услышала ворчание, а затем звук разбитого стекла. Мужчины хохотали, стали швырять вещи по комнате. Я не видела, что они там ломали: я только слышала хохот и визг отключающегося солнечного оборудования.

— Как думаешь, для чего эта большая штука?

— Без понятия.

«Боже, они не могут прочитать предупреждение над красной кнопкой. Они не знают, какой адский огонь они обрушат на нас, если нажмут туда».

Эта мысль пронзила меня жаром. Но в то же время маленькая глупая часть меня думала, что мне могло повезти. Наверняка они не стали бы что-то нажимать, если бы не знали, что это делает?

— Почему бы тебе не нажать и не узнать?

— Ха! Хорошо.

Щелк.

Все внутри меня сжалось. На какое-то мгновение я была клубком свернувшихся мышц и нервов. Я готовилась к тому, что вот-вот произойдет, надеясь, что кнопка была испорчена так же, как и экран, но все же отчасти верила, что какая-то армия ботов вот-вот ворвется в двери.

— Ха, ничего.

— Это ничего не сделало?

— Неа. Просто вошла и вышла. Видишь?

Щелк, щелк, щелк...

— Ты можешь прекратить, Харви? Это чертовски раздражает.

Я уже слышала это имя. Я помнила, Джон Марк упомянул его, когда сказал нам, что пады хотели встретиться. Харви сказал ему, что пады будут в старом отеле. Так что, должно быть, это Харви устроил ловушку с Граклами, чтобы попытаться убить нас.

Это были люди Брендона.

И я думала, что Харви мог стать их новым лидером.

— Мы должны продолжать идти, нужно найти что-нибудь поесть.

— Думаешь, я этого не знаю? — рявкнул Харви. — Думаешь, я не знаю, что нам нечего есть? Продолжайте, если так уверены, что в соседней комнате что-то есть — я не уйду

отсюда, пока не проверю все.

Я вытащила револьвер из-за пояса и щелкнула рычагом, чтобы зарядить его. Аша не сдвинулась со своего поста: она держала нож под углом, используя отражение на его плоском лезвии, чтобы заглянуть в комнату с экраном. Через мгновение она подняла пять пальцев. Затем она сжала кулак и подняла еще два.

Семь. В комнате было семеро мужчин, и как минимум шестеро из них направлялись к нам. Я недостаточно доверяла своим ногам, чтобы вскочить и побежать — онемение проходило, но недостаточно быстро. Я должна была оставаться здесь, на диване, и надеяться, что то, что я женщина, не даст мужчинам застрелить меня на месте.

Первый прошедший мужчина был настолько грязен, что я не могла сказать о нем ничего, кроме густой черной бороды. Он сорвал шляпу при виде меня.

— Так-так, я не ожидал найти здесь что-то настолько красивое.

Я не ответила. Я боялась, что все, что я скажу, прозвучит как яд. Поэтому я просто заставила себя улыбаться, когда комната наполнилась.

Они юркнули в дверь один за другим. Никто из них не замечал, что Аша притаилась позади них; каждый из них смотрел на меня скольльзящим взглядом с широкой кривой ухмылкой.

— Что вы делаете здесь совсем одна, мисс? — завопил Бородач. Они не подошли ко мне слишком близко. Они оставались сгруппированными на краю зоны отдыха — пока что.

— О, я услышала сигнал тревоги и подумала, что нужно прийти посмотреть, — сказала я.

Мне пришлось стараться, чтобы не бросить взгляд на Ашу. Она тыкала кончиком ножа в сторону каждого горла в толпе, будто планировала, как собирается их разрезать.

Бородач ухмыльнулся мне, прежде чем его взгляд упал на комнату с клеткой.

— Просто подумала посмотреть, да? Похоже, ты не просто смотрела...

— Да, и это то, что мы должны делать, — вмешался другой мужчина. Он постукивал большим пальцем по пряжке ремня и жадно смотрел на меня. — Не так много можно получить, просто глядя.

Остальные мужчины согласно зарычали.

Аша двигалась. Я наблюдала краем глаза, как она скользила в открытый рот выхода. Мне пришло в голову — на одну ужасную, душераздирающую секунду — что она могла уйти. Харви был единственным мужчиной в той комнате. Она могла бы перерезать ему горло и уйти, пока другие отвлеклись на меня...

Она могла оставить меня здесь страдать.

— Что скажешь, милая? Мы все голодны и устали, — Бородач с ухмылкой кивнул остальным. — Думаешь, ты могла бы помочь нам отвлечься на какое-то время?

— Конечно, — прорычала я сквозь зубы.

Бородач бросил винтовку и направился ко мне.

Мужчины разразились хором смеха и насмешек — достаточно громко, чтобы перекрыть шум бега Аши. Она бросилась к мужчине в дальнем правом углу группы и ловко щелкнула ножом между пальцами.

Этот пад был выше остальных. Аше пришлось прыгнуть, чтобы добраться до его горла, и на секунду я задалась вопросом, почему она решила начать с него. Но когда она вонзила лезвие ему в шею и коснулась пульсирующей вены у него под подбородком, я поняла, почему.

Его горло находилось на уровне глаз всех остальных.

Кровь брызнула с такой силой, что краска слетела со стены. Брызги ослепили человека рядом с ним, попали в раскрытые рты еще двум падам.

Один истекал кровью, один ослеп и двоих тошнило. Я не знала, лекарство это или что-то другое — может, просто такое происходило, когда адреналин встречался с онемением в крови, — но время будто замедлилось.

Бородач обернулся и направился за своей винтовкой. По тому, как высоко он махал руками, и как выступили вены на шее, я могла сказать, что он мчался на полной скорости. Но в моем видении он мог с тем же успехом ползти. Будто воздух превратился в какой-то гель, и только я не была заперта внутри него.

Аша сновала среди скопления окровавленных падов. Ее движения были почти призрачны, ее конечности были размыты из-за скорости, с которой она работала ножом. Я слышала, как рвались сотни тонких нитей, когда она вонзила лезвие в одежду ослепленного пада. Его крики, превращенные временем в какой-то гортанный стон, резко оборвались, когда Аша проткнула ему легкое.

Четвертый мужчина все еще был вооружен и не тронут кровью. Я его помнила — он хотел не просто смотреть. Он двигал рычаг зарядки своего пистолета, его глаза были широко раскрыты и яростны, пока его тело медленно кружилось в геле. Звук полной зарядки патронника поражал мои уши глубоким гулом.

Аша не сможет остановить его вовремя. Между ней и мужчиной с пистолетом стояли два задыхающихся пада. Как только он повернется достаточно, чтобы увидеть ее, он нажмет на курок. И такой пистолет мог выстрелить пятью лучами, прежде чем ему снова нужно будет зарядиться.

Я должна была помочь.

Рука, которая держала револьвер, не принадлежала мне. Это была другая рука. Большая веснушчатая рука со шрамами на костяшках пальцев. На этот раз изображение не было затемнено: я видела руку более четко, чем когда-либо прежде. Но она была нестабильна, то появлялась, то исчезала — как телешоу, когда над Далласом бушевала гроза.

Рука обхватила мою, как перчатка, и направила мой прицел на голову четвертого пада. Мы целились в его глаз: в широкое яростное белое пятно на правой стороне его лица. Мы вместе нажали на спусковой крючок и наблюдали, как синий луч прожигал этот глаз и поджигал мягкое сероватое мясо позади него.

Я услышала что-то похожее на треск жира от бекона на раскаленной сковороде; увидела, как мясо сморщилось в черную корку. Оно выливалось через его пустую глазницу в потоке пепла, оставив след за его телом, когда оно упало.

Прежде чем этот пад упал на землю, наши руки направились на Бородача. Он наклонился, чтобы схватить винтовку, его взгляд был прикован к Аше. Он оскалился, а язык с ревом сплюснулся, когда она убила третьего пада.

Он даже не собирался заряжать свое оружие: он просто собирался использовать его как дубину. Он хотел сбить ее с ног и размозжить ей голову. И Аша была недостаточно сильна, чтобы остановить его.

Мы выстрелили до того, как он успел добраться до нее, и направили луч ему в колено. Его нога подкосилась под ним. Его тело упало на пол. Он едва успел поднять взгляд, как Аша ударила его ногой по лицу.

Я ощущала, как гель вытекал из воздуха. Время вот-вот вернется к своей нормальной

скорости, и другая пара рук вот-вот покинет меня.

Но у меня были вопросы.

И я не отпущу, пока не получу ответы на эти вопросы.

Мне понадобилась вся концентрация, чтобы удержать изображение, когда оно так сильно хотело исчезнуть. Я бросила револьвер и поднесла руки к лицу. Большие руки слабо мелькали поверх моих. Я перевернула их и поднесла ладони к лицу.

Мои глаза смотрели на завитки и линии. Я запомнила несколько фигур на своих пальцах, а затем ждала, когда большие пальцы мелькнут над ними. Я внимательно наблюдала, как образ пронесся между нами — узоры на моих руках наложились на узоры других.

Через несколько секунд сомнений не осталось.

Наши отпечатки были абсолютно одинаковы.

— Ах!

Бородач кричал, и этот шум нарушил мою концентрацию.

— погоди!

Аша могла не понять слово, но она сделала паузу, увидев мои поднятые руки. Она упиралась коленом в спину Бородача, крепко сжимала его волосы на макушке. Его шея была выгнута назад, и она прижала нож у его горла, готовая — и нетерпеливая — вырезать улыбку там.

По тому, как резко она подняла брови, я могла сказать, что она собиралась ждать всего несколько секунд.

— Сколько вас там?

— А-а! — Бородач вопил от боли, когда Аша дернула его за волосы. — Если я скажу тебе, ты оставишь меня в живых, верно? Я не вооружен.

— Зависит от того, как быстро ты ответишь.

— Т-тридцать! — выдавил он. — Думаю, снаружи осталось человек двадцать с лишним. Еще несколько десятков в лагере. Ряды поредели после... после того, как кто-то убил нашего лидера. И Харви не знает, что, черт возьми, он делает! Вы оставите меня в живых, — он жалобно закатил глаза, — оставьте меня в живых, и я клянусь, что сделаю все, что вы скажете. Я буду следовать за вами так близко, что тебе больше никогда не придется оглядываться, потому что я буду присматривать за тобой.

Я не хотела, чтобы пад преследовал меня повсюду. Но я без колебаний заперла его в клетке, пока не решу, что с ним делать. Я махнула рукой Аше.

— Ладно, подними его и... о, да ладно, — буркнула я, пока она провела ножом по его горлу.

Судя по всему, махать рукой на языке граклов означало «пустить ему кровь, как свинье». Бородач умер, захлебнувшись собственной кровью, а Аша насмеялась над ним на своем языке. Я уже собиралась сказать ей, чтобы она перестала, когда услышала шум на лестничной площадке.

Харви, должно быть, заглянул достаточно надолго, чтобы понять, что мы сделали с его товарищами. Теперь звучало так, будто он прыгал по лестнице, по две ступеньки за раз, крича изо всех сил:

— Заряжайте пушки! Заряжайте пушки, ребята, и возвращайтесь!

Я вскочила и схватила Ашу, пока она не погналась за ним.

— Нет, эй, снаружи их намного больше, ясно? Смотри... — я подняла руки и трижды

показала все десять пальцев.

Рот Аши открылся, и она зашептала, как я могла только догадываться, какую-то ругань.

— Ага. Так что нам придется быть осторожными. Понятно? — я прижала палец к губам. — Осторожно.

Она изобразила кивок.

— Хорошо. Теперь давай придумаем, как отсюда выбраться.

Онемение прошло. Мои конечности чувствовали, я снова управляла ими. Тайну того, что происходило с моими отпечатками пальцев, придется отложить: единственное, о чем я сейчас думала, это как нам выбраться живыми из будки контрольно-пропускного пункта.

Я вспомнила бронекостюмы, которые были свернуты в клетке. На верхней части туловища у них была странная отметина — я не заметила их, пока костюмы были сложены, но как только я подняла один, я увидела ее. Знак выглядит как отпечаток пальца, состоящий из сотен крошечных квадратов.

Я видела уменьшенные версии этой метки в магазине Гранита. Они были на каждом товаре в магазине, и когда кассовые роботы сканировали их, они сообщали им, что я купила и сколько должна была заплатить за это.

Квадраты были расположены по шаблону, уникальному для каждого предмета. Я знала это, потому что я счищала квадраты с дорогих вещей, чтобы было похоже, что я покупала только «SuperFizz».

Я не знала, почему на костюмах есть маркировка продуктового магазина, но пока они давали нам некоторую защиту, это не имело значения.

— Надень это, — сказала я, бросая второй костюм Аше.

Они казались слишком маленькими, чтобы налезть, на первый взгляд. Но когда я дернула один из рукавов, он легко вытянулся, прежде чем снова встать на место. Они расширялись достаточно сильно, чтобы скользить по нашей одежде. Я ожидала, что они будут цепляться слишком сильно, но этого не было. У них не было тяги, и они мало весили. Этот материал дышал лучше, чем хлопковая рубашка. Через мгновение я забыла, что надела его.

Сапоги подошли так же: надевались на то, что у нас уже было на ногах. Они добавили немного толщины и высоты. Мы застегнули друг друга в костюмах, а затем надели шлемы на место. У них была металлическая манжета на основании, которая скользила, чтобы защелкнуться на манжете на шее костюма.

Странно было видеть мир с красным оттенком. Я повернулась, чтобы сказать это, и увидела, что тело Аши было полностью освещено.

От ее лица через грудь и вниз к рукам проходило красное пятно. Ее края были оранжевыми и желтыми. Когда она двигалась, пятна двигались вместе с ней.

Аша смотрела на меня так же, как я, должно быть, смотрела на нее, только вместо того, чтобы интересоваться изменением цвета, она боялась. Она отпрянула к стене из шлакоблоков и в панике била кулаками по шлему.

— Нет, нужно носить его! Нельзя снимать! — я хлопнула ладонями по обеим сторонам ее шлема, чтобы она не вывернула его из манжет, и случайно нажала на кнопку.

Красная лицевая пластина с шипением вернулась внутрь шлема, сменяясь полностью прозрачной.

— Вот. Лучше?

Аша осторожно повернула голову. Сначала она смотрела на меня, затем подняла голову,

чтобы посмотреть на огни, и опустил ее, чтобы изучить мертвых падов, валяющихся на полу. Красные пятна, исходящие из центра огней, почти ослепляли; бледно-оранжевые пятна отмечали лужи крови вокруг того места, где лежали тела падов.

Этот шлем, похоже, был со своего рода тепловым датчиком, который мог быть очень полезен ночью, но сейчас он просто отвлекал. Я нашла свою кнопку и переключила пластину на прозрачную.

Не было смысла пытаться придумать настоящий план: если эти костюмы не были неразрушимыми, я не могла представить себе ни одного сценария, в котором два человека смогут продержаться против двадцати с лишним человек дольше пары минут. Поэтому я старалась не думать об этом. Мы пристегнули пистолеты, взяли дробовики и начали подниматься по лестнице.

Кто-то ждал нас наверху. Он попятился к выходу, как только увидел нас, и выбежал наружу.

— У них есть костюмы! Харви, у них есть костюмы!

— Какие у них, черт возьми, костюмы?

— Не знаю, но они выглядят опасно!

— Ладно, ладно, — Харви кашлянул, — вы все встанете впереди, а я буду прикрывать ваши спины.

— Наши спины?

— Ага, на случай, если остальные вернутся за тот холм! Не может быть, чтобы две девочки спустились туда сами по себе — подумай об этом.

Мы с Ашей прижимались к стене, медленно продвигаясь к двери. Она держала нож перед собой, наблюдая за падами через отражение на его лезвии. По тому, как часто она посасывала зубы, я могла сказать, что она была недовольна своими шансами.

Я тоже не была довольна.

Но я не собиралась умирать, не взяв с собой хотя бы одного из этих гадов.

— Держи его там, — сказала я, хватая Ашу за запястье. — Держи прямо здесь и дай мне зарядиться.

Я нажала на рычаг дробовика и попыталась ознакомиться с его прицелом, пока ждала, когда патронник наполнится. Я прицелилась в блок на светлой стене и постаралась держать ружье ровно. Я провела пальцем вниз к спусковому крючку, когда ощутила, что он коснулся какого-то переключателя.

На табличке над спусковым крючком был ряд символов. Я перевернула пистолет на бок, и мне пришлось щуриться, чтобы прочитать крошечные буквы, напечатанные под ними: *Поток... Распыление... Отскок.*

Я довольно хорошо понимала, что означали первые два: запуск спирального луча или запуск энергетического веера. Но отскок?

Я должна была попробовать.

Я щелкнула переключателем и искала, во что бы выстрелить. Прямо за дверью был довольно приличный камень. Если я прицелюсь в его бок, и если луч отскочит, то он должен попасть в первую линию падов где-то рядом с их лицами.

— Эй! — крикнул нам Харви. — Во всем этом нет необходимости. Если просто бросите оружие и выйдете, мы вас отпустим. Мы не причиним вреда, клянусь моей мамой.

Вряд ли у такого мужчины, как Харви, когда-либо была мама.

И я лучше присяду над осиным гнездом, чем откажусь от оружия.

Я махнула Аше отодвинуться от двери, что она и сделала неохотно. Затем я навела дробовик на камень и нажала на курок.

Закругленный луч вырвался из ствола с такой силой, что меня отбросило назад. Он прилетел в камень и, к моему удивлению, отскочил — как резина от стены.

Хотела бы я увидеть момент, когда этот луч попал в падов. Хотела бы я видеть шок на их лицах — конечно, за полсекунды до того, как их лица вспыхнули нечестивым пламенем. Но поскольку я не могла рисковать, прислонившись к двери и наблюдая за ними, мне пришлось довольствоваться тем, что я слушала их крики.

— Ах!

— Боже!

— Что, черт возьми, это было? Как они попали в нас?

У меня был еще один выстрел в патроннике, прежде чем мне придется снова заряжать. Я ждала три секунды — этого времени, как я полагаю, было достаточно, чтобы кто-то подбежал и попытался помочь раненому. Тогда я выстрелила.

Больше ругани, больше бессвязных криков. Легкий ветерок дул в кабинку, и я безошибочно уловила резкий запах горящей плоти.

— Вы все это видели? Они отскакивают от камня, — кричал Харви.

Я не могла быть уверена, но, похоже, стоял немного дальше, чем раньше — вероятно, медленными шагами продвигал свою жалкую шкуру в безопасное место.

— Ну, если они используют этот камень, то кто-то должен его сдвинуть!

Напряженный спор, во время которого я отбила еще два луча в падов.

Наконец, кто-то набрался смелости, чтобы убежать к скале.

— Я пойду туда и выбью их. Но вам лучше прикрыть меня!

Мой дробовик все еще заряжался, поэтому, даже когда я увидела дротик пада в поле зрения, я ничего не могла с этим поделать. Но Аша ждала у двери с полным зарядом с тех пор, как я впервые нажала на курок — и как только она увидела его, она выстрелила.

Дробовик Аши явно был настроен на спрей. Отвратительная вспышка энергии вырвалась из ствола и попала паду в лоб. Он смог оттолкнуть камень в сторону, но в итоге его лицо растаяло, а грудь обуглилась, так что вряд ли оно того стоило.

Некоторые пады завопили, когда тело их спутника упало на землю. Но большинство из них просто разрядили свой заряд на Аше.

Слава богу, их лучи не отскакивали. На миг в будке стало шумно, жарко и головокружительно ярко. Энергия вспыхивала через дверь и гневными вспышками ударяла в дальнюю стену. Они оставляли кучу черных следов на шлакоблоках, но только это. Здесь не было ничего легковоспламеняющегося — я уже проверила.

Мы прижались к своему углу и ждали, когда стихнет град. Когда это произошло, толпа падов замолкла.

— Думаешь, мы победили?

Один мужчина сделал ошибку, наклоняясь через дверной проем.

Аша пробила ему лицо сквозь затылок.

— Нет, нет! Хватит трагить кристаллы! — Харви огрызнулся на их стрельбу. — Кто-нибудь, вернитесь к грузовику и принесите нам ящик с бомбами.

— Почему?

— Потому что, если мы собираемся вытащить их оттуда, мы должны начать метать огонь, который прилипает к чему-то, да?

Ропот согласия прошел по падам. Раздался торопливый звук шагов, когда некоторые из них отправились делать то, что сказал Харви — и мне неприятно было признавать, но это звучало как довольно хороший план.

Если они смогут разжечь огонь, то смогут заставить нас отступить. И если они отгонят нас достаточно далеко, мы, в конце концов, застрянем. Тогда мы либо поджаримся заживо, либо нам не хватит чистого воздуха для дыхания — в зависимости от того, что наступит раньше.

Пады вернулись примерно через минуту, неся что-то похожее на кучу звенящих друг о друга бутылок. Я услышала щелчок, за которым последовал свист жадного пламени, цепляющегося за что-то сухое.

Затем я услышала, как Харви закричал:

— Эй, девочки, хотите пить?

Коричневая бутылка пролетела в дверной проем и ударилась о дальнюю стену, где та разбилась. Жидкий огонь выплеснулся из-под обломков и танцевал по полу. Он не сгорел сразу, а остался, чтобы полакомиться тем, что вылилось из этой бутылки.

Я никогда раньше не видела, чтобы огонь так действовал. Пады швыряли бутылку за бутылкой в дверь, целясь в наш угол. Пламя извергалось после каждого броска. В нем были крошечные оранжевые сердечки и длинные хлесткие синие хвосты. Языки пламени питались друг другом, поднимаясь и раздуваясь, они проникали в трещины пола, как вода в камни.

— Шар-лей! — Аша сильно трясла меня за плечи. Ее глаза резко распахнулись и потемнели от страха за пластиной шлема. Она пыталась подтянуть меня к лестнице.

— Нет! Мы должны остаться! — я знала, что если мы уступим слишком много территории, то попадем в ловушку. Поэтому мы должны были дать себе некоторое пространство. — Смотри...

Грязи на полу было не много, но достаточно. Боком ботинка я стряхнула немного грязи в ближайшую полосу пламени и потушила его.

— Видишь?

Аша быстро училась. Она пинала землю в огонь обеими ногами, отбрасывая пламя назад.

Мы не могли продолжать так вечно. Даже когда Аша защищала наш угол, огонь бушевал, а бутылки продолжали лететь. Я могла сделать только одно, чтобы дать нам еще несколько минут, но это было ужасно рискованно.

Металлическая входная дверь открывалась внутрь. Это радовало.

Плохая новость состояла в том, что я была на неправильной стороне комнаты.

И худшая из всех новостей заключалась в том, что для того, чтобы закрыть дверь, мне придется броситься через открытый дверной проем — где, скорее всего, букет винтовочных стволов ожидал, чтобы расплавить меня.

Кто-то стал бы считать до трех, но я бы предпочла просто покончить с этим.

— Аргх!

Я оставалась в вертикальном положении так долго, как могла. Но в тот момент, когда я ощутила, как раскаленный добела луч прошел мимо моего плеча, я бросилась на пол.

— Взять ее! Стреляйте!

Теперь, когда пады увидели меня, я была как одинокий кролик перед стаей диких койотов. Лучи шипели в воздухе вокруг меня. Я не могла сказать, что попало, а что было просто жаром. Моя верхняя часть тела преодолела порог без особых повреждений. Но к тому

времени, когда я скрестила ноги, появились пады.

Они определенно были поражены. Я знала, прежде чем врезаться в землю, что получила несколько ранений в ноги. Я помнила, каково это было после того, как шериф Кляйн выстрелила в меня, и я ожидала, что буду парализована болью. Но... было не так уж и плохо.

Мои ноги ощущались как в тот раз, когда Говард выключил холодную воду, пока я принимала душ. Да, неудобно. Я бы даже сказала, больно. Но это не оставит следа и не убьет меня.

Пады, должно быть, почували кровь, потому что бутылки перестали летать, и к дверному проему приблизилась толпа шагов. Аша сдерживала их парой выстрелов из дробовика, пока я пинком заперла дверь.

Я пнула слишком сильно, и она ударилась о раму и отскочила. Я забыла, что заклинила защелку. Теперь мне нужно было давить плечом, чтобы дверь была на месте, и я должна была прижать ботинок к нижнему углу, чтобы она оставалась там.

Когда дверь закрылась, а свежей жидкости для подпитки не было, огонь быстро угас. Я слушала, как они угасал с шипением и тихим ворчанием, наблюдая, как исчезает самый последний синий хвост.

Теперь, когда стало темно и тихо, я не знала, что делать.

— Я не собираюсь лгать тебе, Аша... мы, наверное, не выберемся отсюда, — сказала я со смехом.

Это было глупо. Я не должна была смеяться в такое время — я должна была злиться или расстраиваться. Но я, честно говоря, была так удивлена, что мы зашли так далеко, что не могла справиться ни с какими другими эмоциями.

— Ты! — Аша указала на штанины моего костюма.

Маленькие бронированные чешуйки, вросшие в икры и голени, были расколоты и треснуты. Они выглядели как руки Уолтера, когда он забывал смазать их маслом перед сном.

— Да, меня пару раз ударили...

— Ты, — настаивала Аша.

Я посмотрела туда, куда она указывала, и увидела, что некоторые из сломанных чешуек начали... восстанавливаться? Я не знала, не было ли это обманом зрения. Но, похоже, расколы становились меньше, а трещины закрывались.

— Ха, ну посмотри на это, — буркнула я.

Дверь тряслась под моей рукой, кто-то стучал.

— Все, хватит! С нас всех достаточно, — кричал Харви. — Мы с ребятами вернемся в наши грузовики и немного передохнем на другой стороне холма. А вам лучше уйти. Вся добыча наша — извини, но мы должны ее получить. Так что снимайте эти костюмы и оставьте их, как и эти пушки. Сделаете все это, и не будет никаких проблем, да?

— Угу, конечно, — ответила я.

— Что значит, угу? — Харви фыркнул. — Почему ты звучишь так, будто я говорю не правду? Я был порядочным с вами...

— Так ты это называешь?

— Эй, слушай сюда! Если бы я хотел, чтобы ты умерла, мы бы распоролы тебя и воткнули шест в твой...

— Обнаружен враг, — чирикнул роботизированный голос.

Харви не смог закончить это предложение. В течение следующих нескольких минут я слышала только кучу криков и много хруста. Земля сотрясалась от такого же грома, как от

стада коровьих копыт. Раздался звук, будто мясо отрывалось от кости, а затем что-то ударило о металлическую дверь с такой силой, что я упала.

Я встала так быстро, как только могла. Но то, что протиснулось в дверной проем, уже стояло перед Ашей.

Он был похож на человека, одетого в тяжелый бронированный костюм. Мужчина стоял ко мне спиной. Я не видела, что он делал с Ашей — но знала, что она была напугана до смерти. Я начала спрашивать его, кто он, черт возьми, такой, когда красный свет скользнул по метке на костюме Аши.

Казалось, свет исходил из груди мужчины. Он трижды пробежал вверх и вниз по ее метке, прежде чем выключился со щелчком.

— Агент АБР, Фостер: вы развернули тяжелую экзоподдержку в ответ на неминуемую угрозу. Пожалуйста, явитесь в ближайший штаб для разбора полетов, — сказал голос из скафандра.

Аша прижалась к стене, когда мужчина отвернулся. Она выглядела невредимой, но ее кожа была пепельно-серой от страха.

Через секунду я поняла, почему.

— Пожалуйста, оставайтесь на месте, — сказал мне костюм.

В этом костюме не было мужчины. Был в какой-то момент, потому что его скелет с отвисшей челюстью все еще прислонялся к лицевой панели его шлема. Челюсть свисала за словами, которые мелькали на экране внутри его лицевой панели:

Активирован автопилот.

Я решила, что это означало, что костюм был главным в течение многих лет.

Я стояла неподвижно, пока красный свет сканировал мою метку. Я не спускала глаз с белых слов, выбитых на груди костюма: АБР ПОДКРЕПЛЕНИЕ. Тяжелые шаги наполнил воздух за дверью — и это внезапно стало единственным шумом на многие мили. Я не знала, что случилось с падами... но могла догадаться.

— Агент АБР, Маккрой: вы развернули тяжелую экзоподдержку в ответ на неминуемую угрозу. Пожалуйста, явитесь в ближайший штаб для разбора полетов, — сказал мне костюм. Затем, после паузы, добавил. — Агентам следует сообщить, что экзоподдержка останется в этом районе в течение двадцати четырех часов для проведения проверки периметра. Безопасного пути.

Затем костюм развернулся и ушел за дверь, присоединяясь к остальным.

Как только мы остались одни, Аша бросилась ко мне. Она схватила меня за руку и крепко сжала. По тому, как дрожали ее руки, я могла сказать, что она не собиралась отпускать. Аша могла резать падов, будто они были ничем, но она окаменела от этих костюмов.

— Все в порядке — они не причинят нам вреда, — пыталась я ее уверить. Я постучала по метке на груди. — Безопасно. Мы в безопасности.

Она яростно замотала головой, прежде чем указать подбородком на дверь. Безопасно это или нет, но она хотела сесть в ближайший грузовик и убраться отсюда.

— Ладно, пойдём.

Сцена снаружи была такой, что вряд ли я ее когда-нибудь забуду.

Небольшая армия костюмов маршировала вокруг контрольно-пропускного пункта, двигаясь широкими кругами, как канюки. На их руках были установлены пистолеты, но в камерах не было свечения. Скорее всего, они разрядились несколько десятилетий назад...

вот почему скафандры разрывали падов на куски, а не стреляли в них.

Я никогда не видела столько крови в одном месте. Она полностью покрыла землю — огромный полумесяц, протянувшийся от блокпоста до подножия ближайшего холма. Не было ни одного камня или травинки, которые не были бы окрашены в почерневший красный цвет.

Я должна была двигаться очень осторожно, чтобы не наступить на куски падов. Я не знала, кто из них был Харви. Может, был парень с отпечатком ноги посреди лица или парень, свисающий с дерева со своими органами. Может, он был одним из раздавленных. Может, он был разорван на столько кусков, что я никогда не смогу его найти.

Но как только мы подошли к краю кровавой бойни, я нашла тело, которое принадлежало ему: мужчина был наклонен так далеко назад, что его задний конец касался головы.

Это явно был он. Я не могла придумать лучшего конца для старого Харви.

ГЛАВА 27

Кто-то глядел на меня.

Пара черных выпуклых глаз твердо смотрела на меня. Они не дергались. Они не мигали. Вряд ли они когда-либо закрывались, даже для сна. Глаза были крошечными — может, не больше обратной стороны булавки. Но у них была власть надо мной, которую я не понимала.

— *Ты сегодня очень сварливая, Шарлиз. Ты знаешь, что значит «сварливый»?*

Под почерневшими глазами был рот. У него не было ни языка, ни зубов — только ободок мокрых цепких клешней. Оно не должно было иметь возможности говорить. И все же я слышала голос Говарда каждый раз, когда эти клешни дергались.

— *Ты знаешь, что это значит, Шарлиз?*

— *Лучше ответь мне.*

— *Если ты сейчас мне не ответишь, я...*

— Да, — выдохнула я.

И слово было не более чем вздох. Но этого все же было достаточно, чтобы побеспокоить того, кто присел у меня на груди.

Его когти щелкали в предупреждении. Они были острыми и бледными, почти полупрозрачно-коричневыми. Я видела жизнь в этих когтях: она не пульсировала и не текла, а висела мертвой внутри своего мяса.

Мертвой.

Мертвая, как эти ужасные, немигающие глаза.

— *Скажи мне, что это значит, Шарлиз.*

— *Я хочу услышать, как ты это скажешь.*

Я слишком боялась сказать это. Я слишком боялась дышать. Даже мысль о том, чтобы открыть рот, заставляла мое сердце биться чаще.

Кто-то вздрогнул, когда этот кулак из чистых мышц ударяет меня по ребрам, и разозлился. Он не любил, когда его двигали. Его хвост был доволен тем, что вяло лежал позади его тела, пока я была неподвижна, но когда мое сердце застучало под его колючими лапами, хвост предупреждающе вздрогнул.

Это была единственная часть тела, внутри которой что-то двигалось. Хвост представлял собой опасную арку из холодного мертвого мяса с тонкой струйкой яда, пульсирующей по его середине, увенчанную острым шипом.

Хребты, которые теперь скрежетали друг о друга, могли соединиться в любую секунду. И когда они это сделают, они вонзят шип в мою плоть... втолкнут яд в мои вены...

— *Эй, урод! У нас остались халапеньо? Этот суп нужно немного приправить.*

Я едва слышала голос Уолтера. Он был приглушен от гула в ушах. Его тень плыла в дальнем углу моего зрения, но я могла видеть только существо, свернувшееся у меня на груди.

— *Что это значит, Шарлиз? Ты собираешься рассказать мне, или мне придется?..*

— Ох. Могу поклясться, что где-то здесь была еще одна банка, — Уолтер яростно рылся в нашем кухонном инвентаре. Банки стучали об пол, кастрюли звенели друг о друга, пока он все перемешивал.

Аша застонала, шум вырвал ее из сна. Она перевернулась и прижалась лицом к моей руке. Прошел почти месяц с тех пор, как она в последний раз спала на своей цепи. После того, как мы сразились с падами, я поняла, что не было особого смысла обращаться с ней как с животным — потому что она показала себя порядочной.

Недавно я начала думать, что Аша могла стать моим другом.

Но все изменится, если из-за нее меня ужалят.

Она потерлась носом о мой рукав, притягивая существо ближе к моему лицу. Его хвост лениво подергивался, оно смотрело на меня черным, бездушным взглядом. Мое тело застыло до такой степени, что я чувствовала, как моя кровь, как слякоть, текла по моим венам.

— Просто что-то нужно, понимаешь? — Уолтер почесывал штаны сзади, наклоняясь над кастрюлей с супом. Он уже почти переливался через край, но он думал, что мог втиснуть туда еще кое-что. — Просто нужно немного чего-то острого.

— Шар-лей, — простонала Аша, хлопая меня по рукаву.

Обычно в этот момент я говорила Уолтеру заткнуться. Но я едва могла набраться смелости, чтобы сделать быстрый вдох, не говоря уже о том, чтобы выкрикнуть полное предложение.

Когда Уолтер продолжал, не собираясь останавливаться, Аша сдалась. Она села со стоном — и даже ее тени, пересекающей мою грудь, было достаточно, чтобы существо раздраженно дернулось.

Я окаменела, была покрыта пленкой пота.

Существо провело одним из своих заостренных когтей по клешням в насмешке.

Аша не обращала внимания. Она провела пальцами по полосе своих волос и превратила их концы в короткие шипы. Затем она, наконец, посмотрела на меня.

— Шар-лей?

Скорпион, — произнесла губами я.

Она покачала головой, сбита с толку.

Я переместила взгляд, чтобы пристально посмотреть на существо у меня на груди, сердце колотилось как в тумане.

Аша ухмыльнулась, увидев скорпиона. Я надеялась, что она стряхнет его с меня или даже раздавит камнем — в этот момент я была не против синяков. Но вместо этого она сделала что-то поистине ужасное: схватила его за хвост и откусила жало.

— Фу! — завизжала я.

Она усмехнулась мне, осторожно зажав шип зубами. Затем она выплюнула его в угол, а остальную часть скорпиона унесла на кухню.

— Давай, думай! Что у нас есть такого, что немного взбодрит это? — Уолтер ворчал под нос, угрюмо тыкая в суп концом половника.

Проходя мимо, Аша швырнула скорпиона в кастрюлю, и он тут же взбодрился.

— Эй, мы готовим!

Меня могло стошнить. Мои руки и ноги тряслись, будто я только что умерла и очнулась. Что со мной было? Как такое крошечное существо, как скорпион, могло заставить меня так замереть?

Ушло несколько минут, но мне, наконец, удалось встать и подойти к Уолтеру.

— Ты голодна, уродка?

— Еще нет, — буркнула я, плюхаясь рядом с ним. Когда я увидела тушу скорпиона, плавающую на спине среди пузырей, я добавляю. — Может, я больше не буду есть.

— Ладно, ничего такого...

Громкий, влажный шум прервал его. Уолтер обернулся и нахмурился, увидев, как Ашу тошнило в ведро. Она стояла на коленях у бассейна с ведром в руках. Скучные остатки вчерашнего ужина вырывались изо рта тонкими влажными струйками.

— Что с ней не так? Она поймала жука?

Уолтер время от времени задавал мне один и тот же вопрос, уже месяц. И каждый раз я ему отвечала одно и то же:

— Нет, она в порядке. Она почувствует себя лучше через час или около того.

— Хм. Что ж, тогда, возможно, пришло время дать ей новое клеймо и продать ее. Если она больна, она нам не поможет.

Уолтер говорил о клейме Аши с того дня, как мы привезли ее домой. И каждый раз, когда он был особенно заиклен на этом, я превращала это в игру с выпивкой: тот, кто сможет сделать больше глотков, не потеряв сознания, тот и заклеит ее.

Мы садились и передавали друг другу бутылку виски. Уолтер делал большие глотки, а я затыкала горлышко бутылки языком и делала вид, что делала еще большие глотки. Ни за что Уолтер не позволял мне выпить все, и через полчаса он так напивался, что забывал обо всем.

Но пока было рано пить. Так что мне придется придумать другой способ отвлечь его.

— Она в порядке, честное слово. Ее тошнит только утром.

Половник замер на полпути ко рту Уолтера.

— Подожди минутку — каждое утро? Как долго? — парировал он, когда я кивнула.

— Гм, кажется, с середины октября?

Он швырнул половник на пол, расплескивая суп по бокам моего комбинезона.

— Эй...!

— Боже, дитя! Почему ты не сказала что-нибудь раньше?

Я не знала, почему он сердился на меня: я говорила. Просто в первый раз за несколько месяцев он не проснулся в ступоре. Если бы он не пил таблетки каждый вечер, у него могла бы быть лучшая память.

И я ему об этом говорила.

Уолтер не ответил. Его суставы скрипели и хрустели, когда он принял стоячее положение. Затем он прошел к Аше и дёрнул ее за руку.

Я встала и пошла по комнате быстрее, чем я думала, что смогу добраться туда.

— Не делай ей больно!

— О, я не собираюсь причинять ей боль.

Уолтер потянул за рубашку, прежде чем Аша успела вырваться из его хватки, и я увидела на секунду выпуклость на ее животе. Ее нижняя часть живота вздулась до такой степени, что это явно было неудобно. Она оставила верхнюю часть штанов расстегнутой.

— Сукин сын... — ругательства Уолтера перешли в сердитое фырканье. Его взгляд следовал за Ашей, которая убежала за меня и пригнулась. — Мы не можем обменять ее сейчас.

— Почему?

— Потому что она беременна — вот почему!

Я знала это слово. Уолтер научил меня этому за несколько месяцев до этого. Он сказал, что женщины, забеременевшие, — то, что приводит людей в этот мир... и он также рассказал мне, как они беременеют.

— Ты имеешь в виду, что она...?

— Ага.

— Фу! С женщиной?

— Ага. Должно быть, это произошло прямо перед тем, как мы ее поймали.

— Фу!

Я обернулась, чтобы посмотреть на Ашу. Я знала, что выглядела сердито, потому что ее глаза широко раскрылись, и она отпрянула от меня. Было тяжело это принять. Трудно смириться с тем, что кто-то такой крепкий и умный, как Аша, мог совершить такую глупость.

Уолтер говорил, что в наши дни беременные женщины умирали чаще, чем выживали. И я просто не могла поверить, что она так попала. Я в это не верила. Но было только одно объяснение.

— Думаешь, она... хотела? — тихо сказала я.

— Намеренно или нет, вот где она, — фыркнул Уолтер. Он сдернул шляпу и провел рукой по жирным гладким волосам. — Ну... это проблема.

— Я что-нибудь придумаю, — быстро сказала я. По тому, как его подбородок торчал из-под бороды, я могла сказать, что Уолтер собирался предложить нам сделать что-то ужасное. — Она — моя работа, и я позабочусь о ней.

— Чертовски верно. Только не забудь сделать это здесь, — Уолтер повернулся и постучал распухшим пальцем по основанию черепа. — Целься прямо туда, где эти две кости разошлись — используй дробовик, держи ствол близко, и она упадет, прежде чем что-то почувствует.

Мне нужна была секунда, чтобы осознать, что он говорил. Не потому, что я не понимала, а потому, что это было ужасное предложение. Даже для Уолтера.

— Я не собираюсь ее убивать!

— У тебя нет выбора! — завопил он в ответ. — В любом случае, она, вероятно, умрет до того, как родит. Но даже если она этого не сделает, мы не можем держать здесь ребенка.

— Почему, черт возьми, нет?

— Потому что это убьет нас всех! — прорычал Уолтер.

Его голос резким эхом разнесся по Логову. Он ударился о потрескавшиеся стены и отскочил от влажного потолка. Аша вцепилась в мой комбинезон, будто думала, что вот-вот рухнет. И я потеряла дар речи.

Я никогда раньше не слышала, чтобы Уолтер так кричал. Я не знала, что делать.

Он стоял передо мной со скрещенными руками и тяжело дышал, словно эти слова стоили ему восьми лет жизни.

— Знаешь, почему я так долго выживал здесь один? — прошептал он. — Потому что никто не знает, где я живу. Никто не знает о Логове. Помнишь, как громко я тогда говорил? Ну, ребенок куда громче этого — и он будет кричать каждый час ночи.

Я его понимала. У нас в Логове было спрятано столько добычи, что, я думала, даже порядочный человек убил бы нас, чтобы забрать ее: еда, доспехи, кристаллы, бесконечный запас воды. Последнее, что нам нужно, это что-то кричащее круглосуточно, выдающее нас.

Но я все равно не собиралась убивать Ашу.

— Ладно... тогда почему бы нам просто не отпустить ее?

— Нельзя так сделать. Если ты ее отпустишь, она приведет сюда с собой целую армию граклов — мне все равно, что ты о ней думаешь, — прорычал Уолтер, когда увидел, как на

моих губах зарождался спор. — И мне все равно, как ты к ней относишься. Она по-прежнему Гракл, и она по-прежнему будет делать то, что делает Гракл.

Я покачала головой. Я была почти уверена, что Аша нас не выдаст... но могла ли я довериться этому «почти»?

Уолтер подошел ко мне и опустил руку мне на плечо.

— Это закаляет, дитя. Когда нужно решить, как заботиться о своих людях... и нужно позаботиться о них, чего бы это ни стоило.

* * *

— Хорошо?

Я рассеянно кивнула.

Мы сидели в грузовике, с грохотом мчались по многокилометровой полосе кустарника за Логовом. Аша села на сиденье рядом со мной. Она откинулась, и ее ботинки опирались на приборную панель. Время от времени она высовывала голову из окна и улыбалась, когда ветерок трепал ее волосы.

Тяжелые тучи сгустились на севере, и Уолтер сказал, что они принесут похолодание вместо дождя.

— Так что тебе лучше вернуться, пока они не ударили, да? Ты не одета для холода.

Прошло два часа с тех пор, как мы с Уолтером договорились о том, что сделать с Ашей. Я волочила ноги так долго, как только могла, вытаскивая оборудование в грузовик по одной штуке за раз.

Мне нужно было немного: только дробовик, лопата и кусок старого брезента. Мне пришлось обменять у Уолтера три ГЕ на этот брезент, но оно того стоило. Я не хотела бросать Ашу в землю непокрытой.

Пока что она казалась рассеянной. Я не упаковала наши бронекостюмы, так что она, наверное, думала, что мы поехали за кормом. Правда в том, что я беспокоилась, что не смогу сделать точный выстрел, если на ней будет шлем. И я хотела, чтобы он был точным.

Я была в долгу перед ней.

— Шар-лей.

Когда я повернулась посмотреть, Аша нетерпеливо махнула на большой дуб справа от нас. Мы проехали мимо этого дерева уже четыре раза. Она поняла, что я ездила кругами.

— Да, я знаю, — мои пальцы сжали руль, пока из-под них не проступила белая кость. — Я знаю.

«Нельзя плакать, — только эта мысль была у меня в голове. — Нельзя плакать».

Наконец, я набралась смелости и поехала к плато.

Однажды Уолтер указал мне на него — сказал, что это единственное место вокруг Ничто, где он мог хорошо выспаться. Место выглядело как холм с обрубленной вершиной. Его крутые каменистые склоны поднимались довольно высоко, прежде чем они, наконец, заканчивались у основания плоского плато земли.

Я всегда хотела посмотреть, что находилось на вершине плато; Мне всегда было интересно, действительно ли там так мирно, как говорил Уолтер.

Я надеялась, что это было так... ради Аши.

Боже, это было больно. Она заволновалась, увидев плоскогорье, и звук ее счастливой болтовни пронзил меня до костей. Я едва успела припарковать грузовик, как она вылетела из двери.

— Да? — вопила она. «Да» — одно из ее новых слов — она использовала его, когда

просила разрешения что-то сделать, когда мы оба прекрасно знали, что она все равно это сделает.

На этот раз я была не против.

— Ага, иди, — сказала я, указывая на ближайший выступ. — Я буду прямо за тобой.

Выглядело грубо, но на самом деле это был довольно легкий подъем. Гладкие белые скалы торчали достаточно, чтобы сделать опоры, и было много трещин, в которые можно было зарыться руками. Даже если бы я не умела лазать, все, что мне нужно было бы делать, это следовать за Ашей.

Она прыгала по плато с уверенной скоростью, ее конечности двигались быстрее, чем я могла себе представить. Иногда она цеплялась за один из больших выступов и позволяла ногам болтаться в воздухе. Когда выступ оказывался вне ее досягаемости, она сгибала ноги и прыгала, чтобы схватиться за него.

Ее восхождение было чудом, за которым можно было наблюдать. Хотела бы я получить от этого удовольствие, но дробовик, который я несла за спиной, внезапно стал весить в десять раз больше, чем должен. Мне казалось, что мои глаза кусали муравьи... и было сложно не расплакаться.

Я сосредотачивалась на подъеме и старалась не думать о том, что произойдет дальше. Я тоже неплохо с этим справлялась. Затем, когда я подтянулась на плато, Аша схватила меня за руку.

Ее хватка была сильной и уверенной. Ее ладонь идеально подходила к моей, между нами нет ни волоска. Я чувствовала *все*. Меня внезапно поразило: тепло ее кожи, прижавшейся к моей, наша кровь текла вместе. Линии и бороздки на наших ладонях образовали разные формы.

Но они подходили.

Они подходили...

«Нет, перестань. Сейчас нельзя расслабляться — ты должна оставаться сосредоточенной», — зарычал голос у меня в голове.

Это был новый голос. Вряд ли я начала слышать его, пока не убила Брендона. Должно быть, что-то изменилось во мне в тот день, что-то сдвинулось в глубокой, темной части моей души.

Этот голос не был плохим. Но иногда он пугал меня до чертиков. Большую часть времени я даже не слышала, как он говорил. Я просто чувствовала, как мой позвоночник напрягался, а грудь сдавливало, и я могла делать все, что нужно, чтобы выжить.

Обычно только после того, как я уже сделала что-то, я задавалась вопросом, правильно это было или нет. Этот голос, казалось, не слишком заботился о том, чтобы все было правильно.

— Ву! — Аша откинулась и завывала на ветер. Она уже перебежала на другую сторону холма и стояла так близко к краю, что один сильный порыв ветра мог сбить ее с ног.

Или один меткий луч.

«Нужно сделать это, — говорил мне голос. Я никогда не слышала, чтобы он говорил так четко. — Ты должна. Ты знаешь, что это единственный способ защитить Уолтера».

Это был единственный путь. И я бы сделала что угодно, чтобы защитить Уолтера, потому что я любила его.

Я редко слышала произнесенное слово и не могла вспомнить его значение. Но любовь была новой. Никто не использовал это слово в Далласе. Никто никогда не говорил, что

любит кого-то другого. И его было легче сказать, чем слово «сварливый», но Говард не удосужился научить меня ему.

Я бы до сих пор понятия не имела, что это слово существует, если бы не Ночной Уолтер.

— Зачем я это делаю, урод? Почему я должен продолжать это делать? — пробормотал он в Логове.

Я предположила, что он имел в виду полбутылки виски и колпачок с таблетками, которые он выпил ранее.

— Эм, потому что тебе нравится, как это ощущается, я полагаю?

— Как это...? Нет! Такое ощущение, что просыпаешься с ножом между ребер. Думаешь, мне это нравится?

— Ну, нет, — осторожно сказала я. Я была очень растеряна в тот момент, но, очевидно, не настолько взволнована, чтобы закрыть свой рот. — Тогда почему ты продолжаешь это делать?

— Я не знаю! Вот что я говорю! — Уолтер взвыл. — Какой смысл продолжать, когда я знаю, что больше никогда их не увижу? Прошло двадцать лет, а я — Боже, я до сих пор скучаю по ним, будто они были здесь вчера! Столько времени прошло, а я до сих пор...

Я смотрела сквозь свет кухонного огня, как Уолтер вытянул перед собой руки. Они были вялыми, но настолько распухшими в суставах, что сгибались внутрь. Блеклая синева его глаз, казалось, растворилась в белках, пока не остались только налитые кровью зрачки.

И они были... пустыми.

— Я до сих пор вижу их лица. Нас было восемь человек, понимаешь? Восемь. Я вижу как каждый из них смотрит на меня, как только закрываю глаза. Я любил их. Я любил их, и поэтому я никогда не забуду их.

— Ты любил их? — сказала я. — Что это обозначает?

Губы Уолтера сердито скривились в неряшливых завитках бороды.

— Ты не знаешь, что значит любить кого-то, урод? Я тебе скажу: любовь к кому-то другому ставит их выше тебя — выше всего. Делает тебя глупым. Сводит с ума. Делает тебя убийцей. Нет ничего, что бы ты ни сделал для того, кого любишь.

Мои мысли немедленно обратились к Ральфу и ко всем глупостям, которые я делала после того, как потеряла его.

— Как узнать, любишь ли ты кого-то?

— Хм. Вот в чем дело, — Уолтер отвел взгляд от меня, на самый темный край Логова. — Ты не знаешь, пока они рядом с вами. Ты не знаешь, действительно ли ты любишь кого-то, пока он не уйдет — пока ты не поймешь, что больше никогда его не увидишь, и тебе придется пройти оставшуюся часть этого пути без него. Это то, от чего так больно, понимаешь? Вот почему так чертовски трудно любить кого-то другого. Но ты должна это сделать, — он покачал головой, посмеиваясь про себя, хотя его глаза горели красным. — Я никогда не видел особого смысла жить для себя, но я всегда мог продолжать, пока думал, что делаю это для кого-то другого.

Вскоре после этого Уолтер потерял сознание. Но я помнила, как пролежала без сна почти до рассвета, думая обо всем, что он сказал, — и тогда я поняла, что люблю его.

Было больно терять Ральфа. Я бы солгала, если бы сказала, что это было не больно. Я много думала о годах, которые мы провели вместе в Граните. Если бы Шарли знала о любви, она бы сказала, что любит Ральфа без всяких сомнений. Но теперь, когда я потеряла его... я не была уверена.

Я не думала о нем каждую ночь, как Уолтер о своих ребятах. Жалко было его потерять. Было несправедливо то, как он умер. Я плакала, когда это случилось, но с тех пор я уже не плакала из-за этого. Теперь я видела его только в своих кошмарах.

Но если я когда-нибудь потеряю Уолтера... я не знала. Может, это потому, что мы были здесь одни, и у меня больше никого не было, а может, потому, что он спасал мою шкуру больше раз, чем я могла сосчитать. Но если бы он умер, вряд ли я когда-нибудь забыла бы.

И я думала, что была не прочь вспомнить.

Я любила его — поэтому я знала, что смогу застрелить Ашу.

Ветер ревел на плоском пространстве между нами. Он был громким, и она стояла, повернув к нему лицо, так что я знала, что она не услышит, когда я навела дробовик.

У нее осталось пятнадцать секунд. Это были последние моменты ее жизни — и я не думала, что она могла бы быть счастливее, чем сейчас, просто стоя на вершине мира и крича на ветер.

Я переключила дробовик на луч. Один плотный виток энергии, нацеленный на основание ее черепа. Я позабочусь, чтобы это было быстро и чисто.

Дробовик дрожал в моей руке, когда он был полностью заряжен. Я сделала глубокий вдох. Он вошел чисто, но содрогнулся, покидая мои легкие. Я не знала, было ли это правильно... но это я должна была сделать.

Я подняла ствол и прицелилась, когда Аша внезапно обернулась.

Это был не полный оборот. Она меня не заметила. Но она повернулась настолько, чтобы я могла видеть маленькую шишку в ее животе — шишку, которая, по словам Уолтера, вырастет в ребенка.

Одна из ее рук двигалась, чтобы погладить его, пока я смотрела. Она улыбалась опустошенной земле, удерживая жизнь, которая только начала расти внутри нее. Будто она хотела разделить этот момент — момент, который сделал ее такой счастливой — с этим крошечным существом, которого она никогда не видела.

Она его не слышала и не видела, но тем не менее...

Что-то произошло со мной, пока я пыталась подобрать слова. Что-то вспыхнуло перед моими глазами — воспоминание, которое я не знала, что сохранила.

Я видела мамину руку, только что украшенную ярко-красной краской. Она пробежала по прядям своих золотых волос, пока она разговаривала с кем-то еще. Я была в восторге от того, как двигалась ее рука. Как она задевала ее кудри. Как он мягко замирала под ее подбородком, когда она кивала.

В тот момент, когда ее рука опустилась в пределах моей досягаемости, я крепко сжала ее. Я ухватилась и попыталась переплести наши пальцы вместе. Но она убрала руку раньше, чем я успела.

— Нет, ты слишком большая для этого, Шарлиз. Иди и играй с другими детьми.

Как только это воспоминание стерлось, я вспомнила другое: мама никогда не держала меня за руку. Она не удосужилась меня обнять даже после того, как узнала, что я принадлежала ей.

Но Аша уже заботилась о своем ребенке... Я видела это по тому, как она баюкала эту шишку. Ее ногти были не покрашены. Они были коротко сжеваны и почти почернели от грязи. Я видела, как эти руки творили довольно ужасные вещи, но я не думала, что когда-либо видела их такими нежными.

Она не считала, что забеременеть было глупо. Она была в восторге от происходящего. Я

видела, как он сиял в темноте ее глаз, потому что она не пыталась это скрыть. Все ее лицо практически сияло этим светом.

«Сделай это, — шипел мне голос. — Ты должна. Ты...».

— Не могу, — задыхалась я. — Я не могу этого сделать. Я не могу...

— Шар-лей? — Аша обернулась и нахмурилась, увидев, что я сидела в грязи. Потом она увидела мои слезы, и ее брови озабоченно изогнулись. — Шар-лей?

— Я не могу, — снова сказала я. — Уолтер прав. Было бы безопаснее просто... просто... — я бросила дробовик на землю рядом с собой, — это было бы безопаснее, но я не могу этого сделать. Ты не заслуживаешь смерти.

Аша меня, конечно, не понимала. Все, что она знала, это то, что я была расстроена. Она быстро подошла ко мне и взяла дробовик. Она выпустила два быстрых луча в воздух, чтобы опустошить заряд, прежде чем сесть рядом со мной.

— Шар-лей, — сказала она, похлопывая меня по кончику косы.

— Я знаю. Я слишком стара, чтобы плакать из-за таких глупостей, — хрипло сказала я. Затем я вытерла глаза рукавом и попыталась думать.

Я не могла убить Ашу и не могла забрать ее с собой. Я должна была отпустить ее. Но я смотрела на север и увидела холодные облака, движущиеся к нам, знала, что было бы жестоко бросить ее посреди Ничто без припасов.

Она не была одета для холода.

Так что была только одна вещь, которую я могла сделать.

— Эй, — она посмотрела на меня, я соединила кончики пальцев и образовала небольшой треугольник. Это был наш сигнал дома, потому что это было похоже на крышу.

Аша кивнула и хотела встать, но я схватила ее за руку.

— Дома, но ты, — добавила я, указывая на ее грудь. — Ты — дом.

Она покачала головой, сбитая с толку.

— Ты — дом, — я махнула рукой на землю вокруг нас и пожала плечами. — Где?

Аша указала на себя и выглядела удивленной. Я думала, она, наконец, понимала меня.

На всякий случай я указала на шишку на ее животе.

— Дом.

Она опустила руку на него, защищая. Через мгновение она кивнула.

— Дом.

— Хорошо. Хорошо, — я начала вставать, когда она схватила меня за воротник и с силой потянула обратно на землю.

— Шар-лей, — ее лицо потемнело, когда она посмотрела на меня. Затем она прижала палец к губам — и я знала, что она говорила мне, что я должна быть осторожна.

* * *

Нам не понадобилось много времени, чтобы найти несколько граклов Аши.

Они повсюду оставляли знаки: вырванное с корнем дерево означало, что мне нужно идти на восток, куча мертвых осиных гнезд, обвитых вокруг каких-то кустов, были знаком юга, а круг, нарисованный на белом камне, означал, что мы приближались, потому что сразу после этого Аша заставила меня остановиться.

Я припарковала грузовик по ее сигналу и заглушила двигатель. Мы находились на краю того, что выглядело как большое углубление в земле. В паре сотен ярдов перед нами земля обрывалась, и за этим провалом поднималась отвесная каменная стена, образуя крошечный каньон.

Поздний вечер. Придется ехать, чтобы вернуться в Логово до заката — я просто надеялась, что меня не было достаточно долго, чтобы Уолтер не заподозрил неладное.

— Стой, — грозно предупредила Аша.

«Стой» было нашим словом, когда впереди было много неприятностей, и мы хотели, чтобы другой нас выслушал. Она ждала, пока я кивнула, — она настаивала на том, чтобы я ждала, — а потом схватила меня за плечи и придвинулась ближе.

Она вглядывалась в мои глаза, будто пыталась их запомнить. Она что-то мне обещала. По напряженности ее взгляда я могла сказать, что она обещала охранять нас: она не собиралась рассказывать другим Граклам о Логове.

Она, вероятно, скажет им, что мы с Уолтером мертвы, и остальные поверят ей, потому что Аша была не из тех, кто позволял своим врагам жить. Эти маленькие отметины на ее руках доказывали это. Она добавила еще дюжину за то время, что жила с нами.

— Шар-лей, — тихо сказала она.

— Аша, — ответила я. Я тоже была тихой — но это потому, что я знала, что мой голос сорвется, если я буду говорить громче. Я была почти уверена, что больше никогда ее не увижу.

И это было больно.

Она взяла мое лицо в руки и прижалась губами к моему лбу. Я была так удивлена этим жестом, что она уже вылезла из грузовика, прежде чем я успела это осознать.

Это мог быть поцелуй. Уолтер однажды описал мне поцелуй как «немного морщин и много слюны». Было не так уж много слюны, но теперь определенно было мокрое пятно посреди моего лба.

Оно высохло к тому времени, когда Аша достигла каньона. По краю росла густая стена кустарников. Она пробилась сквозь них, а затем начала пробираться вниз. Теперь я понимала, почему она была так хороша: если бы мне приходилось делать это каждый раз, уходя из дома, я тоже была бы хороша.

Уже поздно. Мне пора было уходить — сегодня я уже изрядно растянула свою удачу, и мне не следовало давить. Я подожду еще несколько минут... на случай, если Граклы ушли или Аша попала в беду.

Не успела я подумать об этом, как из каньона вырвался хор криков.

Мужские. Вряд ли среди них была хоть одна женщина. Они хохотали над чем-то и кричали во все горло. Я слышала много лязга вокруг, и что-то похожее на потасовку.

Я не слышала Ашу.

Я вспомнила о том, что мужчины на блокпосту хотели сделать со мной. Что бы они сделали, если бы Аша не была рядом, не отбила их. Я схватила дробовик с пола и выпрыгнула из грузовика.

Я пригибалась, пока не дошла до линии кустов, затем упала на живот и поползла. Отсюда мне будет хорошо видно. И Граклы будут в ловушке. Если кто-нибудь из них хотя бы прикоснется к ней, я расплавлю их...

Я замерла на краю каньона и недоверчиво посмотрела на сцену подо мной. Это был небольшой лагерь — меньше пятисот человек, о которых меня предупреждал Уолтер. Должно быть, это были разведчики, потому что явно не собирались долго оставаться в каньоне.

Их убежище представляло собой одинокий пикап с брезентом, натянутым на конце задней двери. Этот брезент был привязан к ветвям сморщенного мескитового дерева, образуя

длинную наклонную палатку. Все спальные мешки и вещи Граклов были аккуратно разложены в тени этой палатки — при необходимости их можно было бы собрать и уехать менее чем за пять минут.

Я насчитала десять из них. Они были облачены в кожу, и у большинства из них был пистолет. Но они бросили оружие, увидев Ашу.

Она ничего не сказала, потому что была в объятиях Гракла с кроликом, выжженным у него на сердце. Он возвышался над ней. Шипы ее волос едва достигали нижней части его груди. Но в его ухмылке совсем не было злобы.

— Аша! — закричал он остальным. — Аша!

Они издали еще один рев хохота и плотно сгрудились вокруг нее. Я больше не могла ее видеть. Она была такой маленькой, что полностью исчезла внутри их кольца. Когда Граклы замолкли, я услышала ее голос.

Должно быть, она сказала им, что была беременна. Только эти слова, как по мне, могли сразить десять взрослых мужчин. Они откинулись, смеясь и дергая себя за волосы. Некоторые из них тянулись, чтобы сжать ее руки.

Только Гракл с клеймом кролика не моргал. Он отступил и выкрикнул какой-то приказ, от которого остальные бросились паковать снаряжение. Они свернули постельные принадлежности и схватили сумки. Некоторые из них начали возиться с брезентом грузовика — и я знала, что мне нужно было выбраться отсюда, пока они не поднялись.

Я была рада за Ашу.

Я была счастлива... но, Боже, было больно. Я не знала еще утром, что мне придется отпустить ее. У меня не было времени подумать об этом. И я думала, именно поэтому я не понимала, насколько будет больно знать, что я никогда не увижу ее снова.

Да... Наверное, поэтому.

Труднее всего в моем побеге было ползти назад на животе. Как только я оказалась достаточно далеко от уступа, я встала и побежала к грузовику. Я бросила дробовик на пассажирское сиденье и уже собиралась скользнуть за руль, когда услышала приближающиеся шаги слева от меня.

Я обернулась, чтобы посмотреть — и получила прикладом винтовки по своему лицу.

* * *

Я была без сознания какое-то время. Я всегда могла сказать по силе головной боли: тупая пульсация обычно означала, что я отсутствовала несколько минут. Но неземной грохот между моими ушами я ощущала только за полчаса.

Или больше.

Почти стемнело. Я приоткрыла глаза и увидела, как тени стояли надо мной бдительным кольцом. Одна из них зарычала, увидев мои глаза. Он плюнул мне на грудь, прежде чем убежать с криком.

И был не тexasский язык.

Кролик, вырезанный линиями сморщенной кожи, был всем, что я видела, когда кто-то потащил меня за ногу. Воздух был холодным, и ветер резал мне лицо, как нож. Это разбудило меня, испугало мою раскалывающуюся голову. Я застонала, когда кожа на моем лице сжалась от холода, сломанный нос болел.

Кто-то бросил грязь мне в лицо.

Женщина говорила, и мое тело перестало двигаться. Кольцо теней отступило в сторону, пропуская ее. У нее было знакомое лицо. Мои губы двигались в такт ее имени, но я не могла

найти в себе силы произнести его.

«Аша, — думала я. — Аша... помоги мне».

Она не знала. Она даже не выглядела так, будто знала меня. Мужчина с клеймом в виде кролика пнул меня в бок, и она его не остановила. Я застонала и сжалась от второго удара.

Но она молчала.

Только когда я услышала грохот полностью заряженного дробовика, Аша двинулась.

Она что-то сказала Кролику, что-то горячее и торопливое.

Он ответил так же горячо.

Она покачала головой и указала мне в лицо — и, клянусь, я слышала, как яд капал с ее слов.

Казалось, это сделало Кролика счастливым. Он ухмыльнулся Аше, в ухмылке, была доля злобы, он предложил ей дробовик.

Она покачала головой, и я ощутила облегчение. Я знала, что она не позволит им причинить мне боль. После всего, через что мы прошли вместе, после всего, что мы сделали. Она спала рядом со мной. Она же не...

Я с ужасом наблюдала, как Аша наклонилась, чтобы выхватить что-то у другого Гракла. Вся толпа взорвалась смехом и насмешками, когда они увидели у нее деревянную дубинку. Она была большой, как ее предплечье, и почти в два раза длиннее.

Я почти жалела, что она не выбрала пистолет.

Ее глаза на полсекунды посмотрели в мои. Ее были холодными и темными — в них не было и следа света, который я видела в них несколько часов назад. Тем не менее, я должна была попробовать.

— Аш...? Ох!

Она ударила меня по голове. Звезды вспыхнули у меня перед глазами, и я, защищаясь, закрыла лицо руками. Она ударила меня по костяшкам пальцев, и я опустила руки. Затем она ударила меня по подбородку так, что весь мир закружился.

Я почти ушла. Все меркло: я больше не видела и почти не слышала. Мое тело онемело. Когда Аша сжала рукой мое горло, я даже не попыталась сопротивляться ей.

Я просто хотела, чтобы это закончилось.

— Стой, — шипела она, ее горячее и злое дыхание лезло мне в ухо. — Стой.

* * *

Я проснулась только от ветра.

Он вопил через дыру в брезенте надо мной. Приоткрыв глаза, я смотрела, как ветер рвал дыру, пытаюсь сделать ее шире. Земля под спиной была еще теплой. Тепло поднималось от него и попадало под гору одеял на моей груди.

Я была рада теплу, потому что ветер был достаточно резким, чтобы жалить мне лицо. Но было трудно дышать со всеми этими одеялами.

Когда я попыталась оттолкнуть их, когда я начала шевелить конечностями, меня сотрясла такая сильная боль, что зрение затуманилось. Я ощущала себя как раздавленный жук. Каждый квадратный сантиметр меня горел.

Я горела заживо.

— Ах... Аша! — завизжала я.

Она была последним человеком, которого я видела перед тем, как потеряла сознание, так что, должно быть, она накинула мне на голову брезент, а на грудь — все эти одеяла.

Но ответила не Аша:

— Никогда больше не произноси мне это имя, урод, — рычал Уолтер. Он наклонился надо мной, и все его лицо искажали сильно выраженные яростные морщины. Его тонкие губы сдвинулись с зубов, а борода тряслась, когда он зарычал. — Никогда больше не произноси ее имя.

ГЛАВА 28 МАРТ 2213

Это был мертвый месяц. Пауза между хвостом зимы и бушующей головой весны. Все деревья были голыми и сжимались, боясь пустить почки без надежды на хорошую погоду.

Они ждали мескитов — скрюченных старых выживших, которые пустили свои корни по скалам и по бесплодным равнинам. Казалось, они всегда знают, когда наступили последние морозы. Будто их ветви тянулись и извивались только для того, чтобы читать изменения ветра. И как только они сбрасывали свои тонкие листья, другие деревья следовали примеру.

А пока мескиты еще спали. Они лежали ровно и тихо, пока яростный ветер хлестал другие деревья. Ветер жалил: сильный северный ветер, едва сдерживаемый восточным. Он был не такой резкий, как зимние ветры, но и не такой мягкий, чтобы ему можно было доверять.

Мэтт и Тревор склонились над ним, направляясь в его ревущую пасть — все еще упрямо шагая на север. Они носили свои плащи застегнутыми до подбородка и держали воротники над ушами. Части их, открытые ветру, краснели болели. Но они не останавливались.

Несколько месяцев назад Мэтт умолял бы об отдыхе. Его кожа была бы слишком мягкой, чтобы выдержать холод; его ботинки были бы мокрыми от лопающихся волдырей. Теперь его кожа загрубела, и подошвы его ног стали такими же толстыми, как и его ботинки.

Нижнюю половину лица закрывала клочковатая борода. Она скрывала те его части, которые шокировали, — изможденные части, полые части. Теперь его плащ укутывал его. Он висел вокруг тела, которое в основном представляло собой тонкую клетку из ребер и двух торчащих бедер.

Тревор справлялся немного лучше. Он больше принимал хаос, чем Мэтт, и был сильнее готов делать все, что должен. Вместо того чтобы бороться, он позволил ему изменить его форму. Тревор был худощавым, а не тощим.

Он выдерживал смертоносный новый мир с терпением и умением старого мескитового дерева.

— Вот, — сказал он, указывая на группу деревьев впереди. Они были широкими, высокими, были посажены аккуратными рядами — мальчишки узнали, что это был признак деревьев, с которых падали какие-то плоды. — Должно же что-то остаться, тебе не кажется? Я знаю, что это, вероятно, будет гнилым, но...

Но испорченная еда была лучше, чем ничего.

Мэтт это знал. И он ел и не такое.

— Пошли, — хрипло сказал он.

Тревор все еще носил дробовик, который они забрали у человека в ZOOTer-Cade; Рюкзак Мэтта был полон инструментов. Оба комплекта оборудования несколько раз поддерживали их жизнь.

Люди становились все более отчаянными по мере того, как тянулись месяцы, а припасов становилось все меньше. Мэтт знал, как проникнуть в то, что другие люди не могли понять. А Тревор не боялся стрелять.

Он держал дробовик у груди, когда они нырнули в деревья. В роще было громче, чем в низинах: ветер стучал верхушками деревьев и стонал тяжелыми ветками.

Челюсть Мэтта сжалась, когда одно из деревьев с громким хлопком сдвинулось. Он расстегнул рюкзак и достал тяжелый гаечный ключ, который держал сбоку, как дубинку.

— Эй, идем!

Всего два ряда, а Тревор уже что-то нашел. Он схватил с земли черный слизистый орех и раскрошил его скорлупу в руке. Плоды внутри были мокрыми и сморщенными. Тревор сунул его в рот и несколько мгновений жевал, прежде чем выплюнуть.

Он потерял язык рукавом джинсовой куртки, глаза слезились.

— Фу! Я не могу его жевать — он слишком горький.

— Тогда не жуй, — Мэтт взял еще один орех и расколот его во рту. Он проглотил гнилой плод целиком — вместе с несколькими чешуйками скорлупы. — Не позволяй ему коснуться языка, и ты не почувствуешь его вкуса.

Тревор покачал головой.

— Нет, я подожду до следующей остановки.

Он был смелым в большинстве вещей — он брал то, что хотел, и стрелял, если приходилось. Он был готов броситься в бой. Но все это было о выживании. Он не будет рисковать, делая что-то, если думал, что мог умереть или заболеть от этого.

Мэтт? Ему было все равно. Он пожал худыми плечами и лопал гнилые орехи, словно надеясь, что они его убьют.

— Как думаешь, насколько мы близки?

Тревор прикусил губу.

— Не знаю... я не могу ничего сказать отсюда. Нам нужно найти дорогу и посмотреть, какой город будет следующим.

Города были опасны, но дороги были еще хуже. Люди разбили лагерь вдоль дорог, используя в качестве укрытия застрявшие машины. Это были голодные люди, отчаянные люди — и они не охотились, как боты. Они не выключались ночью... и не просто убивали.

— Говорю же: если мы сможем добраться до Рио-Висты, все будет в порядке, — быстро сказал Тревор, когда Мэтт покачал головой. — Это крошечный город. Там ничего не ходит — и он далеко. Они все еще использовали человеческую полицию, когда я видел его в последний раз.

— Когда это было?

— Эм, восемь лет назад, вроде.

Мэтт фыркнул и снова покачал головой.

— Многое может измениться за восемь лет, Трев.

— Я знаю, — сказал он, защищаясь. — Но я говорю тебе, будет безопасно. У одного из моих двоюродных братьев есть ранчо за пределами Рио-Виста. У него целая комната, которая просто заставлена оружием, и он даже не использует АВА — так что держу пари, что его дом в безопасности. Он будет там и поможет нам, — резко говорил Тревор, словно хотел, чтобы эти слова превратились в правду. — Если кто-то и пережил все это, так это Даниэль.

Мэтт ничего не говорил. Он вернулся к гнилым орехам, а Тревор пошел вперед.

Они медленно пробирались через рощу, их глаза то и дело смотрели на землю и на тропу перед ними. Деревья становились гуще к середине. Мэтт начинал беспокоиться и предлагал держаться подальше.

Но Тревор нашел то, ради чего стоило остаться.

— Эй, смотри! — он держал арахис между пальцами. Его скорлупа была сухой и коричневой, но плод внутри был еще свежим.

— Где ты это нашел? — сказал Мэтт. Он медленно жевал свою половинку ореха. Они научились смаковать все, что было вкусно, потому что никто не обещал, что это не будет последним, что они попробовали.

Тревор пожал плечами.

— Он просто лежал на земле, прямо над... эй! — он побежал вперед и наклонился, чтобы схватить второй арахис. Его глаза расширились, когда он посмотрел на тропу. — Они повсюду! Повсюду!

Глаза Мэтта потемнели. Последние коричневатые крошки остались непрожеванными между его губами.

— Но... но арахис не растет на деревьях, — тихо сказал он. — Откуда они?

— Какая разница? Вероятно, кто-то уронил их, — Тревор повесил дробовик на плечи, чтобы собирать арахис обеими руками. Он собирал их горстями, распихивая по карманам. — Чувак, их куча! Бьюсь об заклад, хватит, чтобы сделать немного арахисового ма...

— Осторожно! — закричал Мэтт.

Мужчина выбежал из-за дерева и бросился на них. Тревор поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как мачете летит к его лицу, но не успел остановить его.

Он получил лезвием между глаз. Раздался тошнотворный, влажный хруст — будто кто-то ударил дыню о дерево. Его голова раскололась, и мачете застрял между костями черепа. Мужчине пришлось использовать пятку ботинка, чтобы удерживать Тревора, пока он вытаскивал лезвие.

Мэтт отшатнулся, наблюдая, как тело Тревора падало на землю, арахис высыпался из его безжизненной хватки, а его лицо отскочило от камней... из раны на его лбу вытекала каша красноватого мяса.

— Тревор! — Мэтта трясло, костяшки пальцев побелели от ярости. Он кричал, атаковал

человека с мачете. Его глаза могли вылезти из орбит, он замахнулся гаечным ключом над головой.

Он был почти там. Еще несколько шагов, и он размозжил бы этому человеку голову. Но он был так разгневан, что не заметил, как рядом с ним выскочила женщина с битой.

Она замахнулась битой ему в голову, и тело Мэтта упало на землю.

* * *

Уже поздний вечер, наверное, оставалось пару часов до заката.

Мэтт мутно смотрел на стену перед собой. Когда-то это была часть старого магазина. Но он зарос и был заброшен в течение многих лет — задолго до того, как вирус уничтожил АВА.

Крыши не было, только группа вечнозеленых дубов, разросшихся достаточно широко, чтобы раскинуться над руинами и дать им укрытие. От магазина остались четыре рушащиеся стены. Они были так опустошены плющом и шиповником, что, вероятно, скоро развалятся. Стены были недостаточно прочными для защиты, но они довольно хорошо скрывали свет огня.

Безопасно можно было смотреть только на огонь. Повсюду была густая паутина сохнувшего мяса и скопления недружелюбных взглядов. Однако дальний угол комнаты был худшей частью.

Мэтт знал, что было сзади. Он слышал звуки скручивающихся суставов, лопающихся сухожилий — влажный, липкий стон свежего мяса, отделяющегося от кости. И он мог видеть тень от ступней Тренора, падающую на стену перед ним.

Они были привязаны к одной из вечнозеленых ветвей. Остальная часть его тела болталась под ними и стекает на пол.

— Нет, — Мэтт снова и снова шипел сквозь зубы. Он царапал глубокие полосы на боках своего лица. Между его пальцами текли слезы. — Нет, нет, нет...

— У него было что-нибудь при себе, кроме этого пистолета?

В этом лагере было восемь человек. Двое из них резали мясо, а женщина рылась в куче одежды Тренора. Остальные пятеро наблюдали за ней с интересом.

— Нет, — хмыкнула она через мгновение. — Только перочинный нож и эта штука.

Между пальцами она держала куб Тренора — устаревший интернет-куб, который он купил несколько месяцев назад у какого-то старого скряги. Мэтт смотрел на него так, будто только что вспомнил, что он существовал.

— Теперь это никуда не годится, — фыркая, сказал один из людей. — С тем же успехом ты мог бы просто...

— Стойте! — Мэтт пополз к женщине, пока у него не кончилась веревка. Они привязали его к металлическому кольцу, вмурованному в заднюю стену, и связали его запястья болезненным узлом. Он вздрогнул, когда веревка отбросила его. — Пожалуйста, не сжигайте его! Для него это было важно. Могу ли я... могу ли я получить его?

Женщина выглядела удивленной. Она обернулась и крикнула одному из мясников:

— Эй, пацан хочет кубик своего друга.

— Черт возьми, мне все равно! — огрызнулся мясник. — Просто отдай ему. В любом случае, он не будет здесь долго.

Женщина бросила Куб, пожимая плечами. Мэтту пришлось прыгнуть, чтобы поймать его, и он снова сморщился. Но когда он отполз обратно в свой угол, он крепко — целеустремленно — прижал Куб к своей груди.

— Сколько нам еще ждать ужина, а? — крикнул другой мужчина. Он смотрел на вечернее солнце. — Скоро нам нужно будет потушить огонь, а я не буду есть, если не будет хорошо прожарено.

— Значит, ты не ешь, — буркнул второй мясник. — Потому что мы подаем на среднем уровне.

Остальные хихикали, а Мэтт всхлипывал в рукава своего плаща. Куб был аккуратно спрятан в передний карман. Время от времени он протягивал руку, чтобы прижать ее к своему сердцу.

Через несколько минут над лагерем разнесся слабый жужжащий звук.

— Что это?

Пятеро человек, слонявшихся вокруг вещей Тренора, внезапно потянулись к своему оружию. Двоим из них посчастливилось иметь оружие — у остальных были только мачете.

— Лучше бы это был не какой-нибудь бот, — прошипел один из них. И его глаза были суровыми под полями шляпы. — Если это бот, то нам всем просто...

— Смотрите! — женщина указала на место над головой Мэтта.

Крошечный дрон пролетел над стенами и проник в их лагерь. Это был дрон-разведчик — пластиковая лампочка, подвешенная под маленьким вращающимся винтом. В передней части лампы была установлена линза. Она перемещалась по их лагерю, как глазное яблоко, незаметно все записывая.

Дроны-разведчики обычно были безвредны. Они предназначались для документирования окружающего мира и ничего более. Но если на них нападут...

— Ч-что оно делает? — сказал один мужчина. — Оно смотрит на нас?

— Он отмечает нас! — закричал кто-то. — Он сообщает ботам, где мы находимся!

— Быстрее — кто-нибудь, сбейте эту штуку, пока она нас не увидела! — закричала женщина. — Стреляйте!

Глаза Мэтта расширились, и он вскочил на ноги.

— Нет! Не...!

Было поздно. Человек с револьвером выстрелил в линзу дрона. Луч поджарил тонкие внутренние провода дрона, и его крошечное тело упало на землю.

— Ха! Прибил этого придурка, — сказал он с ухмылкой. Затем он растоптал пропеллер пяткой. — Никакие боты не придут за мной.

Пока остальные праздновали, взгляд Мэтта устремился к деревьям. Его лицо приобрело оттенок бледности, когда он зашептал:

— Вы, идиоты... глупцы...

ВЖУМ.

Что-то похожее на глубокий звук гонга эхом разнесся среди деревьев. Ветви тряслись, а листья трещали с силой, большей, чем ветер. Прежде чем кто-либо успел пошевелиться, весь купол загорелся десятками гневных красных сфер — и на лагерь обрушилась армия ботов.

Они выглядели как механические ящерицы. Их длинные тела состояли из тысяч крошечных сегментов, что давало им диапазон движений, намного превосходящий среднего бота. Казалось, они почти скользили, когда падали с деревьев и преследовали людей по руинам.

У ящериц были четыре конечности и четыре набора широких, острых как бритва когтей. Они сгибали конечности под собой и прыгали на свою добычу. Когти пронзали плоть и кости, удерживая ящериц на месте, а их хвосты вводили в людей какой-то яд.

Это явно был паралитик. До появления вируса эти боты, вероятно, были предназначены для того, чтобы парализовать нарушителей закона и удерживать их в плену до тех пор, пока не появятся власти. Но сейчас они сошли с ума.

Отдыхающие падали почти сразу после первого укола и, похоже, не могли защитить себя от повторного.

И снова.

И снова.

Мужчина упал перед Мэттом. Мачете выпал из его руки и покинул пределы досягаемости. Пока ящерицы превращали его тело в сочащуюся губку, Мэтт схватил мачете и перерезал веревку.

Он не успел освободить руки — они все еще были связаны. Теперь, когда человек перед ним, наконец, перестал дергаться, ящерицы искали более свежую добычу.

У них были толстые, почти приплюснутые головы с единственной красной линзой посередине. Эта линза пульсировала, как ровное сердцебиение, пока они искали. Но едва один из них заметил Мэтта, она вспыхнула размытым пятном.

Он не пытался покинуть руины. Он не бежал к выходу, как пытались сделать многие люди. Крики доносились из глубины леса, где одному из мясников удалось убежать довольно далеко, прежде чем его, наконец, сбили. Ни один человек не мог обогнать бота.

Поэтому Мэтт не пытался сбежать.

Вместо этого он побежал к огню.

Он едва успел. Из его зубов вырвался панический визг, когда ящерица царапнула его голень когтем. Она пронзила его штаны и глубоко вонзилась в кожу, едва не задев кость. Но это было не смертельное попадание — и пока он оставался у костра, Мэтт был в безопасности.

Ящерицы знали, что в руинах было еще одно тело. Они скользили по стенам и щебетали друг другу, пытаясь найти его. Их объективы были специально оснащены инфракрасными датчиками. Они могли легко выследить любое живое существо.

Но Мэтт нашел способ обмануть их. Он использовал огонь, чтобы скрыть тепло своего тела. Он сидел на корточках так близко к огню, что жар прожигал его сквозь одежду. Пот струился по его лицу, а ноги начали трястись, когда боль становилась невыносимой.

Но если он хотел остаться в живых, он не мог двигаться.

Он не мог двигаться.

Наконец, после почти часа неподвижного сидения у костра, ящерицы отключились. Солнце опустилось достаточно низко, чтобы запустить их протокол режима покоя. Их конечности спрятались внутри тела, а хвосты обвилились вокруг них, оставляя их в виде маленьких стручков, похожих на яйца.

Как только последняя ящерица заснула, Мэтт убежал от костра и стал собирать все, что мог. Он схватил дробовик, перочинный нож Тренора и мачете. Любая еда, кроме мяса, попадала в его рюкзак вместе с инструментами.

Затем Мэтт побежал.

Он покинул руины и лес — оставил этот кошмар далеко позади. Он бежал так быстро, как только могли его ноги, и не переставал бежать до рассвета.

ГЛАВА 29

ЯНВАРЬ 2413

Все пропало.

Наша еда, снаряжение, оружие... Логово.

Все.

Как только я смогла бодрствовать достаточно долго, чтобы слушать, Уолтер рассказал мне, что произошло: Аша привела Граклов в Логово, и они забрали все. Они полностью его очистили, а после того, как получили то, что хотели, взорвали.

Уолтер сказал, что от него осталась только яма. Просто какая-то унылая, мокрая лужа на месте нашего Логова.

Какое счастье, что его не было рядом, когда это случилось. Он был бы там, если бы не беспокойство обо мне:

— Я знал, что происходит что-то плохое, — я просто знал это. Я чувствовал это в своих коленях... как холодную, жгучую боль, понимаешь? Поэтому я вскочил на байк и отправился искать тебя...

Однако он не нашел меня до наступления темноты. Поэтому он разбил лагерь и продолжил поиски на следующий день. Он искал везде, где только мог подумать, во всех местах, куда, как он думал, я могла поехать. Когда он, наконец, увидел меня, это было чистой случайностью.

— У меня отказали тормоза, вот что случилось. Я подобрался к краю этого провала и втиснулся, чтобы замедлиться — только эта штука не замедлилась. Она ускорила!

Зная Уолтера, он, вероятно, выжал мощность вместо тормоза. Но в любом случае, он врезался в провал на дне каньона. Удивительно, что он смог повиснуть на байке, и еще большее чудо, что байк остался целым.

— Чуть не задавил и тебя. Мне пришлось свернуть, чтобы твоя голова не попала мне под колеса. К счастью для тебя, я ужасно хороший водитель. Промазал на несколько дюймов. Но... господи, дитя, — и тут Уолтер посмотрел на меня так, словно я была самым жалким существом, которое он когда-либо видел, — боже, я был уверен, что ты мертва.

Я тоже так думала. Аша точно пыталась меня убить: по всему телу были синяки, на конечностях — порезы. Два моих пальца были вывихнуты, и Уолтер думал, что у меня мог быть вывих лодыжки. Мои ребра были сломаны — и, Боже, мне до сих пор было больно вдыхать слишком глубоко. Но хуже всего было то, что случилось с моим лицом.

Аша определенно сосредоточила большинство своих ударов в этой области. Прошел месяц, а я выглядела не менее чудовищно, чем в тот день, когда это случилось. На моих щеках и подбородке были шишки, каждая из которых была покрыта болезненным зеленоватым синяком. Моя кожа была так растянута и травмирована, что я едва видела свои веснушки. Один из моих глаз был опухшим закрытым в течение двух недель.

Я надеялась, что комки со временем исчезнут. Уолтер уверял меня, что так будет. Он говорил, что может потребоваться несколько месяцев, чтобы вернуть все, как было, но я была молода и подвижна, так что я справлюсь.

Обычно я не спешила верить Уолтеру. Хотя он вправил мне нос, и он проделал

приличную работу. Так что он не мог не знать о том, как заживали раны. Я просто надеялась, что он был прав.

Весь декабрь был затуманен в моей памяти. Я помнила, как время от времени просыпалась, чтобы Уолтер сменил мне повязки и сказал, чтобы я не питала надежд, потому что я, вероятно, скоро умру. Но мир начал возвращаться ко мне примерно неделю назад.

В этот момент я поняла, что Уолтер не знал. Он не понял, что это была моя вина. Он думал, что Аша прыгнула на меня, выбила из меня жизнь наполовину, а потом бросила меня умирать.

Он не знал, что я забрала ее в ее лагерь. Он не знал, что я обрушила весь тот адский огонь на нашу жизнь, только по той причине, что я просто была глупа и жалела ее.

Более того, он даже не подумал, что это могла быть моя вина:

— Эти грязные, вонючие Граклы... вечно все воруют и сжигают весь мир дотла. Будто они не знают другого способа, кроме как просто быть противными.

Мы перешли от жизни в, вероятно, самом безопасном укрытии в Ничто, к тому, чтобы сидеть на корточках в импровизированной пещере. Это было скопление огромных камней, которое находилось в нескольких сотнях ярдов от берега небольшого пруда. Уолтер натянул на вершины скал лоскутное одеяло из брезента, чтобы дать нам хоть какое-то укрытие. Но дождь все равно проникал.

Это был ледяной дождь — тот, что щипал кожу, когда падал, и оставлял скользкие пятна на земле. Я упала уже четыре раза. Каждый день, и, по крайней мере, два раза в день, мы спускались с холма и наполняли наши ведра в пруду.

Это была холодная, жалкая работа — таскать ведра в гору. Я носила два, так что Уолтеру приходилось нести только одно. Я отдала ему единственное ведро, которое не протекало, и просто прикусывала язык каждый раз, когда ледяная вода из пруда попадала мне в штаны.

Я заслуживала быть несчастной. Я заслуживала быть ничем и ничего не иметь. Я заслужила то, что Аша сделала со мной. Как Говард всегда говорил: «Ты свила свое гнездышко, Шарлиз, и теперь эти твои необычайно уродливые цыплята наконец-то вернулись домой, чтобы поселиться».

Говард был прав насчет меня. Я делала глупости со своей жизнью — и когда все это закончится в печи огня, который я разожгла, это будет моя вина. Да, я заслужила все плохое, что со мной когда-либо случалось, и все плохое, что еще предстояло.

Но Уолтер не заслуживал. И если я не могла набраться смелости, чтобы сказать ему правду, то самое меньшее, что я могла сделать, это работать вдвое усерднее — тогда ему придется страдать вдвое меньше.

Кое-что я помнила, это было на краю болезненного тумана. Однажды я проснулась посреди ночи, и Уолтер наблюдал за мной. Как только мои глаза открылись, его глаза наполнили гневные слезы.

— Знаешь, чего я не понимаю? Ты всегда была так добра к ней. Обращалась с ней правильно — наверное, обращалась с ней лучше, чем кто-либо раньше. Вы были так хороши... — он нахмурился, вытирая слезы рукавом. — Хм... не очень хороши, видимо.

Я помнила, как думала, даже когда эта парализующая боль бушевала в моих конечностях, что я никогда не позволю этому случиться снова. Я не собиралась быть мягкой. Я не собиралась заботиться. Я не собиралась думать сердцем — и я не хотела подпускать никого достаточно близко, чтобы меня могли побить палкой.

В следующий раз, когда кто-то встанет передо мной и попытается заставить меня что-то почувствовать, я просто выстрелю ему между глаз.

И я не собиралась беспокоиться о том, правильно это или нет.

* * *

— Ненормальная! Эй, уродка!

Уолтер был в паре десятков ярдов слева от меня, но я его почти не слышала. Ну, я слышала — наверное, мне просто было трудно сосредоточиться на том, что он говорил.

Так было уже около недели, с тех пор, как я проснулась и начала двигаться. Моя голова чувствовала себя медленнее, чем раньше. Медленнее в концентрации внимания и поддержании разговоров. Пока я была одна, я могла думать. И память у меня все еще была довольно острая.

Но мне было трудно обращать внимание на Уолтера.

— А? — отозвалась я рассеянно, примерно после пятого раза он закричал:

— Перестань ковырять эту шишку и принеси сюда пилу, хорошо? Боже! Уже пора что-нибудь поесть. Ты хочешь есть, да?

— Конечно, — буркнула я.

— Что?

— Конечно, — снова сказала я.

Уолтер смотрел на меня. Я знала, что он беспокоился о том, какой пустой я была в последнее время. Я знала, что он предпочел бы, чтобы я кричала о его слухе, как раньше. Но меня это больше не беспокоило. Меня сейчас ничего не беспокоило...

Кроме этой шишки.

В основании черепа была огромная вздутая масса. Прямо в мягком треугольнике кожи между костями. Она была крепче и более сморщенная, чем остальные мои синяки, и если я нажимала на нее, даже чуть-чуть, волна жгучей боли прокатывалась по всему моему телу. Даже в подошвы моих ног.

Но продолжала нажимать. Я стискивала зубы от боли и нажимала снова и снова — потому что каждый раз, когда я это делала, я что-то видела.

Где-то в глубине моей головы играла история. Она работала в постоянном потоке:

Я стою посреди пустынной дороги. Сломанные, выгоревшие на солнце машины мчатся по полосам в обоих направлениях. Облако канюков кружит над головой — и это настолько реально, что я чувствую, как их тени скользят по моему лицу. Они приносят крошечную вспышку прохладной тени, когда...

Мне нужно было на мгновение убрать руку и дать себе возможность дышать. Боль от нажатия на эту шишку через некоторое время становилась невыносимой. Но каждый раз, когда я останавливалась, я пропускала часть истории.

В канаве стоит на коленях мужчина. Я медленно иду к нему. Какой-то приглушенный ритмичный шум эхом отдается позади моих шагов. Одежда этого мужчины почти полностью разорвана. Он покрыт оболочкой грязи и кожей в волдырях. Он видел кое-что... ужасные вещи. Я смотрю во впадины его глаз и знаю, что...

Это было слишком больно. Я должна была отдохнуть. Мои легкие содрогались, когда я заставляла их глотать достаточно воздуха, чтобы охладить боль в коже.

Мужчина в канаве исчез. Я стою перед полностью бронированным офицером полиции... Я не вижу его лица сквозь его шлем. В моей руке что-то зажато. Я смотрю вниз и начинаю растопыривать пальцы...

Слишком много. Я должна была дышать. Отдохнуть. Что бы ни было в моей руке, я упустила это.

Пистолет... пистолет в сумке из черной кожи. Я едва вижу его, выглядывающего из-под края... мой палец плотно обхватывает спусковой крючок... я нажимаю...

Больно. Было так больно, что когда я перестала дышать, я заметила, что мои конечности тряслись. Но я должна была снова нажать. Я должна была увидеть, что происходило.

Мир вращается... Пустыня проносится перед моими глазами в пятне мертвенно-коричневого и кристально-голубого... Я нажимаю на крючок... Офицер исчезает в яркой бело-голубой вспышке...

— Эй!

Уолтер схватил меня за руку, и я так ослабела от боли, что чуть не упала. Я бы упала, если бы он не поймал меня за плечо.

— Прости, я...

— Прекрати это, урод, — хрипло сказал Уолтер. Его покрытые коркой пальцы царапали мой подбородок, он повернул мою голову из стороны в сторону. — Боже... ты в трех волосках от падения на землю, да? Нужно присесть на секунду и...

— Нет, я в порядке, — я кашлянула и заставила себя встать прямо. Мне приходилось догадываться, куда я шла, потому что мир еще не перестал вращаться. — Пойдем, найдем что-нибудь поесть.

— Хорошо, хорошо. Но я заберу это.

Уолтер выхватил пилу у меня из рук. Граклы взяли его бензопилу на солнечных батареях. Но у него в седельных сумках оказалась маленькая ручная пила, когда он нашел меня. Я понятия не имела, что он планировал с ним делать, но хотела помочь.

— Ты можешь опрокинуться и разорвать себе кишки, если... стой! — Уолтер выхватил мою руку и резко опустил ее. Он так злился, что цвет почти вернулся его глазам, когда он проревел. — Перестань трогать эту шишку сзади, черт возьми! Разве ты не видишь, что тебе плохо?

— Да, но...

— Но ничего! Если я снова увижу твою руку сзади, я... я... — Уолтер не мог подобрать слов. Капли пота выступили на его складках и трещинах. Должно быть, он злился сильнее, чем я думала. — Просто прекрати, хорошо? Хватит мучить себя.

Я пообещала. Но я делала это только ради Уолтера.

Внизу у пруда были деревья. Всегда, когда было приличное количество воды, росло приличное количество деревьев. Этот пруд не был маленькой каплей: фундамент завода по переработке гранита вполне мог поместиться внутри него.

Большая часть воды замерзла. Посередине была дыра — широкий круг, еще темный и брызгающий. Сегодня проплешина стала шире, потому что впервые примерно за неделю погода поднялась выше нуля. Уолтер считал, что дойдет до пятидесяти градусов.

— Но не привыкай к этому, — проворчал он, как только я выказала малейшее волнение. — Завтра будет похолодание. Мои суставы уже кричат об этом.

Я знала, что зима делала это. Я помнила, как проезжала свои маршруты через Даллас, и я то потела, то мерзла, то снова потела в течение одной недели. Но тогда это просто раздражало.

Теперь? Что ж, Уолтер был прав: если мы не найдем что-нибудь поесть сегодня, мы можем сморщиться и сдуться, прежде чем у нас появится еще один шанс.

Я шла за ним к деревьям, мимо больших навесов и к бахrome саженцев. У них были тонкие верхушки ветвей и тонкие белые стволы. Уолтер встал на колени рядом с ними и прижал ладонь к земле вокруг их оснований. Он сделал это как минимум с десятью разными деревьями, прежде чем нашел то место, которое искал.

— Да, это оно. Здесь хорошо и тепло, — Уолтер царапнул землю у основания саженца, проверяя грязь. — Видишь, как потеет земля? Вот что бывает, когда холодная погода внезапно становится теплой. Земля увлажняется и снова начинает становиться дружелюбной.

— Хорошо, — сказала я.

Он посмотрел на меня, щурясь, и я заметила, что он все еще потел. Вряд ли, было так тепло. На мне была грязная вязаная шапка, которую Уолтер нашел для меня, и одеяло с дыркой посередине, которое он называл пончо. Но, несмотря на все это, я еще недостаточно разогрелась, чтобы вспотеть.

Может, старое тело Уолтера не могло приспособиться, как мое.

После мгновения пристального взгляда он вздохнул. Затем он передал фляги.

— Хорошо. Держи их и убирайся с моей дороги.

Я встала в стороне и смотрела, как он работал.

Уолтер использовал пилу, чтобы разрезать саженец пополам так, чтобы то, что от него осталось, едва доставало до его пояса. Затем он ставил пилу на вершину ствола, пропустив ее зубья через середину колец.

— Я начну пилить. Тебе нужно присесть здесь и ловить то, что появляется. Поняла?

— Ага.

Уолтер снова вздохнул. Я была уверена, но похоже, что он пытался избавиться от дрожи, когда поправлял хватку на пиле.

— Хорошо, дитя. Вот так.

Он двигал руками взад-вперед, ровным движением скользя зубьями ручной пилы по кольцам. Я чувствовала, как корни покалывало глубоко в земле, ствол изгибался. Примерно через минуту из почвы вокруг дерева начали вылезать маленькие червячки.

Это были дождевые черви: слизистые коричневато-красные, с белыми кончиками головок. Их головы качались, тела сворачивались, когда они вытаскивали себя из-под земли. Им будто было плохо. Я предполагала, что дрожь земли выгоняла их из их домов.

— Ну, хватай их! — крикнул мне Уолтер.

Я опустила на колени и начала зачерпывать червей в один из наших мешков с желтыми пятнами. Он был пустым уже какое-то время. Так что в него можно было что-нибудь положить.

Вот что проносилось у меня в голове, пока я держала влажные пригоршни извивающихся червей: конечно, хорошо иметь запас еды. Мне не пришло в голову, что есть червей может быть отвратительно. Меня не волновало, что мы ели, лишь бы это помогало Уолтеру пережить зиму.

И это верный признак того, насколько отчаянным стало наше положение.

К тому времени, как наша червоточина высохла, мы заполнили полмешка, а Уолтер совсем запыхался.

— Ты... ты не против, если мы закончим с этим, да?

Я посмотрела на него и, даже в своем сбитом с толку состоянии, все еще была удивлена, что Уолтер спрашивал у меня разрешения на что-либо.

— Конечно, не против. Ты в порядке?

Теперь все его тело тряслось. Распухшие суставы его пальцев переплелись у бедер. Он сгорбился и тяжело дышал, будто провел в Резервуаре три часа.

— Да... да, я в порядке, — хрипло сказал он, и капли пота катились с кончика его носа. — Я в порядке.

Уолтер был не в порядке.

И с течением дня ему стало намного хуже.

— Это... ничего, да? — он отмахнулся, когда я попыталась ему помочь. — Это просто небольшое волнение. И я ничего не могу сделать, кроме как перетерпеть.

Дрожь происходила с Уолтером, когда у него заканчивались таблетки. Он потерял свою заначку, когда Граклы взорвали Логово. Все, что ему нужно было, чтобы держаться на плаву, — это таблетки, которые он хранил в своем жилете. Когда он впервые отправился в путь, у него было три полных кармана. И он клялся, что нормировал их.

Но сейчас у него ничего не осталось.

— Взял последнюю... вчера, — бормотал он сквозь зубы.

Уолтер свернулся калачиком в самом сухом углу нашей импровизированной пещеры. Я развела огонь и набросила на него все одеяла, которые у нас были. Я даже поменяла наши шапки — отдала ему более теплую вязаную шапку, а сама надела зеленоватую мягкую шляпу. Я убедилась, что его ботинки были плотно обутыми, а носки — сухими. Но что бы я ни делала, Уолтер не мог перестать трястись.

Он говорил, что замерз, продрог до костей. Его зубы так сильно стучали друг о друга, что я боялась, что он их выбьет. И я не понимала, почему он был таким холодным, ведь он был в поту.

Его борода смялась и промокла. Вокруг нижнего края шапки образовалось темное кольцо. Когда я помогла ему переодеться из рубашки во что-то плотнее, я увидела, что она полностью промокла. Я, наверное, могла бы наполнить флягу, если бы выжала ее.

— Я... я... смотри, со мной все будет в порядке, у... урод, — стонал Уолтер, когда я спросила, могла ли я что-нибудь сделать.

И я бы сделала что угодно.

— Просто... это должно идти своим чередом, хорошо? Я буду... я буду в порядке.

Он не будет в порядке.

Уолтер стонал от боли, переворачиваясь на бок, и я без сомнения знала, что он не выдержит. Он, вероятно, чувствовал бы себя лучше, если бы у него что-то было в желудке, но он ничего не мог удержать. Полдня я провела за чисткой лужиц желчи и сегментов дождевых червей вокруг его кровати.

Он не сможет выжить вот так.

Ему нужна была еда, настоящая еда. И я не вернусь, пока не найду ему что-нибудь поесть.

Граклы украли мое оружие, а после того, как Аша избивала меня до потери сознания, украли и доспехи. Жозефина была единственным оружием, уцелевшим после разграбления Логова. Было бы неплохо из чего-то стрелять, но я не могла взять Жозефину: Уолтер был слишком слаб, чтобы чем-то размахнуться, и ему нужно было как-то защищаться.

Так что, в конце концов, я заправила косу под зеленоватую шляпу Уолтера и вышла с мачете в качестве единственного оружия и в пончо в качестве единственной брони. Неважно, что на мне было надето или с чем мне придется сражаться: я найду все, что мне

нужно, чтобы спасти Уолтера.

И если единственный способ найти — это взять, то я была не против.

* * *

Я искала уже три часа, но здесь просто ничего не было.

Мы были в том, что Уолтер называл холмистой местностью. Он имел в виду это буквально: вся земля была приподнята и вздута, как узлы на моем лице. Холмы в основном представляли собой возвышающиеся груды белых камней с тонким слоем травы на них.

Мы уже не были в равнинах — слишком опасно было идти так далеко на восток, когда Граклы захватили его. Эта суровая холмистая местность станет нашим новым домом. Но в холмах было ужасно трудно искать путь.

Вероятно, было бы полезно, если бы я могла залезть на дерево или что-то в этом роде и осмотреться. Проблема в том, что я едва ли могла двигаться быстрее ходьбы, не говоря уже о том, чтобы заниматься чем-то таким напряженным, как лазание.

Мои ребра все еще заживали: мне все еще было больно, если я вдыхала слишком глубоко. Ну, на самом деле казалось, что кто-то только что ударил их кованым железным прутом. Было больно, проще говоря.

Я прошла к вершине следующего холма по склону, чтобы мне не пришлось подталкивать себя к чему-то более крутому. На этом холме ничего не было, и на последних пяти ничего не было. Здесь просто ничего не было.

Все деревья были мертвы, а все животные еще спали. Я даже была бы рада наткнуться на группу кровожадных граклов в этот момент — потому что это означало бы, что где-то здесь было достаточно еды для поддержания жизни. Но по мере того, как тянулись часы, и все, что я видела, это пустота, я все больше беспокоилась, что это была каменистая пустыня.

Мне нужно было сесть. Я так старалась, что мои глаза затуманились, а большая часть моего тела горела. Я тяжело села на ближайший камень. Я сделала из колен стол, а локти уперла в их вершины.

Едва я сделала это, я встревожилась, что не смогу снова встать. Я знала, что мне было больно; Я просто понятия не имела, насколько я была измотана. Эта прогулка забрала почти все, что у меня осталось... а было мало.

Я так устала, что едва заметила, как над холмами зарычал шум двух маленьких солнечных двигателей. Они двигались быстро, направляясь в мою сторону. Я не знала, исходил шум от пары ботов или от чего-то, управляемого людьми. Но я не могла уже переживать.

Я подняла мачете над головой, вздрагивая, когда движение потревожило мои сломанные ребра. Даже если они не увидят меня, когда перепрыгнут через следующий холм, им будет трудно не заметить блеск мачете.

Они увидели меня. Я слышала восторг в этих двигателях, когда они разогнались до более высокой скорости. Они подошли сзади. Я не вздрогнула, когда мимо меня со свистом пронеслась струя песчаной пыли. Я не вздрогнула, когда второй сделал то же самое с другой стороны.

Я не двигалась, пока двигатели не заглохли и кто-нибудь не заговорил со мной. Когда я услышала, что они говорили, я потеряла дар речи:

— Гражданка, вас сейчас будут допрашивать об инциденте, связанном с полицейским управлением Далласа. Вы согласны подчиниться?

ГЛАВА 30

Я сначала не поверила ушам. Затем я подняла глаза и увидела, что передо мной остановились два ветерана-офицера полиции. Они были верхом на легких байках с очень толстыми шинами, несомненно, специально разработанных для преодоления скалистых

ХОЛМОВ.

Офицеры были в касках и перчатках, а их черные пыльники были застегнуты до подбородка. Редко ветеран-офицер удосуживался застегнуть пряжки.

Что-то их напугало.

— Согласны ли вы подчиниться нашему допросу, гражданка? — сказал второй офицер, его низкий голос гремел из динамиков в шлеме.

Они были мужчинам — еще один признак того, что отдел проявил особую осторожность. Обычно Нормалы старались иметь равное сочетание полов в каждой паре или группе. Не только в полиции, но и в любой профессии. Теперь, похоже, они просто отправляли те пары, у которых было больше всего опыта.

У обоих мужчин на рукавах были полоски, что означало, что они были старшими офицерами.

— Гражданка, вы...?

— Да, Боже мой, я подчинюсь, — буркнула я.

Я не могла понять, почему меня не арестовали. Был только один инцидент, о котором они могли говорить: убийство и нанесение увечий группе офицеров и их шерифу. Даже Нормал мог сосчитать тела и сообразить, что не хватало только моего.

Так что я не удивилась, когда моя картинка вылезла из вершин их Кубов.

— Вы видели этого человека? — сказал первый офицер. — Ее зовут Шарлиз Смит. Она — опасный преступник, возможно, Аномалия, и к ней нельзя приближаться ни при каких обстоятельствах.

— Она разыскивается для допроса в связи с массовым убийством, которое произошло почти в пятидесяти милях к северо-западу от этого места, — продолжил второй офицер. — Мы считаем, что инцидент произошел пятого июня 2412 года или около того.

Я знала, что это значило. «Разыскивается для допроса» было просто способом полиции сказать, что мы знали, что вы это сделали. Каждый раз, когда меня арестовывали, я слышала одну и ту же фразу:

— *Шарлиз Смит, вас разыскивают для допроса в связи со случаем уничтожения тяжелой техники...*

— *Серия поджогов...*

— *Поджог заброшенного здания...*

Все начиналось одинаково, а заканчивалось тем, что меня арестовывали. Я знала, что выглядело подозрительно, что только я пережила нападение, но, ладно. Я никак не могла уничтожить целый отряд Нормалов, особенно хорошо вооруженных офицеров полиции.

Но, похоже, они думали, что это сделала я, и теперь боялись меня. Вот почему они все были наряжены и путешествовали опытными парами: полиция меня боялась...

Что дало мне идею.

— Если у вас есть какая-либо информация об этом человеке, по закону вы обязаны...

— Это я, — хрипло сказала я.

Офицеры замерли. Их шлемы качались взад-вперед между картиной и этой избитой девушкой, сидящей на камнях.

— Вы не похожа на нее, — наконец, сказал второй офицер.

— Бросьте мне свой куб, и я докажу это.

После еще одной паузы первый помощник слез со своего байка и медленно приблизился ко мне.

— Если положите большой палец сюда, сверху...

— Я знаю, как это работает, — коротко сказала я.

Через секунду после того, как я дала Кубу свой отпечаток, появился персонализированный файл. Говард превзошел самого себя с моим новым профилем. Он изменил фотографию на одну с большим красным крестиком на моем лице. А под ней он написал: *Шарлиз Смит. Коричневые волосы. Карие глаза. Пять футов четыре дюйма. Воплощение дьявола.*

Это было забавно, Говард называл меня дьяволом.

Но Нормалы поверили ему, потому что офицер сделал шаг назад, прежде чем сказать:

— Шарлиз Смит, я сажаю вас под арест.

— Нет, — тихо сказала я. Если полиция так боялась меня, я могла попытаться получить несколько вещей, которые мне нужны, прежде чем они заберут меня. — Я пойду с вами без шума, но только если я получу, что хочу.

Второй офицер покачал головой и закричал:

— Переговоры с преступниками не по протоколу.

— Да, шериф Кляйн так говорила, — крикнула я в ответ. — И посмотрите, что у нее получилось.

Я определенно попаду в ад за такое использование Кляйн, но я не могла придумать более надежного способа донести свою точку зрения. И это, казалось, работало.

После минутного напряженного обсуждения первый помощник снова подошел ко мне.

— Чего ты хочешь?

— Немного еды и Перезагрузка, — сказала я. Когда я подумала об этом, я поняла, что Уолтер просто был болен. Перезагрузка должна была помочь ему справиться с дрожью. — А меня нужно подвезти до лагеря — я вернусь с вами, — пообещала я, когда офицер покачал головой. — Если вы будете благоразумны со мной, то и я буду благоразумна с вами.

Еще одно бурное обсуждение. Это было беспрецедентно, и я была уверена, что они нарушали все виды протоколов. Но полиции явно было сказано сделать все возможное, чтобы доставить меня сюда. Я могла только представить, насколько красочно это выразил Говард: «Даже если вам придется содрать с нее кожу живьем и размахивать ее шкурой, как флагом, вы сделаете все, что потребуется».

Я терпеливо ждала, когда первый офицер снова подошел ко мне.

— Имейте в виду, что единственная еда, которую мы носим с собой, — это питательный порошок, который можно растворить в чистой воде. Удовлетворит это ваши требования?

— Это будет идеально, — сказала я.

Он медленно кивнул, словно его Нормальный разум пытался придумать другой способ заставить меня подчиниться. Через мгновение он сдался.

— Я провожу вас до вашего лагеря, но мой напарник будет ждать здесь. Если мы не вернемся в течение часа, он поднимет тревогу, — предупредил офицер.

* * *

— Уолтер?

Он стонал, пока я вползала в нашу пещеру. Ему стало хуже. Теперь все его тело тряслось, а нижние одеяла промокли от пота. Я не думала, что он продержался бы намного дольше, если бы не Перезагрузка.

Я позволила офицеру воткнуть иглу в шею Уолтера. Я никогда раньше не использовала

Перезагрузку — это применяли только на мне. Поэтому я хотела убедиться, что все было сделано правильно.

— Готово, — сказал офицер. Он выпрямился и кивнул на дрожащее тело Уолтера. — Он должен начать испытывать эффекты в течение следующих десяти секунд.

Это не займет много времени. Почти сразу после выхода офицера Уолтер успокоился. Я прижала руку к его лбу и поразилась тому, как быстро прекратилась его потливость. Через несколько секунд он погрузился в глубокий, спокойный сон — я знала, что он был умиротворенным, потому что он начал храпеть.

Я обрадовалась, что это сработало. Это всегда работало с Ральфом, поэтому я не понимала, почему это не сработало бы над Уолтером. Я крепко прижала руку к его груди и убедилась, что его сердце билось так, как должно — или так хорошо, как могло после многих лет попыток утопиться в виски.

Убедившись, что с ним все было в порядке, я сделала глубокий вдох. Пришло время сделать трудное дело... то, от чего мне будет больнее сотни ударов по голове.

Пришло время попрощаться.

— Мне пора идти, хорошо? Мне нужно идти, — прошептала я сдавленным голосом. Я наклонилась и приблизила свое лицо к его лицу, пытаюсь запомнить каждую морщинку и линию. — Тебе лучше позаботиться о себе, Счастливчик Уолтер... о, и я оставлю эту шляпу себе.

Я дёрнула за зеленоватый край и попыталась заставить себя улыбнуться. Затем я поцеловала его в его кожистую щеку.

Канистра, которую мне вручил офицер, была наполнена тем же порошком, который я нашла в будке на контрольно-пропускном пункте. Я открыла крышку, чтобы убедиться, что она была полной, прежде чем поставить ее рядом с Уолтером. На обратной стороне было четко показано, как это приготовить и сколько мерных ложек ему понадобится на порцию воды. Так что я надеялась, он сможет это понять.

Я бросила на него последний взгляд, прежде чем уйти, и думала обо всем безумии, которое мы сделали вместе. Уолтер многому научил меня в жизни за такой короткий промежуток времени. Я считала, что научилась жить по-настоящему, путешествуя с ним. И я никогда этого не забуду.

Но мне здесь не было места. Я не принадлежала Ничто. Я родилась слишком слабой, меня сделали слишком мягкой. Я не причинила Уолтеру ничего, кроме неприятностей.

А теперь мне пора было домой.

— Вы закончили? — крикнул офицер, когда я выпрыгнула из пещеры.

Я напряженно кивнула.

— Хорошо, — он достал из кармана пару наручников и надел их на мои запястья. — Шарлиз Смит, я арестовываю вас за убийство шерифа Кляйн и нескольких офицеров...

Остальное из того, что он говорил, просто ускользало от меня. Он зацепил наручники за петлю сзади на своем ремне, связывая нас вместе, затем я забралась на байк позади него и держалась, пока он вез нас через холмы.

Его Нормальные рефлексы облегчали поездку. Мы уверенно взбирались по склонам и летели по долинам. Мы ни разу ничего не задели. Я могла откинуться, насколько хотела, и знала, что не вывела бы его из равновесия. Вероятно, потребовалось бы восемь человек, чтобы опрокинуть Нормала.

Второй офицер ждал нас там, где мы его оставили. Вряд ли он удосужился слезть с

байка. Он поднял кулак, когда увидел нас, и щелкнул выключателем на руле. Он выкрутил сцепление, когда в него попала первая пуля.

Пуля, а не луч. Я знала это, потому что не было ни взрыва, ни света — только хлопок и много крови. Офицер получил ранение в плечо, и пуля пробила его броню.

Он упал, байк рухнул на него сверху. Это пригвоздило бы среднестатистического человека к земле. Но офицер отбросил байк одним взмахом ноги. Одной рукой он схватился за рану, а другой достал револьвер.

Рядом с нами с холма шла большая группа людей. Ни одно из их орудий не стреляло лучами. Ничто не светилось голубым. Они кричали, когда человек во главе попытался сбить второго офицера.

У него была винтовка с абсурдно длинным стволом — даже длиннее, чем у Жозефины. Он мог разбить голову муравья с помощью прицела, который у него был для этой штуки, но он продолжал промахиваться.

Офицер, с которым я ехала, выхватил револьвер и большим пальцем повернул его рычаг, чтобы зарядить. Затем он переключил байк на более высокую передачу.

О, Боже, он попытается перепрыгнуть. Он попытается улететь с вершины нашего холма туда, где другой офицер боролся за свою жизнь.

Я крепко держалась, пока он срывал нас с вершины гребня. Мы летели по воздуху — оба наших колеса вращались в пустом пространстве, и ближайшая земля внезапно оказалась в пятнадцати футах под нами.

Я была в ужасе. Я схватилась за пояс офицера и изо всех сил пыталась удержаться на сиденье. Пока я пыталась не кричать, офицер навел пистолет и выстрелил.

Нормалы не мигали и не промахивались. Он попал человеку с длинноствольным ружьем в указательный палец. Я видела, как он отшатнулся и выронил пистолет на землю, но я успела увидеть только это.

Внезапно у меня в глазах появилась кровь.

Кто-то прострелил моему офицеру шлем. Это произошло так быстро, что я не заметила, кто это сделал. Фонтан теплой влажной крови хлестал меня по лицу и обжигал глаза. Я ощущала, как мы оторвались от сиденья, оторвавшись от мотоцикла под весом тела офицера.

Я ничего не могла сделать. Я ослепла, и мои руки были прикованы наручниками сзади к его ремню. Даже если бы я могла протянуть руку вокруг него, чтобы схватиться за руль, я бы ни за что не смогла совершить этот прыжок. Так что я цеплялась за заднюю часть его одежды и пыталась удержать его тело между собой и землей.

Мы оторвались от мотоцикла — это была хорошая новость.

Плохая новость заключалась в том, что я так сильно рухнула на офицера, что, похоже, снова сломала себе ребра.

— Ах! — закричала я, но это не имело значения. Я не думала, что кто-нибудь мог услышать меня из-за шквала выстрелов, доносившихся с соседнего холма.

Все они попадали по телу второго офицера. Я не знала, как давно он на самом деле умер — потому что сейчас казалось, что они просто пытались посмотреть, смогут ли они превратить его в кашу. Пока я смотрела, его шлем и его содержимое разлетелись в крошки, а окровавленные куски упали на землю во все стороны.

Наконец, пронзительный свист остановил стрельбу.

— Довольно! Хватит тратить пули, — крикнула женщина. — Общайте тела.

У нее был знакомый голос. Ясный и очень властный голос.

— Вы слышали босса Маурью! За дело, — крикнул второй знакомый голос.

Это был Джексон, человек, который смеялся, когда одному из его друзей прострелили голову. Я надеялась, что он не найдет меня. Если он смеялся, когда его людей убивали, я могла только представить, что он нашел бы мою смерть забавной.

Я лежала на спине с закрытыми глазами, руки были болезненно вытянуты над головой. Мертвый офицер лежал позади меня. Наши тела образовали жесткую букву «Т» на земле. На мне все еще была шляпа Уолтера. Это удивляло, потому что ветер от того прыжка должен был сорвать ее. Наверное, моя коса была заправлена в нее так туго, что она застряла на месте.

Я держала глаза закрытыми, пока тень не упала на них. Я приоткрыла один.

Ко мне склонился мужчина. Он был толстым и волосатым, как Брендон. Но его борода, похоже, росла только пятнами. Между его губ торчала сигарета. Он сделал затяжку, погружая голову в лихорадочное сияние.

Затем он обдул мое лицо горячим облаком.

— Эй, ты проснулась?

Я открыла другой глаз и кивнула, борясь с кашлем от дыма. Моя шляпа и поврежденное лицо могли скрыть тот факт, что я была женщиной. Но если я заговорю, все будет кончено.

Через мгновение мужчина надо мной кивнул. Он обошел тело полицейского и вернулся с ключом от моих наручников. Он снова сел на корточки и грубо прижал ключ к моему носу.

Мои глаза слезились от боли.

— Ой, эй, не плачь. Я не собираюсь причинять тебе боль, — сказал он с резким смехом. — Если я выпущу тебя, тебе лучше быть со мной добрее. Не кричать, не убежать...

— Джексон! — рявкнула Маурья. И, наконец, она появилась в поле зрения.

На ее бедрах в кобуре была спрятана пара пистолетов. Они покачивались, когда она шла ко мне. Маурья выглядела не так, как все. Во-первых, она была крошечной — на пару дюймов ниже меня. У нее была чистая кожа, темные глаза и прямые черные волосы. Меня смущала форма ее глаз. Я никогда не видела ничего подобного.

И они придавали ей грозный вид.

— Либо держи ее, либо убей. Не тормози, — сказала она, холодно глядя на меня. — Я хочу вернуться на базу в надлежащее время.

— Понял, Босс, — сказал Джексон. — Эй, это был хороший выстрел.

Маурья пожала плечами и постучала по одному из своих пистолетов.

— Да... я всегда хотел сбить кого-нибудь с неба, — она с ухмылкой ушла, оставив меня наедине с Джексоном.

Я вздрогнула, когда он снова наклонился надо мной.

— Итак... мне убить тебя или оставить? Хм...

Он провел ладонью по моим распухшим, бугристым щекам, и я изо всех сил старалась не кричать.

— Это явно больно. Бьюсь об заклад, они сильно ранили тебя. Поражаюсь, что ты не кричишь во все горло, — он грубо схватил меня за подбородок. — Знаешь, что? Я оставлю тебя. Я уже давно не выигрывал скачки, и я думаю, что ты можешь оказаться крепкой лошадкой.

* * *

Эти люди были не из Ничто. Я помнила, как Уолтер называл их янки, наверное, это означало, что они были с Севера.

Я знала это, потому что они не переставали говорить, что они с Севера, ни на одну секунду.

Погода там была намного лучше, видимо. И земля была красивее. Люди были намного умнее нас, и место было более цивилизованно. Меня втиснули в кузов крытого брезентом грузовика с двадцатью другими тexasскими заключенными. Здесь с нами были только двое янки, охраняющие открытый люк грузовика с парой смертоносных винтовок — и все же я слышала от них больше жалоб, чем от людей, связанных рядом со мной.

— Это просто дерьмо, понимаете? Будто все к югу от Делавэра — просто дерьмо, — говорил один из них. — Здесь жарко и влажно, а ты видел, каких жуков они здесь завели?

— Да тебя все кусает, — хмыкнул в ответ его спутник. — Даже мухи, а я и не знал, что мухи могут кусаться.

Казалось, они умели только ворчать. Это действовало мне на нервы до такой степени, что я считала минуты до заката, когда караван должен будет остановиться и разбить лагерь. Может, я окажусь запертой где-нибудь подальше от этих двоих.

Закат пришел и ушел, а грузовик не остановился. Он катился сквозь ночь, его двигатель выл, когда он нес нас по холмам. Потом земля стала ровнее, когда мы наткнулись на какую-то открытую равнину, и нытье стихло до гула. Этот двигатель был более высокочастотный, чем солнечный. Я не знала, почему я не замечала этого раньше. Я пыталась понять, что это такое, когда парень напротив меня начал спрашивать:

— Эй, мистер? — он высунулся в проход, поворачиваясь лицом к охранникам. — Почему ваш грузовик продолжает работать?..

Хлоп!

Он получил пулю между глаз, и его голова взорвалась, осыпая заключенных в кузове грузовика градом крови и осколков черепа.

— Эй, это была моя лошадка! — сказал один из охранников.

Второй опустил винтовку с ухмылкой.

— Тогда тебе следовало научить его правильно говорить. Чувак, я ненавижу эту речь. Это очень раздражает, — насмехался он над нами глупым, чрезмерно преувеличенным голосом. Затем его лицо стало серьезным. — Грузовик электрический, понятно? Э-лек-три-чес-кий. Это технологии Старого Света, и у нас их много на Севере.

Как только он обернулся, я услышала, как кого-то в кузове грузовика тихо тошнило. Запах был довольно мерзкий, и не нужно было много времени, чтобы он долетел до охранников.

— Фу! Кого стошнило? — охранник, который убил парня напротив меня, встал и предупреждающе взмахнул винтовкой. — Кто бы это ни был лучше, выходите вперед. Если нет, я просто начну убивать людей.

Удивительно, как быстро другие заключенные сдали его. Мужчина кричал и дрался, когда его вели по проходу, но слишком много людей толкали его вперед. Когда он достиг охранников, они схватили его за обе руки и выбросили из кузова грузовика.

Как только он упал на землю, его тело пронзили пулями, гогоча, когда его кровь разлетелась брызгами по дороге.

Если мне посчастливится дожить до рассвета, то я восприму это как знак того, что я должна была стереть с лица земли всех этих гадов до последнего.

Путь был долгим. Я не могла сказать, в каком направлении мы ехали, потому что не видела звезд через брезент. Моя голова твердила мне, что мы будто двигались назад, туда,

где я уже была. Но я не могла доверять этому чувству. То, как грузовик подпрыгивал, пробудило боль в моей голове.

Если так продолжится намного дольше, я ослепну от боли.

Примерно через час мы, наконец, достигли их штаб-квартиры. Она была похожа на увеличенную версию того, что было у полиции на выходе: простое бетонное здание без окон и почти без дверей. Два-три этажа. Может, выше, потому что я обнаружила, что во многих старых зданиях были еще комнаты, спрятанные под землей.

Огромный сетчатый забор опоясывал периметр штаб-квартиры. Бетонные башни стояли на каждом из четырех углов забора, и они бросали ослепительно белый свет на караван, когда он проехал через передние ворота. Они явно были электрическими, потому что солнечный свет был намного мягче для глаз.

Как только мы припарковались, охранники выпустили нас из грузовика. Я не видела почти ничего во дворе — я старалась не оглядываться, не смотреть никому в глаза и не делать ничего, что могло навлечь на меня неприятности. Я просто смотрела на пятки человека передо мной и следовала за ним внутрь здания.

Янки загнали нас в маленькую комнату, которая находилась слева от входа. Затем они заставили нас встать на колени.

Втиснуть двадцать — ну, восемнадцать — человек в комнату такого размера было бы невозможно. Мы так тесно прилегли друг к другу, что мои плечи почти задевали мужчин с обеих сторон. Я ерзала, пытаюсь устроиться удобнее, пытаюсь найти какое-нибудь положение, при котором мои ребра не скрипели.

Затем вошла Маурья.

— Все заткнитесь, — сказала она, хотя мы уже молчали.

Джексон шел за ней. Они пробрались к передней части комнаты, пиная заключенных, которые двигались недостаточно быстро. Как только она оказалась перед нами, Маурья улыбнулась — и это был первый признак того, что она умела улыбаться.

— Ну, теперь мы выстроили всех наших лошадей, пора начинать скачки.

ГЛАВА 31

Если я правильно поняла игру — а это было не точно, потому что я перестала обращать внимание примерно на полпути — Маурья начнет убивать заключенных по одному. Все ее мужчины сделали ставку на одного из нас, и поэтому, видимо, меня все время называли лошадкой. И у кого лошадка проживет дольше, тот и победил.

Проживет дольше всех. Не было никакой гарантии, что кто-то из нас уйдет отсюда живым.

Я должна была бояться. Несколько месяцев назад я боялась бы. Но после падения с байка полиции и тяжелой поездки в штаб янки, мои раны не давали мне покоя.

Казалось, мне в легкие засыпали истолченное стекло, и каждый раз, когда я вдыхала, осколки царапали мои ребра. То, как пульсировала моя голова, не позволяло удерживать ни

одну мысль достаточно долго, чтобы беспокоиться об этом. Мир прыгал перед моими глазами, мое зрение пульсировало волнами боли — и я ничего не могла сделать, чтобы успокоить его.

В этот момент, может, было бы лучше, если бы кто-нибудь застрелил меня.

— Один из вас сейчас умрет, — сказала Маурья. — Сразу же.

Она расхаживала с двумя пистолетами, свисающими с ее бедер. Нижние лямки были расстегнуты. Их не нужно было закреплять — они и без этого останутся на месте. Но из-за того, что они были так расстегнуты, пистолеты раскачивались, пока она шла.

Это раздражало. Походка у нее уже была нахальной. Ей не нужны были эти вещи, свисающие, как последние ягоды на ветке. Если ей придется вытаскивать быстро, они, скорее всего, вылетят из ее рук.

Маурье потребовалось не более двух секунд, чтобы доказать, что я была не права.

— Я быстрее всех, кого вы когда-либо видели... и я всегда целюсь в голову, — она выхватила пистолеты и направила их под носы парней передо мной.

Один из них завизжал.

Другой обмочился.

— Фу! Я только почистила эти полы, — Маурья обернулась и свирепо посмотрела на Джексона. — Да? Разве я не мыла эти полы?

— Отмыто безупречно, — сказал он, кивая.

Мокрые Штаны увидел, как они смотрели на него, и зарыдал.

— Я... простите! Я не мог держаться! Иногда, когда мне очень страшно...

— Перестань, — Маурья закатила глаза — будто от запаха аммиака и свежеразбавленного виски у нее начала болеть голова. — Ну, думаю, раз ты уже испачкал мои полы...

Я догадывалась, куда это шло. Я достаточно насмотрелась «Агента Девять», чтобы знать, когда злодей собирался кого-то убить, поэтому я сильно наклонилась к человеку слева от меня.

Маурья, не глядя, нажала на курок. Она попала Мокрым Штанам между глаз. Задняя часть его черепа лопнула и извергла кровавые куски во все стороны. Я бы поймала полный рот, если бы не наклонилась. Вместо этого парень позади меня получил ком слизи в рот.

И он не сдерживался.

— Ах! Боже... бе-е-е...

Звук и запах его рвоты быстро наполнил комнату. Должно быть, он съел на ужин что-то сильное — например, тушеное мясо из кишок опоссума и заплесневелых фруктов. Что бы это ни было, оно было гнилым, когда он его проглотил. И вот, после нескольких часов маринования в желудке, вонь была такой, что канюка стошнило бы.

Еще троих стошнило, включая парня слева от меня. Он был достаточно мил, чтобы наклониться к стене вместо того, чтобы выплескивать все на меня. Но это не помогло ему выжить.

— Фу! — Маурья сбила их тремя быстрыми выстрелами:

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Парень слева от меня и двое его блюющих друзей присоединились к Мокрым Штанам на полу. Кровь брызгала из их черепов и собиралась в темную лужу. Беспорядок покрыл такую огромную часть комнаты, что бетон под моими голенями прогрелся на два градуса.

Не прошло и секунды, как я ощутила жар, исходящий откуда-то еще. Он ударял в

пространство между моими бровями короткими зловещими волнами. Я чувствовала запах горячего металла и резкий запах дыма и, не глядя, знала, что Маурья остановила один из своих пистолетов в дюйме от моего лица.

— Хм. Эта не дрогнула, Джексон.

— Не дрогнула, — сказал Джексон.

— Четыре выстрела в голову. Все остальные в этой комнате немного подпрыгнули, да?

— Да. Это всего лишь человеческий инстинкт.

— Верно? Раздается выстрел, и ты вздрагиваешь. Вот как это работает.

Пистолет обжигало дышал мне в лицо в последний раз, прежде чем Маурья убрала его. Ее раскачивающиеся кобуры звякали о пояс, когда она села на корточки передо мной.

— Мне нравятся те, которые не вздрагивают. Они полезны. Мне нравится, когда они бегают со мной, — она провела пальцем под моим подбородком. Холодным, хотя оружие было горячим. — Ты ничего не боишься. Разве это не так?

Она надавила мне на подбородок, пытаясь заставить меня смотреть ей в глаза. И это было ужасно больно.

Я больше не могла с этим бороться. Я широко открыла глаза и позволила им немного расфокусироваться — как велел мне Уолтер. Он сказал, что мой взгляд был опасным. Он сказал, что от меня веяло проблемами. И он сказал, что если я когда-нибудь посмотрю на кого-нибудь прямо, только слепой этого не заметит.

Маурья не была слепой. Даже если бы она была такой, она стреляла бы метко.

Какое-то время она спокойно смотрела на меня. Меня до сих пор сбивала с толку странная продолговатая форма ее глаз. Они что-то делали с остальной частью ее лица — портили линии. Они выделили все знакомое и сделали ее выражение почти нечитаемым.

Не помогало и то, что ее глаза были темными. Может, если бы они были немного светлее, я бы увидела, что внутри них что-то мерцало. Но они были черными, как смола, с блеском состарившегося дерева.

— Ты не боишься, да? — снова сказала она, на этот раз шепотом.

Я не могла возразить, потому что, как выразился Уолтер, я звучала так же мужественно, как кошка в течке. И хотя я не была уверена, что это значило, я понимала, что мой голос звучал слишком высоко.

Маурья не была рада покачиванию моей головы. Она продолжала спрашивать:

— Как тебя зовут, мальчик?

Я пыталась изобразить извинение и хлопала себя по горлу в ответ.

— Ты не можешь говорить?

Я покачала головой.

Маурья разочарованно вздохнула. Она снова села на корточки и повернулась, чтобы ухватиться за Джексона.

— Отлично. Я знала, что люди внизу тупые, но этот дважды тупой.

Джексон поджал губы, прежде чем ответить:

— Ты не хочешь его?

— Нет, если мы не сможем общаться, — сказала она со вздохом. — Остальные идиоты хотя бы могут указать нам север, юг, восток или запад.

Джексон кивнул в знак согласия, и я чувствовала, что приближалась еще одна казнь. Я должна была доказать — быстро и молча, — что меня стоит держать рядом. Если Маурья хотела, чтобы я была умной, я поумнею. Я просто надеялась, что эти янки умели читать.

У моего колена была темная лужа крови парня слева от меня. Я сделала глубокий вдох и извинилась перед его призраком за то, что собиралась сделать. Затем опустила палец в кровь.

Она была теплее, чем я ожидала. И липкой. Внутри красного плавали какие-то песчинки, от которых меня мучило, и попытка избежать их делала мой текст немного неуклюжим. На изгибах моих букв было несколько лишних выпуклостей из-за волнистости бетона. Но было достаточно разборчиво.

— Чарли, — прочла Маурья, ее глаза бегали по моим буквам с впечатляющей скоростью. — Тебя зовут Чарли?

Я кивнула.

Она провела пальцем по моим буквам, делая паузу под каждой. На ее лице не было ни намека на эмоции. Я бы подумала, что она Нормал, если бы не брюшко над поясом.

— Где ты научился писать?

«Папа», — написала я. Это было не совсем правдой, но вряд ли в комнате было достаточно крови, чтобы написать всю историю. Я надеялась, что не подцеплю какое-нибудь проклятие за то, что использовала кровь мертвеца, чтобы солгать.

— Твой отец научил тебя? И где он научился? — давила Маурья.

Я пожала плечами.

— Он никогда не говорил тебе?

Я покачала головой.

Ее удовлетворил этот ответ — по крайней мере, так казалось. Она хотя бы не выпустила в меня пулю.

Маурья вскочила на ноги и вернулась к Джексону. Они говорили мгновение, головы были близко склонены. Она постукивала по рукояткам пистолетов большими пальцами; он рассеянно чесал грудь. Ни один из них не давал намеков, выйду ли я из этой комнаты живой.

Наконец, они приняла решение.

— Отнеси этого в казарму. Держи его связанным, — рявкнула Маурья, тыча в меня пальцем. Ее взгляд метался по комнате, словно стрелок. — Избавься от других.

* * *

Честно говоря, я не думала, что когда-нибудь найду людей, убивших шерифа Кляйн и офицеров. Я потеряла интерес даже к попыткам найти их после того, как Уолтер сказал мне, что меня просто убьют. И уж точно я не думала, что застряну с ними. Но именно это и произошло.

Янки называли себя наемниками, и они находились в Ничто, только чтобы выяснить, как попасть в Даллас Нормалов. Но, несмотря на все их разговоры о том, чтобы разграбить его всухую, и внушительный запас мощного оборудования, они, казалось, понятия не имели, что им на самом деле было нужно.

Я не понимала, почему они были здесь и что они делали. Или, если они войдут, какой в этом будет смысл. Будто наемники проснулись однажды утром и сказали: «У нас лучшее оружие в мире — давайте маршировать и брать вещи».

Когда на следующее утро Маурья, наконец, сняла с меня путы, она решила устроить мне экскурсию по штаб-квартире. Это было довольно глупо, учитывая тот факт, что она забрала меня только прошлой ночью — и она не была очень любезна со мной по этому поводу.

Но, погуляв и послушав ее разговоры, я понял, что она не была глупой: просто она никогда не проигрывала. Она так привыкла продираться сквозь людей и брать все, что

захочет, что даже не удосуживалась оглянуться.

Она не думала, что кто-то мог ее тронуть.

— До нас дошли слухи об этих уродах с юга, у которых была стена, через которую никто не мог пройти. Поэтому, естественно, я захотела пройти через нее, — объяснила мне Маурья в мою первую ночь в штаб-квартире. — Ты слышала об уродах?

Я кивнула.

— Ты знаешь, где их стена?

«Ты здесь уже Бог знает сколько месяцев, и до сих пор не знаешь, где Даллас?» — подумала я, мое недоверие росло с каждой минутой. В конце концов, я решила, что не помешало бы еще раз кивнуть. Даже если наемники найдут стену, они никак не смогут пройти через нее.

Маурья легонько толкнула меня в плечо.

— Видишь? Я знала, что мне что-то в тебе нравится. Мой брат спустится, чтобы помочь нам, и он привел с собой свою банду. Тогда нас будет почти тысяча. Думаешь, этого хватит, чтобы разрушить их стены?

Я дала ей лучший кивок.

Разрушить их стены... будто она думала, что они были из кирпича. Если бы она увидела энергетический забор, окружающий Даллас, Маурья не стала бы спрашивать меня. Ее бы здесь не было, потому что она бы уже выстрелила в эту штуку и увидела, как она съедает все, что в нее бросает. Размер ее армии не имел никакого значения.

Она могла привести пятьсот тысяч наемников в Ничто, и это все равно не помогло бы им пройти сквозь стены Нормалов.

Так они себя называли: наемники. Наверное, они думали, что так звучали жестко или что-то в этом роде. Им нравилось называть меня новичком, потому что я была такой. Прошло всего четыре дня, и я уже устала от этого.

— Эй, новичок, принеси мне эту сумку.

— Кто-то оставил беспорядок в ванной. Вытри это, новичок.

— Активнее, новичок — эти отходы сами себя не вынесут.

Четыре дня, и я устала от этого.

Мое лицо не будет вечно опухшим, поэтому я знала, что мне нужно было думать быстро. Я не была согласна с тем, что убийство не было выходом. Я считала, что этих людей нужно было убивать по целому ряду причин. Но Уолтер был прав в одном: пули наемников были слишком опасны.

Даже если они не смогут попасть в Даллас, они все равно смогут уничтожить половину людей в Ничто. И некоторые из них могли быть порядочными людьми, которые не заслуживали уничтожения — например, Джон Марк и Анна. Так что мало было просто найти способ сбежать.

Я должна была разнести все это на куски, прежде чем уйду.

Я помнила, как Уолтер говорил о том, что у наемников было оборудование, которое превращало металл во все, чего они хотели, и именно так они делали свои пули. Я знала, где они хранили эту штуку — я даже видела ее. Маурья, очевидно, полностью уверенная в том, что я безропотно буду слушаться, отвела меня в подсобку на второй день моего пребывания там.

— Это называется авто-кузнец, — радостно сказала она, ведя меня в комнату. — Это одна из самых мощных технологий Старого Света, которую мы нашли на Севере, и мы берем

ее с собой всюду. Все, что нам нужно сделать, это найти где-нибудь старый аванпост, который все еще подключен к электричеству, и все в порядке.

Я едва взглянула на авто-кузнеца: мой взгляд сразу обратился к огромному складу солнечных боеприпасов, сложенных за ним. Там были ящики с кристаллами. Достаточно, чтобы снабдить небольшую армию, подумала я. И глупо было то, что наемники хранили ящики в комнате с большим стеклянным окном на потолке.

Я помнила, как смотрела на потолок, видела, как солнечные лучи падали на эти ящики, и я сразу подумала о том, насколько сильным будет взрыв.

Я не переставала думать об этом с тех пор.

Маурье пришлось щелкнуть пальцами перед моим лицом, чтобы я сосредоточилась.

— Смотри.

Авто-кузнец был меньше, чем я думала. Он мог бы довольно легко поместиться в кузове пикапа. По сути, это была печь в форме яйца с множеством металлических стержней, свисающих со дна.

Маурья бросила кучу металлолома в топку печи, и машина начала нагреваться. Когда она закипела от расплавленной жидкости, она подошла к одной из рук и щелкнула переключателем над ней.

— Это патроны мелкого калибра, — крикнула она, когда авто-кузнец начал сбрасывать патроны.

Они вывалились из его руки в круглую металлическую корзину. Каждый был идеально вырезан и все еще раскален докрасна.

— Как только они остынут, мы их загрузим. Такая простая машина, да? — добавила она с ухмылкой. — Но с этих уродов мы сдерем кожу.

Пули убивали Нормалов. Убивали их довольно сильно, на самом деле. И мне было все равно, умрут ли они. Но хоть они и обращались со мной как с мусором всю мою жизнь, они все же были лучше наемников.

Особенно, Джексона.

В нем было что-то странное. Другие наемники посмеивались над тем, что он мне понравился. Я не могла быть уверена, но это было похоже на то, что убило Брендона. Мне не везло, когда дело доходило до подобных неприятностей.

Даже переодевшись мужчиной и с избитым лицом, мне все равно случалось пересекаться с кем-то, кто чего-то от меня хочет.

Джексон появлялся везде, где у меня была работа. Он будто преследовал меня. Он никогда ничего не говорил: просто смотрел и ухмылялся. Я могла бы придумать план, как вернуться в мастерскую три раза, если бы не попытки избежать Джексона.

Сегодня утром моя удача закончилась.

Я проснулась на пару часов раньше всех, потому что моей работой было вытереть все ванные комнаты. Наемники думали, что заставить меня убирать за ними — хороший способ унижить меня за то, что я новичок. И, может, так и было, если бы я хоть немного заботилась о том, чтобы присоединиться к их банде. Но правда была в том, что я не могла бы и мечтать о лучшей работе.

Когда я брала швабру в руки, это давало мне повод идти куда угодно и делало меня невидимой. Никто никогда не обращал внимания на людей, которые убрали беспорядок — этому я научилась, будучи сборщиком мусора.

В коридоре было темнее, чем в казарме. Электрические фонари светили не так ярко, как

на башнях. Они представляли собой металлические нити, закрученные внутри стеклянных колб, и каждая лампочка была прикреплена к стене в клетке из черной проволоки.

У одной в конце коридора явно было короткое замыкание. Испускаемое им свечение было таким слабым, что было бы нечестно называть его светом. Вместо этого лампочка хрипела и угрюмо мерцала на стекле, заливая изношенную бетонную стену бледным, нерешительным блеском.

Маурье приходилось проходить под ней каждый раз, когда она шла в свои покои. Иногда она горела, пока она не пройдет, но иногда она мерцала, как только она вставала рядом. Все шло не так, когда это происходило.

Она стояла и смотрела на свет пятнадцать минут; все утро пыталась вставить новую лампочку. Казалось, она не понимала, что проблема была не в лампочке. И я не собиралась ей говорить.

Я признавала, что мне было немного радостно, когда что-то шло не так, как она хотела. Маурья могла контролировать чистоту барачков и мусор в столовой. Маленькие, простые вещи. Все остальное доставляло ей неприятности.

Живые существа, механические вещи — вещи, которые она не знала и не могла понять. Как линия провода с коротким замыканием или заключенный, который хотел кричать, будто он сел голым задом в десятигаллонную бочку с огненными муравьями. Маурья контролировала бы всех нас, если бы могла. Я не сомневалась, что она сунула бы руку в наши задницы и шевелила бы пальцами, чтобы управлять нашими ртами.

Но я не планировала иметь с ней дело так долго.

Я чувствовала себя довольно хорошо сегодня утром. Последние несколько дней я расслаблялась, не делая ничего более напряженного, чем протирание шваброй полов. Теперь боль в голове и ребрах превратилась в тупую. Я ощущала себя лучше, и я могла думать лучше.

Наверное, из-за мыслей я сделала не такой широкий поворот за угол, как обычно, и врезалась в грудь Джексона.

— Привет, Чарли. Я не ожидал столкнуться с тобой, — сказал он.

Его улыбка говорила об обратном. Он знал, что я просыпалась на два часа раньше всех, и он знал, что первым делом я шла в этот темный мерцающий коридор за шваброй. То, как были изогнуты его губы, больше всего беспокоило, что о чем-то говорило, потому что весь его жилет был в крови.

Он последовал за моей гримасой, туда, где одежда была окрашена в красный цвет.

— О да. Я подстрелил оленя. Только закончил снимать кожу и готов к завтраку. Я собирался немного оттереться, — его рука тяжело упала мне на плечи. — Прогуляйся со мной.

Когда я потянулась к блокноту, который дала мне Маурья, он покачал головой.

— Нет. Никаких оправданий, никаких важных дел — на этот раз никаких побегов чистить ванную. Нам нужно поговорить. Сейчас.

Его тон был достаточно дружелюбен, но не соответствовал предупреждению в его словах. Я чувствовала, что попала в беду.

Джексон повел меня дальше по коридору, к своим покоям. Я видела, как он входил и выходил через дверь, так что я знала, какая комната была его. Но я никогда не видела, что было внутри. И не хотела.

Еще поворот, и его рука крепче обняла меня. Его пальцы скользили, пока не оказались в опасной близости от моей груди. Все, о чем я могла думать, это Уолтер и его

предупреждение о том, что эти шлепающиеся вещи меня убьют, если я не научусь их привязывать.

Я завязывала грудь так туго, как только могла, не повреждая ребра. Но даже в самом плоском состоянии любой мужчина, схвативший меня там, ощутил бы две безошибочно узнаваемые шишки. Мне просто повезло, что я попала в ловушку с единственным мужчиной в здании, который не был бы в восторге от этого открытия.

— Мы здесь, — Джексон отпустил меня. Он открыл дверь в свою комнату и вошел, махая мне рукой следовать за ним. — Давай. Это займет всего секунду.

Я вошла — неохотно — и старалась стоять всего в футе от открытой двери.

Покои Джексона были лишь немногим меньше, чем у Маурьи. Тут была раковина, треснувшее настенное зеркало, два ящика с боеприпасами и шкаф. Вместо раскладушки у него была настоящая кровать. Матрас был довольно узкий, и его спальный мешок стоило постирать. Но рама возвышалась на добрых полтора фута над землей, что в этом кишасщем змеями уголке земли было единственным, что имело значение.

— Так... что ты думаешь? — крикнул Джексон. Он стоял между открытыми дверцами шкафа. Я не видела его, но слышала, как его одежда падала на пол. К тому времени, когда он наклонился, чтобы проверить меня, он уже был голым сверху. — Что думаешь о моих вещах?

Мне было плевать на его вещи. Но я улыбалась и кивала, надеясь, что в этом было достаточно энтузиазма, чтобы он заткнулся.

Джексон рассмеялся. Он прислонился головой к плоской кромке двери и улыбался мне — так же, как Анна улыбалась, когда я говорила что-то смешное. Мне стало тепло и радостно, когда Анна так мне улыбнулась.

Но с Джексоном это просто казалось... неловким.

— Нет, я не о комнате, — он кивнул на стену позади меня. — Что ты думаешь о моей коллекции?

Я медленно повернулась, и то, что я увидела, заставило мою кровь замереть в жилах.

ГЛАВА 32

— Что думаешь? Круто, да?

Голос Джексона достиг моих ушей и отлетел. Я не знала, что думать. Я не могла думать. Все мое тело было похоже на банку «SuperFizz», которую встряхнули и оставили на улице в жаркий летний день: я слышала, как что-то шипело внутри меня, чувствовала покалывание миллионов маленьких пузырьков, когда они лопались в моих венах. Я одновременно была гиперчувствительна и полностью оцепенела.

Это было самым тревожным, что я когда-либо видела.

Некоторые люди украшали стены шкурами животных. Уолтер так делал, но никогда не мог их как следует высушить, поэтому они всегда оказывались вонючими. Не было ничего необычного в том, что где-то висела шкура коровы или оленя.

Но ближняя стена комнаты Джексона была покрыта чем-то другим.

Человеческие скальпы — скальпы с еще прикрепленными к ним волосами. Они висели друг над другом в четыре аккуратных ряда: темные, светлые, брюнетки и рыжие. Волосы на каждой голове были подстрижены до одинаковой длины и заплетены в идеальную косу. Количество скальпов пугало... но сколько времени он провел, прикасаясь к ним, придавая каждому из них форму?

Это беспокойство было таким сильным, что я просто не могла его понять.

— Они прекрасны, да? У меня есть по одному каждого цвета, — сказал Джексон. Он указал на ряд блондинок. — Это заняло вечность. Я нашел парочку на западе, но не находил остальных, пока мы не наткнулись на уродский грузовик несколько месяцев назад. Не могу дождаться, когда сюда спустится брат босса, — добавил он с ухмылкой. — Мы найдем их маленький лагерь, а затем очистим... его.

Я рассеянно кивнула. Мой желудок мутило, бурлило опасное количество кислоты между складками. Я специально старалась не смотреть на ряд блондинок. Я знала, что если я это сделаю, то снова увижу распростертые на земле тела полицейских без скальпов.

Я слышала мух.

Запах смерти...

Я быстро прикрыла тошноту кашлем.

— Потребовалось много времени, чтобы научиться этому. Людей не заготовить так, как, скажем, оленей или что-то в этом роде.

Я слышала дребезжание ремня Джексона, затем серию тонких лязгов, когда его штаны упали на пол. Я знала этот звук. Это звук издавала связка ключей, когда кто-то стучал ими друг о друга. Говард имел обыкновение звенеть каждый раз, когда шел по длинному коридору в мою лабораторию. Вряд ли он когда-либо использовал их, чтобы открыть что-то: он, вероятно, просто хотел, чтобы я знала, что он шел.

Если связка ключей была в кармане Джексона, то один из них мог открыть комнату авто-кузнеца. Я запомнила это, пока он продолжал говорить:

— Мы выбрали долгий путь на юг. Вырезали что-то вроде зигзага вперед и назад, грабя на ходу. Я видел почти все, что можно было увидеть. Мы были далеко на западе, прежде чем спустились сюда — далеко на запад, почти по ту сторону океана. Ты знала, что там едят людей?

Он наклонился и ждал, пока я не покачала головой.

— Ну, да. И они на самом деле их едят — и не только если они голодают или если их кто-то разозлил. Они едят их, как вы, ребята, едите коров. Они выращивают людей только для еды, понимаешь? Держат их в больших загонах, кормят их. Потом, когда они становятся достаточно взрослыми или жирными... — он провел черту поперек горла, — прямо как корову.

Я запомнила, что нельзя было заходить слишком далеко на запад. На самом деле, я думала, что просто сотру букву W со своего мысленного компаса.

— По дороге на запад мы подобрали пару полезных людей — так же, как и тебя, — сказал он, подмигивая. — Один из них был мясником. Я сохранил ему жизнь, пока он учил меня всему, что знал о дублировании кожи. А потом я, э-э... ну, ты понимаешь.

Он провел еще линию поперек горла, и его глаза жадно впились в мои. Я начала наклоняться к дверному проему, когда он расплылся в усмешке.

— Эй, все в порядке. Расслабься. Я не собираюсь тебя есть.

Джексон захлопнул шкаф. Он разделся до грязных трусов, что меня обычно не пугало. Я насмотрелась на потрепанную коллекцию Уолтера и посчитала себя крепкой. Но нижнее белье Джексона доказывало, что я ошиблась.

Они были слишком узкими и короткими. Что было как-то более оскорбительно, чем иметь большую дыру в заду.

Джексон подошел к раковине и пустил воду на минуту. На его плечах и груди были шрамы — одни были тонкими и белыми, а другие — сморщенными и красными. Его грудь и

живот были такими же волосатыми, как и его руки. Удивительно, как его борода стала такой неоднородной, когда все остальное было покрыто так, будто он отрастил зимний покров.

— Ах, в какой-то момент мне придется принять настоящий душ. Но пока этого достаточно, — он напоказ брызнул водой на лицо и шею. Затем он позволил этой воде скатиться в волосы на его груди.

После быстрого мытья он вытащил из-под раковины нож. Он был острым с обеих сторон и с острым концом. Он провел ножом по щекам и подбородку, несколькими легкими движениями соскребая волосы с лица.

Я знала, что он делал. Этого слова не было в моем языке, но это не означало, что я не слышала шума. Я должна была выбраться отсюда, пока не стало совсем неудобно.

— О... я хотел узнать, не захочешь ли ты помочь с поставками, которые Маурья собрала в конце недели, — сказал Джексон, когда я подняла свой блокнот. — Она бы спросила тебя напрямую, но она очень занятая женщина.

Это звучало крайне подозрительно для меня. Сбежать вряд ли выйдет. Джексон, вероятно, снова пытался остаться со мной наедине — в том месте, где его никто не будет прерывать. Но я была согласна пойти, потому что я планировала сбежать к тому времени.

— Хорошо, — сказал Джексон.

Он вернулся к царапанию, а я пробралась к коридору.

— Можешь заняться своими делами, если хочешь. Это все, что мне нужно — ах, блин, — Джексон опустил нож на край раковины. Он держался за лицо, будто только что поранил себя. — Возьми вон то полотенце, ладно? Я не хочу забрызгать весь пол кровью.

Я тоже не хотела, чтобы он капал, потому что это означало, что мне придется вернуться. И я не хотела снова оказаться в этой комнате, если могла. Я сделала четыре шага к шкафу, схватила полотенце и повернулась.

Он успел встать между мной и дверью.

Джексон смотрел на меня сверху вниз, закрывая ее. Мы были одни. В комнате было спокойно, тихо.

Но пространство между нами было в огне.

Он пересек брешь. Три шага против моих четырех. Я старалась сохранять спокойствие.

Джексон остановился на расстоянии вытянутой руки. Он наклонился так близко, что я ощутила запах соли в порах его головы.

— Эй... Я так и не поблагодарил тебя за то, что ты — хорошая лошадка, да? Ты много выиграл для меня, — он скользнул мозолистой рукой под мой подбородок и заставил меня встретиться с ним взглядом. — Итак, раз ты был добр ко мне, я собираюсь помочь тебе.

Это было плохо. Все это было плохо для меня. Мое сердце и мой разум соревновались, кто из них может загнать себя насмерть. Если я нападу на Джексона, вот и все — вся идея составления плана рухнет. У меня не будет дней, чтобы выбраться отсюда: у меня будет час. Может, меньше.

Единственным другим вариантом было посмотреть, как долго я играть с ним, прежде чем меня поймают.

Словно отвечая на этот вопрос, его покрытые щетиной губы царапнули мою шею.

— Да, я помогу тебе, Чарли. Держись за меня, и никто никогда не будет связываться с тобой...

Это происходило слишком быстро.

Его руки сжали мою талию, сдавливая воспаленные ребра и сотрясая меня внезапным

приступом боли. Он прижался лбом к синякам на моих щеках. Я прикусила губу и старалась не кричать. Я все еще держалась за надежду, что он отпустит меня, и у меня будет еще несколько дней, чтобы все спланировать.

Затем Джексон притянул меня к себе. Я пыталась двигать бедрами, но не успела. Он прижался ко мне. И все.

Мы обменялись краткими шокированными и разочарованными взглядами, прежде чем он буркнул:

— Ч-что за черт? Ох!

Я ударила лбом о его нос и отвернулась.

Я побежала на чистом адреналине, забыв о ранах. Его кулак пронесся мимо меня, едва не задев мое ухо. Мне пришлось отпрыгнуть в сторону, чтобы избежать его второго удара. Третий ударила меня по плечу так сильно, что я знала, что останется полосатый синяк.

Джексон сорвался. Он ничего не удерживало. Он шел за мной со всей силой, на которую был способен, словно его единственной целью было размазать мои кишки по полу. Каждый удар, который он наносил мне, мог оказаться смертельным. Я с трудом оставалась вне его досягаемости.

— Остановись! — прорычал он. И поскольку он не смог ударить меня, вместо этого он направил кулак в дверцы шкафа. — Не двигайся!

Услышав треск дерева, увидев, как осколки падали на его голую грудь, Я не хотела стоять на месте. Я убежала от пути его атаки, и Джексон с силой врезался в свою коллекцию скальпов. Если бы эта стена была сделана не из бетона, он бы пробил ее насквозь.

— Тебе отсюда не выбраться, — шипел он, и в его голосе звучала пугающая смесь угрозы и спокойствия. — Я убью тебя, маленькая паршивка.

Его характер был выставлен напоказ: глаза налились кровью, лицо побагровело — горячая красная струя лилась из разбитого носа. Она стекала по изгибу его верхней губы и окрашивала щели между зубами. Он грубо провел по ним языком. Его грудь набухла. Вены вздулись на шее.

Когда он снова пошел за мной, он двигался шагом — медленным, целеустремленным шагом. Его руки были согнуты рядом с ним, и весь его вес приходился на подушечки стоп. Эту позицию занимал Уолтер, когда пытался поймать крыс в Логове.

Джексон перешел черту слепой ярости и теперь был сосредоточен на смертельном ударе. Я прижалась к задней стене, как дура. Комната была слишком мала, чтобы увернуться от него, когда он был так прикован ко мне. Он подождет, пока я двинусь, а потом — бац! Раздавит мой череп ладонями.

Единственная крыса, которая убегала от Уолтера, — это крыса, которая кусала его в ответ. Это было опасно, но это был мой единственный выход.

Я прижалась к раковине, глядя на Джексона — пальцы искали рукоять ножа.

— Не делай этого, — сказала я, пытаюсь звучать отчаянно. — Пожалуйста, не делай мне больно.

— А, смотрите, оно говорит, — прорычал он. Его глаза вспыхнули, а шаги ускорились. — Я должен был пустить тебе пулю в ухо, когда у меня был шанс.

Он выбросил руку, быстро, как хлыст свернувшейся змеи. Кожа между его большим и указательным пальцами врезалась мне в горло с такой силой, что моя голова откинулась в зеркало. Свет вспыхнул в моих глазах; красный цвет набух на шее Джексона и покрыл его лицо.

Он усилил хватку.

— Да, я убью... я у...

Моя голова гудела так сильно, что я не могла открыть глаза, но я слышала, как он изо всех сил пытался дышать. Я слышала, как он задыхался, влажный булькающий звук густой жидкости, стекающей ему в горло. Вероятно, он пытался позвать на помощь. Вероятно, он пытался кричать.

Но он не мог, потому что его легкие до краев были наполнены кровью.

Вот что бывало, когда тебе между ребер втыкали нож.

— Ах... как...

Его хватка ослабела, и моя голова перестала гудеть достаточно, чтобы я смогла посмотреть.

Глаза Джексона были устремлены в мои — выпученные от шока, мокрые от боли. Он смотрел на меня так, будто я только что ударила его ножом в спину. Что смешно, потому что моя цель была лучше.

Я немного повернула нож, ровно настолько, чтобы срезать немного мяса с его ребер. Эффект был похож на постукивание по бочке.

Кровь подступила к его горлу и вытекла между губ. Он кашлял, заливая мое лицо и стену позади меня горячей красной пеной. Я уперлась рукой в его грудь и использовала нож как своего рода рычаг, чтобы направить его к кровати.

Он тяжело рухнул. Джексон дрожал, его руки сжались, как мертвые пауки, безнадежно цепляясь за горло. Выражение его лица представляло собой смесь гнева и страха. На мгновение он выглядел почти человеком. И это сбilo меня с толку.

Я выдернула нож быстро, вместо того, чтобы сделать это медленно.

Свежий поток крови хлынул из его рта, когда он попытался застонать.

— Ш-ш-ш, — я прижала палец к его губам, — заткнись, ладно?

Я толкнула его вниз и повернула плечи, пока он не лег на бок, лицом к стене.

— Прости, Джексон. Я такая, — сказала я, прижимая нож к его горлу. — Извини, что у меня нет времени снять с тебя скальп.

Нож скользил с небольшим сопротивлением. Его кровь брызгала на стену тремя сильными струями. Когда она замедлилась, я отпустила его. Джексон мгновение ерзал, пока захлебывался. У него кончится воздух задолго до того, как кончится кровь. Вероятно, это был не самый безболезненный путь и определенно не самый достойный, но все же это было намного лучше, чем он того заслуживал.

Я следила за ним, пока копалась в шкафу. Я поменяла грязную куртку на новую и закатила рукава, чтобы скрыть тот факт, что она была немного великовата. Как только я разобралась с одеждой, я прошла к раковине.

Я не была готова к тому, что увидела в зеркале. Моя голова оставила паутину трещин посередине, но я все еще могла видеть свое отражение. Женщина, смотревшая на меня, прошла через ад: все ее лицо было в шишковатых зеленых синяках, весь лоб — в царапинах, над левой бровью проходил дугой белый шрам, а под обоими глазами были черные каньоны в форме полумесяца. Ряд красных синяков пересекал ее шею — следы хватки Джексона.

У этой женщины когда-то были веснушки. Я знала это. Но прямо сейчас я едва могла разглядеть их сквозь кровь.

Вода немного помогла. Мои руки дрожали, когда вода скользила в ладони. Я убрала кровь Джексона и зачистила царапины до тонких красных линий. Затем я закрутила волосы

и заправила их в шляпу. Я ничего не могла сделать с синяками.

— Эй, Джексон, ты еще не умер?

Он не дышал. Я наблюдала несколько секунд, но его тело не двигалось. Я использовала нож, чтобы уколоть его сзади в ногу — наполовину потому, что хотела, а наполовину, чтобы убедиться, что он был мертв. Затем я вернулась к шкафу, чтобы обыскать его карманы.

Я была права. Тот звук, который я услышала, когда он спустил штаны, исходил от связки ключей. Десять ключей свисали с кольца, и они были похожи друг на друга. Я просто надеялась, что один из них откроет заднюю комнату.

Я понятия не имела, сколько времени прошло с тех пор, как я покинула барак, но это не имело значения. Время шло на убыль с тех пор, как я убила Джексона. Теперь я должна была сделать все возможное, чтобы уничтожить авто-кузнеца, и сделать это быстро.

Если я успею сбежать до того, как все взорвется, то я не буду считать ни секунды своей жизни как должное.

* * *

— Ну же, давай.

Почему последнее, что я пробовала, всегда работало? Почему не работало первое?

Я потратила целую минуту, втыкая ключи в дверь задней комнаты. Девять из них подвели меня, но десятый, наконец, повернулся. Я пробралась внутрь и на секунду перевела дыхание.

Я сунула нож Джексона себе в ботинок и оставила его мертвым в его комнате с выключенным светом. Я даже нашла время, чтобы запереть дверь на случай, если кто-нибудь попытается войти. Как только я убедилась, что его не найдут, я схватила свою швабру и пошла в заднюю комнату — так быстро, как только могла, чтобы никто не подумал, что я устраивала проблемы.

В коридорах по-прежнему было тихо. Если не считать охранников у ворот, я будто была единственной, кто не спал. Но я не рисковала.

Мои ребра скрипели, а легкие торопливо втягивали воздух. Это была вина моего сердца: именно оно всасывало весь адреналин и выплевывало его в мои вены, как наркотик. Казалось, я приняла три синие таблетки Уолтера и запила виски.

Лучше не станет. Примерно через десять секунд попыток успокоиться я поняла, что боль не утихнет. Я должна была просто смириться с этим и двигаться дальше.

Солнце вот-вот взойдет. Я посмотрела в окно в потолке над авто-кузнецом и увидела, что небо уже стало серым. Кристаллам не нужно было много солнечного света, чтобы взорваться; первая вспышка рассвета, вероятно, сделает это. А это значило, что у меня было всего несколько минут, чтобы все подстроить.

Это было интересно для меня. Я не знала, почему, но угроза полного испарения в солнечном взрыве вызывала у меня восторг. Я открыла ящики и высыпала патроны на пол.

Кристаллы были запечатаны в специальный алюминиевый корпус. Он был предназначен для защиты от солнца и отражения тепла. Загрузка солнечных боеприпасов в патронник пистолета прокалывала эту оболочку и позволяла кристаллу иметь контролируемую реакцию на солнце. Но меня не интересовал какой-либо контроль.

Я хотела, чтобы этот взрыв был максимально разрушительным.

Алюминиевая оболочка толщиной с бумагу очень легко снималась, поэтому ящики с солнечными боеприпасами можно было открывать только в помещениях без окон. Как только я вытащила все ящики, я начала чистить.

На полу валялись, наверное, тысячи кристаллов вокруг авто-кузнецца. Я надеялась, что если я очищу несколько из них, по крайней мере, двадцать, они лопнут с достаточной силой, чтобы разрушить оболочки кристаллов вокруг них. Идея состояла в том, что это вызовет волну взрывов, каждый из которых будет больше и сильнее предыдущего.

Я начала чистить пятнадцатый кристалл, как вдруг руку обожгло. Я бросила его и смотрела, затаив дыхание, как он начал дрожать. Другие кристаллы, которые я очистила, тоже дрожали: они звенели по бетонному полу, трещины толщиной с волос вздулись по бокам их синей кожуры.

Я ошибалась: эти кристаллы не собирались ждать первых лучей зари.

Они взорвутся в любую минуту.

Я забыла о боли, забыла о жгучей боли в ребрах. Я использовала ручку швабры, чтобы подняться на ноги и вылететь из двери, захлопнув ее за собой. Затем я развернулась, чтобы побежать, и врезалась в Маурью.

Она только вышла из душа. Я видела это, ее волосы все еще были мокрыми. Она ругала меня за то, что я ударила ее, а затем, казалось, поняла, что я была там, где не должна была находиться.

— Эй! Кто разрешил тебе находиться в этой комнате, новичок? — рявкнула она на меня.

Я не знала, что делать. Пот впитывался через поля шляпы Уолтера и стекал по моему лицу. Я могла думать только о том, какой я буду мертвой и хрустящей, если не уйду от этой двери прямо сейчас.

Я подняла швабру и связку ключей, надеясь, что хотя бы один из них даст Маурье ответ, который ей был нужен, чтобы она ушла с моей дороги.

Она зарычала и выхватила ключи из моей руки.

— Я сказала Джексону не есть там. Если он хотел бутерброд, он мог съесть его в столовой, как и все остальные. Спасибо, что прибрал, Чарли, — крикнула она мне, уходя. — Я накричу на Джексона — проследи, чтобы он больше так не делал.

Я не могла вернуться тем путем. Пройдет меньше минуты, и Маурья найдет окровавленный труп Джексона. Так что я должна была прорваться через столовую.

Этот путь был длиннее, и по меньшей мере десять человек хотели, чтобы я остановилась и что-нибудь для них убрала. Но я просто качала головой, сжимала швабру и притворялась, что должна быть где-то еще.

Странно, но я не чувствовала боли. Я знала, что мое тело выло из-за того, как быстро я неслась через столовую и как я практически врезалась в боковые двери. Но страх погибнуть в огненном взрыве затмевал все остальное. Я могла чувствовать только жар, исходящий от моего колотящегося сердца, и какую-то массу в передней части головы, от которой ледяная сосредоточенность текла по венам на моей шее.

Только выбравшись из штаба во двор, я начала беспокоиться о том, как мне выбраться отсюда.

Ворота были открыты. У входа стоял грузовик; его водитель обменивался шутками с одним из охранников башни. Я могла бы пробежать через ворота, но я не уйду далеко, меня поймают. Мне нужна была машина.

Затем, будто удача Уолтера, наконец, перешла на меня, я услышала, как справа от меня заскрипели тормоза.

Рядом со мной остановилась какая-то машина. У нее была крошечная кабина и четыре

огромных колеса. Ее ноги широко вытянуты рядом с телом, подобно тому, как пропеллеры водяного жука торчали из его середины. И машина скользила по земле так же плавно, как водяной жук скользил по воздуху.

Она стояла возле небольшого бетонного здания перед штаб-квартирой. Связка проводов была намотана на круглые катушки, висящие на стенах здания. Наемник, который вел машину, оставил ее включенной, пока втыкал один из проводов в отверстие над задним левым колесом машины.

Когда наемник направился в столовую, я увидела свой шанс. Я размахивала шваброй и торопливо шла к машине...

— Остановите его!

Маурья выбежала из двери штаб-квартиры. На ее руках была кровь, а в темных глазах — ярость. Она отыскала меня взглядом за две секунды и схватилась за бедра.

У нее не было пистолетов. Она только вышла из душа, поэтому еще не взяла их. Я понимала, что мне повезло, и побежала изо всех сил.

Наемник, который вел машину, выскочил передо мной, сжимая пальцы, чтобы схватить меня за руки. Я ткнула концом своей швабры ему в нос и услышала, как он сломался с резким треском. Во второй раз он согнулся пополам и порвался, я выхватила пистолет из его пояса.

И мне повезло — у него был револьвер.

— Остановите его! — завопила Маурья, когда я запрыгнула в машину. Она выхватила винтовку из рук ближайшего охранника и направила ее на меня.

Я знала, куда она собиралась целиться, потому что она сказала нам, что всегда целится туда.

Я уклонилась.

Выстрел Маурьи со скрежетом пронесся над моей головой и разбил лобовое стекло.

Затем я нажала на газ в машине.

Она поехала быстро, что от силы моя голова откинулась на сиденье. Еще одна пуля пронеслась так близко, что я ощущала, как ветер трепал мои ресницы. Я снова опустила голову и поехала к воротам.

Водитель грузовика пытался уйти с дороги, чтобы ворота могли закрыться. Он увидел, как я приближалась, и повернулся, чтобы закрыть мне путь носом. Теперь пули летели отовсюду. Они выбивали все стекла из машины и искрили о раму.

Я увидела торчащий передо мной грузовик и изо всех сил выкрутила руль. Мир расплылся, машина вращалась. Она обогнула грузовик дикой буквой «С» и полностью развернулась с другой стороны.

Я переключила ее на задний ход и вылетела из ворот задом наперед, имея всего пару дюймов в запасе. Я развернулась и пытаюсь переключить передачу, когда мне прострелили ведущую руку.

Вся конечность сжалась в огненной боли; мои пальцы обмякли. Я не знала, кто в меня попал, и у меня не было времени искать. Я прижала раненую руку к груди, а другой увозила себя от штаб-квартиры.

Они собирались следовать за мной. Они не остановятся, пока не убьют меня. Я видела этот взгляд в глазах Маурьи и не удивилась, когда она загрузила кучу своих наемников в грузовик и помчалась за мной. Если бы они были секунд на восемь медленнее, все бы погибли.

Я видела в зеркало заднего вида, как вся задняя часть штаба взорвалась. Желто-оранжевые огненные шары вспыхнули с крыши. Взрыв за взрывом сотрясали землю и разрывали стены до основания. Штаб взорвался с таким шумом, что все ощущения вылетели из моих ушей. Куски металла и бетона осыпали дорогу передо мной.

Последний взрыв сотряс землю так сильно, что машина отскочила от земли. Когда она снова упала, боли стало достаточно, чтобы вырубить меня.

Я не продумала это. Я не знала, где была, и я не знала, куда направлялась. Земля вокруг штаб-квартиры была густо засажена деревьями. Я не могла разобраться, пока не уехала от них. Кровь хлестала из моего плеча с такой скоростью, что все стало нечетким. Я оглянулась — я надеялась, что, увидев, как их дом разнесло на куски, наемники перестанут преследовать меня.

Они замерли на секунду.

Потом Маурья высунулась из кабины, что-то прокричала, и грузовик поднял пыль за мной.

Я не собиралась это делать. Машина была куда быстрее грузовика, но я была почти уверена, что красная лампочка, мигающая над рулем, означала, что она была почти разряжена — возможно, поэтому наемник подключил ее к стене. Я выглянула в боковое зеркало и увидела, как на ветру хлестал оторванный провод. Я понимала, что теперь я не смогу зарядить аккумулятор.

Когда в этой машине закончится электричество, наемники поймают меня. Я могла только держать ногу на газу и мчаться к деревьям. Мне уже повезло больше, чем я того заслуживала, но теперь я надеялась на что-то замечательное. Я надеялась, что когда я вырвусь из деревьев, я увижу ответ.

Я цеплялась за эту мысль, прокручивая ее в уме сосредоточенно.

«Пожалуйста, — думала я. — Еще один шанс. Просто дай мне еще один шанс».

Я не знала, с кем говорила... но мне дали ответ.

Машина вылетела из-за кромки деревьев, и я увидела плато. Она замерла настороженно над равнинами, его безошибочная форма сияла в свете восходящего солнца. Я увидела штуку, распростертую передо мной, и засмеялась, несмотря на боль в легких.

Я знала, где я была.

И я знала, куда шла.

ГЛАВА 33

Я умру сегодня.

На этот раз я действительно умру. В мире не было аварийного дока, который смог бы меня спасти, даже если бы он был у меня под рукой. И я думала, что мне будет грустнее из-за перспективы конца, но это было не так. В конце концов, мы все умирали.

По крайней мере, я знала, что моя смерть будет что-то значить.

Тела вокруг контрольно-пропускного пункта были обглоданы дочиста. Я не могла сказать, кто был Граклом, а кто падом. Вокруг валялись кости, отполированные солнцем и раздавленные в пастях животных. Пятно крови на траве было смыто потоком зимних дождей.

Сегодня было холодно, и я была рада этому. Снаружи в холодную погоду мое тело было будто обернуто льдом: это успокаивало мои раны и замедляло кровь. Я сняла куртку и намотала ее на пулевое ранение на руке.

Машина остановилась в двадцати ярдах от входа в будку. Я слышала, как грузовик

наемников разрывал дорогу позади меня. Они были примерно в миле отсюда. Я выпрыгнула из машины и побежала к блокпосту. Я уже была на полпути вниз по винтовой лестнице, когда услышала, как тормоза грузовика с визгом перешли на парковку.

Пады порвали экран и кучу приборов на КПП. По всему полу были разбросаны стекло и куски металла. Но ярко-красная пуговица все еще была целой.

Я замерла на секунду, прежде чем нажала ее. Я пыталась придумать любой другой способ убить наемников, что-нибудь, что могло бы уберечь меня от того, чтобы быть разорванной кучей экзокостюмов — и именно это произойдет, если я нажму эту кнопку. Без брони с отметкой сканирования на передней части костюмы будут преследовать меня, как и всех остальных.

Человеческой природе было свойственно созерцать уровень боли, вызванной тем, что все четыре конечности были вырваны из суставов, и вполне естественно было хотеть сделать что-то, чтобы этого избежать. Но я не могла придумать другого способа уничтожить наемников. И они должны быть уничтожены. Они должны умереть.

Если я не убью их всех, они смогут вернуться.

Я делала это для Ничто.

Револьвер, который я украла, был пустым. Некоторое время я думала, что смогу нажать на кнопку и уйти, прежде чем почувствую настоящую боль. Но когда я открыла пистолет, чтобы проверить, сколько у меня патронов, я увидела, что патронник был пустым.

Я думала, поэтому наемник погнался за мной вместо того, чтобы стрелять.

— Чарли! — выла Маурья с верхней ступеньки лестницы. — Я знаю, что ты внизу — и я знаю, что ты в ловушке. Я уже грабила подобные контрольно-пропускные пункты и знаю, что есть только один выход.

«Да, такой ты еще не грабила», — и с этой мыслью я нажала на кнопку.

— Поднимайся по лестнице медленно, подняв руки, и я не буду стрелять сразу, — сказала Маурья.

Я должна была тянуть как можно дольше, потому что мне было нужно, чтобы наемники оставались поблизости, пока не придут костюмы. Так что я сделала, как она говорила, и меня так грубо схватили наверху лестницы, что я чуть не потеряла сознание от боли. Черные точки выступили перед глазами. Я лишь мельком увидела то, что происходило вокруг меня.

Меня потащили по грязи. Кто-то поднял меня и резко бросил на землю. Во всю спину впилась металлические прутья — не холодные от непогоды, а как-то согретые. Мои запястья болели. Их зажали по бокам и сдавили спереди и сзади.

Что-то холодное плеснули мне в лицо, и я внезапно проснулась.

Наемники привязали меня к решетке машины. Мои запястья были широко раскинуты по обеим сторонам тела и крепко связаны с изогнутыми концами решетки. Я не могла сосредоточиться на их лицах. Солнце встало за их головами, и от этого все они казались тенями.

Наконец, кто-то сел на корточки передо мной и сильно ударил меня по лицу.

— Ответь мне! — кричала Маурья. — Кто послал тебя за нами? Какая банда?

— Банда? — простионала я.

Она снова дала мне пощечину.

— Я знала, что с тобой что-то не так. Кто умеет писать? Но я на это попала, — в ее глазах читался яд, она добавила, — Ты... все испортила.

— Я... знаю, — ответила я, ухмыляясь. Какой смысл стараться не злить ее? Мы все

равно все умрем.

Маурья больше не била меня. Она встала и опустошила обойму винтовки на землю рядом с моей ногой.

Шум был оглушительным. Он ранил мои уши, они звенели. Я должна была кричать, чтобы пережить боль. И я ощутила облегчение, когда, наконец, услышала пустой щелчок.

Но мое облегчение длилось недолго.

— Принеси мне еще обойму, — рявкнула Маурья. Она присела и закатила мою штанину. — Я начну здесь, а потом я буду работать над тем, что-то немного... важнее.

Я не знала, что она имела в виду. Затем она приставила ствол винтовки к моей ноге, и я услышала шипение. Я почувствовала запах еще до того, как ощутила боль — и это была острая, калечащая боль. Такая боль, от которой у меня перехватило бы дыхание, если бы я не была уже в двух шагах от смерти.

— Скажи мне, кто тебя послал.

— Меня никто не посылал, — сказала я с захлебывающимся смехом. — Мне просто нравится взрывать вещи, и вы казались теми людьми, которые заслужили это.

Маурья схватила меня за горло. Я ощутила, как ее ногти впились почти до крови.

— Послушай меня, маленькая зараза...

— Босс! — закричал один из наемников. — У нас неприятности.

По земле позади наемников расцвело еще больше теней. Я чувствовала гром в задней части своих ног, когда экзокостюмы бросились на нас. Они двигались так же, как люди, даже лучше, чем люди, потому что их длинные конечности перепрыгивали равнины в два раза быстрее, чем человек.

Красные огни вырвались из их оружия и ударили по наемникам. Их огромные, похожие на когти руки сгибались в идеальном унисоне — будто они двигались с одним разумом.

И единственной мыслью в этом разуме было убить.

— Просто стреляйте в них, — нетерпеливо сказала Маурья.

Наемники пытались, но это не помогло им. Как только они увидели, как их пули отлетали от костюмов, они потеряли твердость духа.

— В грузовик! — закричала Маурья. — Вернитесь туда!

Она и еще один наемник забрались в кабину — остальных порвали на куски.

Я старалась не смотреть. Я видела так много крови в своей жизни, и я не хотела, чтобы еще больше крови было последним, что я увижу. Поэтому я смотрела на небо, на то, как раннее солнце касалось облаков и окрашивало их мягкость в колеблющиеся оттенки золота.

Я не отвела взгляд. Части тела шлепались на землю рядом со мной, и волны горячей крови били мне в лицо. Даже когда я услышала, как костюмы ломали грузовик, как старую консервную банку, а крики Маурьи исчезли в хрусте ее костей, я не отводила глаз от облаков.

Я хотела смотреть на что-то прекрасное в момент смерти. И я не...

— Ах!

Острая боль пронзила меня за глазом. Эта боль отличалась от боли в остальном теле: горячая и заряженная, будто она поражала новый набор нервов, по которым еще не били. Это была та же самая боль, которую я испытала, когда жук попытался просканировать меня своими датчиками.

Я опустила взгляд с неба и увидела склонившийся надо мной экзокостюм. Он не нападал на меня, не сдирал плоть с моих ног. Просто наклонился.

Его сканер скользил туда-сюда по моему лицу, скелет внутри сильно бился о стекло шлема. Я не знала, что делать. Глаз убивал меня болью, и я не могла его закрыть. Я не могла защитить его от сканирующего света.

Что он пытался сделать? Изжарить меня?

Наконец, свет угас, и боль прекратилась. Костюм все еще не убил меня. Я слышала, как в его груди лихорадочно щелкали механизмы. Через мгновение он сказал:

— Обнаружена Аномалия, — чирикнул роботизированный голос. — Отряд X1-37, пожалуйста, явитесь на Двенадцатый объект для технического обслуживания.

Вода...

И все. Одно это слово было на губах Мэтта. Только это шевелило их, единственное высказывание, ради которого стоило тревожить волдыри и трещины. Его губы двигались вокруг этого слова, шепча, будто это было священное пение, которое удерживало его на ногах.

И если он проживет намного дольше, это будет чудом.

Мэтт уехал слишком далеко на запад. Если бы он остался на маршруте Тревога, он бы, по крайней мере, нашел тень. Но была только одна дорога через запад. Один путь, который делил пустыню на две бесконечные полосы пустой земли. Только одна метка на горизонте — и, сколько бы он ни шел, Мэтт не мог приблизиться к ней.

Он был не первым путешественником, совершившим эту ошибку. Машины, остановившиеся вдоль дороги, были заполнены высохшими на солнце трупами. Вероятно, они забрались в салон, чтобы укрыться от солнца, или им не повезло, что они были за рулем, когда разразился вирус. Некоторые из них были мертвы так давно, что их кожа стала дряблой.

Некоторые из них были еще довольно свежими.

На дороге впереди собрались канюки. Они толпились вокруг раздутого трупа, хватались за корм клювами и запрокидывали лысеющие головы, чтобы куски протухшего мяса скользили им в глотку.

Мэтт даже не посмотрел на канюков, пока брел... но они определенно наблюдали за ним. Будто они чувствовали, насколько он был близок — будто они уже отсчитывали минуты, ожидая, когда он сдастся и умрет. И после нескольких часов гниения на этом солнце его кожа будет в самый раз.

Вода...

Вчера он думал, что мир был покрыт водой. Она блестела вокруг него и расплескивалась по дороге. Теперь он знал, что то, что он видел, было лишь игрой его глаз. Это был солнечный свет, отражающийся от Ничто.

Плаща Мэтта давно не было. Как и его рюкзака, и его пистолетов и мачете. Он бросил все несколько миль назад, когда подумал, что больше не мог идти. Только с одной вещью он не мог расстаться — единственный знак, что он не сдался.

Шум разрезал безмолвный воздух. Мэтт настолько привык к хитrostям этой пустыни, что поначалу не замер. Он, шатаясь, прошел несколько сотен ярдов, прежде чем понял, что шум никуда не исчез. Он становился ближе и громче.

Значит, он был настоящим.

Когда Мэтт повернулся — и чуть не упал от усилий — он увидел вереницу машин, направляющихся к нему. Похоже было на полицейский караван: пара пикапов, несколько байков и один чудовищный грузовик, прямо как из военного фильма.

Всего несколько часов назад Мэтт развернулся бы и убежал при виде других людей. На земле не осталось ни одного порядочного человека. Все были убийцами. Все до последнего. А Мэтт пока выживал только потому, что не приближался к ним: он просто бежал.

Но не в этот раз.

— Вода... — прозвучал стон, сухой шепот. Мэтт поднял руку и повторил это снова, когда машины приблизились. — Вода... вода... в-вода!

Наконец, он нашел в себе силы закричать. Он поднял обе руки и кричал, когда байки поехали мимо него. Он протянул руку и хлопал ладонями по борту грузовика, но он не остановился. Последний грузовик — у него были достаточно большие колеса, чтобы раздавить его. Но Мэтт все равно выбежал перед ним.

Грузовик бросился на него коротким рывком, прежде чем в последнюю секунду вырваться на другую полосу. Проехал близко. Так близко, что мог легко сломать Мэтту руку, если бы водитель повернул руль вправо. Сила монстра, проносащегося так близко, сбила его с ног. Он споткнулся о край дороги, прежде чем рухнуть в канаву.

Караван ехал. Никто не останавливался. Никто не помогал. Они даже не затормозили.

Мэтт отдал все, что у него осталось в нем. Он отдал все оставшиеся силы, пытаясь привлечь внимание каравана. А теперь он сдался.

Он лежал в канаве и стонал в опустошенную землю:

— Вода... вода...

Мэтт не замечал последние машины в караване. Двое мужчин на полицейских мотоциклах ехали позади этого чудовищного грузовика, спрятанные в хвосте пыли. Первый байк пронесся мимо Мэтта без оглядки, рассыпая гравий по спине его ветхой рубашки.

Но второй затормозил.

Его тормоза зашипели, а двигатель задумчиво тарыхтел, пока не поравнялся с Мэттом. Через мгновение холостого хода рядом с ним мотоцикл выключился.

— Эй, гражданский. Ты потерялся?

Мэтт вытащил голову из грязи и попытался искоса посмотреть на мужчину на мотоцикле. Раскаленное добела солнце светило над его головой, отбрасывая тень на тело мужчины.

— Мне нужна вода.

— Да, похоже на то, — мужчина спешился и стащил шлем, который аккуратно опустил на сиденье велосипеда. Он обошел и начал рыться в сундучке, приваренном над задним колесом.

Что-то странное было в его одежде. Несмотря на бушующую жару, на этом мужчине был длинный пыльник, а на ботинках у него были шпоры. Мэтт их не видел, но его голова в замешательстве качалась из-за ритмичного звона, сопровождающего его шаги.

— Ну вот, — сказал мужчина через мгновение. Он вытащил из сундучка две большие потные бутылки. Их очищенное содержимое блестело на солнце. — Я знал, что у меня есть лишние...

— Шериф! — закричал кто-то. Мужчина на первом мотоцикле вернулся. Он мчался по неправильной стороне дороги и аккуратно остановился рядом с ними. Его голос рычал через динамики на шлеме. — Вы не должны разговаривать с гражданскими.

— Но он хочет пить, — настаивал шериф, встряхивая бутылки. — Разве мы не должны помогать людям, когда они в этом нуждаются?

— Не гражданским, — сказал мужчина в шлеме. — Если у них нет надлежащего удостоверения личности или если они не пытаются передать какую-то нелегальную технологию.

Шпоры звенели, шериф постучал ботинком. Через мгновение его затемненная голова повернулась, чтобы кивнуть Мэтту.

— Как насчет этого, гражданский? У тебя есть какие-нибудь технологии, которые ты хотел бы сдать? Есть постоянная награда за все незаконное или неприемлемое.

— Шериф... — предупреждающе зарычал мужчина в шлеме.

Мэтт с большим беспокойством наблюдал за их обменом мнениями. Прежде чем ответить, он грубо ущипнул кожу на руке, словно пытаясь убедиться, что все еще был в сознании.

— У-у меня есть это, — он полез в карман и достал Куб Тревора. Он хранил его все эти долгие месяцы, несмотря на трудности, которые ему пришлось пережить. Были времена, когда он почти бросал его... но по какой-то причине он никогда не мог заставить себя сделать это. — В этом кубе есть вещи из Интернета.

— Интернет незаконен?

— Полагаю, что так. Это... это определенно неприемлемое.

Шериф одобритительно кивнул.

— Ну ладно, мне этого достаточно.

Он подошел к Мэтту и присел перед ним. Солнце все еще отбрасывает тень на его лицо. Но теперь, когда он подошел поближе, некоторые его черты проступили: шериф был сытым и очень чистым — чище, чем кто-либо, кого Мэтт видел с ноября. И он был поразительно красив.

Красив, как кинозвезда.

Это не имело смысла. Как мог человек, который выглядел таким чистым и здоровым, жить в глуши? К тому же он был гладко выбрит, а это значило, что ему было, что терять.

Мэтту пришлось снова ущипнуть себя.

— Если ты просто передашь этот куб сюда... — шериф протянул руку. Это была идеально чистая рука без мозолей и ни пятнышка грязи под ногтями.

Мэтт осторожно опустил Куб в середину ладони шерифа. Его руки были красными и шелушились, костяшки пальцев были покрыты коркой после последней схватки. На подушечках его пальцев было так много кожистых узелков, что он едва мог сжать кулак. И его ногти были черными со слоями грязи.

— Спасибо, — сказал шериф, сжав Куб. — Теперь, полагаю, ты захочешь какую-то награду за то, что сдал это, а? Что я могу предложить?

Мэтт ошеломленно смотрел, пока шериф не помахал бутылкой у него под носом.

— Вода, — прохрипел он.

— Шериф, вам не следует раздавать припасы полиции гражданским, — жаловался человек в шлеме, когда Мэтт взял бутылки. — Мы должны сдать все на переработку...

— Пара глотков не повредит, — нетерпеливо перебил шериф. Он наблюдал, как Мэтт наклонил первую бутылку и выпил половину ее содержимого, не переводя духа. — Как тебя зовут, гражданский?

— Мэтт, — выдохнул он. Он наклонил бутылку, чтобы сделать еще один быстрый глоток, прежде чем сказать. — А вас?

— Блейз.

— Для гражданских — шериф Торн, — поправил человек в шлеме. Он указал на дорогу, где караван почти скрылся из виду. — Нам нужно двигаться дальше. У нас расписание, которое нужно соблюдать.

— Да, через минуту. Позволь мне войти в систему.

Мэтт почти задохнулся, когда Блейз вытащил из кармана второй куб и включил его.

Проекция чистого листа бумаги явно выступила из его верхней части — неиспорченная вирусом.

— Ваши Кубы все еще работают? — сказал он с оттенком удивления в голосе.

— Конечно, работают. Почему нет? — со смехом сказал Блейз.

Мэтт покачал головой, его рот безвольно свисал в бороде.

— Но АВА больше нет. Все мертво. Вы не должны быть в состоянии... — он таращился на Куб, и его пальцы впились в футболку. — Это не должно работать. Его не должно быть.

Блейз нахмурился.

— Что такое АВА?

— Что значит...?

По выражению лица Мэтта было видно, что он не верил в это. Все знали про АВА. Ек пользовались все. Она была в их домах, в машинах, в школах, в армии — пациенты доверяли ей свою жизнь в больницах. Даже люди, которые жили на островах посреди океана, имели доступ к АВА.

Она была везде.

Так что мысль о том, что кто-то о ней не слышал... была невозможной.

— Откуда вы? — спросил Мэтт через мгновение.

— Мы не можем обсуждать это с гражданскими, — рявкнул мужчина в шлеме.

И на этот раз Блейз, похоже, согласился.

— Да, он прав. Мы не можем.

Но Мэтт не унимался.

— Почему вы не можете мне сказать?

— Потому что это против протокола, — просто сказал Блейз.

— Протокол...? — что-то озарило лицо Мэтта — осознание, которое заставило его вскочить на ноги. Он обошел Блейза и повернулся спиной к солнцу. И впервые Мэтт ясно увидел лицо шерифа.

Он был поразительно красив. Это была не просто игра света. Блейз был мускулистый, его черты лица были высечены властными линиями. Его кожа была бледной, совершенно не тронутой солнцем. И на его лбу не было ни капли пота.

Его единственным недостатком и, возможно, единственным, что делало Блейза реальным, было облако веснушек на его лице. Они тянулись от макушки до основания шеи. Они были у него даже на руках. Они были достаточно темные, чтобы резко выделяться на его бледной коже. Некоторые люди могли бы даже сказать, что такое количество веснушек было неприглядно или отвлекало. Но Мэтт почти не смотрел на них.

Он смотрел в глаза Блейзу — в четкие белые линии, которые вырываются из его зрачков и растворялись в глубинах глубокого неестественного синего цвета.

Через секунду Мэтт начал дрожать.

— Ты... ты...

Он не смог закончить это предложение. Он был так потрясен, что не мог закончить его. Мэтт схватил с земли бутылки с водой и бросился бежать. Он убегал от двух странных мужчин на мотоциклах, от ужасных тайн, скрывающихся на западе. Изношенные подошвы его ботинок шлепали по асфальту, когда он бежал, и он не оглядывался.

Блейз наблюдал, как он убегал, его темные брови приподнялись с любопытством.

— Необычный парень, да?

— Вот почему вам не следует разговаривать с гражданскими, — сказал мужчина в

шлеме. — Вот почему у нас есть протокол. Не следовало говорить с ним.

— Да, возможно, — Блейз выключил свой куб и спрятал его. Он покрутил Куб Тревора в ладони, хмурясь. — Как думаешь, что такое Интернет?

— Я не знаю, и не наша работа — знать. Шериф... — человек в шлеме на мгновение замолк, — могу я сказать кое-что личное?

— Конечно, давай.

Еще одна пауза.

— Вы знаете, что я вас уважаю.

— И я ценю это.

— Вы — честный лидер и сделали много хорошего для Далласа. Но вряд ли вы остались прежним после аварии.

Оба мужчины стояли в тишине еще более продолжительной паузы. Блейз крутил куб в руках, а мужчина в шлеме неподвижно сидел на мотоцикле.

— Вы знаете, что мэрия попросила меня присматривать за вами, — продолжил человек в шлеме. — И как ваш заместитель, я хочу, чтобы вы выздоровели. Я уделил вам много внимания — я никогда не сообщал об инциденте, который произошел у нас на выходе.

— Инцидент, который ты начал...

— Но как офицер полиции я должен выполнять свою работу.

Блейз медленно обернулся. Глубокие части его глаз стали ядовито-синими.

— Что ты хочешь сказать, О'Брайен?

Человек в шлеме не дрогнул и ответил:

— Сначала мэрия решила не обращать внимания на ваши нарушения, потому что считала, что это временно. Но недавние события показали, что они постоянны. Вы продолжаете демонстрировать тревожный уровень безрассудства и полное презрение к протоколу. У меня нет другого выбора, кроме как подать отчет.

— Презрение? За то, что напоил жаждущего человека? Давай, — Блейз улыбнулся, пряча куб в карман. — Не думаю, что все так серьезно.

— Это нарушение протокола, — настаивал О'Брайен.

— Нет. У него была нелегальная техника, которую нужно было сдать...

— Но гражданский должен подойти к офицеру в такой ситуации. Никогда не бывает наоборот.

Блейз покачал головой.

— Глупости, — он взмахивал ногами сильнее, чем нужно было, когда возвращался к своему мотоциклу.

— И это не все, — сказал О'Брайен, махнув ему рукой. — Не нужно и ненормально так ходить. Вы никогда не вели себя так раньше.

— Ну, если это самое худшее, что есть, думаю, со мной все будет в порядке, — Блейз сунул руки в длинную сумку, пристегнутую к боку его мотоцикла. Из ранца донесся слабейший щелчок, но он перекрыл шум громкой жалобой. — Со мной все будет хорошо, — обещаю. Меня не должны ударить во второй раз.

— Простите, шериф, — твердо сказал О'Брайен. — Но это последний раз, когда вы будете ездить с полицией. Когда мы вернемся в штаб-квартиру, я собираюсь предложить вам досрочно выйти на пенсию.

Блейз смотрел вдаль, на стайку канюков, которые жадно кружили вокруг очередного свежего трупа.

— Да, видишь ли... Меня это не устраивает. Что-то случилось со мной, когда меня ударили. Я не знаю точно, что это было, но я знаю, что с тех пор я не был в порядке с этим.

— С чем?

— Даллас, — тихо сказал Блейз. — Что такое Даллас, чем он занимается. Я не знаю... это просто больше не кажется правильным.

Он вздохнул, но это не совсем перекрыло пронзительный стон, доносящийся из ранца.

— Шериф? Нет...!

О'Брайен выхватил револьвер из-за пояса и дернул рычаг. Блейз вытащил из сумки заряженный дробовик и обернулся.

О'Брайен выстрелил три раза.

Блейзу нужно было выстрелить только один раз.

— Ах... ах... — О'Брайен растянулся за своим мотоциклом, пальцы слабо сжали рану.

Перезаряженный луч вырвался из конца дробовика и пробил в его груди дыру размером с голову. Он пробил его броню и вырвался из спины. Тепло от луча, возможно, прижгло его кровеносные сосуды... но большая часть его органов была обуглена и разбросана по асфальту позади него, и он не проживет долго.

Блейз получил три луча в грудь своего плаща, вокруг его сердца. Это были хорошие выстрелы, но О'Брайен не зарядил их достаточно, чтобы пробить броню класса полиции. У него не было времени.

Дым поднимался от обугленных колец над его сердцем, но Блейз, похоже, этого не замечал. Он смотрел на О'Брайена и сказал:

— Прости. Я знаю, что ты просто пытался делать свою работу. Ты не умеешь делать что-то еще... но, клянусь, что исправлю это, — его челюсти сжались, когда он добавил. — В следующий раз жизнь будет лучше.